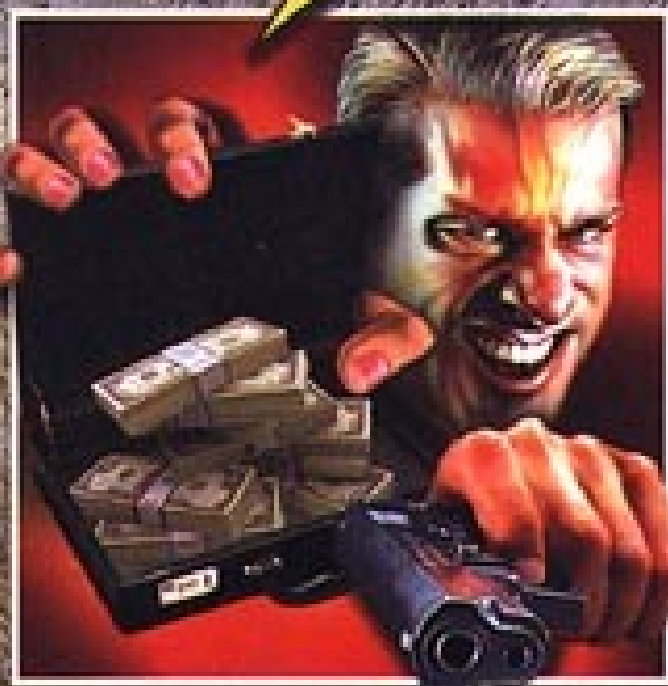


СЕРГЕЙ  
ДОНСКОЙ



# Диккий ФРАЕР



ИЗДАТЕЛЬСТВО

# Annotation

Вор у вора чемодан украл. Точнее, бизнесмен у бизнесмена – так это нынче называется. Не простой чемодан – баксами набитый. И стал он переходить из рук в руки. В чьи руки попадет – тот непременно умрет дурной смертью. А с одним, вы не поверите, вообще обошлись исключительно по-турецки: на кол посадили! Но и это не охладило охотников до чужого, особенно богатеньких: им ведь всегда мало. Ну, а на выдумки кто хитер? Голь. Вот она и выдумала, как это сокровище оприходовать.

# Сергей Донской

## Дикий фраер

*Все герои этой книги выдуманы, хотя и не мной, а самой жизнью.*

*И не моя вина, что нынешние герои такие, какие они есть.*

*Вернее, это не только моя вина.*

*Мы все в ответе.*

*Автор*

# Глава 1

## Железная сделка

Офис курганской фирмы «Сталь» обнаружился в захудалом подвале жилого дома. Навес над узкой выщербленной лестницей, ведущей вниз, почему-то отсутствовал, и перед ржавой железной дверью скопилась лужа дождевой воды. Кто-то заботливо уложил посреди бурого озерца пару кирпичей, на которых приходилось балансировать в ожидании того торжественного мига, когда дверь распахнется, приглашая войти внутрь.

– Жмотье! – выругался Костя, опасливо взгромоздившись на кирпичи и нажимая кнопку звонка. – Вот же жмотье проклятое!

В этот момент он вспомнил, что где-то поблизости может таиться всевидящая камера наружного наблюдения, и скоренько поменял брюзгливое выражение лица на нейтральное, деловитое. Если вам что-то померещилось, то я не виноват, господа хорошие! Вот он я, весь как на ладони. Бизнесмен среднего пошиба, в меру упитанный, в кашемировом полупальто цвета бордо, при внушительном кофре о золоченых замочках. На ногах достаточно солидные башмаки с квадратными носами. То, что они перепачканы жидкой осенней грязью, еще не свидетельствует о моей несостоятельности. Может, машина за углом оставлена, чтобы не колесить новехонькими данлоповскими шинами по загаженному до невозможности двору. Главное – я здесь, а в кофре покоится заветная папочка с интересующими вас бумагами...

Так мысленно оправдывался Костя, терпеливо дожидаясь, когда его впустят и проведут к господину Лехману, владельцу фирмы «Сталь».

Когда дверь с неприятным скрипом открылась, он решил, что сейчас мутный поток хлынет внутрь помещения, но этого не случилось: обитатели подвала, оказывается, предусмотрели на этот случай высоченный порог.

«Лучше бы навес соорудили!» – желчно подумал Костя, проворно

перепрыгнув с шатких кирпичей на спасительную твердь. При этом ему показалось, что брюки между ногами подозрительно затрещали по шву, и он решил, что не станет снимать в офисе пальто, чтобы не всплыли возможные огрехи его гардероба.

Впустил его в подвальные тенета высоченный парняга с гренадерской выправкой, светлыми волосами и лицом настолько простодушным и наивным, что Косте немедленно захотелось ему что-нибудь втереть, втюхать, впарить. Например, гражданство какого-нибудь несуществующего государства с экзотическим названием, баксов эдак за пятьсот. Но у парня навряд ли хоть раз в жизни скапливалось в карманах так много денег. Кроме того, цель Костиного визита была слишком грандиозной, чтобы размениваться по пустякам.

– Доброе утро. – Он лучезарно улыбнулся, украдкой обтирая грязные подошвы о линолеум. – Могу я видеть господина Лехмана?

– Запросто, – пожал внушительными плечами привратник. Потом вспомнил, для чего он здесь поставлен, и неумело нахмурил светлые брови. – Вы это... по какому вопросу? Откуда?

– Фирма «Бриз», – с достоинством отвечал Костя, слегка приподняв высокобленный до нежной голубизны подбородок. – Мы условились о встрече по телефону. Лехман меня ждет.

– Тогда проходите.

Костя протиснулся мимо него бочком и двинулся вперед, высматривая в длинном узком коридоре что-нибудь похожее на приемную. Но хлипкие фанерные двери все были одна в одну – ободранные, непрезентабельные. Вытертый до дыр линолеум на полу как нельзя лучше гармонировал с общим убогим интерьером.

Остановившись в нерешительности посреди подвала, Костя услышал за спиной повелительное:

– Прямо!

Ему почудилось, что коридор – тюремный, а за спиной грозный надзиратель. Косте ни разу не доводилось бывать за решеткой, бог миловал, но он всегда помнил, от чего не следует зарекаться на Руси,

тем более при его специфической профессиональной ориентации. И, если всплывали в фильмах сцены мрачного эзовского быта, он в суеверном ужасе обязательно прокручивал кассету дальше или вовсе выключал видеомэгнитофон.

Ибо, несмотря на вполне невинное прозвище Филиппок, Костя был не в ладах с законом. Одно время он занимал не самое последнее место в группировке самого Хана, рэкетирского пугала Курганска и его окрестностей. Являлся тогда Филиппок таким путеводным лоцманом, рыбешкой мелкой, но довольно опасной, учитывая маячащую где-нибудь поблизости акулю пасть.

Был у Кости грозный покровитель, да сплыл. Отправили его однажды, как водится в криминальных кругах, завоевывать авторитет в мире ином, а бывший главный специалист по разводу лохов остался не у дел. Сбрил он усы, после чего во рту отчетливо проглянули его кроличьи зубы, настороженно огляделся по сторонам и стал мало-помалу учиться выживать самостоятельно, переключившись на индивидуальную трудовую деятельность. А началась она, родимая, с мелких махинаций, которых в любимом отечестве было напридумано столько, что никакая Шехерезада не перечислила бы их за отведенные ей тысячу и одну ночь.

Свое самое удачное и крупное самостоятельное дело Костя провернул на одной из круглосуточных платных автостоянок. Загнал туда как-то поздним вечером алый джип «Чероки», поставил его на указанное охранником место, расплатился за месяц вперед и удалился, беззаботно помахивая трубкой сотового телефона. Средства передвижения и связи были взяты напрокат в трудовом коллективе некоего Стингера, который раньше бригадирствовал у Хана, а после его смерти избрал масть полного отморозка и беспредельщика.

Через пару недель после Костиного визита стоянку посетил неприметный молодой человек с бычьим наклоном головы, продемонстрировал документы на «Чероки» и укатил в неизвестном направлении. А еще несколькими днями позже, в ту же смену, что и в прошлый раз, на площадке опять объявился Костя и принялся рыскать повсюду, тревожно высматривая свой исчезнувший джип. Вызвав на место происшествия хозяина, оказавшегося смазливym молодым человеком с идеальным пробором в темных волосах, Костя красочно расписал ему все многочисленные достоинства любимого автомобиля, а потом, ожесточившись лицом, назвал сумму неустойки: 40 000 долларов

США.

Документы на джип были при Косте, квитанцию он предусмотрительно сохранил, да и запись охранников в журнале никуда не делась. В дополнение к этим аргументам за спиной истца нетерпеливо перетаптывались неприязненные заступники, наизусть зазубрившие фразу про ответственность за автомашины, припаркованные на стоянке. Рассказы предыдущей смены о незнакомце с документами на джип вызывали у Костиных спутников сначала скептические ухмылки, а потом все возрастающее раздражение и тягу к рукоприкладству и членовредительству.

В общем, деньги из незадачливого владельца стоянки были выбиты в полном объеме и поделены согласно предварительной договоренности. Костя, как автор идеи и главный исполнитель, отгреб ровно половину.

Располагая такой кругленькой суммой, он вежливо распрощался с братками Стингера, заявился к родителям в новом дорогом костюме и с ними распрощался тоже, поскольку приобрел себе собственную двухкомнатную квартиру, которую намеревался отремонтировать и обставить в кратчайшие сроки.

Тогда Косте не хватило денег на машину, но теперь он собирался восполнить этот вопиющий недостаток. Тот завидный куш, к которому посчастливилось приблизиться почти вплотную, сулил не просто любую тачку на выбор, но и массу других радужных перспектив, начиная со свиты манекенщиц с ногами от пупа и заканчивая яствами с такими умопомрачительными названиями, что от одной мысли про них язык наполнялся жадной, голодной слюной.

И будущие несметные богатства поджидали Костю в затхлом сыром подвале, назвать который офисом постеснялись бы даже здешние крысы!

– Вот в эту дверь напротив, – подсказал замешкавшемуся Косте голос привратника за спиной, после чего он бодро переступил последний порог, отделяющий его от светлой мечты.

Кабинет простирался больше в высоту, чем в длину или ширину. Оклеенный дешевыми обоями с давно увядшими ромашками, обставленный допотопным канцелярским гарнитуром с обязательным

несгораемым шкафом в углу, он настроил Костю на унылый лад. В этой дыре, где не стрекотали принтеры, не курлыкали многофункциональные телефоны и не гудели компьютеры, с трудом верилось в наличие колоссальной суммы, предполагаемой намеченной сделкой.

Озадачивал также крайне скудный штат фирмы: развратной наружности девица с размазанной по подбородку помадой и пожилой еврей в клетчатом пиджаке, восседавший за исцарапанным столом на фоне необъятной карты Российской Федерации. В этом проглядывала некая символика. На мгновение Косте почудилось, что на дворе стоит горячая предвыборная пора и он находится на съемках пропагандистского ролика известного олигарха.

Костя с трудом оторвал взгляд от карты и задержал его на следующей достопримечательности кабинета – пепельнице в виде золотой рыбки, зев которой был доверху набит окурками. Отметив про себя, что хозяин кабинета курит, однако не что-нибудь, а «Парламент», Костя растянул губы в улыбке и произнес хорошо поставленным баритоном состоятельного мужчины, приближающегося к сорокалетнему рубежу:

– Здравствуйте.

Вместо того чтобы ответить на приветствие, предполагаемый Лехман похлопал свою шлюху-секретаршу по обтянутому брючками задку и ласково распорядился:

– Сообрази-ка нам чайку, Юлечка.

– Если можно, то лучше кофе, – с достоинством попросил Костя, без приглашения опустившийся на стул с драной обивкой.

– Нельзя, – ответил Лехман без тени смущения. – Кофе закончился.

«А на новый денег не хватает?» – съехидничал Костя мысленно. Вслух же он произнес совсем другое:

– Что ж, обойдусь чаем.

Высокомерно фыркнув, развязная девица оставила мужчин наедине. Как легко было догадаться, отправилась совать вряд ли стерильными руками кипятильник в банку с ржавой водой, которой, может быть, предварительно подмоется. Чаю Косте сразу расхотелось. Он вообще



жалел о том, что появился в этих мрачных катакомбах.

Хозяин кабинета словно и не замечал, как привередливо крутит носом его посетитель. Сверкнув явно керамическими зубами, он поощрительно улыбнулся и сказал:

– Итак, обсудим наши дела, уважаемый Константин... – Тут последовала пауза, проиллюстрированная вопросительно приподнятыми бровями, мохнатыми и подвижными, как пара гусениц.

В детстве Костя давил таких десятками, размазывая их подошвами по асфальту.

– Кузьмич, – мгновенно нашелся он. – Константин Кузьмич Давыдов.

Нынешний паспорт достался ему от неведомого тезки, сына Кузьмы с бравой гусарской фамилией. На этот чужой документ была зарегистрирована фирма с ветреным названием «Бриз». Так что теперь Костя был при печати, уставных документах и даже свой банковский счет зазубрил наизусть для пущей важности.

– Константин Кузьмич, – согласно кивнул собеседник. – А я тот самый Лехман Михаил Иосифович, с которым вы так долго общались по телефону. Но пришло время познакомиться поближе, верно? – Он дружелюбно хохотнул и склонил голову к клетчатому плечу, откровенно любуясь посетителем.

– Верно, – подтвердил Костя. – Такое время пришло, и оно, знаете ли, поджимает. – Он выразительно посмотрел на хозяина кабинета.

– Хуже всего, когда не хватает не времени, а денег. – Тон Лехмана был наставительным, как у царя Соломона, диктующего писцу свои притчи. – Вы со мной согласны, уважаемый?

– Целиком и полностью, – ответил Костя.

Эмоциональная кривая его настроения резко пошла в гору. Лехман завел речь о деньгах без тени смущения или неуверенности, что говорило в его пользу. А невзрачный антураж, как начал догадываться Костя, был нужен этому хитрецу для маскировки, в лучших традициях гражданина Корейко. Ни одна тварь не унюхала бы в этом подвале запах больших денег. Костя машинально втянул ноздрями воздух, но, кроме

слабых канализационных ароматов, действительно не уловил ничего.

— Чай, — очень кстати объявило пышногрудое дитя подземелья, возвратившись в кабинет с деревянным подносом, имитирующим хохломскую роспись столь же удачно, как теплая отечественная водка — японское сакэ.

Обе чашки оказались разных расцветок и конфигураций, а ложки и сахарница не были предусмотрены здешним этикетом. Костя хотел полюбопытствовать, присутствует ли в бледном напитке что-нибудь помимо редких чаинок, плавающих на поверхности, но сдержался, опасаясь нарваться на невозмутимое: «Сахара нет, закончился».

Прежде чем удалиться, девица поставила перед мужчинами чашки, щедро пролив при этом чай на стол. Точно шкодливая кошка лужицу оставила, брезгливо подумал Костя и тут же мысленно похвалил себя за предусмотрительность: молодец, что сразу не выложил документы. Ведь бумаги у него были что надо, подлинные, освященные размашистыми подписями и печатями.

Обзаведясь фирмой, он направился напрямиком в государственный трест «Вторчермет», где легко пробился на прием к управляющему. По причине полной запущенности учреждения бизнесмены были здесь редкими гостями, поэтому к Косте отнеслись с вниманием, даже устроили ему ознакомительную экскурсию по территории.

Ничего более интересного, чем раскуроченные локомотивы, списанные комбайны, насквозь проржавевшие бульдозеры и прочие неподъемные крупногабаритные экспонаты, на площадке, продуваемой всеми ветрами, не наблюдалось. Все, что можно было погрузить и вывезти, давно исчезло в доменных печах, а новые партии лома на базу не завозились, поскольку поставщики шарахались от государственных закупочных цен как черт от ладана. Перекупщики рассчитывались за лом щедро и сразу, так что конкурировать с ними не было никакой возможности.

Слушая тоскливую исповедь управляющего трестом, Костя для виду приценился к имеющемуся в наличии железу, и тут собеседник угрюмо признался, что последние циркуляры вообще запрещают ему отгружать лом частным фирмам, принуждая снабжать сырьем металлургический комбинат.

Произнеся последнюю фразу, управляющий внезапно озлобился, выбросил вверх сжатую в кулак правую руку, пристукнул по локтевому сгибу ребром левой и предложил неизвестно кому выкусить известно что.

Выяснилось, что металлурги недоплатили тресту сто миллионов рублей с гаком и погашать задолженность не собираются.

– Предлагают готовую продукцию, – возмущался управляющий, – а кому она на хрен нужна по таким непомерным отпускным ценам? Куда я арматуру дену? – пылко спрашивал он Костю. – Раздам работникам вместо зарплаты?

– Это не проблема, – заявил Костя важно, – на то и существуем мы, отечественные бизнесмены.

В результате был оформлен соответствующий договор, согласно которому фирма «Бриз» забирала у металлургического комбината готовую продукцию на общую сумму задолженности, а с трестом рассчитывалась деньгами. Для полного комплекта Костя обзавелся также письмом, в котором управляющий трестом уведомлял директора металлургического комбината о том, что прокат должен быть отгружен по реквизитам, указанным фирмой «Бриз».

Так Костя, которому отныне паролем служило волшебное словечко «взаимозачет», оказался вхож во все нужные кабинеты комбината.левой публике, не допущенной к кормушке свыше, продукция предлагалась по таким непомерным ценам, что волосы дыбом вставали. Нагрузили и Костю – по полной прейскурантной программе. Он не кочевряжился, заказывал и швеллер, и уголок, и арматуру. Подписал еще один договор, разжился заодно складской справкой о наличии готовой продукции, которая уже грузилась в вагоны. Сигналом к отправке первого состава должно было послужить извещение «Вторчермета» о поступлении денег от фирмы «Бриз». Но это была устная договоренность, никак не отраженная на бумаге.

Заварив такую крутую коммерческую кашу, Костя принялся названивать по объявлениям, выискивая платежеспособного покупателя. Он отдавал прокат по смешной цене – 130 долларов за тонну, но просил рассчитаться наличными сразу за всю партию. Торговал себе в убыток, желая выручить за 16,5 тысячи тонн стального ассорти 2

145 000 долларов, тогда как все это добро стоило минимум в полтора раза дороже.

Тут и всплыл этот самый Лехман, которого названная сумма ничуть не обескуражила. Несколько раз Костя общался с ним по телефону, уточняя сроки и согласовывая железнодорожные реквизиты получателя. По неизвестным причинам Лехман долго уклонялся от личных контактов, удовлетворившись факсимильными копиями документов, которые позволяли навести справки и удостовериться в том, что фирма «Бриз» не гоняет воздух попусту. Наконец он известил партнера о готовности расплатиться. От Кости требовалось лишь письменное подтверждение того, что получателем проката является отныне фирма «Сталь». И сегодняшние переговоры в лехманском бункере должны были завершиться обменом нескольких белых бумажек на пачки серо-зеленых, с портретами дядюшки Франклина.

Это сладостное предвкушение вполне заменяло Косте недостаток сахара в сомнительном напитке, который, повинувшись настоятельным напоминаниям Лехмана, все же приходилось время от времени прихлебывать.

— Еще чаю не желаете? — любезно осведомился Лехман, выставив на обозрение собеседника все богатое металлокерамическое оснащение своей ротовой полости.

«Нет! — мысленно отрезал Костя. — Денег желаю, морда твоя семитская!»

— Спасибо, достаточно, — вежливо ответил он и решительно бухнул на стол кофр, из которого извлек прозрачную целлулоидную папку. — Здесь оригиналы документов. Можете ознакомиться. Удостовериться, так сказать, в моей благонадежности.

— Зачем? — Лехман состроил оскорбленную мину почтенного семьянина, которому предложили подглядывать сквозь щелочку за переодевающимися подружками его дочери-школьницы. — Я и на комбинате не поленился побывать, и в тресте... Все в порядке, уважаемый! Я вам верю! — Еще не доведя свое пылкое признание до конца, он все же полез в папку, откопал там письмо о переадресовке проката и уткнулся в нее носом, чуть ли не обнюхивая каждую строчку. — Угу, угу, — приговаривал он, а, дочитав текст, поднял глаза на Костю и

одобрительно произнес: — Что ж, это то, что от вас и требовалось. Каковы будут наши дальнейшие действия?

— Задаток, — напомнил Костя, едва сдерживаясь, чтобы не заорать от нетерпения. — Сто сорок пять тысяч.

— Был такой уговор, — подтвердил Лехман. — А отгрузка когда?

— Сразу после получения задатка. — Костя заерзал на жестком стуле и несколько раз сменил переплетение ног, выдавая свое твердое намерение завязать их на мертвый узел и не сходить с места до тех пор, пока его требование не будет выполнено.

Несмотря на подозрительную нервозность, сквозившую в его поведении, пока что он говорил чистую правду. Вчера вечером Костя навестил управляющего трестом и предложил ему эти самые сто сорок пять тысяч за то, чтобы он дал команду об отгрузке, не дожидаясь перечисления всей суммы. Мужик моментально все понял, обильно вспотел и, перейдя на эзопов язык иносказаний, дал свое согласие. Но тут номер с отсрочкой платежа не проходил, о чем недвусмысленно говорил выразительный прощальный взор управляющего.

Теперь Костин взгляд приобрел очень сходное выражение, отчего его блекло-голубые глаза наполнились извечной тоской дворянки, ожидающей подачи... или удобного момента выхватить ее зубами у зазевавшегося доброхота любой ценой. Даже вместе с доверчиво протянутой рукой.

Он жаждал сделаться миллионером с той всепоглощающей страстью, которая по накалу могла сравниться с вождением оскотенного евнуха, мечтающего поиметь весь вверенный ему гарем. И вот наконец долгожданное счастье оказалось таким близким и доступным, что Костю едва не коржило от преждевременных сладостных спазмов.

Бизнес, он как коллективный секс — наибольшее удовольствие получает главный инициатор. Впрочем, остальные участники коммерческой групповухи, затеянной Костей, тоже не рисковали остаться неудовлетворенными. Лапу сосало лишь государство, которое было для всех остальных партнеров понятием таким же мифическим, как, скажем, затонувшая Атлантида. Если все-таки запоздало возбуждаться правоохранительные органы и пожелают получить свою порцию

удовольствия, то флаг им в руки, трехцветный – так полагал Костя. Ищите-свищите потом истинного основателя фирмы «Бриз», это все равно что ветер в поле ловить!

Из задумчивости его вывел сделавшийся необыкновенно скрипучим голос Лехмана.

– Задаток, – произнес он с унылой обреченностью человека, вынужденного расстаться с деньгами. – И когда я увижу вас после вручения денег? Заметьте, со всеми необходимыми отгрузочными документами.

– Через три часа, – твердо сказал Костя. – Максимум – через четыре.

Мохнатые лехманские брови сползли почти вплотную, когда он сказал:

– Лучше через четыре. Прежде чем расплатиться полностью, я должен удостовериться, что хотя бы один состав вышел с территории комбината.

– Как скажете.

Тяжело вздохнув, Лехман не менее тяжело встал, обогнул стол, запер дверь на ключ и достал из стенного шкафа красивый серый кейс, который бережно водрузил на стол. Выставил нужные цифры кода, щелкнул замками. Смерил Костю подозрительным взглядом и после некоторого колебания продемонстрировал содержимое чемоданчика. Там лежали аккуратные пачки стодолларовых купюр, теснящиеся, как шпроты в банке.

– Гм, – кашлянул Костя, прочищая внезапно сузившуюся гортань. – Кха!

– Вся сумма, – просто сказал Лехман. – Но считать будете потом. Сейчас просто получите свои... – он выхватил из чемоданчика несколько пачек, покоившихся отдельно в полиэтиленовом мешочке, и закончил: – ...сто сорок пять тысяч.

– Здесь все? – Костин голос предательски дрогнул, сорвался на пионерский фальцет, каким хорошо петь про «орленка-орленка», но не очень удобно общаться с деловыми партнерами.

– Не сомневайтесь, – успокоил его Лехман. – Как в швейцарском банке.

В его тоне сквозило превосходство безвылазного завсегдатая цюрихских финансовых закров, прямо дедушка Ленин какой-то!

Костя поймал себя на желании схватить протянутые деньги и бежать сломя голову, не дожидаясь добавки. Но он взял себя в руки. Слишком крупное дело проворачивалось, чтобы свести все к заурядному кидалову. Костин куш стоил почти в четырнадцать раз больше, и в придачу он находился прямо перед глазами, которые было невозможно оторвать от набитого деньгами чемоданчика.

Заметив застывший Костин взгляд, Лехман проворно убрал свои кровавища от греха подальше и напомнил:

– Вам надо спешить.

– Да, конечно, – очнулся Костя, пряча задаток в кофр, алчно чмокнувший замками. – Я могу идти? – спросил он как-то очень уж повоенному. Оставалось только каблуками прищелкнуть.

– Разумеется. Разве кто-то вас держит? – Лехман скупой улыбнулся и растопырил в воздухе пальцы: ручки-то вот они.

– Тогда до свиданья.

– А вот прощаться не будем, – нахмурился Лехман, который, кстати, не расщедрился и на приветствие. – Мы, надеюсь, ненадолго расстанемся?

Его взгляд внезапно преисполнился недоверчивой задумчивости. Испугавшись, что сейчас все пойдет прахом, Костя заторопился:

– Мне пора. Нужно всюду успеть.

– Непременно, – согласился Лехман, открывая дверь. – Надеюсь, что так оно и будет.

Поймав на улице извозчика, Костя помчался в трест «Вторчермет», где его баульчик полегчал ровно на сто сорок пять тысяч, собственными ушами услышал, как управляющий переговорил по телефону с

директором комбината, и ринулся отслеживать свои составы. Несколько часов кряду он как ошпаренный носился по многочисленным службам комбината, сулил материальные поощрения, торопил, уговаривал, умолял, а его кофр тем временем пополнялся все новыми и новыми документальными подтверждениями реальности отгрузки.

С целой кипой накладных и распечаток номеров вагонов Костя вернулся обратно и уже в начале третьего дня нетерпеливо нажимал звонок перед знакомой ржавой дверью.

«Жаль, сумку не догадался по дороге прихватить, кофр может оказаться чересчур мал, – сетовал он, выжидательно раскорячившись на кирпичах над бурой лужей. – Но ничего, этот старый еврей свой чемодан отдаст, не обеднеет. Если уж на то пошло, то я ему заплачу. Хоть целую сотню. Теперь я могу тратить ежедневно и больше».

Платить, однако, было некому, а тратить в общем-то особо нечего. И запасная сумка Косте не пригодилась, потому что никто не спешил загружать в нее долларовые брикеты. Не открывалась железная дверь, хоть лбом в нее бейся! Стояла перед Костиными глазами, неподвижная и безразличная к его эмоциям.

Тщетно он пытался вдавить омертвелую кнопку звонка в каменную стену, напрасно барабанил в дверь кулаками, каблуками и даже мокрым кирпичом, поднятым из лужи. Ни ответа не было, ни привет.

Но Костя еще долго стоял по щиколотки в холодной воде, часто шмыгая носом и с горечью понимая, что насморк – не главная беда, которая приключилась с ним сегодня. Даже хронический простатит был сущим пустяком в сравнении с масштабами постигшей Костю катастрофы.

Его кинули. Облапошили, непринужденно и красиво, как дремучего таежного отшельника, позарившегося на выигрыш в лохотроне при первом же посещении столичной ВДНХ. Остановить отгрузку металлопроката было невозможно, поскольку юридически фирма «Бриз» уже потеряла на него все права. Отслеживать в одиночку вагоны и искать Лехмана в пункте назначения было по меньшей мере наивно. Поезд, как говорится, ушел. Ту-ту-уу! Чух-чух-чух!

Бесцельно пошлявшись по двору еще около часа, Костя побрел в



отвратительно чавкающих башмаках прочь, а в голове его заезженной пластинкой крутилась издевательская поговорка про синицу в руках, которая лучше журавля в небе. Стоило лишь изгнать из мыслей назойливую синицу, как ее сменил недолго потанцевавший фраер, сгубленный собственной жадностью.

– Амбец, – причитал новоявленный фраер вполголоса. – Полный амбец с абзацем в придачу.

По возвращении в свой маленький холостяцкий рай Костя безглаголюще выпил стакан коньяка, соорудил парочку внушительных бутербродов и, пережевывая их без привычного вдохновения, постарался убедить себя в том, что, несмотря на всякие неприятные сюрпризы, жизнь прекрасна (протяжный горестный вздох) и удивительна (короткое сардоническое хмыканье).

На подмогу пришел уже изрядно хмельной внутренний голос. За два лимона баксов тебя могли запросто удавить в вонючем подвале, бубнил голос, удавить и замуровать в стене. Ты цел? Невредим? Значит, грех жаловаться на судьбу. Коньячком балуйся, балычок жуй, паштет мажь на белый батон погуще. Не кручинься понапрасну, не вешай буйную головушку, а лучше давай мы с тобой, Константин, на славу отдохнем от трудов несправедливых, устроим себе маленький праздник, чтобы жизнь медом показалась! В общем, держи хрен морковкой, Константин.

Был настолько убедителен этот внутренний советчик, хорошенько поддававший коньячку, что Костя очень скоро проникся оптимизмом своего зеленого змея-искусителя.

Водя перепачканным паштетом пальцем по последней странице «Курганского вестника», он наугад выбрал одно объявление из десятков других, где речь шла о скрашивании досуга одиноким мужчинам, и набрал указанный номер.

Неведомая жрица любви была заказана с 18.00 до шести часов утра, причем Костя азартно поторговался со сладкоголосой диспетчершей, требуя скидку за долгосрочность своих намерений. Сбросили ему сущую мелочь, но и это было каплей бальзама на душу, отравленную ядовитым плевок Лехмана.

Потеряв два миллиона долларов, Костя внезапно сделался очень

расчетливым и бережливым. Это был единственный, но несомненный плюс от преподанного жизнью урока.

## Глава 2

### Свинские забавы

– Тебе хорошо? – спросил пузан у Эльки.

Тяжелый, потный, вонючий, он и не думал заканчивать свое дело, а продолжал усердствовать сверху да еще интересовался, довольна ли она этим.

– О! – простонала Элька, едва сдерживаясь, чтобы не сбросить любопытствующего пузана с кровати на пол. – Ты такой классный... Я от тебя балдею.

– Правда? – Он польщенно засопел в две дырочки, хотя это было нелегко, учитывая обилие волос, торчащих оттуда.

– Конечно. Я прямо задыхаюсь.

Она не врала. Навалившаяся туша весила за сто килограммов, тут поневоле запыхаешься. А неугомонный пузан рад стараться! И хорошо бы продолжал гонять воздух своим пористым носом, похожим на вялую картофелину, а то разинул пасть от избытка чувств! Элька закусил губу, чтобы не скривиться от отвращения. Чеснок, дрянной табак плюс дешевая водка. Джентльменский набор, блин!

Экономил, видать, клиент на продуктах, чтобы сразу с двумя девочками оттянуться в областном центре. Раскошелится на одноместный номер – не люкс, конечно, но зато с холодильником и телевизором. Обзавелся газеткой, выложил 2 500 рублей за три часа «незабываемого времяпровождения в обществе очаровательных юных леди». Теперь это самое времяпровождение шло полным ходом. За скрашивание досуга одинокого мужчины по полштуки причиталось Эльке и ее напарнице Анжеле. Остальное уходило на прокорм «мадамихи» и ее многочисленных мордастых иждивенцев.

Анжеле еще повезло, отработала насосом через резинку и плескалась теперь под душем. А Эльке пришлось отдуваться за двоих. Пузан проклятый никак не желал от нее отвалиться. Или таблеток каких-нибудь наглотался, чтоб хотелось и моглось? – уныло предположила Элька. Если этот половой гигант намеревался за три часа наверстать все упущенное в жизни, то она себе не завидовала. Быстрей бы до душеспасительных бесед дело дошло, думала она, вперив взгляд в незамысловатый светильник, зависший прямо над ее головой. Даже паршивую водку хлестать стаканами была готова Элька, лишь бы на время уgomонился этот ненасытный хряк с неубывающей потенцией.

– А так лучше? – не унимался тот.

Он облапил Эльку за тонкие лодыжки и задрал ее ноги к потолку, побряхтывая от натуги.

– Мм-мм, – протянула она, мотая головой по подушке от резкой боли.

Субтильна была Элька, несмотря на примечательный рост – 180 сантиметров. Оттого плохо переносила подобные акробатические трюки.

Пузан победно загоготал и задвигался еще активнее, стремясь вырвать из жертвы побольше оплачиваемых стонов и вздохов. Пришлось Эльке поработать рукой, щекоча и поглаживая то, что хотелось оторвать к едрене фене, превратив хряка в кастрированного борова. И заходила она вся ходуном, торопя события.

В свои 22 года, помимо пятилетнего сынишки Антошки, имела она на своем попечении также немощного отчима и ударившуюся в религию мать, не умеющую или не желающую заботиться о хлебе насущном. Родители проживали на Украине, оба одинаково сильно хотели кушать, а также имели множество других желаний и потребностей. Самых разнообразных. За их удовлетворение отвечала почему-то Элька.

Парализованного после многолетних беспробудных запоев отчима (обширный инсульт, именуемый в народе кондрашкой) приходилось обеспечивать лекарствами и свежей прессой, без которой он, видите ли, чувствовал себя живым трупом. Лучше бы по-настоящему очоурился, раз не способен самостоятельно стоять на ногах и зарабатывать себе на

пропитание, привычно пожелала ему Элька, не забыв коротко помолиться об исполнении своей мечты. Она ненавидела этого человека. Все ее детские воспоминания были пропитаны запахом перегара, озвучены пьяным матом, расцвечены мамиными синяками.

Мама? Элька давно не называла ее так, даже в мыслях. Не могла простить мать за то, что однажды та привела домой мужика, превратившего их жизнь в сплошной ад без отпусков и выходных. Чувствуя свою бесконечную вину перед дочерью, мать вроде бы ничего никогда у нее не просила и тем более не требовала. Потупленный взгляд, поджатые губы – вот я какая, доченька, прости меня, дуру старую, если можешь.

Но это было напускное смирение, ханжество святоши, которой мать заделалась, когда снюхалась с мутноглазыми свидетелями Иеговы. И ведь отлично знала, чем занимается родная дочь в далеком Курганске! Тем не менее остерегалась называть Эльку вавилонской блудницей, ибо без ее грязных денег не смогла бы позволить себе даже лишнюю свечечку купить, не то что цветными журналами «Сторожевая башня» всю хату завалить до самого потолка.

Раньше единственной Элькиной отрадой был, конечно, Антошка. Первая трогательная улыбка, первый лепет, первые шаги. Уже ради этого стоило жить, и она жила, тянула свою лямку как проклятая, перла вперед и вперед, не останавливаясь ни перед какими трудностями. Малыш имел все, в чем нуждался, потому что Элька, отказывая себе в модных духах или лишних колготах, покупала ему витамины, одежду, обувь и, конечно же, игрушки, много красивых, ярких игрушек. Все было хорошо, пока Антошка удовлетворялся солдатиками и машинками, но пришло время, когда ему втемяшилась в голову игровая приставка с картриджами, и тогда пришла беда, такая же огромная, как прежняя радость.

Кинескоп старенького телевизора «Славутич», у которого пролеживал на пузе Антошка все свободное от других забав время, однажды взорвался. Он рассказывал потом, что как раз уничтожил враждебный космический корабль и решил, что его гибель сопровождается таким потрясающим эффектом. Эта была последняя Антошкина победа в звездных войнах. Осколком ему выбило правый глаз, а сетчатку левого опалило до такой степени, что окружающий мир превратился для него в почти непроглядные сумерки.

Сложнейшую операцию по восстановлению зрения мальчику брались провести лишь в одной частной немецкой клинике, и стоила она безумно дорого. Чтобы скопить необходимую сумму, Элька отправилась в Россию на заработки, и, хотя за минувшие полгода практически не вылезала из-под клиентов, ее главная цель в жизни оставалась почти такой же недостижимой, как и в начале хождения по мукам.

И после всего этого хорошо ли ей, а? Вопрос пузана показался Эльке таким издевательским, что она опять застонала с неподдельной искренностью. Он, приняв это за проявление нарастающей страсти, откликнулся сдавленными возгласами, мало отличающимися от тех, которые издают подобные здоровяки, тужась на унитазе. Повезло ему, что Элька держала веки опущенными. Если бы сквозь ресницы проглянул ее ненавидящий взгляд, ходить бы пузану импотентом до конца его дней!

Но скоро весь этот кошмар должен был закончиться. Вчера Элька на свой страх и риск снялась самостоятельно и подлохматилась так, как и за год работы без сна и отдыха не сумела бы. Одной наличности у нее было теперь 5 000 гринов, не считая драгоценных мужских цацек. Приятная на ощупь пачка денег покоилась за подкладкой сумочки и согревала Элькину душу. Еще три раза по столько, и можно будет запрашивать немецкую визу. Элька надеялась, что недостающую сумму сумеет раздобыть достаточно скоро, хотя понятия не имела, каким образом и где.

Это была ее прощальная гастроль в Курганске. Обобранный прошлой ночью клиент был из тех, кто ищет и обязательно находит, так что встречаться с ним снова было равносильно самоубийству. Поэтому еще до начала рабочей смены Элька отправила багажом свои вещички на Украину и приобрела железнодорожный билет на завтра. Из снимаемой квартиры, оплаченной за месяц вперед, смылась, выбросив ключи в помойку. Оставалось под любым благовидным предлогом выклянчить на время паспорт у «мадамихи», как-нибудь перекантоваться до завтрашнего утра, а потом – полная свобода, которая начнется с бодрого перестука колес вагона, уносящего ее к Антошке.

Господи, как же она по нему соскучилась! Чтобы поездка пролетела быстрее, она не бездумно в окно станет пялиться, а всю дорогу блаженно продрыхнет на верхней полке, наверстывая сутки хронического недосыпания. А при пробуждении приятно будет всласть

помечтать о новой жизни, которую они начнут с Антошкой, когда все неприятности останутся позади. К нему вернется зрение, и он пойдет в школу, такой же веселый и жизнерадостный, каким был до того, как с ним стряслось это несчастье. Она закончит какие-нибудь платные курсы, наймется секретаршей в коммерческую фирму, почему бы и нет – с ее впечатляющими внешними данными? Глядишь, там и мужа удастся подцепить состоятельного.

Подставляться одному-единственному мужчине, каким бы он ни был уродом, будет в тысячу раз легче, чем терпеть все это удручающее многообразие самцов – молодых и старых, лысых и волосатых, поджарых и безобразно жирных, например, таких, как этот расхोлившийся пузан, распинаящий Эльку на серой простыне дешевого гостиничного номера.

– Хэх! – приговаривал он, налегая сверху. – Хэх!..

Этому не было видно ни конца, ни края. Точно угодила Элька под вечный двигатель.

На ее лицо упала капля теплого пота, и она хотела смахнуть ее, но пузан не позволил, ловко перехватил Элькины запястья, вынуждая ее лежать с распростертыми на кровати руками. Это дало ей возможность опустить наконец ноги, и она изо всех сил стиснула бедра, стремясь ускорить финал затянувшейся пытки. Пузан поменялся в лице, задергался, как жаба в кулаке юного натуралиста. Его пасть широко открылась, выпуская на волю запахи всевозможной гнили, скопившейся внутри. А зрачки в экстазе закатились к потолку, отчего глаза превратились в два жутковатых бельма припадочного.

– А-а-а-х, – облегченно прогудел пузан, обрушившись на Эльку всей своей влажной тушей, проделав это с деликатностью кашалота, выбросившегося на берег.

Она тоже застонала – от усталости и отвращения.

– А вы все кувыркаетесь? – Голосок вернувшейся Анжелы звучал весело и бодро.

Сачканула, хитрюга, а теперь, когда самое плохое осталось позади, непринужденно появилась на месте событий. Свеженькая и чистая,

точно не имела никакого отношения ко всей этой грязи. Непорочная дева с ангельскими глазами.

– Сил хватит еще и тебя покрыть, – самодовольно пообещал пузан, слезая с Эльки, как с неодушевленной подстилки.

Курносое личико Анжелы вытянулось: она никак не ожидала подобной прыти от немолодого уже мужика.

– Я оденусь пока? – спросила она, не желая крутить перед ним мокрой задницей. – Мокрая вся, холодно...

– Согрею, – остановил ее пузан. – Сейчас водочки примем, закусим, чем бог послал... И опять в койку. Если станешь каждый раз одеваться и раздеваться, то тряпицы твои раньше времени снесятся. – Он радостно захрюкал, углубившись сияющим рылом в холодильник, из которого извлек запотевшую бутылку и пару свертков.

Элька поплелась в ванную комнату с протекающим унитазом. Брезгливо смыла со дна ванны несколько курчавых волосинок, встала под душ и, отстранив голову, повернула до отказа оба крана – синий и красный. Тугие струи получились холодноватыми, но ей было лень регулировать температуру воды. Как можно скорее смыть с себя чужую грязь – это все, что желала сейчас Элька.

В комнату она вернулась целомудренно замотанная в полотенце, вызвав этим завистливый взгляд Анжелы. Пузан уже усадил ее рядышком перед придвинутым к кровати столом и потчевал какой-то колбасой, на вид отвратительной, как член, ампутированный у трупа двухнедельной давности.

– Присоединяйся, – гостеприимно пригласил он Эльку. – Натуральный продукт. Я свиноферму держу и колбасный цех. Хрюшки – мои кормилицы. Так что от голода не помрем, хы-х!

Вот, значит, откуда у него эти свинские повадки и запах, – сообразила Элька, невольно сузив ноздри. Из снеди, разложенной на газете, она рискнула угоститься только длинным безвкусным огурцом ядовито-зеленого цвета.

– Парниковые, – похвастался свиновод. – Идут за милую душу.



Душа! – хмыкнула про себя Элька, лихо махнув полстакана едкой водки. Где она у него, душа? Вся салом обросла, жиром заплыла... А у меня где? И ответила себе в рифму: «Где-где? В...». Народный фольклор отводил ее бессмертной душе место совершенно конкретное и определенное, не то что туманные предположения всевозможных мистиков.

Пузан выпил без всякого тоста, хорошенько закусил и приложился жирными губами к Анжелиной груди. Прямо-таки мадонна с младенцем, саркастически оценила Элька получившуюся картину.

Ангела показала Эльке глазами: «Достал, фермер сиволапый!» Элька ответила легким поднятием бровей: «Что поделаешь, подруга! Терпи. Такова наша блядская доля. Или женская. Зачастую это одно и то же».

Пузан, отвалившись от мягкой сиси, блаженно заурчал, забулькал водкой, зачавкал колбасой. Анекдоты, которыми он вздумал повеселить девушек, были такими же сальными, как его волосы и угощение, но Элька и Ангела старательно подхихикивали, потому что даже это убогое застолье было лучше, чем сомнительные прелести обязательной сексуальной программы.

Оборвав очередной анекдот на полуслове, пузан тупо уставился на опустевшую бутылку и даже зачем-то потряс ею перед глазами, словно надеялся, что в ней, как по волшебству, возродится живительная сорокаградусная влага. Чуда не произошло, поэтому он трагически вздохнул, выбрался из-за стола и натянул спортивные штаны, покроем и объемом смахивающие на мешок для картошки. Выпусти его в таких на спортивную арену – она сразу превратилась бы в цирковую.

– Прогуляюсь до буфета, – галантно сообщил он гостям. – Водки никогда не бывает в самый раз.

– Мы подождем, – чирикнула Ангела.

– Куда ж вы денетесь? Денежки-то вот они! – Пузан победоносно взмахнул своим бумажником, конечно же, пошитым из желтой кожи своих ненаглядных хрюшек.

Мысленно приставив к его задку свинячий хвостик, Элька даже удивилась, что таковой отсутствует. Без хвостика и пятака пузан выглядел

каким-то недоделанным. Не хватало ему этих маленьких штришков, чтобы выглядеть законченной свиньей.

Когда он удалился, шаркая по полу шлепанцами, запертые на ключ девушки переглянулись.

– Совсем заездил, – пожаловалась Элька.

– Это еще что! – протянула уже порядком захмелевшая Анжела. – Повезло тебе, подруга, что утром тебя дома не застали.

– А в чем дело? – насторожилась Элька. – Ты ничего не рассказывала.

– Так некогда было. Прямо с построения в койку.

– Какое еще построение?

– Утром кипеш был, жуть! – пояснила Анжела, с неудовольствием разглядывая засос, оставленный на груди любвеобильным свиноводом. – Мадамиха лично всех обзвонила и вызвала на ковер. Прям пионерскую линейку нам устроили, блин горелый!

– Зачем? – Нехорошее предчувствие собралось комком в Элькиной гортани, мешая разговаривать нормальным голосом.

– А затем, что бандюган один наехал со своими босяками. Оpozнание устроил. Его вчера клофелинчиком траванули и обшмонали как последнего поца. Пять штук баксов забрали, «гайки» золотые, часы, крест на вот такой цепи, – Анжела показала мизинец. – Он злой был как собака. Тамарке ни за что переносицу сломал. Показалось ему, видите ли, что она улыбается.

– И чем закончилось? – спросила Элька дрогнувшим голосом. – Нашли козу отпущения?

– Не-а. – Анжела закурила, по привычке пуская дым к потолку так картинно, как это умеют делать только кинозвезды, светские львицы и дешевые провинциальные проститутки. – Нас всего двадцать набралось из тридцати. Завтра утром новый сбор, общий.

– Почему он среди нас ищет? – раздраженно спросила Элька. Чтобы спрятать глаза, она тоже занялась прикуриванием сигареты.

– Сказал: эта телка профессионально работала, не как шалава уличная. Ухоженная, гладкая. Фигура классная, сама высокая, как манекенщица... Слушай! – Анжела выпучила глаза. – А это не...?

– Рехнулась? – огрызнулась Элька, не дав подруге высказать догадку до конца. – Я сроду клиентов не чистила, ты же знаешь.

– Ну-ну, – произнесла Анжела с нотками сомнения в голосе. – Хорошо если так. Потому что бандюган грозился фею эту наизнанку вывернуть. И слово сдержит, он такой.

– Да хватит тебе... – Элька хотела сказать: «каркать», но вовремя перестроилась и закончила фразу иначе: —... страсти-мордасти рассказывать. Тут и без тебя тошно.

– Что тошно, то тошно...

Добавить к этому было абсолютно нечего, а потому Элька диалог скомкала, решила отмалчиваться, невеселую думу думая.

Последние новости звучали так скверно, что ни о каком походе за паспортом не могло быть и речи, если Элька желала попасть на родину, а не на тот свет. Конечно, кордон можно было пересечь в поезде и без документов – она уже не раз проделывала это, строя пограничникам глазки или наспех отдаваясь самым бдительным в заплеванном тамбуре. Но паспорт с фотографией, оставшийся у мадамихи, грозил возникновением межгосударственного конфликта, так что Элькино настроение было очень далеким от того, которое принято называть безоблачным.

На вернувшегося с бутылкой свиновода она взглянула с такой ненавистью, словно он один был виноват во всех бедах, приключившихся с ней. Налитую в стакан водку она все же выпила, стремясь заглушить в себе страх и неуверенность в завтрашнем дне.

– Налетай на закусь! – бодро скомандовал пузан, вываливая на стол новую порцию скрученных калачиком колбас и длинных остроконечных огурцов. – Давайте, девчата, подкрепляйтесь. Скоро новый заход!

Вот же хряк ненасытный! И откуда только у него силы берутся? Словно прочитав Элькины мысли, пузан похвастался:

– Свинячья кровь – мощная вещь! Здоровья у меня на пятерых бледных городских поганок хватит. А то еще печеночка сырая, свеженькая, теплая. Ее жуешь, а она дышит. Никакой виагры-фиагры не надо!..

«Сейчас меня стошнит, – тоскливо подумала Элька, краем уха слушая рассуждения эрудированного свиновода. – Меня начало тошнить давно, как только легла под первого клиента. Теперь пришло время блевать. И продолжаться это будет бесконечно долго. Пока не выблюю все воспоминания».

Совладала с собой тем не менее. Пересилила рвотные позывы, приосанилась. Вот только к колбасе притронуться так и не смогла себя заставить. Пузан это заметил, огорчился. Приставил к промежности спортивных штанов огрызок натуральных размеров и пьяно хрюкнул:

– Кусай! Попробуй дяди-Степина гостинца.

– Я на диете, – пояснила Элька с холодком в голосе. – Фигуру берегу, знаете ли.

– Да какая у тебя фигура! – пренебрежительно фыркнул пузан. – Оглобля. Ни сисек, ни задницы приличной. Вот супружница у меня – это да. Есть за что подержаться!

«Вот и тискал бы свою толстозадую бабу, – мысленно порекомендовала Элька. – Или обхаживал бы своих свиноматок, что одно и то же. Свиноматки даже предпочтительнее – сисек у них намного больше, со счета собьешься, пока все перелапаешь».

Пузан уже охладел к ней, переключив хмельное внимание на Анжелу. Во-первых, на ней даже полотенца не наблюдалось. Во-вторых, она погрудастее была, к тому же двумя жировыми складками на животе успела обзавестись. А самое главное – Анжела как раз всю уминала колбасу с белым батоном и на отсутствие аппетита не жаловалась.

– Тогда ты кусай, кудрявая, – распорядился пузан. Шутка казалась ему очень забавной, и он не собирался просто так отказываться от нее.

Анжела моментально прекратила жевать, хотя непроглоченная пища все равно предательски оттопыривала ее щеку. Поздно было ссылаться

на диету. Но, странное дело, она не могла заставить себя потянуться ртом к съедобному имитатору пениса. Недавно обслуживала самый настоящий, а тут вдруг заартачилась.

Внимательно глядя на нее, пузан неспешно выцедил полный стакан водки, после чего его глаза стали совершенно поросячьими, бессмысленными. Призывно телепая колбаской, словно подманивая собачонку, он ждал.

Анжела посмотрела на Эльку, и мольба вперемешку с отчаянием сквозила в ее взгляде.

– Брезгуешь? – Пузан произнес эту фразу с таким же перекошенным рылом, каким оно сделалось, когда он вливал в себя водку. – Ломаешься, сучка городская? Но я тебя эту колбасу сожрать заставлю! Научу деревню уважать! Ха! Ха! Ха!..

Он уже держал Анжелу за волосы и тыкал огрызок в ее сжатые губы, размазывая жир по всему лицу. Ошеломленная жертва не сопротивлялась, только повизгивала негодующе, и это возбуждало пузана сильнее, чем ее нагота.

Можно было вызвать по телефону отряд быстрого реагирования, состоящий из неразговорчивых парней с бойцовскими задатками, которые умели и любили превращать раздухарившихся клиентов в вежливых паинек. Да, можно было. Даже нужно. Но Элька вдруг потеряла способность рассуждать рационально. Здравый смысл утонул в темной ярости, захлестнувшей ее всю без остатка.

Первое, что попало ей на глаза, когда она отвела взгляд от жалкого, перепачканного лица подруги, это нож, которым пузан кромсал колбасу. Прозрачная рукоятка с вплавленными розочками сама собой оказалась в Элькином кулаке, а узкое острое лезвие мягко вонзилось в жирный бок владельца, спружинив на подвернувшемся ребре. Только слой сала и удалось проткнуть с непривычки, даже крови выступило всего несколько тягучих капель.

– Ты что? – опешил пузан. – Меня? Ножом? Ах, ты...

Лоснящаяся от колбасного жира лапища протянулась вперед и сграбастала Эльку сразу за обе скулы. Ее щеки и губы некрасиво

собрались воедино. Представив себя со стороны, беспомощную, жалкую, униженную, она вскрикнула от негодования и, теряя полотенце вместе с последними остатками самообладания, пырнула обидчика вторично, вскользь задев кожу на его проворно втянувшемся брюхе.

Лапища никуда не делась, только усилила хватку. Ей на помощь поспешила вторая, с обидной легкостью обезоружившая Эльку.

– Ну, тварь, – прозвучал многообещающий голос над самым ее ухом. – Сейчас ты у меня попляшешь! Сейчас я тебе задницу на свастику порву и... Ай!

Причину прозвучавшего возгласа Элька поняла не сразу, но когда липкая ладонь исчезла, открывая доступ воздуху и освобождая кругозор, она увидела прямо перед собой озадаченную харю противника, совершенно мокрую от стекающей с головы воды. Струи постепенно меняли цвет – от прозрачного до розового, потом вдруг окрасились в ярко-алое. «Кровь, – догадалась Элька. – Но откуда? Я же целилась ему в живот!»

Потом в поле зрения сфокусировалась Анжела, стоящая над тяжело поникшим пузаном. В правой руке она сжимала горлышко разбитого вдребезги казенного графина. Голая, растрепанная, с перепачканным лицом, она часто дышала, очень напоминая ведьму, только что завершившую какую-то дикую обрядовую пляску.

– Уби-и-ила, – протяжно пожаловался Эльке пузан, и голос его вполне можно было принять за бабский.

Он поднес руку к слипшимся волосам, пошарил там и, морщась от боли, извлек стеклянный осколок, такой же окровавленный, как и вся голова. Тупо посмотрев на осколок, пузан вдруг рухнул лицом вниз, едва не опрокинув стол со снедью и посудой.

– Вот так, – растерянно прокомментировала Анжела, помолчала немного и присовокупила: – Называется – погуляли.

Поверженный ею половой гигант согласно всхлипнул.

– Надо добавить, – деловито сказала Элька. – Сейчас очнется, голосить начнет, всю гостиницу на уши поставит.

Анжела машинально посмотрела на остатки графина в своей руке и поспешно разжала пальцы, точно дохлую мышь там обнаружила:

– Я... я не могу...

– Чего я не переносу – так это когда целок из себя начинают строить! – В подтверждение сказанному Элька с чувством выругалась и принялась натягивать на босые ноги высокие ботинки, не утруждая себя их шнуровкой.

– Ты что, бросаешь меня? – испугалась Анжела. Она все еще не могла сдвинуться с места и мелко дрожала, как партизанка, которую вывели голышом на мороз.

– Ага, убегаю, – язвительно произнесла Элька. – Именно в таком виде. Чтобы лишнего внимания к себе не привлекать. Обычная нудистка из средней полосы России. Морозоустойчивая, водонепроницаемая, противоударная.

– Тогда зачем обуваешься?

– Осколки под ногами, подружка. Гляди, сама не наступи.

Хрустя стеклами, Элька приблизилась к незадачливому клиенту. Он по-прежнему всхлипывал и постанывал, но на большее его пока не хватало. Под его поникшей головой собралась целая лужа крови, которую не могла впитать расстеленная газета. В луже медленно раскисали куски белого батона и высились колбасные островки. Красные капли беззвучно падали со стола на вытоптанный коврик у кровати.

Еще не веря, что это делает она, а не кто-то посторонний, не имеющий к ней никакого отношения, Элька обмотала влажным полотенцем водочную бутылку и занесла ее над головой бесчувственного пузана.

– Сдохнет ведь, – плаксиво предупредила Анжела, отступая подальше.

– Туда ему и дорога, – мрачно сказала Элька. – Хоть бы все передохли, долбари поганые.

– А милиция?

– Если дело до ментовки дойдет, то нам все равно кранты, подружка. Навесят разбойное нападение. Групповуха, между прочим. Мало не покажется.

– Но...

– А! – отчаянно воскликнула Элька. – Заходи – не бойся, выходи – не плачь!

Еще не отзвучал до конца этот бесшабашный лозунг, как импровизированное оружие обрушилось на череп ценителя свиней и женщин. Тумп! Он дернулся, как от электрического шока, и застыл в уже полной немоте и неподвижности.

– Убила? – пролепетала Анжела, в ужасе закрывая половину лица сжатыми в кулачки руками. Ее глаза над побелевшими костяшками пальцев расширились, и она тоненько пискнула: – Ой, мамочки!

– Заткнись, – сердито сказала Элька. – Дышит он. Пыхтит, как бронепоезд на запасном пути. Чего ему сделается? Не голова, а сплошная кость. Единственная извилина на заднице.

– Что теперь делать? Что делать?

– Папаня у тебя, случаем, не Чернышевский? – осведомилась Элька.

– Нет, – призналась Анжела с несколько удрученным видом. – А кто такой Чернышевский? Знакомая фамилия...

– Демократ один богатенький, типа Собчака. Тоже не знал, что ему делать, страдал без конца, маялся.

– Ты, можно подумать, знаешь!

– Я-то знаю, – заверила подругу Элька. – Собираться надо и сматываться... Газету, по которой хряк нашу контору вызвонил, – в унитаз... Номер телефона он вряд ли запомнил, там их до хрена и больше. Если, когда очухается, вдруг начнет права качать, то кто ему поверит, пьянующему? А денег, чтобы ментов подмазать, мы ему не оставим... – Элька брезгливо извлекла из кармана мужских шаровар бумажник, ознакомилась с содержимым и подытожила: – Двадцать тысяч рубчиков с копейками. Делим пополам. Все. Одевайся, подружка.



А то отсвечиваешь своей кукушечкой, как стриптизерша какая-то.

– А ты? – обиделась Анжела.

– Я уже нет, – усмехнулась Элька, натягивая трусики.

Собирались они суетливо, но довольно четко и осмысленно. Наспех протерли салфетками стаканы, нож, отбитое горлышко графина. Кое-как личики расцвели, чтобы не пугать встречаемых смертельной бледностью. А потом Элька набрала номер диспетчерши, откликнувшейся таким сладким голосом, что никто не заподозрил бы в ней одноглазую уродину с гнилыми зубами.

– Заявочку в гостинице «Дружба» отработали, – бодро отрапортовала Элька. – Клиент отдыхает.

– Больше ничего не желает? – игриво прожурчало в телефонной трубке.

– Нет, – чистосердечно ответила Элька. – Теперь ему не до девочек.

– Задали мужинке жару?... Ху-ху-ху... Еще бы, две такие темпераментные барышни...

– Ага, – согласилась Элька. – Он нас не скоро забудет.

– Есть желание поработать еще?

– Прямо изнываю от такого желания. Заранее таю.

– Да? – изумилась диспетчерша, лишенная не только глаза, но и чувства юмора. – Тогда диктую следующий адрес...

Это было настоящее везение, просто невероятная удача. Очередной заказчик жаждал любви и ласки прямо сейчас и до шести часов утра, наверное, чтобы потом успеть выспаться в одиночестве. Элька тут же вызвалась в бой, не собираясь уступать очередь Анжеле. Теперь ей было где провести ночь, вместо того, чтобы шляться по вокзалу, привлекая к себе ненужное внимание. Да и гонорар, которым Элька уже ни с кем не собиралась делиться, был совсем нелишним.

– Готова? – спросила она у Анжелы.

– Как пионерка.

– Тогда вперед. Глаза от людей не прячь, сама от них не шарахайся. Внушай себе, что все хорошо, все нормально.

– Нормально? – усомнилась Анжела.

– Конечно. При голове на плечах? При матке целой? При бабках? Какого хрена еще от жизни надо!

Подталкивая напарницу к двери, Элька нисколько не сомневалась в том, что перечислила все главные запросы стандартной проститутки. Но, как бы она ни вралась себе и другим, этого было мало, ничтожно мало.

Если бы не Антошка, терпеливо дожидаящийся Эльку во мраке, сгустившемся вокруг него, она вряд ли сумела бы заставить себя прожить хотя бы еще один день этой паскудной бледской жизни.

## Глава 3

# Бьют – беги, а стреляют – тем более

Занималось утро того самого дня, когда коммерсант Костя Филиппок еще в глаза не видел чемоданчика, начиненного долларами, и понятия не имел, какой одуряющий запах может издавать такая куча денег. Он еще напевал и перешучивался со своим зеркальным отражением, намыленным для самого тщательного в его жизни бритья.

Девушка по вызову с несерьезным именем Элька пересчитывала украденные у бандита деньги и взвешивала на ладони его золотые побрякушки, пытаясь определить их стоимость. Потом добыча отправилась в тайник за подкладкой сумочки, и все равно самой ценной вещью для Эльки оставался хранившийся там портрет еще совсем маленького Антошки. Новых фотографий повзрослевшего сынишки она не делала, чтобы не вспоминать лишний раз о его обезображенной мордашке и слепоте. Чмокнув снимок, Элька принялась нервно красить правый глаз, собираясь на вокзал со своим нехитрым скарбом. Из радиоприемника звучала бодрящая, как старое выдержанное вино, песня «Бони-М» про билет в один конец.

Пока Костя и Элька готовились таким образом к важным переменам в своей жизни, в Курганске цвел (здоровым румянцем) и пах (ядренным молодым потом) еще один герой этой истории, переводящий дух под новехонькой штангой. Когда он не напрягался, лицо его сияло доверчивой открытостью форточки, в которую еще не забирался домушник. Душа его тоже была нараспашку, а потому натура представлялась простой и незатейливой, как грабли, пока на них не наступят.

Звали парня Петром, и был он светловолос или белобрыс – это в зависимости от точки зрения наблюдателя. Зато ширина его плеч не

допускала двух разных мнений – они были такими же внушительными, как у скульптурного атлета, и на ощупь казались не менее твердокаменными. Хотя сейчас на постамент в парк культуры и отдыха. Только вместо фигового листка лучше бы прикрепить лопушок средних размеров, чтобы не смущать понапрасну гуляющих.

Плечистый Петр неподвижно лежал на холодном полу, считая до шестидесяти, а потом опять принялся методично отжимать штангу, поскольку стремился поддерживать форму и наращивать мышечную массу. Ведь не за красивые глаза шеф держал его и охранником офиса, и личным телохранителем, ну, и денщиком по совместительству, хотя Петр предпочел бы называться, скажем, адъютантом, если бы знал это звучное слово.

Для деревенского парня, с горем пополам закончившего ПТУ и считавшего своим величайшим достижением в жизни армейское звание гвардии сержанта, охрана сухонького тела немолодого коммерсанта по фамилии Лехман представлялась работой, о которой можно только мечтать. «Не бей лежачего», – вот как высказывался по этому поводу Петин батя, не скрывая своего презрения к столь несерьезному занятию. Но ничего лучшего он сыну предложить не мог, а потому с поучениями не лез, угрюмо отмалчивался.

Без Петиных заработков его родителям и старшей сестре приходилось бы совсем худо, особенно матушке, страдающей тяжелой формой сахарного диабета. Получалось, что в периоды обострений болезни Петр только и работал на инсулин, а когда у матушки наступало облегчение, трудности возникали у сестры, в одиночку растившей двух детей в далеком городе Новороссийске.

Лехман был единственным Петиним благодетелем, и они оба отлично это понимали. Несколько раз шеф устраивал охраннику разного рода проверки, и ни разу тот не дал повода усомниться в своей преданности. Петра можно было со спокойной душой оставить у незапертого сейфа, а утром даже не пересчитывать доверенные ему ценности (Лехман, конечно, ревизию потом проводил, но скорее по привычке).

Убедившись в том, что новый охранник обладает столь редкими по нынешним временам качествами, как порядочность и честность, Лехман стал выплачивать ему очень даже неплохую зарплату, причем исправно

и в срок, что в общем-то было для него нехарактерно.

Петр просто обалдел от счастья, когда несколько дней назад в его распоряжение была предоставлена также однокомнатная квартира. Это позволило съехать наконец от вреднящей тетки с ее шумным семейством и зажить на свой лад.

Обзаведясь индивидуальной жилплощадью, Петр первым делом повесил на стену здоровенный плакат с изображением девушки своей мечты – невыносимо прекрасной кареглазой блондинки в открытом белом купальнике. Такую он мечтал встретить однажды, и при одной мысли о том, что может произойти дальше, у Петра начиналось томительное мление в груди.

По вечерам, оставаясь с незнакомкой один на один, Петр, немного стесняясь самого себя, беседовал с ней о разных пустяках, и иногда ему казалось, что она его слышит и даже едва заметно подмигивает время от времени.

Рассказывать о себе было в общем-то нечего. Дни Петра проходили довольно однообразно, монотонно, без всяких приключений. Если не считать всякую пьяную шваль на улицах, тихого, вежливого Лехмана никто особо не донимал. Никаких неожиданностей типа гонок с преследованиями или шумных перестрелок в размеренных трудовых буднях шефа не происходило и не предвиделось. С одной стороны, Петра это не слишком воодушевляло, но зато с другой – никак не огорчало, поэтому он просто плыл по течению, жил как бог на душу положит и ждал девушку своей мечты. Между делом он исправно чистил морды хулиганам, прокладывал Лехману дорогу в толпе или, наоборот, таскал за ним всякие тяжести, и иногда Петру казалось, что прожить так ему суждено до конца дней, если не своих, то лехманских.

Однажды ему случилось вычитать где-то, что его ратная должность называется «бодигард», и Петр заучил слово, показавшееся ему строгим и очень мужественным. Рослый, аккуратный, подтянутый, он даже в дешевом костюмчике старался выглядеть браво, поэтому останавливался у каждого зеркала, позволявшего полюбоваться собой в полный рост. Шеф, по его глубокому убеждению, совершенно напрасно одевался так затрапезно, что порой даже неловко становилось за него в приличном ресторанном обществе. Ни тебе атласных галстуков, ни бриллиантовых запонок, ни часиков золотых. Совок совком, если

посмотреть со стороны.

Ко всему прочему, правая рука шефа двигалась так плохо, что больше походила на протез. Лехман говорил, что это у него такая болезнь суставов, называется по...ли...ар...трит. С натугой вспомнив заковыристое словечко, которое даже в мозгу умещалось по слогам, Петр привычно удивился тому, что шеф никак не желает раскошелиться на лечение. Конечно, выглядел он не очень представительно, но во внутреннем кармане лехманского клетчатого пиджачишки деньги никогда не переводились, а его желтая «шестерка» постоянно вылизывалась и драилась в автосервисах. При всем своем уважении к шефу Петр мысленно корил его за излишнюю прижимистость.

Имелся у того, по Петиному разумению, еще один крупный недостаток: необъяснимая тяга к перемене мест. Только обзаведется Лехман новым офисом, только к нему потянутся новые клиенты, как – хлоп! – очередной переезд со сменой вывески и телефонных номеров. Потому-то и не было у Петиного шефа постоянных партнеров, настоящего размаха и деловой солидности.

Петр построил бы собственный бизнес совсем иначе, дай ему волю (и денег, побольше денег). Первым делом он определил бы всех своих близких и дальних родичей на самые шикарные заморские курорты под пальмы, да и себя бы не обидел. Одних секретарш нанял бы штук пять, а самую фигуристую, с ногами от ушей, назначил бы своим личным референдумом («кажется, так это звучит?» – подумал он с некоторым сомнением).

В этот момент его блуждающий взгляд остановился на плакате с блондинкой, и Петр, продолжая энергично работать со штангой, заподозрил, что ей не очень понравится, если кто-то рядом начнет выписывать кренделя ногами более длинными, чем у нее самой. Ладно, мысленно согласился Петр, обойдусь одной секретаршей, немолодой даже. Но уж непременно какой-нибудь «Линкольн» под зад – без этого и коммерсовать по-крупному как-то неловко. Плюс кабинет с баром и золотыми рыбками в маленьком бассейне, как в кино показывают. Плюс...

Перечислять свои запросы Петр мог бы до бесконечности, но зарядка подошла к концу, водные процедуры – тоже, так что наступило время завтрака, а во время еды он думал только о том, какой кусок отправить в

рот, чем его сдобрить, чем запить и стоит ли взять добавку. Потом и вовсе стало не до мечтаний, потому что пришлось ехать в троллейбусе за Лехманом, потом вместе с ним, уже на машине, за секретаршей Юлечкой, потом всем маленьким коллективом – в офис.

Всю дорогу Лехман делал Петру, севшему за руль, мелкие замечания: то за чесночный запах изо рта, то за нестриженные ногти, то вообще придирался просто так, например, поучая, что приличный молодой человек не должен произносить в присутствии дамы такие слова, как «сраная», даже если погода действительно выдалась не ахти. Во время редких пауз шефа включалась Юлечка, которая почему-то прихватила с собой объемистую дорожную сумку и приставала к шефу с глупыми жалобами насчет своего устаревшего купальника, в котором стыдно показаться на Лазурном берегу.

– Разве вы в отпуск собираетесь? – удивился Петр. – Зима же на носу.

– Какой еще отпуск! – сердито проскрипел Лехман, нервно барабана здоровой рукой по поверхности серого чемоданчика, который не пожелал ставить в багажник, а держал на коленях. – У меня сегодня деловые переговоры в Москве, мы с Юлей вылетаем в 12. 45...

– А я? – спросил обиженно Петр.

– Ты остаешься за главного, Петя. – Лехман поощрительно улыбнулся. – Не робей, завтра я уже буду на месте... А ты, Юля... – он повернулся назад, чтобы закончить мысль посуровевшим тоном: —...не морочь парню голову своими неуместными фантазиями. Купальники какие-то придумала! О работе нужно думать, о работе!

Она насмешливо фыркнула:

– Как скажете, Михаил Иосифович. Слушаюсь и повинуюсь.

Петр собрал кожу на лбу в гармошку. Для него не было секретом, что секретарша уже несколько раз переспала с шефом, но напрасно тот позволяет ей разговаривать с собой таким вызывающим тоном. Женщина должна знать свое место, а если ей его не указать, начинает безмерно наглеть.

Лично он, Петр, тоже мимоходом поимел Юлечку, после чего у нее

глаза целую неделю находились навывкате и были по-коровьи мечтательными, с поволокой. Но вот с ним она почему-то соблюдала дистанцию и со всякими лазурными берегами к нему не приставала.

В подвал спускались гуськом, первым шел Петр, поскольку заржавевший замок двери поддавался далеко не каждому. Ночной дождь оставил у входа изрядную лужу, и если бы не кирпичи, предусмотрительно уложенные посреди нее, черпать бы всем троим воду туфлями.

– Через полчаса ко мне явится директор фирмы «Бриз», пропустишь, – распорядился Лехман, прежде чем скрыться с оживленно кудахчущей Юлечкой в своем кабинете.

Она, когда туда заходит, наверное, сразу ложится на стол и раздевается, подумал Петр. Нет, сначала все-таки раздевается, иначе не сподручно. Представив себе, какие неудобства терпит из-за секретарши старенький шеф со своей почти негнувшейся рукой, Петр неодобрительно вздохнул и стал прохаживаться по длинному коридору, жалея, что забыл купить сборник анекдотов или журнал с веселыми эротическими картинками. В приличных фирмах, где ему порой приходилось бывать с Лехманом по долгу службы, охранники на входе смотрели телевизор, но от шефа глупо было ждать подобной щедрости. И это было лишним поводом снова мысленно укорить его за скупость.

Немного развлек Петра визит полноватого директора «Бриза», с которым удалось перекинуться парой фраз. Выходя из подвала, он помахал Петру ручкой и наградил его приветливой улыбкой. Пустяк, а приятно.

Лехман, возникший в коридоре вскоре после того, как посетитель удалился, напротив, выглядел озабоченным и почему-то до крайности взвинченным.

– Сейчас выезжаем в аэропорт, – предупредил он. – Помоги Юле донести вещи.

– Так рано в аэропорт? – изумился Петр. – Больше двух часов до вылета.

– Это хорошо, что ты ориентируешься во времени, – процедил



Лехман, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик. – Но я нанимал тебя не для этого.

Юлечка, выглянувшая из-за плеча шефа, обидно захихикала, подпортив Петино настроение еще сильнее. Помада вокруг губ, как всегда, размазана, рожица самодовольная, как у гульнувшей мартовской кошки. Тьфу, смотреть противно! Насупив светлые брови, Петр решил про себя, что в следующий раз, когда нахальная секретарша вздумает потереться о него задом, ей ничего не обломится.

После того как все расселись по своим местам и «шестерка» тронулась с места, с шипением рассекая дождевую воду, скопившуюся во дворе, Лехман выглядел уже вполне добродушным и довольным жизнью. Серый чемоданчик снова покоился у него на коленях.

– Ты, Петя, – говорил Лехман, посасывая белую сигаретку, – как проводишь нас, машину оставь на платной стоянке, я тебе денег дам, чтобы уплатил за два месяца вперед.

– Два месяца? – озадачился Петр. – Но вы же сказали, что завтра вернетесь...

– Предусмотрительность – вот отличительная черта настоящего бизнесмена, – наставительно сказал шеф. – Лучше перестраховаться, чем недостраховаться. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Что посеешь, то и пожнешь, а что припасешь, то и пососешь... Ну, ты у меня парень сообразительный, должен понимать, что к чему.

Пришлось Петру сделать вид, что он действительно понимает туманные речи шефа. Того порой заносило, и тогда, чтобы не выводить его из себя, следовало посильнее оттопыривать нижнюю губу, кивать с умным видом да помалкивать. С таким проникновенным выражением лица Петр и гнал машину по городу, внюхиваясь в едва уловимый аромат шампанского, витавший в салоне, и слушая продолжение инструкций:

– Если вдруг по какой-то причине мы с Юлей в Москве задержимся, ты попусту в офисе не отирайся, по домам нас тоже не ищи. Просто сиди и жди. Я сам тебя найду.

Петр снова глубокомысленно кивнул, но потом спохватился и

напомнил:

– Вы зарплату за прошлый месяц обещали, Михаил Иосифович. Матушка пишет, лекарства у нее уже почти на исходе. И потом это... с продуктами у меня уже туговато.

– Денег пока нет, – поскуцнел Лехман, выбив пальцами раздраженную дробь из своего чемоданчика. – А насчет продуктов... – Он обернулся назад и спросил у секретарши: – Юлечка, ты тормозок в дорогу случайно не прихватила?

– А как же? – удивилась она. – Бутерброды, помидорчики, рыбка копченая, куриных сосисок целая упаковка. Еще бабка испекла...

– Вы просто умницы, ты и твоя бабушка, – перебил ее Лехман. – Не дали Пете помереть от голода. Отдай ему свои запасы, Юлечка, а я уж как-нибудь тебя прокормлю. – Он хохотнул.

Из ассортимента, предложенного секретаршей, Петр выбрал только сосиски, и теперь они перекочевали во внутренний карман куртки, но душу грели не так сильно, как это смогли бы сделать денежные купюры. Испытывая сильное желание все же отстоять свои интересы, Петр открыл рот и даже успел произнести протестующее:

– Но...

– Никаких «но», – холодно отрезал шеф. – На войне как на войне.

– Мы в Чечне, что ли?

– Хуже, Петя, много хуже. Ты однажды и сам поймешь. – Лехман тихонько засмеялся. По звучанию это напоминало шипение проколотой камеры.

Юлино подхикивание отлично подошло бы для озвучивания маленькой бабы-яги. Даже Петр зачем-то коротко ухнул филином за компанию, хотя не понял лехманского юмора.

За этим весельем и не заметили, как выехали на загородную трассу, ведущую в аэропорт. Двухсторонняя, покрытая ровнехоньким асфальтом, она оставалась тем не менее малооживленной, поскольку в последние годы самолеты из Курганска летали редко и нерегулярно. Не

хватало техники, топлива, а главное, в городе образовался дефицит пассажиров, способных расщедриться на комфортное путешествие. Если не считать чартерных рейсов в Китай и Турцию, то Москва превратилась в единственный пункт назначения, куда можно было перенестись из Курганска по воздуху без ведьминого помела.

На этой пустынной дороге у Лехмана внезапно изменилось настроение, он сделался угрюмым и замкнутым. Петр заметил, что он, не отрываясь, смотрит в зеркальце заднего обзора и, полюбопытствовав тоже, обнаружил там мелькающее отражение бежевой «Волги», пристроившейся метрах в двухстах.

– Стрелять умеешь, Петя? – ни с того ни с сего спросил Лехман.

– Это смотря из чего, – озадаченно ответил он. – В армии карабин приходилось в руках держать, конечно. Пару раз даже автоматы выдавали. Настоящие. А еще гранаты. Ну, это когда дивизионные учения проходили и к нам с проверкой прибыл сам начальник штаба по фамилии...

– Сохрани свои воспоминания для военных мемуаров, – поморщился Лехман. – Вот пистолет, видишь? – Он действительно продемонстрировал плоскую никелированную штуковину, подозрительно смахивающую на детский пугач. – Поднимаешь флажок предохранителя... вот так... и нажимаешь на спусковой крючок. Больше от тебя ничего не требуется. Понял?

– Нет, – честно признался Петр. – Зачем мне нажимать на спусковой крючок?

– А затем, что ты у меня охранником числишься, голова садовая! – осерчал Лехман. – Знаешь, сколько у меня завистников и недоброжелателей? Про конкуренцию слышать приходилось, надеюсь?

– Приходилось. – Петр согласно кивнул головой, которую вовсе не считал садовой. – Это когда бизнесмены друг друга шмаляют без конца, да? В «Дорожном патруле» их чуть ли не каждый день показывают, убитых. Я вот чем давно интересуюсь, Михаил Иосифович... Зачем менты с них штаны обязательно стаскивают? Деньги ищут?

– Штаны стаскивают? С убитых?

Лехман машинально полез поправлять брючный ремень. В отместку за «садовую голову» Петр уже собирался огоршить его еще одним каверзным вопросом, но тут в мужской разговор вмешалась Юлечка.

– Ой, – пискнула она за спинами мужчин. – За нами бандиты гонятся, что ли?

– Типун тебе на язык! – завопил Лехман с плаксивой интонацией. Потом, взяв себя в руки, обратился к Петру уже почти ровным голосом: – Про штаны мы с тобой потом побеседуем, в другой обстановке. А сейчас держи пистолет. По моей команде остановишься. Если, не дай бог, «Волга» затормозит тоже, выскакивай из машины и стреляй. Я пересяду за руль, развернусь и тебя подберу.

– Ой-ей-ей! – запричитала Юлечка в убыстренном темпе. – Да что же это происходит?!

– В кого стрелять-то? – тоскливо спросил Петр, помаленьку утапливая педаль тормоза, хотя поучаствовать в происходящем напрашивалась как раз соседняя нога, порывающаяся поддать газу.

– Стреляй во всех, кого увидишь, – безжалостно проинструктировал его Лехман, перегнувшись через спинку сиденья, чтобы лучше видеть приближающуюся «Волгу». – Стоп!.. Приготовься!

Петр подчинился и весь подобрался, холодея от скверного предчувствия. Про себя он сразу решил, что станет палить мимо, дабы не брать грех на душу, но это совсем не означало, что возможные противники тоже будут целиться поверх его головы. Нет, ничего хорошего он от этого приключения не ждал. Тем более что на километровом столбике перед его глазами маячило число «13».

– Я сейчас уписаюсь! – завизжала Юлечка, когда до бежевой «Волги» осталось несколько десятков метров. – У меня мочеточники застужены после ваших подвалов!

– Терпи, дура! – рявкнул Петр, которому подтирать лужи за секретаршей хотелось еще меньше, чем участвовать во взаправдашней перестрелке.

В этот момент – вж-ж-и-хххх! – «Волга», не сбавляя скорости,

пронеслась мимо. Петр успел заметить за рулем ее единственного пассажира и скорчился от неожиданного приступа смеха:

— Вот ошалел бы мужик, если бы я на дорогу выскочил и начал... начал... Ха-ха-ха! — не в силах договорить фразу до конца, он просто показал пальцем, как нажимает на воображаемый спусковой крючок.

Настоящий пистолет, который, слава тебе, господи, не пригодился, мирно лежал на его сдвинутых коленях.

— Осторожность никогда не помешает, — назидательно произнес заметно приободрившийся Лехман. — А ты молодец, Петя, хорошо держался. По возвращении получишь премию, даю слово.

— Спасибо. Я же за вас в огонь и в воду, Михаил Иосифович, сами знаете. Помните, как позавчера на рынке три хачика к вам привязались? Я еще их мордами в селедку, в селедку! А того, который вас, Михаил Иосифович, этим... гм... пидором гнойным обозвал, я...

— Кому интересны эти идиотские подробности! — взвился Лехман, едва не ударившись головой о потолок салона. — Я же тебя уже просил: побереги героические эпизоды своей карьеры для потомков!

Пожав широкими плечами, Петр собрался было тронуть «жигуль» с места, когда Юлечка опять полезла со своими прохудившимися мочеточниками.

— Мне нужно сходить в кусты, — жеманно заявила она.

— Неужели нельзя потерпеть немного? — поморщился Лехман.

— Нельзя! — обиделась она. — Сами меня на дорожку шампанским угощали. А оно мочегонное.

Петр приспустил стекло и с чувством сплюнул на дорогу. Если бы не присутствие шефа, он обязательно посоветовал бы Юлечке не расставаться с горшком. Носить его на голове, чтобы он всегда был под рукой. От бесконечного склонения слова «моча» его и самого неудержимо тянуло отлить, но подключаться к Юлечкиному нытью он посчитал ниже своего достоинства. Стиснул зубы и стал смотреть прямо перед собой.

– Михаил Иосифович! – не унималась секретарша за его спиной.

– Ладно, иди, – смилостивился Лехман над ее страданиями после минутного раздумья. – Только скоренько, радость моя. Не застудишь еще сильнее.

– Одна не пойду, – продолжала капризничать перебравшая шампанского Юлечка. – В посадках всегда маньяки. Еще бы просто насиловали, а то ведь убивают! Пусть меня Петя проводит.

Это предложение совсем не понравилось Лехману. Прикинув что-то в уме, он посмотрелся в зеркальце заднего обзора, скорбно вздохнул и заявил:

– Я сам тебя провожу. Подышу заодно свежим воздухом. А Петя покараулит в машине с пистолетом, да, Петя?

– Запросто, – откликнулся Петр.

Выбравшись на дорогу, Лехман зачем-то прихватил с собой свой чемоданчик, явно слишком увесистый и неудобный для того, чтобы без толку таскать его с собой по кустам.

– Ой, – пьяненько пропищала Юлечка, останавливаясь рядом с шефом. – Тут канава! Вы меня обязательно придерживайте, Михаил Иосифович. Если я упаду и испачкаюсь, то уже никуда не поеду.

«Вот же коза безмозглая! – выругался про себя Петр, прекрасно понимая затруднительное положение Лехмана, перетаптывающегося на месте. – Шеф же в правой руке и карандаш-то с трудом удерживает, не то что тебя, кобыла! Левая чемоданчиком занята. Что он тебе протянуть может? Конец свой?»

Наверное, похожие мысли посетили и Лехмана, но ему не хотелось напоминать о своей немоги молодой любовнице, с которой они впервые собрались в дальние края. Вернувшись к машине, он решительно поставил чемоданчик на переднее сиденье и предупредил:

– Оставляю под твою ответственность, Петя. И умоляю тебя: не пытайся заглянуть внутрь. Замки с кодом, тебе их все равно не открыть. Кроме того, внутри ничего интереснее деловой документации нет.

– Михаил Иосифович! – обиделся Петр. – Вы мне в прошлом месяце сорок девять штук доверяли, забыли? А когда золотой песок я на пробу сдавал в лабораторию, то разве хоть крупинка пропала?

– Шучу, шучу. – В подтверждение своих слов Лехман растянул губы в улыбке. – Просто сиди здесь и жди нас. Я на тебя надеюсь. Доверяю тебе, как себе самому, мой мальчик. – С этими словами он наклонился и проворно завладел ключом зажигания.

Когда шеф, галантно придерживая спутницу за локоток, стал форсировать придорожную канаву, оскальзываясь на глинистой почве гладкими подошвами, Петр здраво рассудил, что парочка проведет в отдаленных кустах никак не меньше пяти минут. Пока Юлечка высмотрит подходящее местечко, пока справится со своими теплыми одежками, которых на женщинах осенью, как на капусте – листьев...

С той же задачей Петр брался управиться в десять раз быстрее. Он едва дождался, пока его оставили в покое, и теперь его ничего не могло удержать на месте.

Юлечкина сумка покоилась в запертом багажнике, а в машине находились только два ценных предмета: хозяйский чемоданчик и пистолет, за сохранность которых Петр отвечал головой. Прихватив их, Петр выбрался из машины, бегом пересек совершенно пустынное шоссе и примостился за ближайшим деревом, намереваясь справить нужду.

Так и застыл он, сжимая в одной руке увесистый кейс, а в другой – почти игрушечный пистолетик. Потому что подозрительная бежевая «Волга» возвращалась на всех парах из-за того самого поворота, где недавно скрылась из виду. «Не может быть! – сказал себе Петр. – Это просто совпадение такое».

«Волга» вопреки его ожиданиям не промчалась мимо, а, опасно накренясь, пересекла бесконечный газон, служащий разделительной полосой, и с яростным визгом затормозила возле брошенной на произвол судьбы «шестерки». Петр заметил Юлину голову, настороженно высунувшуюся поверх редкого кустарника, увидел шефа, сиганувшего в сторону придорожного леска, а потом его внимание приковал мужчина, выбравшийся из бежевой машины. В надвинутом до подбородка вязаном колпаке с прорезями для глаз, при самом настоящем автомате, он выглядел отъявленным головорезом, за

действиями которых интересно наблюдать в кино, но никак не в реальной жизни.

Дадах! Да-да-да-дадах! Автомат, который налетчик картинно приложил к бедру, поднял такой тарарам, что со всех деревьев разом взмыли черные вороны, заглушая эхо выстрелов своим возмущенным карканьем. Петру показалось, что по кустам и деревьям на противоположной стороне шоссе прошелся невидимый кнут, сшибающий тонкие ветки и лоскуты коры. Стегнул он и по спине улепетывающего шефа, ноги которого сразу заплелись и понесли его не прямо, а в сторону, на открытое пространство. Дадах! Дадах! Лехманская фигурка встрепенулась еще раз, прежде чем рухнуть ничком в жухлую траву.

— А-а-а-а! — это истошно заголосила Юлечка, припустившая через кусты вдоль дороги. Вопила она на всю округу, а вот бежала медленно и неуклюже, почему-то мелко-мелко семеня ногами.

«Не успела натянуть штаны и все остальное», — машинально отметил Петр, когда Юлечка показалась на прогалине во весь рост.

Короткая очередь переломила ее пополам, как хворостинку, и так же легко швырнула на ствол старой березы. Когда она съехала вниз, на белой коре дерева остались ярко-красные пятна, заметные даже с большого расстояния. Петру показалось, что он различает четыре параллельных росчерка, оставленных окровавленными пальцами Юлечки.

Кра! Кра! Кра! — надрывались вороны, усеявшие все небо над леском. Их беспорядочная стая напоминала хлопья саж, летающие над пепелищем.

Внося дополнительное оживление в пейзаж, по дороге, один за другим, пронесли два красных «Икаруса», волочащие за собой шлейфы дыма и облачка грязных брызг. Убийца, заранее сдернувший с головы маску и прикрывший опущенный автомат своим корпусом, коротко посмотрел им вслед.

«Теперь он застрелит меня», — с отчаянием подумал Петр, утративший всякую способность двигаться. В скорости реакции он смог бы состязаться разве что с паралитиком. Что-то внутри него перемкнуло,



когда он увидел, как убивают людей. Он просто стоял истуканом и ждал, когда настанет его черед.

Его худшие опасения сбылись. Убийца, так буднично перечеркнувший две чужие жизни автоматными очередями, мельком заглянул в салон «шестерки», перешел к багажнику и вдруг поднял глаза на Петра, точно их примагнитило его неотрывным взглядом.

– Ты! – крикнул мужчина, маня Петра пальцем. – Брось пистолет и иди сюда! С чемоданом! – Когда он открывал рот, там поблескивали золотые коронки.

Неизвестно почему, но их хищное сверкание вывело Петра из столбняка. Приглушенно вскрикнув от избытка чувств, он вскинул пистолет, вспомнил лехманские наставления, сдвинул рычажок предохранителя и изо всех сил нажал пальцем на спусковой крючок.

Никаких результатов эти манипуляции не дали, даже сухого щелчка осечки не последовало.

– Затвор надо было передернуть, чудило, – насмешливо крикнул золотозубый, вскидывая автомат.

Петр, одна рука которого была занята чемоданчиком, сообразил, что ничего и никогда он уже передернуть не успеет, машинально попятился и... со всего размаху сел на старый автомобильный скат, подвернувшийся под ноги.

Самих выстрелов он почему-то не услышал, зато очень даже отчетливо ощутил, как волосы на макушке тронуло ветерком, вызванным очередью, которая вспорола воздух над головой. Соседнее дерево вздрогнуло, словно по нему ударили палкой. Прежде чем на Петра просыпались сухие листья, он уже был на ногах, понесших его прочь с невероятной скоростью. Ноги сами находили дорогу, обминая бугорки и впадины, и оставалось только уповать на то, что они не подведут, не подвернутся неожиданно и не зацепятся за хворост, густо устилающий землю.

Он бежал к спасительному леску, потому что даже тонкие ветви и голые стволы деревьев сулили хоть какое-то укрытие от вездесущих пуль. А они не замедлили ринуться вдогонку. Когда протарахтела новая

очередь, Петру показалось, что вслед ему с яростью швырнули жменю мелких камней, с шорохом врезавшихся в заросли как раз там, куда он намеревался вломиться с разбегу каким-то мгновением раньше. Но ноги мудро выбрали узкую просеку, и это спасло Петру жизнь.

Потом ноги приняли еще одно неожиданное решение: вынудили взвиться в воздух над кучей бурелома в таком высоком и затяжном прыжке, что у него перехватило дух. Пули крошили гнилые останки деревьев под Петиными ногами, а он все летел и летел вперед и приземлился лишь тогда, когда преследователь перестал жать на гашетку. А приземлившись, кубарем покатился вниз по возникшему впереди откосу, успевая увидеть то фрагмент неба с росчерками нависших ветвей, то клочок земли, поросший мертвой травой, и так до самого низа, где беглеца ожидало купание в холодной, но вовсе не родниковой водице, явственно пованивавшей канализацией.

Это была просто безымянная речушка в пару метров шириной, и, когда Петр вскочил на ноги, вода не доходила ему даже до колен. Пистолет куда-то запропастился при падении, а тяжелый чемоданчик по-прежнему оставался в Петиней руке, совершенно бесполезный и даже неуместный при беге по пересеченной местности. От него следовало избавиться, но так, чтобы при необходимости документы можно было найти. Зачем? Да потому что за доверенные вещи принято отвечать, даже если они чужие.

Понимая, что преследователь вот-вот выберется на открытое пространство и увидит его, Петр высмотрел среди камышей темную корягу и, широко размахнувшись, метнул в ее направлении свою ношу, надеясь, что при необходимости сумеет найти это место. Теперь, когда его руки освободились, он с удвоенным проворством начал выбираться из балки, карабкаясь вверх по ее крутому склону чуть ли не на четвереньках. Продолжай он волочить за собой чемоданчик, восхождение заняло бы не меньше пяти минут, которых Петру никто дарить не собирался.

Когда за спиной прозвучал короткий раздосадованный вопль и беспорядочный шум, Петр не удержался, чтобы не оглянуться через плечо. Преследователь, по-видимому, попытался повторить его прыжок, но менее удачно, потому что вниз он катился буквально через голову, то и дело сменяющуюся нелепо взбрыкивающими ногами. Удар об землю – короткий полет, и так многократно. Момент окончательного падения

Петр дожидаться не стал, припустился дальше с прытью, которой позавидовал бы даже молодой лось. Он не удивился тому, что автоматчик не спешит с новой серией выстрелов. После стремительного падения у него самого до сих пор все плясало перед глазами, а целиться в таком состоянии можно было разве что в белый свет как в копеечку.

Собственное прерывистое дыхание – вот и все, что слышал Петр на протяжении нескольких последующих минут, точно внутри безостановочно полено перепиливали: хэх-хэх-хэх. Потом где-то далеко позади снова прозвучала автоматная очередь: а-та-та, но она уже казалась не страшной, не имеющей к нему никакого отношения. Преследователь явно потерял его из виду и теперь косил в бессильной злобе окружающие заросли.

– Ушел, – приговаривал Петр, выдыхая это короткое слово с неизъяснимой благодарностью судьбе. – Ушел... Ушел...

Петр не остановился, не замедлил бег и не перешел на шаг, когда выломился из лесопосадки на пахоту, хотя налипший на подошвы чернозем чрезвычайно утяжелял ноги и каждое движение стоило здесь удвоенных усилий. Он упал на землю только в очередной рощице, заметил рядом полусгнившие останки собаки, но не нашел в себе сил отползти от нее подальше.

«А ведь и я мог валяться вот так, всеми забытый и никому на хрен не нужный», – подумал Петр. Он понял, что ни в коем случае нельзя отсиживаться в сырой рощице, над которой неслись неопрятные клочья туч. Потому что пустая машина на дороге должна была рано или поздно привлечь внимание, а там и трупы обнаружат. И если милиция выставит на дорогах кордоны, то ему, расхристанному и грязному, вряд ли удастся проскользнуть в Курганск незамеченным.

Кое-как отдышавшись и приведя себя в порядок, Петр двинулся в сторону шоссе, где намеревался поймать попутку или тормознуть первый попавшийся рейсовый автобус. Брошенная «шестерка» Лехмана для него попросту перестала существовать. Не приучен он был брать чужое без спросу. Батя с малых лет внушил ему нехитрое правило: «на чужой каравай рот не разевай», вот Петр отцовскому наставлению и следовал – губы, что называется, попусту не раскатывал, так что сон у него всегда был здоровый и крепкий, богатырский был сон.

Одним словом, не жаль было Петру вылизанных хозяйских «Жигулей» празднично-желтого цвета, а вот при мысли о нелепой смерти самого Лехмана делалось ему муторно. Ехал человек в Москву на важные переговоры, полный портфель умных документов с собой вез, ехал-ехал, да никуда не доехал. Кому теперь он нужен – холодный, неподвижный, одинокий? Спустят с него штаны, станут ворочать с боку на бок, щупать, воротя носы, как от несвежей свиной туши, а потом выгребут все из карманов да и отправят в морг на потеху пьяным санитарам.

– Эх, шеф, шеф, – приговаривал Петр, укоризненно качая головой на ходу. – Что ж вы так неосторожно, а? И ведь как в воду глядели, когда на бежевую «волжану» озирались. Подставила вас, шеф, ваша ссыкушка Юлечка. Хоть и ее жаль тоже, а все равно это ведь она, сучка такая, под монастырь вас подвела...

Так беседовал Петр с покойным Лехманом да с самим собой, а вот откровенничать на эту тему с посторонними не собирався, тем более с ментами. Им только подавай главного свидетеля, они враз из него подозреваемого слепят, тоже главного. Может, и зря грешил парень на людей в форме, да только почему ж тогда все вокруг придерживались точно такого же мнения? Произнеси на Руси громкое слово «правосудие», на тебя посмотрят, как будто ты неприличный звук издал, стыдно станет. Вот и спешил Петр от этого самого правосудия как черт от ладана.

У него имелись неплохие шансы избежать дачи показаний. Права и доверенность на машину лежали в нагрудном кармане, кто докажет, что он присутствовал на месте преступления? К тому же прием на работу к Лехману был произведен неофициально, без заполнения договорных бланков, анкеты и трудовой книжки. Все это вселяло надежду, что следствие по факту двойного убийства не коснется Петра никоим образом. Оставалась, правда, квартира, в которую Лехман его запустил недавно, но опять же Петр в ней прописан не был, с соседями не общался, так что надеялся тихонько пересидеть в ней еще ночку, собрать нехитрое барахлишко да и махнуть в родную Еленовку, от греха подальше.

– В гробу видал я ваш бизнес! – сердито бурчал он, поддавая на ходу ногой пустую пластиковую бутылку. – Вот вам и конкуренция! Валят кого ни попадя, а ты отдувайся!

В таком философском, а значит, и в неизбежно мрачном настроении Петр поднялся в притормозивший автобус, устроился на заднее сиденье и стал смотреть в окно, на всякий случай выискивая взглядом грозную бежевую «Волгу».

Он уже знал, что, вернувшись на квартиру, ни за что не станет смотреть по телевизору вечерний боевик, как привык это делать. Потому что теперь никакой раскрутейший Сигал, никакой самый невозмутимый Лундгрен не убедили бы его в том, что под пулями легко сохранять хладнокровие и героическую осанку.

– Херня все это, – прошептал Петр, пряча подбородок за поднятый воротник. – Какая же это все-таки херня!

Сам не подозревая того, он имел в виду не только кино, но и жизнь. А еще смерть, оказавшуюся такой же бессмысленной и глупой, как все предшествовавшее существование двух человечков, отправившихся значительно дальше, чем собирались за минуту до того, как их не стало.

## Глава 4

### Под колесом фортуны

Петр, чудом спасшийся от смерти, собирал по квартире свои манатки и пихал их в сумку, скорбя больше всего о том, что со штангой и гантелями придется расстаться.

Элька добиралась в такси к месту очередного заказа и если вспоминала недавнего клиента, то только для того, чтобы подивиться собственной лихости, с которой она орудовала ножом и бутылкой.

Костя нетерпеливо поглядывал на часы, попутно страдая из-за сгинувших миллионов так, словно они были его собственностью, и мысленно желал проклятому Лехману самой ужасной гибели, не зная, что она уже случилась.

Жил-был в городе Курганске еще один человек, у которого имелись свои собственные проблемы и неприятности, отступившие на время под натиском одной из сильнейших человеческих страстей – зверского аппетита.

Мелкие кусочки мяса еще трещали на сковороде и плевались во все стороны жиром, когда Роман, не в силах более терпеть пытку голодом, наколот один из них на вилку и отправил в жадно разинутый рот. Он прихватил мясо только зубами, оберегая губы, но язык все равно обжег и лишь после этого догадался залить пожар самым правильным на свете пивом «Бочкарев». После чего мечтательно закрыл глаза:

– М-м, кайф!

– Вкусно? – обрадовалась мать.

– Угум, – подтвердил Роман, приступая к следующему куску свинины и глотку холоднящего пива. – Нет слов, одни эмоции.

– А почему ты не переоделся? Опять куда-то собираешься? Вот и сегодня только под утро явился...

– Дела, – туманно пояснил Роман, безостановочно орудуя вилкой и стаканом. – Дела у меня, мама.

– Какие могут быть дела на ночь глядя? Твой отец был большим начальником, как ты знаешь. Но он всегда следовал одному очень важному принципу: никаких дел после конца рабочего дня. Если человек не успевает справиться со стоящими перед ними задачами за отведенное ему время, значит...

– ...он никудышный работник, – закончил Роман. – Ты мне это уже тысячу раз говорила и всегда одними и теми же словами. Как ведущий какого-то дебильного ток-шоу, честное слово! Зазубрила несколько расхожих фраз и бу-бу-бу, бу-бу-бу! Нельзя же так, мама! Нельзя всю жизнь молиться на отца и повторять его слова! Он давно умер, а его взгляды и убеждения сегодня не катят. Пора бы научиться жить сегодняшним днем. Здесь и сейчас – вот главный принцип. Любой дзен-буддист тебе скажет: прошлое сгнуло, будущее неизвестно, потому у человека есть только его настоящее. Как в той песне про миг между прошлым и будущим, понимаешь?

Мать согласно покивала неравномерно окрашенной головой и негромко подтвердила:

– Понимаю. Мудрые они люди, эти дзынь... дзень... в общем, буддисты твои. И принцип у них хороший, Ромочка, никто не спорит. Но здесь и сейчас у нас нет денег даже на хлеб и молоко. Последние пятьдесят рублей я истратила на свинину и пиво, как ты просил. Извини, конечно, что напоминаю, но ты обещал сегодня принести деньги. За квартиру два месяца не плачено, соседкам почти тысячу должна...

Деньги, деньги, деньги! Романа уже тошнило от этого слова. Свет на них клином сошелся, что ли? – угрюмо подумал он. И сам себе ответил: да, сошелся, еще как!

Все вокруг делали деньги или хотя бы мечтали об этом, рассчитывались ими, слянявя купюры, или любовно складывали их стопочками, чтобы спрятать в заглазничек подальше от посторонних глаз. И подавляющее большинство человеческих молитв, начинающихся с

заискивающего: «Господи всемогущий, смилуйся над рабом своим грешным...», завершались классическим требованием прирожденных попрошайек: «Дай миллион, дай миллион, дай миллион!»

Бог никому ничего не давал, предоставляя заблудшим чадам выкручиваться самостоятельно. Это Роман давно понял, а потому переадресовал свои мольбы бывшим товарищам и партнерам по бизнесу, которые в последнее время словно сговорились, отвечая на просьбы одолжить денег одной и той же заученной фразой: «Рехнулся, Ромка? Не знаешь, какая сейчас ситуевина?»

Эта самая ситуевина была у них у всех очень даже хреновая: одному не хватало денег на евроремонт, второй горел желанием сменить просто крутую тачку на самую крутую, третий мечтал свозить молодую жену на испанский курорт или одеть любовницу с ног до головы в парижских салонах. Роману, который когда-то опережал в коммерческом марафоне всю эту зажавшуюся братию, оставалось теперь лишь стоять в сторонке и завистливо наблюдать за ее стремительным продвижением к все новым и новым горизонтам. Отстал он, безнадежно отстал. А старт был таким многообещающим!

Свое дело Роман затеял два года назад, сразу после окончания университета. Из двух тысяч долларов, скопленных отцом за всю его беспорочную карьеру директора научно-исследовательского института, прерванную инфарктом миокарда, треть ушла на отмазку от армии, а остальное послужило пропуском в волшебный мир частного предпринимательства.

Начинал Роман с организации вывоза дерьма из платных сортиров и доставки продуктов питания на те же самые рынки, где это дерьмо исправно образовывалось и накапливалось. Такой уж получался замкнутый цикл. На этой щедро удобренной почве вырос первый капиталец, который Роман, вместо того чтобы бездумно растратить, решил приумножить.

Располагая пятнадцатью тысячами долларов, он столько же занял и вскоре превратился во владельца небольшой сети платных автостоянок, которые со временем мечтал оснастить мойками, ремонтными мастерскими и магазинчиками запчастей. Приятели, которые теперь шарахались от него как от прокаженного, в ту счастливую пору увивались вокруг, набиваясь в спонсоры и совладельцы. Роман предпочел



продолжать бизнес самостоятельно. В одиночку и прогорел.

Все началось с рокового джипа «Чероки», загадочным образом испарившегося со стоянки. На Романа наехали с претензиями, требуя выплатить неустойку и недвусмысленно обещая лишить его в противном случае молодой жизни. При этом в блекло-голубых глазах владельца джипа таилась плохо скрываемая издевка, а окружающие его «заинтересованные лица» вообще были откровенно глумливыми. Романа попросту «развели», но так красиво и грамотно, что никакая крыша не могла уберечь его голову от нависшей угрозы.

Он заплатил за свой дилетантский подход к делу ровно 40 000 долларов. Это был полный крах, потому что пришлось не только распрощаться со всеми стоянками, но и залезть в долги, которые не убывали, а нарастали с каждым месяцем. Роман занимал деньги у одних людей, отдавал их другим, а потом писал новые расписки третьим, чтобы расплатиться с первыми. В глубине души он надеялся, что этот финансовый круговорот будет длиться до бесконечности, и для него стало огромным потрясением известие о том, что все его многочисленные расписки отныне сосредоточены в одних руках, пролитой крови на которых чуть ли не цистерна плюс маленькая канистра.

И состоялась встреча Романа с этим человеком, нагнавшим на него страху. И был на той встрече выставлен окончательный счет, не подлежащий пересмотру: 17 000 долларов. И срока на погашение долга было отведено так мало, что хоть ложись да помирай. Так бы Роман и поступил, если бы не предупреждение, что смерть его ждет долгая и мучительная.

Возвратившись из бандитских застенков домой, Роман во время похода матери на базар изъясил все документы, касающиеся четырехкомнатной квартиры в центре, загородной дачи с участком и автомобиля «Жигули» седьмой модели. К этим бумагам прилагалась нотариально заверенная дарственная, выписанная матерью, и ее паспорт. Ошеломленная внезапной смертью мужа, она заблаговременно распорядилась имуществом так, чтобы у Романа в случае ее неожиданной кончины не было проблем со вступлением в права наследника. Этих проблем у него действительно не возникло, а смерти матери дожидаться было некогда.

С бумагами Роман отправился в фирму с обманчиво доброжелательной вывеской «Выдача ссуд под залог», где расторопные юристы к концу рабочего дня оформили все в лучшем виде. В шесть часов вечера того же дня на руки клиенту выдали второй экземпляр договора и девять с половиной тысяч долларов – просто слезы в сравнении с реальной стоимостью заложенного имущества. Да и то Роману удалось выторговать так много лишь потому, что он обязался возвратить заем в двухдневный срок.

Пятитысячная пачка, перехваченная для надежности двумя оранжевыми резинками, была немедленно вручена напугавшему Романа бандиту. «Пока гуляй, фраерок», – разрешил он, и Роман со всех ног бросился выполнять это напутствие.

Двести долларов были истрачены на более-менее приличный костюм модного покроя и красочную энциклопедию азартных игр объемом в дюжину мормонских библий. Листая страницы, Роман выбрал рулетку, где выигрыш зависел только от удачи («новичкам всегда везет»), а не от карточной колоды в блудливых руках крупье. Он штудировал книгу почти сутки, а вчера вечером, одетый с иголки, аккуратно постриженный, с лицом, озаренным надеждой, отправился в казино «Фортуна».

Хотя в кармане у Романа лежало ровно 4 300 долларов, швейцару, предусмотрительно распахнувшему перед ним двери, не обломилось на чай даже жалкого червонца. Роман явился в казино не тратить, а приумножать. Он дал себе зарок выйти оттуда с двадцатью пятью тысячами и твердо верил, что так оно и будет. Потому что больше не во что было верить, не на что уповать.

Поднимаясь по широкой мраморной лестнице вверх, Роман незаметно подмигивал всем своим зеркальным отражениям, убеждая себя в том, что он, такой красивый, нарядный и элегантный, достоин совершенно сказочной участи и начало этой волшебной сказке будет положено прямо сегодня. Здесь и сейчас.

У входа в игорный зал, где Роман немного замешкался, ему ободряюще улыбнулась девушка в бирюзовой униформе и, безошибочно опознав в посетителе новичка, вежливо обратилась к нему прокуренным контрольно:

– Добрый вечер, мы рады видеть вас у себя... Что предпочитаете? Блэк-джек, баккара, рулетка?

– Пожалуй, я сыграл бы в рулетку, – ответил Роман, постаравшись создать себе имидж завсегдатая лас-вегасов с монте-карлами посредством нарочитого зевка.

– Как раз есть свободные места, – обрадовалась девушка так, словно еще недавно за право просадить деньги за игорным столом сражались толпы азартных посетителей. – Проходите, пожалуйста. Чипы можно приобрести в кассе слева от входа. Минимальная цена пять долларов за штуку, можно в рублевом эквиваленте.

– Разберусь как-нибудь без тебя, золотце, – холодно сказал Роман, проникая в зал. Его задело упоминание о самых дешевых фишках. Он не ожидал, что так быстро растеряет лоск и апломб, которые выделяли его в лучшие времена.

Прежде чем направиться к столу с вращающейся рулеткой, Роман решил ненадолго пришвартоваться возле стойки, чтобы придать себе немного градусов уверенности, а заодно свыкнуться с непривычной обстановкой. Им был выбран совершенно фантастический пятидесятидолларовый коктейль, состоящий из пяти различных напитков, и все они, не смешиваясь, плавали в бокале разноцветными полосами: белая, зеленая, голубая, оранжевая, бордовая. На последней, кстати, не самой крепкой, Роман поперхнулся и закашлялся, потому что опознал в соседке, непринужденно восседавшей рядом, не кого-нибудь, а известную столичную штучку Наташу Расстригину, которая вся была совершенно подлинная, от головы, увенчанной обязательным светлым париком, до выдающихся ног, обтянутых сверкающими колготами.

Даже если она действительно побывала голышом на Джомолунгме, как задорно пела в каком-то своем старом шлягере, без чулочков и накладных волос там все равно не обошлось, как заподозрил Роман. Он задумчиво тянул свой коктейль, слой за слоем, а глаза его никак не могли оторваться от обращенных к нему гладких коленок.

– Что уставился? – беззлобно спросила то ли очень усталая, то ли слегка хмельная дива. – Потрогать хочешь?

Роман заметил, что за спиной знаменитости маячат два молодых

атлета в просторных костюмах, явно напрягшиеся в ожидании его реакции, и демонстративно выложил обе руки на барную стойку.

— Нет, — сказал он. — Просто удивился, когда вас увидел... здесь. Вы к нам с гастролями?

— Ага, — улыбнулась всенародно любимая Наташа, обозначив на лице две вечно молодые ямочки. — Капусту косить приехала. Любишь капустку, зайчика? По глазам вижу: ох как любишь! — Ее взгляд преисполнился непонятной грусти. — Но с тобой никто не поделится, не надейся. Так что хrumать будешь то, что сам урвешь, понял? Или хрен сосать, как мишка — лапу.

Ее грубоватое участие почему-то окрылило Романа.

— Уж я-то свой кусок урву, не сомневайся! — воскликнул он весело. — А потом тоже ни с кем делиться не стану: ни с тобой, ни с кем-нибудь другим.

С этими словами он соскочил с высокого табурета и решительно направился на жужжащий звук запущенного колеса Фортуны. Грубоватое напутствие длинноногой Наташи заставило его с особенной остротой ощутить всю важность этой ночи. Или грудь в «хрустах», или голова в кустах.

За расчерченным столом сидели несколько мужчин и тощая брюнетка, наряженная девочкой, хотя ей давно перевалило за тридцать. Игроки, обмениваясь короткими репликами, переставляли стопочки фишек по полю, а крупье с извиняющейся улыбкой подгребал их к себе специальной лопаткой после торжественного провозглашения выигравшего номера.

Участливое выражение, с которым крупье взирал на проигравших, скорее всего было скопировано с лица бывшего председателя Центробанка, разъясняющего бестолковым согражданам, как и почему их вклады в очередной раз прогорели.

Присмотрев себе местечко слева от лукавого распорядителя игры, Роман сходил к окошку кассы, оставил там все оставшиеся деньги и возвратился с пакетом, в котором находилось ровно 85 чипов стоимостью по 50 долларов каждый.

– Делайте ставки, господа, – оживился крупье, увидевший, что его полку прибыло. – Спасибо, – поблагодарил он Романа лично, когда тот поставил десяток кругляшей на «пассе» и столько же на дюжину номеров.

Шарик, запущенный в направлении, противоположном вращению диска, помчался по замкнутому кругу. Когда скорость начала замедляться и шарик принялся звонко пересчитывать лунки, попадающиеся ему по пути, у Романа нестерпимо засвербело в носу, и он плаксиво сморщился, приготовившись чихнуть.

– Номер девять, красное, – отчеканил крупье.

Лицо Романа мгновенно преобразилось, когда лопатка, ловко маневрируя по столу, пододвинула к нему целую горку разноцветных фишек. «Вот и поперло, главное теперь – вовремя остановиться», – сказал он себе, чувствуя, как лицо обдало лихорадочным жаром.

Шарик отправлялся во все новые круизы, описывая виток за витком. Цифры на диске сливались в одну бесцветную полосу, но Роману казалось, что он различает их и способен взглядом заставить шарик остановиться на облюбованных номерах. И это срабатывало! Уже через час он был обладателем целой горы чипов, которые из суеверия не прятал в пакет. Соседи по столу смотрели на него, ошалелого, взъерошенного и потного, с той любопытной смесью черной ненависти и белой зависти, которая сопровождает в России каждое движение, каждый шаг тех, кого угораздило стать счастливыми. Роман не замечал этих взглядов. Не видел он в упор и посетителей казино, которые начали стекаться к рулетке, почуяв, что здесь идет игра по-крупному. Перед глазами Романа стояли лишь разноцветные цифры, только они были для него реальными, все остальное просто перестало существовать.

– Не могли бы вы... – он сглотнул слюну, прежде чем сипло закончить фразу, адресованную крупье: – Не могли бы вы подсчитать, сколько все это стоит. – Слегка дрожащий палец указал на груду фишек.

Крупье возвел глаза к потолку, брезгливо выпятил нижнюю губу и доложил после минутной финансовой медитации:

– Вы выиграли около тридцати тысяч долларов. Желаете обменять

чипы на деньги? – Выражение его лица было угрюмым, как на похоронах, а свою лопатку он перехватил на манер саперной.

Он боится, что я сейчас встану и уйду с выигрышем, догадался Роман. Наверное, их тут как-то штрафуют за подобные проколы, поэтому парень мечтает, чтобы я остался и проигрался в пух и прах. Но это его личное дело, а моя задача – убраться немедленно с тридцатью штуками в кармане. Так подумал Роман. А вслух сказал совсем другое:

– Испытаю-ка я судьбу еще раз... Помогите мне сделать ставки. 10 тысяч на число двадцать три, десять – на красное и столько же на нечет... Да, именно так, спасибо. Оставшуюся мелочь можете забрать себе.

Крупье наградил его улыбкой, больше смахивающей на гримасу человека, у которого прихватило живот. Или руку – крокодильей пастью.

– Ставки сделаны, господа, – зловеще объявил он и, прежде чем запустить шарик, украдкой зыркнул на неугомонного везунчика, превратившегося в центр всеобщего внимания.

Роман обвел собравшихся тяжелым взглядом и вдруг понял, что все смотрят на него как на неизлечимо больного или смертельно пьяного человека, с которым вот-вот произойдет непоправимая беда. «Надо было ставить на восьмерку, – вдруг понял он, холодея от ужаса. Зачем я поставил на 23? Выиграет 8!»

– Номер восемь, черное! – торжествующе выкрикнул крупье.

Роман смотрел на замершее колесо, на шарик, приткнувшийся рядышком с цифрой 23, и так могло продолжаться целую вечность, если бы перед его неживыми глазами не возник из ниоткуда красивый золоченый поднос с одиноким прощальным бокалом шампанского.

Он отстранил девушку с подносом и пошел на негнущихся ногах к выходу, сутулясь под тяжестью провожающих его взглядов, среди которых было больше насмешливых, чем соболезнующих. Потом он добирался домой пешком, а когда это механическое движение наконец завершилось, не сразу сообразил, что находится в своей квартире... в своей бывшей квартире, как услужливо подсказала память, которую хотелось сменить на полную амнезию.

Остаток ночи и почти весь день Роман проспал, хотя больше всего это состояние походило на глубокий обморок. А теперь он сидел за кухонным столом напротив матери, и в карманах его костюма не было ничего, кроме записной книжки, расчески, паспорта и ключей. «Кстати, ключи надо выложить, – подумал Роман. – Они мне больше не пригодятся».

Стало до слез жаль себя, а вот мать, как ни в чем не бывало тараторящая какой-то вздор, вызывала только глухое раздражение.

«Вещи ей наверняка разрешат забрать, – размышлял Роман, разглядывая плохо покрашенную седину в волосах матери. – У нее есть сестра в Ростове, значит, найдет куда приткнуться. А я? Неужели придется бомжевать, рыться на помойках, ночевать в подвалах? Глупо надеяться, что мне простят двенадцать тысяч».

Вздыхнув, Роман посмотрел на часы и обнаружил, что до 18.00, когда истекал срок погашения займа, осталось несколько минут. В фирме, где Роман получил деньги, ему было сказано, что опоздание будет засчитано ему как поражение и новые владельцы не замедлят явиться по его бывшему адресу для вступления в права собственности. Сколько времени понадобится энергичным, физически развитым молодым людям на сборы? Да считанные минуты, ответил себе Роман. А от фирмы до его дома рукой подать. Пора было уходить. Абсолютно не хотелось присутствовать при неприятной сцене, которая станет для матери настоящим шоком. Бессмысленные вопросы, слезы, выяснения отношений... Нет, Роман не собирался участвовать в этой пошлой мелодраме.

Он встал и сказал с мягкой, чуточку смущенной улыбкой:

– Мне пора, мама.

– Какая хорошая у тебя улыбка! – воскликнула мать. Она тоже встала, приблизилась к сыну и провела ладонью по его гладко выбритой щеке. – Знаешь, когда ты улыбаешься, то становишься ужасно похожим на Жерара Филипа, кумира моей молодости. Он играл в фильме «Фанфан-Тюльпан», может, тебе приходилось его видеть?

– Да, – ответил Роман, постепенно отступая в прихожую, чтобы дело не дошло до тягостных объяснений. – Его недавно в цвете сделали, очень

красиво. Но все это ностальгические бредни, мама. Надо жить здесь и сейчас, я же тебе говорил. Время сейчас совсем другое, жестокое время. Не до тюльпанов. – Последнее слово он выдал с натугой, потому что нагнулся обувать ботинки.

– А я не верю! – воскликнула мать. – Конечно, люди озлоблены, многие из них проявляют свои худшие черты... Но ведь надо видеть и хорошее, сынок. Когда я гляжу на тебя, мое сердце радуется. Да, сейчас тебе трудно, но рано или поздно ты добьешься всего, чего пожелаешь, потому что...

– У нас добьешься! – скривился Роман. – Головой об стенку!

– Не надо сгущать краски. Смотри в будущее с оптимизмом.

Роман бросил взгляд на часы, невесело усмехнулся и потрепал мать по плечу:

– Я рад, что ты у меня оптимистка. Так легче жить. А мне, пессимисту и цинику, пора.

Чмокнув мать куда-то возле уха, он оставил ее одну, догадываясь, что уже никогда не сможет посмотреть ей в глаза.



## Глава 5

### Незванный гость хуже званого

Предварительное знакомство и осмотр Элькиных достопримечательностей заняли в общей сложности девять с половиной минут, пять из которых ушло на ее раздевание.

Она ужас как не любила эту процедуру, особенно когда попадался клиент с изучающими глазами холостого гинеколога, вернувшегося на рабочее место после длительного отпуска. В любовных романах такой взор называется «проникающим до глубины души». Мужчина, представившийся просто Костей, смотрел на Эльку именно так.

– Ну-с, приступим! – бодро воскликнул он, когда с формальностями было покончено, деловито установил Эльку в популярную позу уличной собачки и в два счета овладел ею сзади.

Живчик – так она его классифицировала. Вечный бодрячок, напористый, кипучий, но зато быстро остывающий. Такие во время долгих перерывов много балагурят и хвастаются. Не худший вариант. В сравнении с настырным свиноводом – сущий ангел.

Воспоминание о случившемся в гостинице заставило Эльку поморщиться. Еще никогда в жизни не доводилось ей видеть так много крови сразу, и впечатление оказалось слишком ярким, чтобы его можно было загнать в самый дальний уголок сознания.

– Ты двигайся, – капризно потребовал просто Костя. – Я не куклу покупал.

Не куклу он покупал, видите ли! А кого? Рабыню? Наложницу? Так тех, наверное, кормят, прежде чем пользоваться. Элька упрямо склонила голову и продолжала неподвижно стоять на четвереньках, лишь покачиваясь в такт азартным толчкам сзади.

– Давай! – понукал ее расходившийся Костя, наращивая темп и слегка похрапывая от усилий. – Давай, милая, шевелись!

Кобылу нашел! Элька неожиданно высвободилась, развернулась к нему лицом и задиристо толкнула в оба плеча, опрокинув на спину.

– Ты чего? – озадаченно спросил он, лупая своими блекло-голубыми глазами, напоминающими выцветшую джинсовую ткань.

– А вот чего...

С проворством ведьмы она оседлала Костю и изобразила на нем привычную ритмичную скачку, которая лично ее никогда никуда не приводила. И все же управлять раскормленным жеребцом было приятнее, чем самой изображать покорную лошадку. Он просил: давай? На! Поехали! Слегка откинувшись назад и запрокинув голову, чтобы не видеть, кто там находится внизу, Элька задала своему клиенту такого жару, что он и двух минут не выдержал, сдался, оповестив об этом протяжным сдавленным стоном.

Финиш! Победно усмехнувшись, она ловко спрыгнула на пол и полюбовалась перекошенной физиономией Кости, жадно хватающего ртом воздух. Оттого, что Элька смотрела на него, распластанного на кровати, с высоты своего роста, он казался ей поверженным врагом. Они все были ее врагами, все мужики без исключения. Даже те, кто пытался быть нежным или пьяно признавался в любви. Особенно последние. Лирики в грошовых презервативах. Романтики анального секса. Поэты минета.

– А ты ничего, – признал оклемавшийся Костя, поощрительно глядя на нее снизу вверх. – При фигуре, при мордашке... Очень даже симпатичная.

Вместо того, чтобы расцвести майской розой, Элька по-осеннему пасмурно спросила:

– Чем-нибудь угостишь симпатичную? Или программой не предусмотрено?

– Коньяк и апельсины. На большее не рассчитывай. Я убежденный холостяк, и этим все сказано.

– Тащи коньяк и апельсины, – милостиво разрешила Элька. – Сойдет.

Когда клиент встал и принялся брезгливо избавлять свое поникшее достоинство от резинки, она поспешно отвернулась. Это был явно не тот Костя, который приводил в Одессу шаланды, полные кефали, и заставлял биндюжников вставать при своем появлении. Скорее он смахивал на Карлсона без пропеллера. Стандартный мужчина в полном расцвете сил. До габаритов свиновода ему было далеко, но слеплен он был из того же рыхлого теста.

Пока он возился на кухне, Элька прошлась по комнатам, привычно прикидывая стоимость обстановки. Сумма получалась не то чтобы внушительная, но и немалая. Значительно превышающая все то, что она сумела заработать известным местом. Телевизор с суперплоским экраном, компьютер, музыкальный центр, светлая мебель из настоящего дерева.

– А кондиционером почему не обзавелся? – полюбопытствовала она, продолжая обход.

– Зима на носу, – пояснил Костя из кухни. – Летом установлю «Тошибу», круче не бывает.

Установит, завистливо подумала Элька. И еще всякой всячины закупит. Этот не пропадет, поотирается своей волосатой задницей в нужном месте в нужное время и огреbet денег. А от моей задницы, хоть она в тысячу раз привлекательнее, проку мало. Добавить ему в коньяк клофелина, что ли? – внезапно озлобилась Элька. Она уже направилась к сумочке, когда вспомнила, что избавилась от уличающего ее снадобья еще вчера. Бутылкой же орудовать больше не хотелось. Так что повезло хозяину квартиры. Дважды повезло – если бы не необходимость перекантоваться где-нибудь до утра, никогда не поимел бы он Эльку.

– Заждалась?

Он возник в спальне с подносом в руках, такой вальяжный и самодовольный, что Эльке вдруг захотелось дернуть его за причинное место, чтобы увидеть растерянное выражение на его физиономии. Уронит поднос, заорет благим матом. Прольется отвратная «Плиска», которую только безнадежный оптимист осмелится назвать коньяком,

покатятся по ковру апельсины. Вот будет цирк!

Благоразумно спрятав руки за спину, она ответила:

– Прямо извелась вся. Лицо не сильно осунулось?

– Куда уж сильнее, – парировал он. – Лучше питаться надо, золотце.

– От твоего угощения не очень-то поправишься, – хмыкнула она.

– Зато витамины. Выбирай. – Он протянул к ней поднос с оранжевыми цитрусами и невольно задрал голову, оценивая статью гостыи. – Ну ты и вымахала! Какой у тебя рост?

– Метр семьдесят.

– Не может быть, – усомнился Костя. – У меня метр семьдесят три. А ты выше.

– Я не выше, – сказала Элька. – Это ты ниже.

– Не понял.

– И не надо понимать. Наливай. Отметим наше знакомство.

Поднос с выпивкой и фруктами был установлен на кровати, а Элька и Костя устроились по обе стороны от него – прямо два голубка, собравшиеся поворковать немного, прежде чем один начнет топтать другого. Ошипанные догола голубки с пупыристой кожей. Представив себе эту идиллическую картину, Элька фыркнула и пожаловалась:

– Прохладно тут у тебя. Я наброшу что-нибудь?

– Обязательно, – кивнул Костя. – Утром. В шесть часов ноль ноль минут.

– Чтобы деньги зря не пропадали?

– Чтобы помнила, кто есть кто.

– Кто есть ху, – поправила Элька. – Это мне и так известно.

С этими словами она в один присест выпила свою порцию и

скривилась, не столько от резкого коньячного духа, сколько из отвращения к своему подневольному положению.

— Я тост, между прочим, хотел сказать, — слегка обиделся Костя, проводив взглядом метнувшуюся туда-сюда стопку.

— Говори, — снисходительно согласилась Элька. — Я могу выпить еще, наливай. Вот только апельсинчик почищу.

Его светло-голубые глаза взмыли к подвесному потолку, порыскали там, выискивая подходящие слова, и вернулись обратно.

— Хотя ты и вредная, но... — произнес он, прежде чем влить в себя коньяк. Потом передернулся весь и добавил: — Ух-х!

Это и был обещанный тост. Произнеся его, Костя уставился на Эльку, причем глядел не в ее глаза, а на пару грудей, словно сравнивая одну с другой, прежде чем выбрать, какой именно закусить. «Сейчас опять начнется, — обреченно подумала она. — Разговорить его нужно, подпоить. Терпеть пьяные откровения легче, чем все остальное».

Поглощая дольку за долькой почти безвкусного и совсем не сочного апельсина, она поинтересовалась:

— Ты вообще кто?

Костя вылакал еще полстакана, впился зубами в неочищенный апельсин и ответил:

— Гум-гум-гум.

Ей стопочку отвел, а сам емкостью повместительнее орудовал, жадюга. И по этой примечательной детали Элька догадалась, что означала его полупрожеванная фраза.

— Коммерсант, что ли?

— Ну да. — Костя чему-то засмеялся, и это получилось у него довольно пакостно. — Сегодня с утра стал миллионером, например, — сообщил он после короткой паузы, уже без особого веселья, а потом и вовсе помрачнел прямо на глазах, скис. Жизненной энергии в нем осталось не больше, чем в свернувшемся молоке.

– Ты – миллионер? – переспросила Элька, не скрывая своего недоверия.

– Уже нет. – Тон у него был прямо-таки замогильный.

Таким хорошо выражать президентские соболезнования народу.

– Чем же ты торгуешь, если не секрет? – продолжала Элька интервьюировать его, намереваясь растянуть диалог до бесконечности. – Что покупаешь, что продаешь?

– А что попало. Взять хотя бы сервисные услуги. Широкий спектр.

– Это как?

Костя несколько оживился, вылил в глотку очередную порцию коньяка и с чавканьем вгрызся в свой апельсин, который и без того выглядел так, словно его терзала свинья. После чего, утирая подбородок, пояснил с мечтательным выражением лица:

– Представь себе, что сейчас лето, разгар сезона абитуриентов. А во всех газетах объявления: такая-то фирма проводит платные курсы с гарантией поступления в любой, – он многозначительно поднял палец, – в любой вуз страны. Желающих, допустим, сотня набралась. С носа по три штуки – получается триста тысяч рублей. Учреждение фирмы, аренда помещения, зарплата преподавателям – минус 100 000. Чистыми остается столько же. Вот тебе и полноценный летний отдых в любой точке земного шара, – закончил Костя свой короткий доклад на мажорной ноте.

Элька задумчиво сузила глаза, пошевелила губами и подытожила:

– Если от трехсот тысяч отнять сто, получится двести. С арифметикой ты явно не дружишь.

Костя захохотал так радостно, точно его сразу во всех укромных местах пощекотали.

– Так ведь одна половина абитуриентов поступает, а другая – нет! – воскликнул он. – Теория вероятности, пятьдесят на пятьдесят. Чтобы не было осложнений с законом и крутыми папашами, я неудачникам денежки возвращаю, все чин-чинарем. Но остальные-то все-таки

поступают! Тем более что учеба сейчас платная, конкурсы не в каждом вузе.

— Лихо, — оценила Элька. — А как ты граждан осенью обуваешь, в данный момент?

Костя снова насупился и демонстративно сунул в зубы сигарету, давая этим понять, что новых откровений не будет. Лицо у него стало злым и недружелюбным, как это обычно бывает спросонья.

«Похоже, дядечка тоже напоролся на чьи-то сервисные услуги, — определила Элька. — Как бы не взялся на мне отыгрываться. Эх, скорее бы утро. Вагончик тронется, перрон останется. Заплеванный, грязный перрон такого же грязного города Курганска».

Докурив несколькими жадными затяжками сигарету до самого фильтра, Костя прикончил остатки «Плиски», посопел немного и глухо признался:

— Кинули меня. Как последнего лоха кинули.

— Бывает, — осторожно посочувствовала Элька. — У нас тоже всякое случается. То бандитский субботник, то грузинский хор... А однажды меня на какую-то военную базу завезли. Офицеры там квасили по-черному. Меня трое суток продержали, потом домой пешком отправили. Расплатились консервированной ветчиной, прикинь! Дали сумку, а в ней промасленные банки!

Костя проявил к ее рассказу неожиданный интерес:

— И много их там было?

— Говорю же: полная сумка. Килограммов сорок весила, пришлось в лесу бросить.

— Я не о том! — Костя досадливо поморщился. — Офицеров этих, их много было?

Бросив украдкой взгляд на восторженный указатель Костиного нездорового интереса, который медленно возрастал прямо на глазах, Элька сообразила, что ее занесло не в ту степь и попыталась исправить положение:

– Один был. Генерал старенький, седой весь. У него ничего толком и не получилось.

– У меня получится, – пообещал Костя.

Голубизна его глаз окончательно поблекла, окантовка зрачков смазалась. Надо понимать, дрянная «Плиска», выпитая почти натошак, запоздало шибанула клиента по мозгам, рождая там пьяные идеи и фантазии, требующие немедленного воплощения в жизнь.

Элька вздрогнула, когда чужие липкие руки, обильно сдобренные коньяком и апельсиновым соком, легли на ее плечи.

– Иди сюда, киска, – предложил он утробным голосом. – Помурлыкаем...

– Поднос убери. Резинку надень. – Элькин голос звучал монотонно, словно она была медсестрой, готовящей пациента к осточертевшей процедуре. – Теперь ложись на спину.

– Нет, – Костя покачал головой. – Это мы уже проходили, хватит.

– Тогда я лягу.

– И это не катит. Пойдем...

Ухватив Эльку за локоть, он вытащил ее на середину спальни. Здесь, развернув ее к себе лицом, он опять положил ей руки на плечи, давая понять настойчивым нажимом, что желает видеть ее перед собой коленопреклоненную, а не возвышающуюся во весь рост.

Неохотно подчинившись, она оказалась в униженном положении кающейся распутницы, на темечко которой в знак отпущения грехов возложена милостивая длань священника. Ритуальный обряд, позволяющий любому, самому захудалому мужчине восторжествовать над женщиной, которая во сто крат его краше и лучше.

До отправления поезда оставалось еще много времени, но Элька вдруг поняла, что должна ощутить себя свободной и независимой прямо сейчас, если хочет попрощаться с прошлым с гордо поднятой головой.

– Знаешь, – сказала она, сбросив резким движением Костину руку, –



ты можешь запросто научиться обслуживать себя самостоятельно.

– Что ты сказала?

– Я сказала: сам. У тебя должно получиться, если хорошенько потренируешься. Главное, добиться гибкости позвоночника.

– Ах ты тварь!

Костя занес правую руку для пощечины. Элька совсем не по-христиански приготовилась уклониться и одновременно начала приподниматься, чтобы приготовиться к отпору. Так оба и замерли, застигнутые врасплох внезапным шумом на лоджии, соседствующей со спальней. Грохот, а потом перезвон бьющегося стекла – посреди ночи это прозвучало довольно-таки впечатляюще.

– Кот? – со слабой надеждой спросила Элька, хотя устроить такой тарарам было под силу только слону в посудной лавке.

– Какой еще кот, в задницу! – прошипел Костя. – Нет у меня никакого кота!

И он, и Элька во все глаза смотрели на темные окна лоджии, затуманенные прозрачными гардинами, но разглядеть им ничего не удавалось. Зато они отлично слышали, как там продолжают звякать и тренькать уже мелкие осколки. Очень скоро на лоджии кто-то шумно затопал, завозился, а потом к стеклу снаружи прилипла молодая мужская физиономия. Белая на фоне черного, она смотрелась не менее эффектно, чем полная луна в ночном небе.

– Открывайте! – голос прозвучал глухо, как если бы незнакомец говорил сквозь подушку.

Эльке неожиданно вспомнился фильм про оживших мертвецов. Она увидела, как Костю медленно повлекло к двери лоджии, точно он был бестолковым карпом, подтягиваемым за невидимую леску навстречу неминуемой гибели. Она хотела остановить его предупреждающим криком, но заметила за стеклом прижатую к нему вплотную внушительную железяку с идеально круглым отверстием и сообразила, что оттуда в любой момент могут вылететь пули. Тупая Костина покорность стала вполне объяснимой. Под прицелом поневоле

сомнамбулой станешь, никакого гипнотизера не нужно.

Сердце у Эльки затрепыхалось, как воробышек, зажатый в неумолимо сжимающейся пятерне.

Забыв обо всем, она оцепенело наблюдала, как Костя открывает дверь. Потом в спальню вместе со сквозняком проник высокий широкоплечий парень с короткой светлой стрижкой и посмотрел прямо на нее.

Глаза, с открытым взглядом которых пришлось столкнуться Эльке, оказались не просто голубыми, как у того же Кости, а васильковыми, с тем ярким оттенком синевы, который можно увидеть редким погожим днем в конце осени. Вспомнив, что она совсем раздета, Элька невольно поежилась. Такие же необыкновенно чистые и ясные глаза были когда-то у ее Антошки, и воспоминание об этом, как всегда, оказалось болезненным. Зато на смену расслабляющей растерянности сразу пришел холодный расчет, без которого красивой одинокой девушке не выжить в этом мире.

Заставив себя не увлекаться синими глазами, Элька стала приглядываться к их обладателю, стараясь правильно оценить, какую опасность он собой представляет.

Выглядел парень так, словно вышел прогуляться на улицу, а не собрался грабить чужую квартиру. Ни маски, ни перчаток, ни зловещей гримасы на лице. Эльке даже показалось, что он готов смущенно улыбнуться, извиниться за свое вторжение и вновь раствориться в ночи.

Но незванный гость никуда не делся, как и автомат, тускло поблескивающий на уровне его живота. Почему-то Элька заметила этот грозный предмет не сразу, а когда заметила, испугалась его не так сильно, как при виде гантели, которую парень держал в свободной руке. Она была ярко-желтая, с черными отметинами облупившейся краски, а в придачу окроплена кровью. Но хуже всего оказалось то, что набалдашник железяки был местами облеплен чем-то очень смахивающим на человеческие волосы.

Эльку била мелкая дрожь, а парень с окровавленной гантелью молча переводил взгляд с нее на Костю, как бы решая про себя, кому из них раскроить череп в первую очередь.

«Кто он? – лихорадочно соображала она. – Обычный грабитель? Серийный маньяк? Братан бандита, опоенного клофелином? Или наемник пузатого свиновода?» Парень мог оказаться кем угодно, и оттого, что цель его визита оставалась полнейшей загадкой, Эльке стало страшно вдвойне.

Покосившись на хозяина квартиры, она поняла, что тот вообще парализован ужасом. «Значит, это по его душу пришли, – предположила Элька. – Парень явился за какими-то недополученными сервисными услугами. Обманутый абитуриент, восстанавливающий справедливость с помощью гантели. Меня он не тронет, нет, не тронет. Нужно только держаться от Кости подальше: мол, моя хата с краю».

Медленно, подчеркнуто плавно Элька поднялась на ноги, попятилась к кровати и улеглась, натянув одеяло до подбородка.

«Я просто лежу, отдыхаю и никому не мешаю. Можете выяснять отношения, бить стекла, колотить друг друга тяжелыми предметами по голове. Можете даже устроить небольшую перестрелку. Сколько угодно, на здоровье. Но лично я в этом не участвую. Меня вообще здесь нет».

Парень, которому невольно пришлось следить за перемещением Элькиной голой фигуры по комнате, сначала порозовел, а под конец и вовсе разругнулся до некоторого сходства с созревающим помидором.

– Ты тоже ложись, – сказал он Косте подсевшим голосом. Гантель с тяжелым стуком примостилась на тумбочку, а автомат, перехваченный обеими руками, повелительно повел стволом в направлении кровати.

– Зачем? – тупо спросил Костя. С парой своих выступающих вперед зубов он напоминал откормленного суслика, страдающего оттого, что не может немедленно спрятаться в укромную норку.

Парень увидел его состояние и произнес успокаивающим тоном:

– Лежать – оно удобнее. И перед глазами маячить не будешь... Я тут это... перекантуюсь немного и уйду. Договорились?

Почему-то при этом он посмотрел на Эльку, и она снова обратила внимание на глубокую синеву его зрачков.

– Конечно, конечно, – быстро согласился Костя и тут же юркнул под

одеяло, тесня холодным задом Эльку к стене.

Был он при этом так настойчив, словно намеревался осуществить на практике один из заумных способов любви, описанных в «Камасутре».

Слегка наподдав ему коленкой, чтобы уgomонился, Элька начала постепенно успокаиваться. Гость не был ни налетчиком, ни киллером. Несмотря на весь свой арсенал, он чувствовал себя очень неуверенно, а еще он легко смущался, прямо как красная девица. Нет, не чужие шкуры он явился дырять, а спасал свою собственную. Конечно, если за ним гналась милиция, то существовала опасность оказаться заложницей, но Элька мало верила в такой оборот. У парня было слишком добродушное и простоватое лицо для отчаянного террориста. Такому отпустить волосы подлиннее – и можно Иванушек-дурачков изображать в детских постановках. Интернациональный типаж.

– Ты кто? – спросила она парня, смелея с каждой минутой.

– Я? Получается, сосед ваш.

– И как тебя зовут, сосед? – Элька заинтересованно приподнялась на локте, как бы забыв поправить одеяло, соскользнувшее с плеча.

Парень отвел глаза и буркнул:

– Петр я.

– Петя?

– Петр! – упрямо поправил он. – Петями петушков в деревне зовут.

Элька тихонько засмеялась, но, спохватившись, представилась с достоинством царицы, принимающей посла в собственном будуаре:

– Элеонора. А рядом со мной Константин.

Голос у нее получился грудной, тон – величавый. Даже сама восхитилась. А на парня по имени Петр она произвела совсем уж неизгладимое впечатление, это было заметно невооруженным глазом.

– Я его знаю, Константина твоего, – неожиданно сказал парень без особого восторга от своего открытия. – Он сегодня у нас в офисе был.

– Точно! – обрадовался Костя так, словно встретил земляка за тридевять земель от родины. Но в следующую секунду его голос уже потускнел: – Ты ведь охранник Лехмана, так? Где он сам? Куда делся?

Насторожившаяся Элька, внимательно следившая за этим диалогом, заметила, что при упоминании нерусской фамилии настроение у парня тоже испортилось. Словно черт был некстати помянут или вообще олигарх какой.

– Далеко теперь Лехман, – проворчал он. – Отсюда не видно.

– Смылся?

– Убили его. Сегодня днем.

– Понятно, – протянул Костя, хотя по его лицу было видно, что он сообщению не поверил.

Парень постоял немного, пытаясь хмурить пшеничные брови, а потом, как бы спохватившись, шагнул к выключателю и спросил извиняющимся тоном, совершенно не вязавшимся с автоматом и окровавленной гантелью:

– Я свет погашу, ладно?

– Гаси! – отозвалась с напусным весельем Элька вместо заторможенного хозяина квартиры. – Темнота – друг молодежи. – Услышав смущенное хмыканье парня в нахлынувшем мраке, она радушно предложила: – Иди к нам, не стесняйся. Кровать здесь широкая, все поместимся. Костя тебе не откажет, да, Костя?

Уловив раздраженное, но опасливо приглушенное сопение соседа, Элька откинулась на подушку и зашлась злорадным хохотом, дивясь тому, как сильно смахивает ее смех на рыдания.

Если бы ее мог услышать в этот момент Антошка, он вскинул бы на нее незрячие глаза и спросил: «Почему ты плачешь, мама? Тебе плохо?» Только не слышал ее сынишка. Слишком далеко он находился. И надежда обнять его уже послезавтра вдруг показалась Эльке несбыточной мечтой.

## Глава 6

### Кровавая головоломка

Петин сон никогда не бывал чуток и тревожен. Честно говоря, обычно он попросту отрубался и дрых без задних ног, реагируя на окружающую действительность не более живо, чем любой неодушевленный предмет.

Так было и в родной Еленовке, и в ПТУ, и на срочной службе. Вечная проблема в разных местах разрешалась по-разному. Дома батя будил сына посредством холодной воды, которую бесцеремонно лил на него из носика чайника. Дружки-пэтэушники выносили соню вместе с кроватью в коридор общаги и там выставляли на всеобщее обозрение, причем, как правило, без трусов, что значительно повышало его рейтинг среди немногочисленных девчат. В армейской казарме Петру делали «велосипед», то есть вставляли между пальцами его ног горящие спички и, покатываясь от смеха, наблюдали, как он энергично вращает несуществующие педали. Но этот аттракцион был популярен лишь до тех пор, пока Петр спросонок не сломал челюсть самому азартному и веселому зрителю, а случилось это уже на второй неделе доблестной службы.

Со временем он приучился вставать вовремя, при необходимости даже в шесть часов утра, если перед сном отдавал мозгу соответствующий приказ, представляя себе при этом циферблат часов с замершими в нужном положении стрелками. Но в промежутках между укладыванием в постель и пробуждением Петр по-прежнему становился чурбан чурбаном, из которого хоть Буратино вытесывай – не пикнет даже. Эта особенность Петиного организма могла бы дорого ему обойтись той темной ночью, когда он провалился в забытие, совершенно обессиленный испытаниями, выпавшими на его долю днем.

Спасла Петра заурядная упаковка сосисок, которую он сохранил на сердце как память о покойной Юлечке. Было чем ее помянуть по православной традиции.

Сосиски эти, скользкие, окрашенные в цвет отможенных пальцев, если и были куриными, как гласила надпись на пакете, то готовили их не из мяса, а из натурального дерьма, выработанного на птицеферме. Но Петр слишком хотел есть, чтобы вникать в такие подробности. Кроме того, он ведь вырос в деревне, где любые колбасные изделия считались наипервейшим лакомством, поэтому и накинул на угощение с остервенением изголодавшегося кота.

Расплата за жадность и неосмотрительность наступила ночью. Началось все с тревожного сна с погонями, завершившегося бесконечно долгим падением с высоты, от которого Петины внутренности разом перевернулись. Его подбросило на диване так, словно он действительно сверзился на него из поднебесья. Рот был полон кислой слюны, тело снаружи покрылось испариной, а изнутри его пронзала режущая боль во взбунтовавшемся желудке.

Не успев даже зажечь свет, Петр ринулся в туалет, и если бы на короткий марш-бросок потребовалось хотя бы одним скачком больше, он мог бы не успеть донести свою беду до места назначения.

Последовавшие приступы были столь бурными и многократными, что, когда Петра проняло от желудка до распоследней тощей кишки, он так и остался сидеть на унитазе со слабой улыбкой много выстрадавшего, но по-своему счастливого человека. Отдаляться от туалета было рановато, да Петр и не спешил никуда. После многолетних мытарств в неблагоустроенных общественных сортирах он научился ценить все прелести такого вот маленького замкнутого мирка, где никто не мог нарушить его мечтательный покой.

Прежние хозяева квартиры оборудовали туалет уютным настенным бра в виде увядшего тюльпана, целой портретной галереей известных артистов и стопочкой ветхих журналов «За рулем», изданных еще до Петиного рождения. Сам он дополнил интерьер парой пятикилограммовых гантелей, занявших почетное место по обе стороны от унитаза. Артистов разглядывать во время вдумчивых посиделок было скучно и как-то неловко. Журналы вообще не привлекали Петино внимание, поскольку автомобили там были представлены безнадежно устаревшие, а непосредственно печатным словом он мозги забивать не любил, намереваясь сохранить их в почти первозданном виде на потом. Оставались нехитрые упражнения с гантелями, которые, как полагал Петр, даже способствовали процессу отправления организма.

Получалось сочетание полезного с не менее полезным.

Скупое радуясь накатившему умиротворению, он нагнулся было за гантелями, как вдруг замер, гадая, почудился ли ему посторонний шум или он действительно имел место. Крак! Навострив уши, Петр определил источник происхождения звука: дверной замок, в скважине которого проскрежетал вставленный ключ. Тихий, вкрадчивый скрежет повторялся вновь и вновь. Впечатление было такое, что входную дверь пытается открыть пьянчуга, неспособный подобрать нужный ключ даже с десятой попытки.

Если бы не приключение по дороге в аэропорт, Петр немедленно отправился бы выяснять, кто и зачем пытается проникнуть в его жилище. Окажись это владелец квартиры, не избежать бы ему пары десятков нелестных эпитетов за столь позднее вторжение. И Петр, поспешно приведя себя в порядок, уже намеревался кинуться на бытовые разборки, когда вдруг вспомнил, что случается в кино со свидетелями заказных убийств. Ведь Лехмана с его секретаршей завалили не просто так, от нечего делать. А потом золотозубый автоматчик преследовал Петра тоже не из безобидного желания посостязаться с ним в беге по пересеченной местности.

Неприятно стало Петру, очень неуютно и одиноко, особенно когда в звянящей тишине едва слышно пропели петли открываемой двери: здра-а-а-асте!. Сжав в правой руке гантель и погасив бра, чтобы не привлечь внимания неизвестного взломщика светом, пробивающимся сквозь щели, он выпрямился и затаил дыхание.

Входную дверь за собой не захлопнули, а осторожно притворили. Потом под ногами ночного гостя несколько раз скрипнули половицы, он приближался, отчего Петру вдруг страстно захотелось снова опуститься на унитаз.

Незнакомец с силным дыханием заядлого курильщика остановился совсем рядом – в тесном закутке между туалетом и комнатой. Здесь он замер, наверное, давая глазам привыкнуть к темноте, как тоскливо догадался Петр. Когда за дверью раздалось тихое металлическое клацанье, ему стало окончательно ясно, что отсидеться в уборной не удастся: обыск однокомнатной квартиры должен был занять гораздо меньше времени, чем предполагал провести Петр на этом свете.



Сознание того, что его снова собираются лишить жизни, как какого-то безропотного бычка на бойне, внезапно придало ему столько сил и решимости, что моментально переполнившая Петра энергия вырвалась наружу с совершенно дикарским воплем, пронзившим ночную тишину:

– Ии-ии-ээ-ЭЭ-ЭХ!!!

Еще только заведя этот клич, он пинком распахнул дверь, на середине выдоха определил в темноте примерное местонахождение незнакомца, а завершающую ноту совместил со взмахом гантели. Инстинкт подсказал ему, что необходимо прежде всего ошеломить, парализовать противника, и тот же звериный инстинкт направил во мраке его руку, сжимающую чугунный снаряд.

Удар пришелся вскользь, лишь задев обращенный к Петру затылок по касательной, прежде чем обрушиться на подвернувшееся правое плечо, но все же удар этот выбил из незнакомца сдавленное оханье, а из его рук – увесистый металлический предмет, грянувший об пол. Почти без размаха Петр вторично двинул гантелью, на этот раз наискось, снизу вверх, прямо в обращенное навстречу неожиданной угрозе лицо. Прощуршали по обоям пальцы, пытающиеся ухватиться за стену прихожей, потому что удар отшвырнул темную фигуру сразу на несколько шагов. Петр не отставал, еще дважды успел добавить падающему куда попало, кажется, по рукам, прикрывающим голову.

В электрическом свете, залившем прихожую по мановению Петиного пальца, он увидел распростертого на полу чернявого мужчину, того самого, который утром манил его к себе на пустынной дороге, предлагая самому подставиться под автоматную очередь. Тогда он скалил свои сверкающие фиксы. Теперь один выбитый золотой зуб прилип к его подбородку, залитому густой кровью. Автомат тоже никуда не делся, валялся поодаль, а без него чернявый выглядел слабым, жалким и беззащитным мужичонкой лет пятидесяти, в котором, столкнись с ним нос к носу в обычной обстановке, и не заподозришь лихого разбойника.

Петр смотался в комнату и быстро оделся, не спуская глаз с тщедушного противника. Догадываясь, что в квартире засиживаться больше ни к чему, натянул куртку, снова вооружился гантелью и осторожно пнул ботинком распростертое на полу тело:

– Ну, ты! Кончай придуливаться!

Мужичок приоткрыл глаза и искал мутным взглядом того, кто к нему обращается. Обнаружив перед собой Петра, он ничуть не удивился, а только выплюнул очередной золотой зуб и страдальчески шмыгнул распухшим носом.

– Граблю сломал, – пожаловался он, слегка пришепетывая по причине частичной утраты четкости дикции.

Петр успел бросить недоумевающий взгляд по сторонам, прежде чем сообразил, что речь идет о руке, которую чернявый бережно прижимал к тщедушной груди.

– Так тебе и надо! – выпалил он. – Зачем приперся? Я что, в ментовку побежал показания давать? Нет! Я домой пришел и спать лег. А ты опять со своим автоматом лезешь! У, гад!..

Петр мстительно замахнулся, заставив мужичка проворно заслониться уцелевшей рукой и затараторить успокаивающим тоном:

– Братишка! Ты что, братишка! Хорош меня по балде долбить. Я не дуб, ты не дятел.

– Любоваться на тебя прикажешь? – спросил слегка поостывший Петр. – Зачем шефа моего убил? С кого мне теперь зарплату получать, с тебя?

– Зарплату? – Мужичок вдруг стал таким озадаченным, что даже кровь, набегающую изо рта, перестал сплевывать на пол. – Тебе разве всего этого лавешника хрустящего мало?

Теперь наступил черед Петра удивляться:

– Какого еще лавешника?

Мужичок странно посмотрел на него и осторожно спросил:

– Ты, что ли, не в курсах? Разве вы не вместе за бугор намылились?

– А ну, кончай загадками говорить! – рассердился Петр, снова заноса гантель. – Лавешник какой-то придумал! Вот дам сейчас по башке, чтобы не умничал! Насмерть зашибу!

Он не слишком-то и притворялся, между прочим. Хотя чернявый изъяснялся вполне доходчивым языком, в его манере общения проскальзывало что-то блатное, пальцы его рук синели наколками, а от него самого исходил тот самый гниловатый душок зоны, который патологически ненавистен выросшим на воле деревенским жителям. Нет у блатаря более опасного естественного врага, чем деревенский мужик, доведенный до крайности. И состояние у Петра было примерно такое, как у загнанного в угол бугая, готового растоптать или поднять на рога преследующего его волка.

– Э! Э, братишка! – забеспокоился чернявый. – Погоди железякой махать! Кузнец какой выискался! Я ж человек маленький, подневольный. Стингер весь этот зехер затеял, с него и спрашивай.

– Какой еще стингер-фигингер?

– Дракон крылатый... Ну, пахан мой, понимаешь?

– Батя? – уточнил Петр.

– Такого батю махновцу не пожелаешь, в натуре. Чеченцу лютому такого батю не сосватаешь. Сказано тебе: пахан!

Петр поморщился. С настоящими бандитами и их паханами ему еще сталкиваться не приходилось, и желания такого никогда не возникало. Разумеется, он знал, что существует какой-то темный мирок всяких там хаз да малин с хавирами, но его воротило уже от одних этих поганых названий. Дружки из ПТУ и армейские товарищи Петра любили щеголять блатными словечками, но лично он не находил в этом ничего привлекательного. Скажешь, к примеру, «хавка», и во рту гадко становится, будто не о нормальной еде речь идет, а о вонючей тюремной баланде. Назовешь девушку «соской» или «мокрощелкой», такой она и покажется – ни радости от нее, ни удовольствия, одна сплошная грязь.

– И что ему нужно, пахану твоему? – угрюмо спросил Петр. – Чего он от меня хочет?

– Ты разве еще не допер? – Чернявый приподнялся на локте и внимательно посмотрел на него. – Не въехал в тему? – На его разбитых губах проступило нечто вроде глумливой усмешечки.

Впечатление было такое, что он допрашивает Петра, а не наоборот. И последнему это не понравилось:

– Опять загадки? А по башке?

Косясь на нависшую над ним пятикилограммовую угрозу, чернявый ответил Петру таким честным и открытым выражением окровавленного лица, что рука просто не поднималась съездить по нему гантелей.

– Что ты, братишка? – запричитал он. – Какие могут быть загадки? Ты спрашиваешь – я отвечаю. Так?

– Ну? – буркнул Петр.

– Чемоданчик помнишь? Тот, с которым от меня на отрыв пошел... – Темные глаза мужичка сделались выжидательно-колючими.

– Почему не помню? Помню... И как ты, гад, мне вдогонку пулял, тоже не забыл! Я тебе заяц, чтоб на меня охотиться, да?

– погоди, братишка, – поспешно остановил мужичок закипающего Петра. – Это дело прошлое. И не в тебя я шмалял, а рядом. Чтобы ты угол... ну, чемодан сбросил от страха. – Он говорил уверенно, а потому убедительно.

– Так я его и выбросил, – скучно сказал Петр. – Бежал-бежал, а потом зашвырнул подальше.

– Куда зашвырнул? – оживился чернявый. – Где?

– А в лесочке каком-то. За полем. – Петр заскучал так, что даже зевнул во весь рот.

– В каком лесочке? Место хоть запомнил?

– А то! – с достоинством ответил Петр. – Там еще собака валяется.

– Какая собака? – опешил чернявый.

– Дохлая. Незнакомой породы. – Отметив про себя, что собеседник морщится уже не столько от боли, сколько от досады, что ему не удалось выяснить более точные координаты, Петр равнодушно спросил: – Что

хоть в этом чемоданчике было? Какие такие сокровища, чтобы людей из-за них жизни лишать?

– Еще те сокровища! – мрачно произнес мужичок. – Я тебе сейчас скажу, братишка, а ты сразу забудь как страшный сон. – Попытавшись сесть, он скорчил мучительную гримасу и остался полулежать в прежней позе. Когда, отдышавшись, он заговорил снова, голос его то и дело сбивался на таинственный полусшепот: – Шефа твоего нерусского Лехманом Михаилом Иосифовичем величали, так? Темной он был редкостным, а не честным коммерсантом, дикими фразами таких зовут. И вез он, братишка, в чемодане своем не карамельки бедным сироткам, а... – Дойдя до этого интригующего момента, рассказчик вдруг зашелся нудным надсадным кашлем.

– Давай я тебя на живот переверну и по спине гантелькой постучу, – предложил Петр, когда ему надоело слушать бесконечное «бух-бух», сотрясающее тело, лежащее у его ног. – Сразу полегчает.

– Не надо! – быстро сказал чернявый. – Все ништяк. Оклемался я.

– Ну так говори, раз оклемался. А то тянешь кота за хвост, тянешь...

– Плутоний! – решительно выпалил чернявый.

– Что ты сказал?

– Плутоний, говорю, Лехман твой вез. Это такая химическая хреноверть, которую для ядерного горючего используют. Приходилось слышать?

Петр моментально вспомнил младшего батинного брата, дядю Лешу, которому довелось принять участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Дядя скончался через пять лет после своего подвига и походил в гробу на безносую мумию из фильма ужасов.

– Ну, – настороженно подтвердил Петр, – слышал я про всякие плутонии с ураниями. И что?

– А то! Радиации в этой беде на полный барак таких, как ты, хватит. Молоток, что чемоданчик вовремя бросил, а если все-таки где-нибудь в хате заныкал, то кранты тебе, дорогой товарищ! – Эти слова чернявый произнес с особым чувством. – Сначала полное облысение, – он,

прищурясь, окинул взглядом Петину лобастую башку, – потом, когда волосы клочьями повылезают, полная нестоячка и отпадение кожаной иглы.

– Чего-чего?

– Агрегата твоего. За неделю сгниет и отвалится... Дальше рассказывать?

– Да ну тебя! – отмахнулся Петр с суеверным ужасом старообрядца, впервые столкнувшегося с самой настоящей чертовщиной. Потом этой же свободной рукой быстро провел по тому месту, за сохранность которого не может не опасаться ни один мужчина.

– Ну как? – Чернявый вопросительно поднял брови. – Держится пока болт? Не придется невесту пальцем колупать?

– Сам колупай! – озлобился Петр, потому что не испытывал стопроцентной уверенности в том, что опасный груз никак не повлиял на его здоровье. – Говорю тебе: выбросил я чемоданчик, когда от тебя драпал. А по дороге его Лехман на коленях держал... Хотя ему теперь никакое облучение не страшно, – философски заключил Петр после недолгой паузы.

– Это ты правильно сказанул, братишка, как говорится, абсолютно в сию, – согласился чернявый, тоже преисполнившийся задумчивости. – Мертвые не болеют и не потеют. По барабану им все. А нам, живым, как хочешь, так и вертись теперь. Э-эх!

Его лицо, покрытое коркой уже запекшейся крови, походило на скорбную маску. Поглядывая на нее с некоторым раскаянием, Петр задал вопрос, давно вертевшийся у него на языке:

– Выходит, Лехман валежник этот... или лаврушник... ну, плутоний... у кого-то спер?

– Смекалистый ты, братишка, с ходу все просек. – Чернявый одобрительно цокнул языком, выражая свое уважение к собеседнику. – Тут ты опять в точку попал, в самую дырочку. Вот именно, что спер, только не у кого-то, а у папы Стингера, за что и поплатился головой своей бесшабашной. – Тираду завершил очередной вздох, да такой горестный,

как будто покойный Лехман являлся закадычным другом чернявого или даже его ближайшим родственником.

Припомнилась Петру бесконечная смена офисов, таинственность, которую напускал на себя шеф при встречах с партнерами, его опасливое поведение на пустынном шоссе. А еще всплыло в памяти странное распоряжение шефа оплатить стоянку машины за два месяца вперед, а следом – нытье секретарши по поводу немодного купальника, который мог понадобиться ей уж никак не в осенней Москве. Невесело стало Петру, обидно и тошно, как всегда, когда оказывалось, что его в очередной раз держали за дурачка, посмеиваясь тайком над его доверчивостью.

– Юля с ним заодно была? – задавая вопрос, Петр мрачно смотрел на свое отражение в зеркале и пытался определить, что именно в его внешности побуждает людей относиться к нему как к последнему недоумку.

– Юля? А-а, мочалка эта, которая без штанов бегала! – догадался чернявый. – Юля, братишка, это еще та жучка, ей конец в рот не клади! Короче, слушай сюда...

Если бы Петр оторвался от зеркала и получше присмотрелся к болтливому рассказчику, он бы очень скоро усомнился в искренности его преувеличенно витаращенных глаз. Насторожила бы Петра и приблатненная скороговорка, местами смахивающая на бессвязный бред. Но он был слишком занят своими переживаниями, своими тяжелыми мыслями, среди которых главенствовала одна: «Что ж вы, Михаил Иосифович, положенную зарплату мне не выдали, если в бега решили податься с краденым плутонием? Ведь знали же, сволочь вы такая, что матушка моя без лекарств загнется совсем. С ней-то так за что? На инсулин для больного человека денег пожалели?»

– Какой инсулин? – опешил чернявый. – Ты о чем, братишка?

Сообразив, что он только что разговаривал вслух, Петр слегка смутился и сказал:

– Ладно, хватит языком трепать. Мне подробности про то, как кто чего у кого схлямзил, без надобности. Остохренело мне это все. Всюду одно и то же в Курганске вашем вшивом. Сваливаю я в деревню.

Насовсем... Так что вставай и топай отсюда, пока я добрый. Автомат свой завтра заберешь, когда меня не будет.

Мужичок посмотрел на него с сожалением, как будто видел перед собой наивного простофилю, рассчитывающего выиграть в телевикторине поездку в Голливуд.

– Я-то потопаю, – печально сказал он. – А вот ты, братишка...

– Что я? – пасмурно спросил Петр.

– Тебя из дома живым не выпустят, – жарко зашептал чернявый мужичок с вдохновением начинающего астролога. – Стингер, он ведь с кентами своими снаружи караулит. Кто поверит, что ты товар выбросил? Пытать тебя станут, жилы на кулак мотать, живым на кусочки резать.

– Еще чего! – возмутился Петр. – Я же сказал тебе, где чемоданчик валяется... Километров за пять от речки-вонючки, на лесной опушке...

– В сторону города идти надо? – уточнил чернявый.

– Во-во! – подтвердил Петр. – Вдоль дороги и все прямо, прямо... Поищите как следует, так найдете. Забирайте плутоний свой хренов, на здоровье! – Сообразив, что здоровье и радиация вещи как раз несовместимые, он коротко хохотнул и закончил: – Лично мне такое счастье и даром не нужно!

Собеседник покачал головой:

– Нет. Не проканиает такой номер. Все равно пытать тебя станут, а потом утопят как котенка. Мафия! – Он произнес последнее слово с почти религиозным благоговением.

– Да ну вас всех на хрен! – Петино негодование возрастало с каждой секундой. – Пытки какие-то придумали... Я уехать хочу, и все! Кто станет у меня на пути – покрошу из автомата на фиг!

– А потом кича, шконка да небо в решетку, так, братишка? – Мужичонка соболезнающе покачал головой. – Да ты в камере от одного духана загнешься, если в деревне вырос. Туберкулез там с педикулезом и разные прочие неприятности. Оно тебе надо?



– Не надо, – честно признался Петр. – А Стингеру твоему все равно не дамся. Зубы об меня обломает твой Стингер.

– То, что парень ты смелый, это хорошо, – задумчиво сказал чернявый, – а то, что горячий и глупый, – ой как плохо. Все можно миром решить, путем и без лишнего напрягу... Ты только помоги мне встать, и выйдем мы потихоньку из подъезда вместе как настоящие корефаны. Я сам братве расклад объясню, мне поверят... Подставь-ка плечо, братишка, обопрусь...

Еще не успев толком обдумать предложение, Петр, не выпуская из руки гантель, наклонился к покалеченному мужичку, заранее страдая из-за того, что новехонькую куртку придется измарать чужой кровью. Это было скорее инстинктивное желание помочь слабому, чем намерение идти на поклон к чужому пахану.

Левая рука чернявого мужичка, кисть которой сравнялась по толщине с ладонью, проворно обхватила Петра локтевым сгибом за шею, сам он повис на ней всей тяжестью, неуклюже копошась где-то внизу.

– Вставай-вставай, – подгонял его Петр. – Не барышня кисейная.

Бросив машинальный взгляд на зеркало, висевшее в прихожей, он не сразу сообразил, что картина, увиденная в отражении, имеет самое непосредственное отношение к нему лично. Просто один человек пытался поставить на ноги другого, а тот, другой, тем временем вытряхнул из рукава блестящий острый предмет, наполовину спрятавшийся в сжатый кулак. Теперь тонкое металлическое жало было направлено беспечному доброхоту прямо в живот, чуть выше пупка, а тот продолжал доверчиво склоняться над своим будущим убийцей.

«Так это же я, которого заколоть хотят!» – догадался внезапно Петр. Мысль, осенившая его, была такой молниеносной, что в сравнении с ней все происходящее вокруг напоминало замедленную съемку.

Вскрикнув от ненависти и отвращения, Петр подался навстречу противнику, наугад попытавшись перехватить вооруженную руку. Его пальцы схватили пустоту, но сам порыв оказался спасительным, потому что, если бы он попробовал распрямиться, чернявый, прилепившийся к нему пиявкой, как раз подгадал бы со своим коварным ударом. Потеряв же опору, он опрокинулся на пол, невольно приняв вес своего тела на

здоровую правую руку. Вот тогда-то Петр и разогнул спину, резким рывком освободившись от захвата.

Его ярость была всепоглощающей и мутной, как штормовая волна. Опять его попытались обвести вокруг пальца, опять хотели оставить в дураках, и терпение у Петра лопнуло, как перетянутый стальной трос.

– Стингер?! – бессвязно ревел он, брызгая слюной. – Мафия?.. Пытать меня, значит?! Убивать?!

Все это время гантель безостановочно поднималась и опускалась, как будто превратилась в часть неуправляемого молотильного агрегата, вышедшего из-под контроля. Вверх-вниз, вверх-вниз. Когда завод постепенно закончился, Петр обнаружил себя стоящим над безжизненно распростертым телом. Блекло-желтые обои вокруг были испещрены красными потеками и кляксами, а по зеркалу медленно скользили вниз розовые комочки, напоминающие слизняков, оставляющих за собой влажные следы.

Опустив взгляд на лежащего, Петр тупо подумал, что теперь никто не определит с уверенностью, какого цвета у него были волосы до... до... в общем, недавно. Что касается лица убитого, то оно отсутствовало. Из блестящего красного месива, там, где у людей находится переносица, торчал острый обломок кости, почему-то белый, как отметил Петр, прежде чем его вывернуло наизнанку.

Извергая один желчный поток за другим, он смотрел сквозь набежавшие слезы на забитого им до смерти человека и не хотел верить, что ничего теперь исправить нельзя, что все останется так, как есть, и что забыть случившееся не удастся никогда.

Распрямлялся он долго и трудно, словно постарел сразу на несколько десятков лет. Бросил еще один взгляд на убитого, посмотрел на свое отражение, усеянное кровавыми брызгами, и только тогда окончательно понял, что проснуться не удастся. Все это было явью.

В мире появился очередной труп и очередной убийца. Минуту назад они должны были поменяться местами, но радости от того, что этого не произошло, не было. И страха тоже не было. Даже гнев куда-то улетучился. Прислушиваясь к своим ощущениям, Петр не обнаружил внутри себя ничего, кроме остатков тошноты. Но она постепенно

проходила, а взамен ее не возникало ничего. Осталась только пустота. А еще дикая усталость.

Хотя в карманах у Петра только мелочь осталась, обыскивать труп он не стал, побрезговав прикоснуться к телу, испачканному кровью и тошнотворной подливой. Просто отметил про себя, что покойник собирался орудовать самой обычной металлической расческой с длинной заточенной ручкой, а из его кармана вывалилась большая связка разнокалиберных отмычек. «Урка, – холодно заключил Петр. – Так ему и надо. И честным людям хорошо – одним уродом меньше».

Странно, но после этого немного полегчало. Появились силы думать и действовать. Споро, но без лихорадочной спешки он стал готовиться к бегству.

Стингер со своей кодлой мог дожидаться Петра снаружи сколько угодно, он вовсе не намеревался прорываться из подъезда с боем. Насчет того, что в неволе он долго не протянул бы, покойный мужичок угадал правильно. Скорее Петр согласился бы добровольно стать к стенке, чем гнить заживо среди отбросов общества.

Тщательно отмыв в ванной лицо и руки, он почистил влажной губкой куртку и ботинки и только потом перешел в комнату. За считанные минуты из простыни, пододеяльника и двух занавесок был сплетен импровизированный канат, который Петр привязал к перилам балкона и спустил вниз, мало заботясь, достанет ли он с пятого этажа до земли. Уйти он намеревался через соседний подъезд, у которого никто его поджидать не мог. «Караулят они меня с автоматами да заточками, блатари поганые! – то ли бормотал вслух, то ли думал Петр про себя. – Караульте-караульте. Я вам не скотина безответная, чтобы меня ни за что ни про что жизни лишать!»

Жаль было бросать сумку с вещами, штангу, которую он отжал не один десяток тысяч раз, свернутый в рулон плакат с блондинкой на заморском пляже. Все было такое родное и знакомое. Вот только начиналась у Петра отныне совсем новая жизнь, а из той, прежней, где остался труп, он должен был исчезнуть.

Бросив на комнату последний взгляд, он пошарил по карманам, проверяя, на месте ли оставшиеся деньги и документы. Потом набросил на плечо короткий брезентовый ремешок автомата. Прихватил гантель,

которая должна была пригодиться при перелазе на соседскую лоджию. Да и оседлал отсыревшие от моросящего дождика перила балкона, даже не перекрестясь на дорожку.

Брешь в застекленной лоджии справа он проделал гантелью, а потом старательно сокрушил осколки, засевшие в раме. Ладонь слегка порезал, рукав куртки распорол, но в целом управился ловко, без лишних телодвижений. А когда, раздвигая ногами пустые бутылки и невесомые картонки, приблизился к освещенному окну, увидел в комнате застывшую в испуге голую парочку. Девка на коленях стояла, мужик рядом торчал, разинув недоуменно рот. «Сектанты? Трясуны? – поразился Петр. – Во, бляха-муха, жизнь пошла: одни друг дружку убивают почем зря, а другие тем временем богу молятся!»

– Открывайте! – велел он, показав парочке автомат.

## Глава 7

### На ловца и зверь бежит

Не соврал Петру покойный насчет засады снаружи, хотя сам не ведал, что сказал правду. Во дворе, образованном блочными девятиэтажками, в одной из которых Лехман недавно снял охраннику однокомнатную квартиру, действительно приткнулась темно-синяя «Тойота» с полностью укомплектованным оружием экипажем. Стволов было пять – по одному на каждого. И все эти лихие люди с пасмурным выражением лиц на самом деле давно следили за Петиним подъездом, заняв такую позицию, чтобы их автомобиль сливался в темноте со скопищем мусорных баков, кустов и деревьев.

Фонарные столбы давно превратились в бесполезный антураж, так что свет из них можно было высечь разве что собственным лбом – в виде россыпи искр из глаз. Во дворе выделялись яркими прямоугольниками лишь окна домов, но дождливая мгла поглощала их скудный свет задолго до того, как он успевал достичь земли, поэтому обнаружить засаду мог только любитель обстоятельных ночных прогулок. Таких в округе давным-давно не наблюдалось.

О том, что в ночи отваживаются бродить какие-то живые люди, говорил лишь далекий истеричный смех, от которого за версту несло анашой.

«Тойота» безмолвовала, даже приглушенная музыка не доносилась из нее наружу. Самое комфортабельное место переднего пассажира занимал сухощавый мужчина с обритым наголо черепом, отчего его уши казались раскинутыми на манер крыльев летучей мыши. Живости его глаз позавидовал бы разве что покойник, а тонкогубый рот мужчины напоминал шрам, оставленный острой бритвой. И все же это был именно рот, настоящий же шрам пересекал его левую щеку от уголка глаза до середины скулы.

Розовый рубец привычно дернулся, когда мужчина приоткрыл рот на

ширину щели почтового ящика и негромко сказал:

– Монгол! Корявый! Жмите в подъезд, продыбайте там обстановку. Что-то надолго запропал корешок наш ненаглядный. Не нравится мне это.

– Так «волжана» его до сих пор на месте, Стингер, – строптиво заметил узкоглазый крепыш неопределенного возраста, которому явно не климатило выбираться из теплого салона в промозглую темень. – Не пешком же он попрет с такими бабками через весь город?

Тот, кого он назвал Стингером, сказал, не повысив голос и не повернув бритую голову назад:

– Ты, оказывается, думать любишь, Монгол? Так из тебя запросто премудрый японец может получиться. Укоротить на голову – и готово. Будешь японским всадником без головы. Хочешь? – Ответом Стингеру было молчание, и он повторил, резко ожесточив голос: – Я спрашиваю: хочешь?

– Ладно, проехали, – пробормотал Монгол.

– Проехали, – кивнул Стингер с легким разочарованием в голосе. – Как новичка, на первый раз прощаю. Второго раза не будет, Монгол. Заруби это на своем курносом носу, пока он у тебя имеется. Здесь банкую я, остальные суетятся. А любителям побакланить давно куранты поставлены на сто первом километре.

Корявый в этом никогда не сомневался, поэтому окончания диалога дожидался снаружи, прикрывая шею от мелких дождевых капель поднятым воротником. Монгол, присоединившийся к нему, хотел выругаться по поводу ненастья, но прикусил язык, опасаясь, что его метеорологическая сводка будет истолкована превратно.

– Действуйте по обстановке, – напутствовал бойцов Стингер, по-прежнему глядя в темноту перед собой. От этого создавалось впечатление, что он там видит нечто такое, что недоступно глазам простых смертных.

Когда обе мужские фигуры пошлепали по лужам в направлении дома, он снова застыл в мрачном ожидании, которое хорошо знакомо

лысоголовым грифам, способным часами караулить жертву.

Лехмана, к примеру, пасли несколько месяцев. Менялись названия и адреса фирм, мелькали и исчезали различные суммы на счетах, но Стингер был терпелив и целенаправлен, как та самая портативная ракета, в честь которой он получил свою взрывоопасную кличку. Не к стрельбе по воробьям он изготовился, потому и не спешил, ждал своего часа.

Его небольшая банда состояла в основном из остатков бригады, которая когда-то входила в состав Золотой Орды – под этим названием проходила в милицейских сводках группировка покойного Хана. После гибели вожака Стингер больше ни под кем не ходил, сам принимал решения, сам казнил и миловал, а что касемо приобретенной репутации полнейшего беспредельщика и отморозка, то здесь имелись свои плюсы. Теперь можно было ни с кем не делиться, ни на кого не оглядываться. Срок жизни от такой эгоистической позиции, конечно, не увеличивался, но и «семейные» бригадиры, верой и правдой служившие своим «папам», тоже никогда не доживали до старости, так что Стингер не видел резона в том, чтобы сдохнуть чьим-то наемником, а не вольной птицей. Общак – это, конечно, хорошо, но черпаешь из общего котла всегда меньше, чем вносишь, а пустеет он быстрее, чем успеваешь насытиться.

Обособившись, банда Стингера некоторое время промышляла налетами на квартиры безответных рыночных барыг, которых вычисляли по стоимости их товара, прикинутой на глаз. Шмотки брали разве что для личного пользования, предпочитали выбивать из жертв припрятанные деньги и рыжые, да так рьяно, что если бы всех замученных и убиенных воскресить и выстроить в шеренгу, то пришлось бы Стингеру не один десяток метров отшагать, опознавая тех, кого он отправил на тот свет.

Бандиты не щадили ни старых, ни малых, они не оставляли в свидетелях даже выживших из ума стариков, даже бессмысленно агукающих грудных младенцев. Специфика надомной работы требовала соответствующей экипировки: темная одежда, шапочки-чеченки с прорезями для глаз и рта, транковые рации «мечта террориста», безотказные «макары» и «стечкины» с самопальными глушителями, набор хирургических инструментов и наручники для загородных прогулок с самыми несговорчивыми. Жили налетчики порознь, а собирались вместе на окраине, на территории заброшенной овощной

базы, превратившейся за годы смутного времени в настоящие катакомбы.

Однажды Стингер привез туда двух десятилетних светлоголовых, как подсолнухи, сестричек-близняшек, на которых положил глаз во время очередного налета. На их беду, он, имея за плечами не только две ходки, но и высшее гуманитарное образование, в периоды безделья любил читать и неожиданно для себя пристрастился к нацистской романтике, благо в России литература подобного рода тиражировалась исправно. Стингер изучил дневники Бормана, записки Гиммлера, ознакомился с десятком биографий Гитлера, но настоящий переворот в его сознании произвели мемуары рядового надзирателя Освенцима, который с притворным сожалением описывал ужасы концентрационного лагеря.

Два эпизода из книги особенно заинтриговали Стингера. Во-первых, он вычитал, что молоденькие еврейки во время повешения испытывали свой первый оргазм, проходивший у некоторых так бурно, что эсэсовцы вынимали их из петли, наперебой имели, а потом уж доводили казнь до конца. Во-вторых, Стингера поразило, что кожу, из которой потом изготавливались всякие сувениры типа портмоне, сдирали с людей заживо, потому что только так ее можно было сохранить целой.

В общем, купился он на эту туфту, как последний лох купился. На самом деле та девчушка, которую он удавил куском проволоки, попросту обделалась, а со спины второй удалось снять такой жалкий лоскут, что его и на ремешок для часов едва-едва хватило. Зато визжала малолетка так, что у Стингера потом в ушах целый день звенело.

Нельзя сказать, чтобы предсмертные вопли были ему неприятны. Однако больше всего Стингер ценил те мгновения, когда глаза его жертв преисполнялись пониманием своей неминуемой кончины. Он всегда старался не пропустить эти последние взгляды, еще молящие, но уже безысходные. И обязательно хотел заглянуть в глаза той бесшабашной суке, которая прошлой ночью сыпанула ему в водку клофелин и обчистила братве на потеху.

Стингер рассчитывал познакомиться с ней поближе завтра утром, но уже сейчас от предвкушения у него вспотели ладони и вздыбились штаны между ног, стоило лишь представить себе один из многих способов, которыми хотелось прикончить эту подлую тварь. К досаде Стингера, убить ее можно было только один раз, поэтому он собирался



превратить ее смерть в незабываемое шоу. Например...

Стоп! Подавив нарастающее возбуждение, Стингер обтер влажные ладони о колени и заставил себя переключиться на ту проблему, которая стояла перед ним в данный момент. Лехман и исчезнувшие миллионы. Все остальное следовало отложить на потом.

За это дело Стингер взялся, когда пришел к выводу, что налетами можно обеспечить себе пожизненное заключение, но никак не благосостояние. На старого прохиндея, потихоньку кидающего своих партнеров, он вышел благодаря предсмертной исповеди одного барыги, который оправдывал свое безденежье именно сделкой с Лехманом. Барыге банкротство не помогло, его сожгли в собственном автомобиле, но полезная информация пригодилась, и Стингер решил воспользоваться ею с максимальной выгодой.

Понимая, что дивизия «Мертвая голова», как он мысленно называл свою группировку, для настоящей профессиональной слежки никак не годится, Стингер прибег к услугам частного детективного агентства. Наплел про необходимость проверки благонадежности делового партнера и все такое. Впрочем, тамошним дядям с замашками ветеранов одиннадцатого управления МВД было наплевать на истинные причины любопытства, лишь бы клиент был платежеспособный. Выкачав из Стингера в общей сложности что-то около сорока штук, они установили за Лехманом неусыпное наблюдение.

Так Стингер и узнал про очередную аферу, затеянную под вывеской фирмы «Сталь». Якобы покупая металлопрокат у такой же мелкой конторы «Бриз», Лехман уже имел на руках 3 200 000 долларов, полученных от очень и очень серьезной коммерческой структуры из Белоруссии. Понимая, что покупатели его в случае чего живым из-под земли достанут, Лехман действительно обеспечил им отгрузку с металлургического комбината. А вот продавец-одиночка напоролся на неприятности. Ничего, кроме задатка, он не получил, зато Лехман, располагая тремя с лишним миллионами баксов, намылился со своей секретуткой за бугор.

По дороге в аэропорт его поджидала засада, замаскированная под патруль ГИБДД. За машиной Лехмана следовала также «Волга» Васи Клопа, который должен был просигнализировать по рации о любых задержках в пути или о внезапных отклонениях от маршрута. Но Клоп, бывший

аферюга, все переиграл по-своему. Он не дал Лехману добраться до ловушки, замочил его несколькими километрами раньше, а как ему удалось остановить «жигуль», выманить трех пассажиров наружу и по克罗шить из шмайсера, Стингер так и не понял, хотя долго ломал над этим голову.

Оставалось смириться с фактами: трупы на дороге и никаких признаков кейса с бабками. Вот и все, что удалось разузнать мимоходом на обратном пути в город. Крутиться возле места происшествия, имея при себе волюны, было слишком рискованно, да там и делать было нечего, как понимал Стингер. Искать Клопа, этого шустрого паразита, тоже было делом совершенно бесперспективным.

Так думал Стингер, бесцельно гоняя машину по городу и ища выхода для своей лютой злобы. Но бог, как известно, не фраер, он уже не раз помогал банде, выручил и на этот раз. Короткий ночной радиорепортаж «об очередном заказном убийстве видного предпринимателя, всколыхнувшем общественность» все расставил по своим местам. Убитых было упомянуто всего двое: мужчина и девушка, а про молодого парня, лехманского охранника, речь не шла. Значит, сообразил Стингер, есть шанс, что тому удалось смыться от Клопа с кейсом, и если так, то рано отчаиваться, еще не все потеряно.

Адрес охранника, который, разумеется, еще недавно тоже находился под наблюдением детективного агентства, был известен, поэтому очень скоро Стингер со своими бойцами занял удобную позицию возле ничем не примечательного жилого дома, затесавшегося среди себе подобных. Привычно вычислив искомое окно кухни на пятом этаже, он с воодушевлением отметил, что оно светится, но штурм квартиры перенес на потом, дожидаясь, пока охранник и его соседи улягутся спать.

И за это соломоново решение судьба подкинула ему еще один сюрприз в образе Клопа, подкатившего к подъезду в своей бежевой «Волге» и долго вертевшего головой по сторонам, вынюхивая в темноте возможную опасность. Ни хрена он не вынюхал, поперся к охраннику в гости. Оставалось лишь подождать, пока он сделает свое дело, а потом взять его самого, с бабками и подлой душонкой, которую Стингеру не терпелось вытряхнуть из него вон.

Когда же визит Клопа затянулся, он заподозрил самый худший вариант: милицейскую засаду, а потому двинул вперед сразу две пешки

– Монгола и Корявого, которыми был готов пожертвовать в любой момент, даже без особой на то надобности.

– Первый, Первый, я Третий! – хриплый призыв вывел Стингера из состояния неподвижности.

– Слушаю, Третий, – поторопил он Корявого возбужденным металлическим клекотом.

– Клоп – стопроцентный жмур, – доложил почти неузнаваемый из-за искаженного тембра голос. – В квартире пусто, дверь открыта. Но клиент ушел через окно.

– На вертолете? – рывкнул Стингер, не желая признать, что его обвели вокруг пальца.

– Простыни связал. – Эмоций, переполнявших Корявого, было так много, что они просочились в радиоэфир, подтверждая, что говорит не робот, а живой человек.

– Дверь закрыть! Ждать снаружи! – Прервав связь, Стингер скомандовал чахоточному Гуне, который, как обычно, сидел за рулем: – Объезжай дом... И шевелись, шевелись!

Маневр занял меньше двух минут. Выскочив из автомобиля, Стингер задрал голову, разглядывая самодельный канат, светящийся на фоне стены, а потом скомандовал Батону, рыхлому бледнолицему парню с ржавыми волосами и веснушками:

– Полезай наверх. Ты вместе со всем своим дерьмом потянешь столько же, сколько лехманский охранник. Врубается?

– Нет, – честно признался Батон, но тут же ринулся на приступ стены, потому что знал, что может Стингер сделать с ним за один-единственный лишний вопрос. – Гых! – выдохнул он, подтянувшись. – Бля! – это он добавил уже, когда сел задом в грязь, накрытый с головой простынями, как какой-то раздолбай с парашютом.

Стингер был уже рядом, неизвестно почему издав короткий азартный смешок. Батон, зажмуривший глаза в ожидании пинка, с изумлением услышал удовлетворенное шипение:

– О! Пруха! Масть нам привалила, Батончик! В доме пацан тормознулся, никуда не делся.

Поддев ботинком осколки стекла, усеивающие мокрую асфальтовую дорожку, Стингер опять запрокинул лицо вверх и, скользя взглядом вдоль щели, разделяющей секции здания, поднес к губам передатчик:

– Третий, – тихо сказал он, когда Корявый ответил на вызов. – Бегом в соседний подъезд, по-над стеночкой, тихо, как мышки. Пятый этаж, крайняя дверь справа. Пацан там, если еще не сдернул. Затаиться и ждать! Он, сучонок, отсидится немного и высунется. Брать живым.

Дождавшись подтверждения, что приказ принят, понят и уже выполняется бегом, Стингер ослабил. Лехманский охранник был слеплен не из того теста, чтобы брать заложников и требовать у властей самолет. Наверняка сейчас наблюдает за происходящим внизу, а когда убедится, что осада снята, попытается улизнуть.

– Уходим, – громко скомандовал Стингер. – Смылся, паскуда, нечего здесь ловить. Заводи мотор, Гуня!

Батон, комкая в руках снятую с головы простыню, робко напомнил:

– Как же уходим, если...

Стремительно шагнув к нему, Стингер дважды ударил его по лицу футляром передатчика, приговаривая:

– Тебя пасть просили раскрывать?.. Просили?..

Не поинтересовавшись, во что превратилась физиономия подручного, он занял свое место в «Тойоте» и, с отвращением пошаркав грязными подошвами по коврику под ногами, сказал Гуне:

– Разворачивайся и жми прямо. За аркой соседнего дома тормознешь. Вернемся пешком... Батон!

– Да, – отозвался тот со своего места сдавленным голосом.

– Зубы целы?

– Один шатается, – доложил Батон после секундной паузы.

– Вырви его. Сам.

– Но, Стингер...

Гуня тихонько захихикал, смущенно прикрывая рот ладошкой. Эта привычка появилась у него по причине отсутствия сразу двух передних зубов, которые Стингер запрещал заменять искусственными.

## Глава 8

### Роман в скверном переплете

– Оплачиваем проезд!

Роман уткнулся носом в холодное влажное окно автобуса с таким отсутствующим видом, что контролерша прошла по салону мимо, собирая дань с вошедших пассажиров. Каждый ее зычный призыв приобретать билеты стегал Романа по нервам, потому что в его карманах не было ни гроша, и он, давно отвыкший от общественного транспорта, чувствовал себя самым настоящим зайцем без всяких кавычек. Затравленным, напуганным зайцем, понятия не имеющим, куда бежать в большом враждебном городе, где искать спасения.

Думать про свое беспросветное будущее совершенно не хотелось ни сейчас, ни завтра утром. Очень уж сомневался Роман в том, что оно, это утро, будет намного мудренее, чем постылый нынешний вечер. Не было у него надежды. Не было ответов ни на один из насущных вопросов, стоящих перед ним.

Где жить? Что кушать? Во что одеваться? Не те времена наступили, чтобы можно было запросто переквалифицироваться в управдомы – работу еще поискать нужно. Вместо того, чтобы, уходя, прихватить с собой хоть какие-то вещички на первое время, Роман поддался эмоциональному порыву, избрав лозунг всех записных неудачников: «Чем хуже, тем лучше!» Сейчас этот детский жест представлялся совершенно ненужным и глупым. Хуже все равно было уже некуда. А вот хоть чем-то улучшить свое положение теперь не представлялось возможным. Роман вздохнул, отчего стекло перед ним помутнело, и произошло это далеко не в первый раз.

«В автобусах не наездишься, – уныло думал он, рассеянно глядя на ночные огни, проносящиеся за окном. – Хорошо еще, что контролеров так поздно не бывает, а то огреб бы по мордасам на какой-нибудь пустынной остановке. Но куда деваться? Переночевать в подпольном

клоповнике с бомжами? Сидеть до утра на лавочке под дождем? Или торчать на вокзале, где тебя скоро приметят тамошние постоянные обитатели и сдадут людям Стингера за бутылку водки? Эх, вот же собачья жизнь настала!»

Окно возле горько искривившихся губ Романа снова подернулось туманной дымкой. Вскоре она исчезла, но муть на душе все накапливалась и накапливалась, и вздохи приносили не облегчение, а как раз все более усиливающееся тяжелое предчувствие, такое скверное, что Роману вдруг захотелось со всей мочи приложиться к стеклу лбом, разбив и то, и другое вдребезги.

— Следующая остановка «Планетарий», готовимся к выходу, — пропела кондукторша, таща вразвалку свой тяжелый зад и запах немытого тела по проходу между сиденьями.

Планетарий! Роман вздрогнул от маленького сдвига, произошедшего где-то в подсознании. В этом самом районе проживала Любаша, верная подруга по тем безоблачным денечкам, когда он еще мог позволить себе держать секретаря-референта. Любаша продержалась рядом с шефом достаточно долго, а когда он грустно признался, что платить ей уже не в состоянии, еще пару недель исправно выполняла свои обязанности просто так, из жалости. Миниатюрная, кудлатая, она сохранилась в памяти Романа как верная собачонка, и даже сентиментальных остатков былой преданности Любаши должно было хватить, чтобы приютить его хотя бы на пару дней.

Протиснувшись между двумя забулдыгами, затеявшими жаркие политические дебаты, Роман пристроился к выходящей из автобуса компании и оказался на ночной улице. Сказочной красоты девушка маняще улыбалась ему со светящегося рекламного щита, предлагая полюбоваться колготами на своих бесконечно длинных ногах, но картинка украшала мрачную действительность не более, чем яркая заплатка на грязной заднице уличного попрошайки. Машинально сплюнув в адрес насквозь фальшивой красоти, Роман двинулся пешком к знакомому дому, куда раньше добирался исключительно на своих колесах.

«Привет, Любаша, — бормотал он себе под нос. — Узнаешь? Я тут одну удачную сделку провернул, через неделю-другую опять открою фирму. Оклад назначу тебе в два раза выше, не сомневайся. А пока хочу пожить

у тебя немного, чтобы раньше времени кредиторы не доставали...  
Пустишь?»

«Конечно, – радостно отвечала воображаемая Любаша. – Заходи скорее. Ты совсем промок, тебе необходимо выпить чего-нибудь покрепче и лечь в постель».

«А твои родители, они не будут против?»

«Можно подумать, ты у меня никогда не ночевал! Я взрослая девушка и сама решаю, кто остается в моей комнате и насколько...»

С заготовленной заранее улыбкой Роман, чавкая раскисшей глинистой жижей, пересек двор, кое-как ополоснул туфли в луже, поскреб подошвами по бордюру и вошел в подъезд. Лампы, затянутые в массивные железные каркасы, можно было спереть только с куском бетонной стены, поэтому все они были в целости и сохранности, скупосвещая Роману путь к лифту. Поднимаясь на восьмой этаж, он тупо рассматривал надписи на стенах кабины, а сам продолжал бубнить на разные лады:

– Привет, Любаша... Ну, здравствуй, Любаша... Извини, что так поздно, Любаша, но у меня хорошие новости...

Приблизившись к знакомой двери, он твердо решил начать именно с хороших новостей, чтобы разом снять напряжение, которое неизбежно возникнет при столь неожиданном и позднем визите. Коротко нажав кнопку звонка, Роман подкорректировал свою улыбчивую гримаску и уставился в дверной глазок с тем самым неестественным оживлением, которое присутствует на физиономиях у рядовых граждан, когда их снимают для телевидения.

Дверь распахнулась без единого вопроса. Вот только все приветливые заготовки Романа пошли насмарку, потому что на пороге он увидел вовсе даже не Любашу, а хмурого круглоголового крепыша в черной майке и спортивных штанах. Цветом они могли соперничать с первой ярко-зеленой травой. Если только ее слегка притрусить пылью и пеплом.

– Что надо?



Роман поспешно провел ладонью по лицу, как бы вытирая капли дождя, а когда он отнял руку, то сердечной улыбки уже как не бывало.

– Люба... Любовь дома?

Напрасно он употребил полное имя бывшей секретарши: крепышу такая интерпретация совсем не понравилась.

– Любовь, значит, – угрюмо повторил он, прежде чем саркастически хмыкнуть: – Хэх! И давно?

– В смысле?

– В смысле спортивной гребли, – зло уточнил крепыш. – Парной.

– Если Любы нет дома, то я, пожалуй, пойду, – пробормотал Роман, не зная, куда девать руки. У него возникло впечатление, что их не две, а целых четыре, и все они слишком длинные и неловкие.

– Тебя пока что никто не отпускал. – Это было сказано слишком веско, чтобы возражать. – Ты кто такой есть? Дима небось?

– Нет! – Роман несказанно обрадовался, что он никакой не Дима, потому что при упоминании этого имени крепыш угрожающе шагнул вперед. – Меня зовут Роман. В свое время Люба работала в моем офисе, и я...

Он запнулся, понятия не имея, как лучше закончить фразу. Но крепыш сам сделал это за него:

– Привык трахать ее, когда вздумается, ясный перец... Чего молчишь? Язык в заднице застрял? Может, ты с дуба екнулся?

За спиной крепыша промелькнула бледная Любаша, соорудила Роману огромные предостерегающие глаза и исчезла в глубине квартиры бесплотным призраком. Только после этого Роман осознал, что особую выразительность ее взгляду придали два симметричных синяка, расплзшихся с переносицы по всему лицу. С усилием проглотив слюну, он заговорил слегка вибрирующим от нехорошего предчувствия голосом:

– У нас чисто деловые отношения. Вот, случайно оказался в ваших

краях, решил узнать, как она поживает, не хочет ли...

– Бесплатно отсосать у тебя по знакомству.

У крепыша имелась скверная привычка завершать недосказанные мысли собеседника, причем даже не трудясь придавать своим умозаключениям вопросительную интонацию. Он не гадал, не строил предположения, он констатировал факты, которые, как известно, упрямая вещь, особенно если их излагают совершенно безапелляционным тоном.

– Прошу прощения. – Слова с трудом протискивались сквозь резко сужившуюся гортань Романа. – Мне пора.

– Успеешь, – отрезал крепыш и приблизился к нему, развязно волоча шаркающие шлепанцы по полу. – Я еще не закончил.

– В чем дело? – возмутился Роман дискантом, когда чужая рука, остро пахнущая селедкой и уксусом, без труда ухватила его за воротник. Пальцы крепыша держали его небрежно, ничего не стоило вырваться и припустить вниз по лестнице, но по какой-то загадочной причине у Романа не нашлось на такой отчаянный подвиг ни сил, ни решимости.

– Это даже хорошо, что ты не Дима, а Роман, – талдычил ему крепыш, скучно глядя куда-то поверх его макушки. – Любка мне про тебя мно-о-ого чего рассказывала. Я как только дембельнулся, так и заявился к ней с расспросами. Мол, колись, курва, с кем гуляла, кому давала, пока я родину защищал? Она все и выложила. Я такой, мне лапшу на уши не навешаешь.

Глядя в неподвижные стеклянные глаза крепыша, Роман прекрасно понимал причины бессмысленной Любиной откровенности. Лично ему тоже вдруг захотелось покаяться или попросить прощения. Такие бы глаза – да на икону! Грешники все колени посбивали бы.

– Я не знал. Ничего не знал про вас с Любой.

– Теперь знаешь.

Пальцы крепыша по-паучьи пробежались по воротнику собеседника, укрепились там поудобнее и сжались в кулак. Второй кулак, как определил Роман, скосив глаза вниз, задумчиво раскачивался увесистым

маятником над грязным полом лестничной площадки. Вспомнились вдруг Роману здоровенные чугунные шары, которыми разрушают стены домов. И почувствовал он себя хрупким строением, предназначенным к сносу.

— Она сама! — выпалил он, страдая от своей трусости и беспомощности.

Сокрушительный удар в живот пришелся на последний слог, одновременно с выдохом. А вот набрать новую порцию кислорода Роману не удавалось, как он ни шлепал губами. Крепыш с любопытством понаблюдал, как он корчится, пытаясь осесть на пол, и повторил экзекуцию, угодив в то же место — ровно на один кулак выше пупка. Наблюдалась в нем врожденная деликатность ветерана внутренних войск, не позволявшая бить человека по лицу.

— Гах! — с этим звуком из груди Романа вырвались последние остатки воздуха, после чего в глазах сделалось так темно, что подъезд утонул во мраке.

Когда он пришел в себя и кое-какие способности человеческого организма начали постепенно в нем возрождаться заново, то в первую очередь он ощутил боль, потом увидел раздавленный окурочек перед глазами, наконец услышал грохот захлопнувшейся двери. Лишь после всего этого он определил, что лежит ничком, но зато снова может дышать, и это открытие было одним из самых радостных в его жизни.

— Долбоёб, — прошептал Роман между страдальческими побряхтываниями, с которыми занимал относительно вертикальное положение. — Быдло тупорылое. Уёбище. Мало вас в Чечне постреляли.

Миновав несколько пролетов, он сел на корточки и тупо уставился перед собой, машинально смахивая с глаз жгучие злые слезы. Их было мало — слез, но яду в каждой хватило бы на ту небольшую часть человечества, которую знал Роман. И все эти люди, включая мать, были огульно зачислены им в заклятые враги. Все они были виноваты, потому что, пока он, одинокий и неприкаянный, страдал в чужом подъезде, они продолжали жить так, словно ничего не случилось.

— Если ты есть, господи, — страстно прошептал он, — если ты только есть, то сделай так, чтобы...

Роман не успел сформулировать свою мысль. Помешало гудение поднимающегося лифта и постепенно приближающиеся звуки шагов по лестнице, таких торопливых, словно кто-то бежал наперегонки с лифтом, но старался делать это украдкой, тайком.

Оставаясь на корточках, Роман попытался, загоняя себя в темную нишу возле мусоропровода. Когда створки лифта с шумом раздвинулись, он не удержался и осторожно высунул голову из-за угла. Одним лестничным пролетом ниже появился плотный мужчина в вязаной шапочке, который бесшумно пересек площадку и стал сбоку от металлической двери, так, чтобы его невозможно было увидеть в дверной глазок. Через пару секунд к нему присоединился нескладный верзила, заняв позицию по другую сторону двери. Одного этого загадочного поведения ночных незнакомцев было достаточно для того, чтобы у Романа все оборвалось внутри, как при спуске с крутой горки. А когда он увидел, что мужчины извлекают из-за пазухи пистолеты с набалдашниками на стволах, ему совсем поплохело, словно горка эта заканчивалась бездонной пропастью.

Густой смрад, исходивший от мусоропровода, только усиливал подташнивание, вызванное внезапным испугом. Ноги Романа начали затекать от неудобной воробыиной позы, но он боялся привстать, опасаясь выдать себя щелчком суставов или шорохом. Он даже дышать сначала старался через раз, и теперь это выходило ему боком, потому что вдохи и выдохи слились в беспорядочное пыхтение, которое казалось ему шумным, слишком шумным для невидимки, в которого так хотелось превратиться.

Роман уже давно втянул голову в свое укрытие, но вооруженные люди от этого никуда не делись, торчали на своих местах, карауля облюбованную дверь. По облику и манерам они нисколько не походили на спецназовцев или бойцов СОБРа, участвующих в операции против криминала, совсем наоборот...

Попытаться улизнуть наверх от греха подальше Роман не мог – мешало не любопытство, а понимание того, что на лишившихся проворства ногах далеко не убежишь. Поднимать шум он тем более не стремился, потому что пошуметь ему дали бы несколько секунд, не дольше, а Роман никогда не мечтал о яркой короткой жизни с героическим финалом. Он надеялся отсидеться в своем гадючнике и отсиделся бы, если бы являлся единственным обитателем этой

зловонной территории.

Услышав мягкий шлепок, Роман бросил взгляд на пол у своих ног и обнаружил там жирную рыжую крысу, вывалившуюся из жерла мусоропровода. Ее черные глазки с дикой лютостью буравили незваного гостя. Казалось, она размышляет, за какое бы место половчее цапнуть его своими ядовитыми зубами. Одновременно Роман уловил краешком глаза шевеление на уровне своей головы и, резко повернувшись, наткнулся на еще один злобный взгляд. Вторая крыса, примостившаяся на краешке мусоросборника, находилась так близко, что запросто могла бы оттяпать ему ухо.

Страх и отвращение были столь велики, что Роман, забыв о всякой осторожности, вскочил на ноги и попятился. Десантировавшаяся в подъезд крыса лениво отвернулась и с неожиданной ловкостью взлетела обратно, словно ее втянули в черную дыру за невидимую нить. Ее товарка исчезла тоже, вильнув на прощание мерзким голым хвостом. Но Роман не успел порадоваться своей маленькой победе. Один из вооруженных налетчиков, о существовании которых он забыл всего лишь на какое-то мгновение, в три прыжка очутился рядом и теперь больно ввинчивал Роману между ребер твердый металлический предмет. Пояснений насчет предназначения предмета не потребовалось – Роман оцепенел и показал умоляющим взглядом, что будет вести себя тише воды, ниже травы, лишь бы его не убивали.

Зрочки мужчины в прорезях маски сверкали тем же холодным бешенством, которое присутствовало в крысиных глазках.

– Ты кто? – прошипел он. – Что здесь делаешь?

Роман ничего не ответил по той простой причине, что не сразу смог сообразить, какому вопросу отдать предпочтение, первому или второму.

– Я... – вот и все, что удалось из себя выдавить.

– Головка от буя, – заключил свистящим шепотом незнакомец. И, повернувшись к своему напарнику, оставшемуся внизу, буднично спросил: – Валишь?

– Погоди. – Короткое словечко, донесшееся с лестничной площадки, чуть не выскло из глаз Романа горячие слезы благодарности. – Это то

самое чмо, которое Стингеру двенадцать штук торчит... Так, чмо болотное?

– Да, – быстро согласился Роман, не протестуя против причисления себя к среднему роду. – Я здесь случ...

– Заткнись!

Болезненный тычок под ребра прервал его на полуслове. Внезапно Роману опять захотелось расплакаться – уже не от счастья, что ему разрешили немножечко пожить, а от обиды. Этой ночью все как сговорились перебивать его и лишать права голоса, пусть даже такого слабого, дрожащего.

– Веди его сюда, – скомандовал напарнику тот, который продолжал караулить дверь. – Оставишь мне, а сам спустишься вниз, выйдешь на связь и спросишь, что с ним делать.

– Слыхал, чмо? Перебирай копытами!

Оттого, что все эти разговоры велись шепотом, было еще страшнее. Ни в одном самом жутком кошмаре Роману не доводилось ощущать себя таким беспомощным и уязвимым. По лестнице он спускался с таким видом, словно всходил на эшафот. Даже руки за спиной сложил, хотя никто его об этом не просил. Его безмерно удивляло, что он умудряется переступать по ступенькам на почти негнущихся ногах, но это ему каким-то чудом удавалось, и в конечном итоге он добрался до площадки.

А потом все вдруг стало происходить с такой фантастической быстротой, что у Романа захватило дух.

Лязгнув несколько раз замками, металлическая дверь отворилась. За ней обнаружилась высокая девушка. Блестящий плащ, бледное лицо. Она хотела отпрянуть, но не успела. Романа толкнули вперед, прямо на нее, и он ойкнул от неожиданности. Аромат чужих духов на мгновение перекрыл подъездную вонь. Это было приятное, но слишком мимолетное ощущение. В следующий миг его огрели по затылку чем-то твердым и тяжелым. Он увидел стремительно приближающийся паркет и услышал, как звонко клацнули его зубы.

Все. Никаких других впечатлений Роман набраться не успел. Он только успел догадаться, что дальше будет еще хуже, настолько плохо, что все прежние беды скоро покажутся мелкими огорчениями в сравнении с тем, что его ожидает в самом ближайшем будущем.

## Глава 9

### На осадном положении

– Послушай, может, тебя уже перестали искать? – раздраженно предположил Костя, наблюдая за перемещениями ночного гостя по квартире. – Долго мы так будем лежать?

Вломившийся в квартиру парень не проявлял никакой агрессивности и потому внушал Косте все меньше опасений, а значит, и уважения. Сквозь хмельную пелену ни внушительная комплекция Петра, ни даже его автомат не казались достаточно вескими аргументами, чтобы полностью смириться с глупым положением заложника в своем собственном доме.

Между прочим, у Кости тоже имелось оружие: вороной с красноватым отливом «ТТ» китайской сборки. Пистолет сохранился со славных времен безраздельного владычества Хана, при котором Костя Филиппок считался не самым последним человеком в группировке, а потому стремился соответствовать своему полубандитскому имиджу. Стрелять ему, правда, довелось только один раз в жизни, да и то не по живой мишени, но Косте хорошо запомнилось то ощущение силы и всемогущества, которое давал разогревшийся пистолет.

Этот «тэтэшник» хранился на полке среди видеокассет, и выхватить его было делом нескольких секунд. Уже одна мысль об этом порождала в Косте самоуверенность и все более настоятельное желание указать белобрысому простофиле его место. Когда общаешься с людьми при посредстве пистолетного ствола, тебя начинают понимать без слов.

– Я встану, – сказал Костя, подпустив вопросительной интонации такую малость, что получилось скорее заявление, а не вопрос. Пробная декларация независимости.

– Если ты встанешь, то сразу ляжешь, – совсем по-киношному отвечивал Петр.



Дуло автомата, только что бесцельно рыскавшее по всей квартире, выбрало постоянный объект внимания и уставилось Косте в лицо. Глаза Петра проделали то же самое, это было заметно даже в темноте. Он прищурил их сразу оба, как не поступил бы ни один опытный стрелок, но расстояние от ствола до похолодевшего под одеялом Кости было столь незначительным, что никакой необходимости в профессиональном умении целиться не было. Стоило Петру лишь пошевелить пальцем, и...

Желудок Кости отозвался возмущенным бурчанием, которое пришлось заглушать деланым кашлем, а вместе с ним из Кости неизвестно куда улетучился весь его боевой задор. Петр еще некоторое время буравил его недобрый взглядом, а потом пустился в очередной обход квартиры, тычась лбом в каждое окно с таким видом, будто был способен высмотреть что-нибудь в потемках. Когда он снова оказался в спальне, проститутка, все это время послушно лежавшая рядом с Костей, решила, что настал ее черед покапризничать.

— А вот я встану! — решительно заявила она. — Писать хочу. Кофе хочу. У тебя есть приличный кофе, Костя?

— Есть, — машинально откликнулся он. — На кухне. В шкафчике на верхней полке. «Голден... голден...»

— «Голден» так «гоlden», — беспечно заявила она. Им и угощусь!

— Э! Ты куда? — забеспокоился Петр, когда нахальная пленница сбросила с себя одеяло, перемахнула через изображающего неподвижную мумию соседа и спустила босые ноги на ковер.

— Заведи собачку типа болонки, ею командуй. А я девушка свободная, самостоятельная. — С этим провокационным заявлением Элька выпрямилась, очень даже эффектная, несмотря на темноту.

Костя зажмурил глаза — один полностью, а второй оставил слегка приоткрытым, чтобы не пропустить ту жуткую и завораживающую сцену, которая непременно должна была произойти прямо сейчас. Серия вспышек во мраке, падение тела на пол, запах пороховой гари...

Между тем Элька безмятежно натянула трусики, взялась за бюстгалтер, затем перешла к остальным деталям одежды, обстоятельно демонстрируя стриптиз наоборот. Так и не дождавшись резкой

автоматной очереди, Костя медленно открыл правый глаз, а левый на всякий случай пока придерживал полужакрытым. Поглядывая на застывшего у дальней стены парня, он с неожиданной ревностью подумал: «Между прочим, девочка на мои денежки куплена, не хрен тебе бесплатно на нее пялиться!»

– Так лучше? – невинно спросила Элька, картинным жестом предлагая полюбоваться собой, уже полностью одетой. – Теперь я тебя не смущаю?

– Что я, голых баб не видел? – буркнул белобрысый Петр, только теперь догадавшийся отвернуться.

– Я не баба, – возразила Элька и, распрямившись во весь свой видный рост, промаршировала из спальни в туалет, вызываясь помахивая на ходу сумочкой.

– Она тебе кто? – спросил Петр, как только Элька удалилась со сцены.

– А никто! – откликнулся Костя раздраженно. Его несколько коробило сознание того, что пришедшая поблядушка продемонстрировала больше отваги, чем он сам.

– Не баба твоя, значит?

– Ты же слышал: она вообще не баба.

– И то верно, – неожиданно согласился Петр. – Такая девушка бабой быть никак не может. Верно я говорю?

Костя промолчал, украдкой наблюдая за парнем с кровати. Голос у него стал мечтательным, а поза – расслабленной. Кажется, его совершенно перестал волновать вопрос, кого и как караулить теперь, когда пленники оказались в разных концах квартиры. Подобной простотой душевной грех было не воспользоваться. Дождавшись, пока отзвучит отдаленный шум небольшого водопада, устроенного сливным бачком, и раздастся непринужденное бряцанье кухонной посуды, Костя решительно встал с кровати.

Он не учел, что его мужская нагота может подействовать на зрителя совсем не так, как Элькина. Моментаً опомнившийся Петр сделал к нему три быстрых шага, заноса на ходу приклад автомата.

– Я только трусы надену! – поспешно воскликнул Костя, предостерегающе вскинув руку в пародии на пионерский салют.

Петр притормозил, нехотя опустил автомат и коротко буркнул:

– Хоть двое.

Справившись с задачей, Костя снова опустился на кровать, но лечь не стал, остался сидеть, закрепляя тем самым свою небольшую победу. «Белобрысая бестия», как он назвал про себя парня, протестовать не стал.

Чтобы еще надежнее усыпить его бдительность, Костя задумчиво почесал затылок и заговорил вполне дружелюбным, даже соболезнующим тоном:

– Слушай, тебе лучше прорываться, пока темно. По-моему, ты зря здесь толчешься. Только время попусту теряешь.

– В тебя когда-нибудь из автомата стреляли? – мрачно поинтересовался Петр. – Нет? Вот и молчи в тряпочку! Советчик какой выискался!

Пожав плечами, Костя, не принимая во внимание сердитый тон собеседника, задумчиво произнес:

– Не понимаю... Шефа твоего из-за кейса прихлопнули, так? При чем здесь ты? Почему за тобой охотятся?

– Кино надо чаще смотреть. Свидетель я. – Сокрушенно вздохнув по этому поводу, Петр неожиданно спросил: – Ты ведь бизнесмен, верно? Должен знать, что почем. Вот и скажи мне, бизнесмен, сколько плутоний может стоить?

Хотел было Костя сказать, что за подобной информацией следует обращаться в соответствующие НИИ, а лучше прямо в ФСБ, да сдержался, прикусил язык. Коммерческий нюх сработал. И ощущалась этим нюхом близкая нажива.

– Во-первых, многое зависит от марки плутония, – задумчиво произнес он с видом мудрым и всезнающим.

– А во-вторых? – наседали оживившийся Петр.

– От веса партии, – брякнул Костя наугад.

Собеседник что-то прикинул про себя и неуверенно предположил:

– Килограммов пятнадцать потянет, точно.

– Разве это точно? – усмехнулся Костя с превосходством. – Тут каждый грамм важен. И вообще, ты его в глаза видел, плутоний этот?

– Если честно, то нет. Он в чемоданчике был. У шефа моего. – Нахмурившись, Петр уточнил: – У бывшего.

– В каком чемоданчике? – насторожился Костя, вспомнив серый кейс Лехмана, набитый пачками долларов. Ему стало трудно сидеть на одном месте, но он даже пальцем не пошевелил, боясь спугнуть удачу.

– Сначала ты мне ответь, – осадил его Петр. – Плутоний продать сможешь? Десять процентов твои.

– Этот чемоданчик, он серый, да? – Костя словно не слышал собеседника. Зато отлично слышал нарастающий перестук собственного сердца.

– А ты откуда знаешь? – Петин голос преисполнился подозрительности.

– Да я... – воскликнул Костя и прикусил язык.

Неужели белобрысый Иванушка-дурачок не знал, что именно хранилось в сером кейсе его шефа? А что, очень даже может быть. Тому же Лехману было выгодно наплатить охраннику про мифический плутоний, чтобы обезопасить себя. Два миллиона долларов! Про такой груз как-то не принято распространяться.

– Да я... видел этот кейс у него в кабинете, – медленно закончил Костя одну мысль, в то время как с десяток других, невысказанных, куролесили в его черепной коробке. – Лехман еще мне посоветовал держаться подальше, чтобы не облучиться. Со стратегическим сырьем не шутят. Это же дикая радиация, понимаешь?

– Не маленький, – хмыкнул Петр, подумал немного и добавил: – Теперь в той посадке грибы ползут здоровенные, как в Чернобыле. И зайцы двухголовые появятся.

– Какие грибы? Какие зайцы? – поморщился Костя, который, сосредоточившись на опять всплывших миллионах, ни о чем другом мыслить не мог.

– Мутанты, о! – воскликнул Петр, явно довольный тем, что сумел вернуть такое необычное словечко.

– Мутанты? В посадке? Значит, ты... Ты бросил этот кейс в какой-то посадке, да?

– Никакой не кейс-фигейс, а чемоданчик, – набычился Петр. – Ну, бросил. Подумал: а на хрена мне плутоний сдался? Я ж не шпион какой-нибудь. Не Кон Шоннери или как его там... Потом пошевелил мозгами в спокойной обстановке: дай, думаю, коммерсанта знакомого подключу... Тебя, значит.

Костя обожал иметь дело с подобными недалекими типами. Вешать им лапшу на уши было одно удовольствие, они подставлялись сами да еще глядели на тебя глупыми благодарными глазами. Идиллия!

– Если ты приглашаешь меня в долю, то я должен знать все. – Костя поднял указательный палец, заметил, что он предательски дрожит, и поспешно убрал его с глаз долой. – Где находится твой плутоний? Как его можно отыскать в посадке? Почему он там оказался?

– И больше ты ничего не хочешь узнать? – Можно было заподозрить, что вопрос был задан с подковыркой, но слишком уж простецкой выглядела физиономия собеседника, заинтересованно выдвинувшаяся из темноты.

– Пока что нет, – с достоинством ответил Костя.

– Ну, тогда слушай... Я с Лехманом был, когда он в аэропорт вез сырье свое старт... стати... стратегическое... – слово далось Петру с трудом, а потом дело пошло на лад: – Бандит на нас напал по дороге. Шефа и секретаршу расстрелял вот из этого самого автомата, видишь? А я с чемоданчиком убежал.

– И спрятал? – нетерпеливо перебил Костя. – Где именно?

– Найти его будет легко, – усмехнулся белобрысый Петр. – Я же человек простой, без особых затей. Дело происходило на девятнадцатом километре. Справа от дороги лесок тянется. За ним труба газовая на опорах. Под ней какой-то бетонный колодец имеется. Вот в нем, значит, чемоданчик и лежит, меня дожидается... Только зачем тебе это знать, не пойму? Ты же сам за плутоном не полезешь?

Опять возникло смутное ощущение, что парень говорит со скрытой издевкой, и опять Костя успокоился, присмотревшись к его доверчиво хлопающим глазам и развешенным ушам. Вот им и адресовал он свой ответ:

– Лично я в колодец этот – ни ногой! – На Костином лице появилось такое отвращение, словно ему сунули под нос кусок урановой руды и предложили от пуза угоститься изотопами. – И тебе тоже советую обходить это место десятой дорогой... Кстати, бандиты, которые за тобой гоняются, про то, где ты чемоданчик спрятал, знают?

Петр задумался и неуверенно произнес:

– Выходит, нет. Одному я, правда, сказал, но он это самое... ну, это... неживой уже.

– Вот и ты забудь, – воскликнул Костя, едва дождавшись, когда собеседник прекратит бекать и мекать. – Считай, что похоронил плутонов. Продать его все равно невозможно. Слишком опасно.

– Отказываешься?

– Разумеется! – Вскочив с кровати, Костя заметался по спальне и затараторил, беспорядочно тасуя первые попавшиеся фразы, приходящие на ум: – Я помочь тебе хочу, парень! Ты в скверную историю вляпался! Бандиты теперь от тебя не отвяжутся, они тебя... сам понимаешь! – Костя провел большим пальцем по горлу. – Чик, и готово!.. В милицию обратиться надо. Срочно! Тебя заберут, упрячут... То есть спрячут. В надежной камере. Там тебя никто не достанет... Давай позвоним, – жарко сказал он, остановившись напротив собеседника. – Другого выхода нет... Это твой единственный шанс, понимаешь?

Шансов при таком варианте появлялось значительно больше, чем один, только у Кости, а не у Петра. Пока этот придурок парился бы в ментовке, можно было смотаться к газопроводу у дороги в аэропорт и отыскать там то, что недавно казалось безвозвратно утерянным. Кейс в колодце – это не иголка в стогу сена. Жаль только, что Петра совершенно не вдохновила такая блестящая идея.

– Тоже мне, советчик выискался! – зло бросил он и сплюнул прямо на ковер. – У меня в квартире труп, а он мне: «в милицию обратиться надо!» – Петр талантливо скопировал детскую манеру передразнивать собеседника. – А ну, пошел на место! Не хочешь помогать, и не надо. Лежи и молчи в тряпочку!

Вместо того, чтобы подчиниться, Костя демонстративно натянул брюки на одну ногу и запрыгал на ней, силясь попасть второй в волочащуюся по полу штанину. Оттого, что он нервничал, простенькая процедура затянулась надолго.

– А вот не лягу! – пыхтел он вызывающе. – Ты, конечно, кретин, но не такой конченный, чтобы труп на трупе громоздить... Не тянешь ты на Терминатора, Петя... Так что, извини, твои угрозы мне до задницы...

– Вот прострелю твою задницу, тогда поумничаешь, – сказал Петр, однако в голосе его было больше неуверенности, чем решимости.

– Стреляй! Тогда соседи уж точно ментовку вызовут. Стреляй, если ты такой тупоголовый!

Как Костя и предполагал, никаких карательных мер так и не последовало. Облачившись наконец не только в штаны, но и в рубашку и джемпер, он облегченно вздохнул. Во-первых, одетым он не чувствовал себя таким неловким и беспомощным, как пару минут назад, когда вынужден был объясняться с белобрысым недоумком в одних трусах. Во-вторых, до тумбочки с видеокассетами теперь было рукой подать, и это очень воодушевляло.

Два миллиона долларов! Да за такие деньги Костя был готов прямо на пули грудью переть, как Матросов. Тем более что хмель из его головы выветрился лишь наполовину.

– Элька! – крикнул он. – Что ты там застряла? Иди к нам! Я вам сейчас

один боевичок изображу, чтобы не скучали!

Подмигнув Петру, он присел на корточки перед тумбочкой, в которой хранилось все необходимое, чтобы скрасить эту затянувшуюся ночь.

\* \* \*

Элька, конечно, была девушкой испорченной и порочной, но не до такой степени, чтобы регулярно баловаться кофейком среди ночи. Просто ей потребовался повод, чтобы одеться и поскорее убраться из зоны возможного обстрела. Хозяин квартиры и его гость не отличались повышенным дружелюбием по отношению друг к другу, а это означало, что их общение в любой момент могло перерасти в выяснение отношений с применением оружия. Мужчины, они всегда по натуре задиристые пацаны. Стоит одному взять в руки железяку и почувствовать себя сильнее соперника, как уже недалеко до беды. А Эльке своих забот хватало, с избытком.

Огонь расцвел на газовой конфорке причудливым голубоватым цветком, озарившим окружающую тьму. Во всех дамских романах, которые доводилось читать Эльке, обязательно присутствовал этот самый голубой цветок, и сравнение приходило в голову автоматически.

Вскипятив воду в сияющем чайнике со свистком, Элька сыпанула в чашку внушительную дозу кофе, добавила сахару, несколько капель воды и принялась энергично растирать полученную смесь чайной ложкой. Когда на дне чашки образовалось нечто похожее по цвету и консистенции на заварной крем, она залила густое месиво кипятком, поболтала ложечкой в чашке и с удовольствием отхлебнула густую пену, всплывшую на поверхности. Бежевое и темно-коричневое – это сочетание цветов понравилось Эльке настолько, что ей захотелось сразу по возвращении домой прикупить себе какую-нибудь вещичку, выдержанную в подобных тонах. Идеальная гамма для ее золотистых волос и карих глаз.

Она вздохнула, отлично зная, что обнова будет отложена на неопределенный срок. Прежде всего Антошка, а все остальное потом. Зато, когда сын опять сможет любоваться окружающим миром, Элька тоже научится смотреть вокруг себя заново – без тоски и уныния, которые одолевали ее в последнее время. Как только зрение Антошки



восстановится, она обязательно привезет его к морю и покажет ему, какое оно огромное и безбрежное. И скажет: смотри, малыш, твоя жизнь отныне будет точно такой же. Наша жизнь...

От приятных мечтаний отвлекали мужские голоса, доносившиеся из спальни. Кажется, Костя чем-то достал Петра, и тот временами срывался на крик. Пора было смыться из опасной квартиры, самое время. Она уже не в первый раз напомнила себе об этом и снова осталась на месте. Очень уж было жаль денег, которые она так и не успела получить с последнего клиента в своей биографии, а еще Элька немножечко жалела синеглазого парня, которому, очень может быть, уже совсем мало молодости отмерено.

Симпатичный парень, простоватый, зато сильный и надежный. Такой в постели не станет всякие пакости изобретать, чтобы на лишнюю палку раскрутиться. При случае он уложил бы Эльку в койку и до утра из объятий не выпускал бы, как это когда-то делал ее покойный муж, догеройствовавшийся в далеком городе Грозном до посмертного ордена. Вот с ним ей когда-то было хорошо. Именно поэтому сделалось так плохо, когда его не стало.

Она вздохнула. Все-таки очень уж паршиво жилось ей без требовательных и одновременно ласковых мужских рук. Эльке для счастья требовалось не так уж много – только одна такая пара рук, которая удерживала бы ее и сынишку на плаву. Надежное плечо рядом. Но за отсутствием такового приходилось барахтаться самостоятельно. Лягушка в кринке с молоком, которая вынуждена безостановочно взбивать себе опору из сливок и масла. Такая ненадежная, такая скользкая опора... Бр-р. Элька невольно поежилась от неприятного сравнения, пришедшего на ум. Находясь в чужой темной квартире, очень легко было представить себя брошенной на произвол судьбы лягушкой, которой остается надеяться только на прыть своих длинных нижних конечностей.

Машинально ополоснув чашку под краном, она еще раз прислушалась к происходящему в спальне. «Стреляй!.. – запальчиво голосил Костя. – Ты... Тупоголовый!..»

Ну вот. Ее худшие предположения начали сбываться. Вздохнув еще раз, Элька шмыгнула в прихожую и не удержалась, чтобы не включить настенный светильник. Одеваться в потемках? Вот еще! Мужчины,

занятые своими разборками, реагируют на происходящее вокруг не больше, чем токующие глухари.

Что ожидает их, когда она откроет дверь? Если Петра действительно выслеживают, то засада может обнаружиться прямо в подъезде. Эльку как невольную пособницу преследователям обижать вроде бы не за что. Костя? Он тип достаточно скользкий, выкрутится как-нибудь. А вот Петра ожидает весьма неприятный сюрприз. По всей вероятности, охотятся за ним дядечки серьезные, шутить не любящие. Но он мужчина, и в руках у него автомат. А она – женщина, слабое создание, вынужденное как можно проворнее перебирать ногами. Царевна-лягушка, которая непременно должна выбраться из западни, если хочет дожить до встречи с прекрасным принцем.

Она тихонько обулась, набросила на себя короткий плащик, переливающийся, как рыба чешуя, и невольно поморщилась, бросив взгляд на свое отражение: собственное лицо никогда не устраивало ее без обстоятельного макияжа.

«Элька! Что ты там застряла?..»

Костин голос продолжал призывно выкрикивать еще что-то, но ее уже ничто не могло остановить. Осторожно открыв засов за засовом, Элька решительно толкнула дверь и... застыла на пороге.

Перед ней выросли сразу три мужские фигуры – слишком большая компания, чтобы проскользнуть мимо с вежливой улыбкой. Глаза двоих угрожающе сверкали сквозь прорези в масках, а лицо третьего, обращенное к Эльке, было преисполнено такого страдания, что показалось ей прекрасным и одухотворенным. «Утонченная красота» – эта расхожая фраза из женских романов мелькнула где-то в ее подсознании, прежде чем, охнув от боли и неожиданности, она приняла грудью удар очаровавшей ее темноволосой головы и моментально забыла о всяких сентиментальных глупостях.

Все трое ввалились в прихожую почти одновременно, но брюнет вскоре потерялся по дороге, а Эльку погнало тычками пистолетных стволов в глубь квартиры, шипя на нее, как стая разъяренных гусей.

Ей оставалось лишь покорно пятиться все дальше и дальше, с замиранием сердца ожидая выстрелов в упор. Странно, но при этом она

испытывала страх не за себя, а за Антошку, как будто прикрывала его собственной грудью. Чтобы выжил он, нужно было прежде всего выстоять и выжить самой.

Любой ценой.

\* \* \*

Внезапная сумятица в прихожей привела Петра и его автомат в состояние полной боевой готовности. Молниеносно отреагировав на топот, шарканье, сопение и приглушенную ругань, приближающиеся из полумрака, подобно шуму нарастающей волны, готовой захлестнуть спальню, Петр развернулся к опасности вполоборота и оскалил зубы.

Промедлил он с нажатием на спусковой крючок лишь потому, что инстинктивно боялся грохота, который должна была вызвать пальба в небольшом помещении. В следующую секунду, когда, собрав лицо в зверскую маску, он все же приготовился выпустить смерть из дула своего автомата, на фоне скудно освещенного дверного проема возникла высокая девичья фигура в шуршащем плаще и умоляюще запричитала:

– Только не надо стрелять! Не надо!

Для Петра эта девушка с необычным именем, высокомерной осанкой, дерзко вздернутым носиком и манерой выговаривать букву «г» с придыханием с самого начала была кем-то вроде гостьи из будущего. Она словно сошла с заветного плаката, которым он любовался тоскливыми вечерами. Девушка его мечты, прекрасная, как сказочная принцесса, – разве могла подняться Петина рука скосить очередью такую?

– Ложись на пол! – крикнул он ей, вперив взгляд в двух вооруженных мужчин, гонящих Эльку впереди себя.

Оба целились в Петра из пистолетов с навинченными набалдашниками глушителей, но почему-то тоже не стреляли, а только стремительно надвигались на него с бессвязными ругательствами.

– На пол! – с отчаянием повторил Петр, попятившись назад, чтобы сохранить между собой и атакующими хоть какую-то дистанцию.

Так вышло, что он сам выполнил свою команду. Наткнувшись на невидимое препятствие, Петр не сразу понял, что падает навзничь. Просто ствол его автомата почему-то взмыл к потолку, куда он вовсе не собирался целиться, а потом затылок с размаху приложился к полу. И снизу энергично барахтался рыхлый Костя, так некстати подвернувшийся под ноги, а сверху наседали двое в масках, выкручивая Петру руки и беспорядочно тыча ему в лицо то кулаками, то стволами.

– У-убью! – прорычал он, но ярость эта была запоздалой и бессильной, потому что его уже обезоружили, уже распластали на ковре и, как следует примерившись, заехали между воинственно выкаченных глаз рукояткой пистолета.

Петр не видел, как метнувшуюся к выходу Эльку перехватили в коридоре, повалили на пол, попинали ногами и за волосы приволокли в спальню.

Таким же образом доставили сюда вяло упирающегося Романа, который уже начал приходить в себя, но был способен на сопротивление не больше, чем снулый карп, вытасченный на берег.

Косте в благодарность за то, что он своевременно подвернулся Петру под ноги, больно заехали прикладом конфискованного автомата сначала по почкам, а потом, когда он послушно уместился на ковре вниз лицом, добавили еще и по копчику, да так, что слезы на глазах выступили.

Всю эту суматоху Петр пропустил, как пропустил последующие переговоры по рации и появление в квартире еще одного вооруженного отряда. Когда же он постепенно начал всплывать из темного омут забвения, его ослепил безжалостно яркий электрический свет. Он невольно зажмурился, и не только от рези в глазах. Тонкогубое лицо со шрамом, склонившееся над Петром, понравилось ему еще меньше, чем все то, что уже приключилось с ним за неполные сутки.

Вылитый Кощей Бессмертный, каким он представлялся Петру в детстве, – вот кто это был.

# Глава 10

## Страшный суд

Когда рация торжествующе прохрипела об успешном завершении операции, Стингер направился к подъезду такой стремительной походкой, что полы его распахнутого кожаного плаща не поспевали за ним, стелясь за спиной, как крылья пикирующего коршуна.

По обе стороны от него пристроились на ходу рыжий Батон и щуплый Гуня. Если бы кто-нибудь понаблюдал за этой разнокалиберной парой в мирной обстановке, то невозможно было даже заподозрить в веснушчатом увальне или невзрачном редкозубом мужичонке заправских душегубов, которым что насмерть зарезать, что заживо в землю закопать – раз плюнуть. А на счету обоих числились смертоубийства и пострашнее.

В чужую квартиру Стингер вошел, как в свою собственную, или, по крайней мере, с видом победителя, озирающего поле боя. Батон и Гуня, присоединившись к героям этой ночи, Корявому и Монголу, рассредоточились по комнате, где рядом лежали пленники, уткнувшись носами в пол и прикрыв затылки сцепленными руками. Это была имитация спецназовской операции, вот только если бы дело дошло до пальбы из всех имеющихся в наличии стволов, то пули в замкнутом пространстве не пощадили бы и самих стрелков. Для порядка четверку пленников следовало развести по разным комнатам, но Стингеру, с нетерпением выискивающему взглядом лехманского охранника, было не до этих тонкостей.

– Он? – Стингер наугад пнул под ребра самого рослого парня и вопросительно посмотрел на Корявого. – Я спрашиваю: он?

– Он самый. Хотел, падла, нас из шмайсера положить! – Нескладный верзила торжествующе продемонстрировал отобранный «АКСМ» с укороченным стволом.

– Узнаю машинку, – хмыкнул Стингер и склонился над распростертым парнем со светлыми волосами. – Ты зачем Клопа замочил, ковбой?

Тот уже очнулся. Он открыл свои синие глаза и часто заморгал от яркого света. От этого он выглядел глуповато. Особенно когда обидчиво произнес:

– Сам напросился ваш Клоп. Первый полез...

Это прозвучало так по-детски, что Стингер даже восхитился:

– Ты как школьник, в натуре. Только шмайсер – не рогатка, а я не учитель, чтобы тебя воспитывать. Замочил – и ладно. Он заслужил. А ты? Тебя Петей кличут, кажется? Жить хочешь, Петушок?

Парень засопел, повернул голову набок, косясь на Стингера одним глазом, и неохотно буркнул:

– А кто не хочет?

– Есть и такие, – усмехнулся Стингер, – но речь не о них, а о тебе. Скоренько колись и живи себе дальше. Хоть до ста лет, если здоровье позволит.

– Колоться? – вопрос синеглазого прозвучал озадаченно.

– Колоться! – подтвердил Стингер нетерпеливо. – Отдуться, размениваться, рюхаться! Неграмотный? Языка русского не понимаешь?

– Русский – понимаю. А этот – что-то не очень.

– Ты ваньку здесь не ломай! – обозлился Стингер так, что шрам на его лице задергался. – Не мути, сывка, а лучше сразу с червей ходи, пока в башке сквозняка нет. Где товар, ну?

– Ах, товар... Так он в чемоданчике лехманском остался, – равнодушно сказал парень. – Серенький такой чемоданчик. Тяжелый, неудобный, как канистра. Лично мне он без надобности. А вы за ним пришли, что ли?

Стингер едва не цокнул языком от умиления. Похоже, бестолковый охранник покойного жида понятия не имел, какой жирный кусок попал

ему в руки. Это здорово упрощало задачу. Не дожидаясь, пока из него станут тянуть жилы, парень был готов выложить правду просто так, по глупости и наивности.

– За ним пришли, – согласился Стингер, едва не приплясывая на месте от нетерпения, – за чемоданчиком. Ты нам его сдаешь, а мы испаримся, как страшный сон фраера. Такой расклад тебя устраивает, Петушок?

Пленник вздохнул, как человек, которому осточертело повторять одно и то же, и признался:

– Бросил я его, когда урка этот... ну, мужичок ваш чернявый... за мной с автоматом гнался.

У Стингера после этих слов сердце забилося учащенно. С трудом сдерживая азартное нетерпение, он произнес с деланным спокойствием:

– Сейчас ты поедешь с нами и покажешь место.

– Темнотища такая! – напомнил синеглазый. – Хоть глаз выколи.

– Можно и сразу оба, – зловеще предложил Стингер. Ему не хотелось откладывать поиски до утра, хотя, поразмыслив немного, он был вынужден согласиться: – Ладно, погостишь у нас до рассвета, а там и отправимся с тобой подышать свежим воздухом. Любишь утречком пробздаться, Петушок?

– Петр я, а не Петушок, – сердито буркнул парень, упрямо тараща свои синие глазищи. – И место я вам покажу, только если вы девушку отпустите. Такое будет мое условие, вот.

– Какую еще девушку? Шмару твою? Эту, что ли? – Стингер с любопытством уставился на единственную особу женского пола, уткнувшуюся лицом в ковер. Ему еще ни разу не доводилось видеть бабу, жизнь которой оценивалась бы в три миллиона долларов, и он нетерпеливо распорядился: – Слышь, Монгол, помоги красавице встать, хочу ее рассмотреть как следует... Ого! – не удержался он от комментария по поводу роста пленницы, а в следующее мгновение даже задохнулся от неожиданного негодования: – Ты?! Здесь?! Жучка ты гребаная, звезда твоя рваная! Что вылупилась, сучара? Не ожидала меня

снова увидеть?

Поскольку встревожившийся петушок по имени Петр попытался привстать, чтобы вмешаться в происходящее, Стингер наступил ему на кадык, заставляя заткнуться и не рыпаться, а сам с наслаждением заглянул в помертвевшие глаза долговязой шлюхи.

Три миллиона баксов плюс такой восхитительный сюрприз в придачу! Поистине, эта ночь оказалась самой удачной в его жизни. Хотелось немедленно взяться за подлую суку, проставившую его братве на потеху, но Стингер решил не спешить, предпочитая растягивать удовольствие так долго, сколько сумеет выдержать душонка в молодом здоровом теле, оказавшемся в его власти.

– Слышь, ты! – захрипел пленник, придавленный к полу его грязной подошвой. – Как тебя зовут, Стингером, что ли? Она тут ни при чем, пусть уходит. Не то свой чемоданчик сами искать будете.

– Умри, – бросил ему Стингер, не отрывая зловещего взгляда от белой как полотно девушки и требовательно протягивая руку в ее направлении: – Башли и голду сюда! Живо!

– Все там. – Она показала подбородком на сумку, почти затерявшуюся на полу среди кавардака, устроенного мужчинами в пылу сражения.

– Гуня! – рявкнул Стингер.

Тот отлично знал свои обязанности безотказной шестеренки. Футболя на ходу раскатившиеся апельсины, он проворно сцапал сумку и вытряхнул ее содержимое себе под ноги. Отмел в сторону всякую дамскую дребедень, повозился еще немного и торжественно объявил:

– У ней тута нычка за подкладкой.

– Баксы давай сюда, а вещички пока в карман спрячь, – распорядился Стингер.

Ему было неловко при всех надевать на себя золотые цацки, которых он лишился как самый натуральный лох. Заставив себя успокоиться, он соизволил наконец убрать ногу с горла пленника и посмотрел на него сверху вниз, чтобы сообщить с гримасой, которая должна была



изображать улыбку:

– Не гоношись, Петушок. Курочка твоя с нами за город прокатится, а потом отпущу вас обоих на все четыре стороны. Живите и размножайтесь нам на радость! Ха! Ха!

Его отрывистый смех по тембру напоминал собачий лай, а эмоций в нем прозвучало не больше, чем в выстрелах из пистолета с глушителем, если бы Стингер вздумал прямо сейчас разрядить его в голову пленника. Но он не собирался так бездарно разбрасываться чужими мозгами, хранившими бесценную информацию, а потому, как бы потеряв интерес и к парню, и к его сучке, перешел к следующему телу.

– Перевернись на спину и покажи хлебальник! – велел он, не исключая вероятности еще одного сюрприза, и не ошибся.

У его ног лежал незадачливый барыга, чью жизнь вместе с долгами перекупил Стингер. У этого мамино сына имелась квартира, дача и тачка – вполне достаточно, чтобы получить с него причитающиеся двенадцать штук и проценты, которые набегут за время включенного счетчика. Еще час назад Стингер немедленно приступил бы к выколачиванию хотя бы части долга, но теперь, когда он стал без пяти минут миллионером, жалкий щенок, задравший лапки и покорно подставивший брюхо, не вызвал у него привычного азартного возбуждения, с которым он привык рвать своих беззащитных жертв.

– Что ты мне про сроки лепечешь? – переспросил Стингер. Занятый своими мыслями, он не поспевал за скороговоркой смазливой барыги в костюмчике и раздраженно морщился, точно был вынужден слушать назойливый комариный писк.

– У меня еще один день, – подобострастно повторил тот, ловя блуждающий взгляд Стингера. – Завтра я все верну, клянусь...

– Что здесь делает этот дятел? – брезгливо спросил Стингер у подручных, ворвавшихся в квартиру первыми.

– В подъезде отирался, – доложил Корявый, нервно перекладывая пистолет из одной длинной лапищи в другую. – Говорит, чисто случайно тут. Ну, мы его и прихватили прицепом.

– Случайно, – задумчиво произнес Стингер и покачал головой. – Что ж, значит, такой фарт у барыги... – Остановив властным жестом понимающие смешки подручных, он улыбнулся распростертому на полу пленнику: – Ты, кажется, Рома? Ой, чавелла Романэ!.. Так? Ха! Ха!

Барыга присоединил свое робкое подхихикивание к отрывистому смеху Стингера. Получилось что-то вроде инсценировки рассказика про льва и собачку. Как только оборвался победоносный хохот хозяина положения, жалкое твяканье пленника тоже смолкло.

– Что ты так побледнел, Рома? – Поднятые брови Стингера выразили крайнюю степень удивления. – Я насчет форта серьезно, не бойся. Должок тебе вот прощаю... – Улыбчивый оскал Стингера стал таким широким, словно он вознамерился откусить голову своему должнику.

– К-как прощаете? Почему?

– Просто так, – пожал плечами Стингер. – По доброте душевной. А ты разве не рад? Чем-то недоволен?

– Что вы! Даже не знаю, как вас благодарить.

– А как тебя в детстве учили, Рома? Что нужно сказать дяде?

– Ну да, конечно! – спохватился красавчик. – Спасибо, огромное спасибо!

– На здоровье...

Вооруженная гвардия посмотрела на растерянного счастливчика совсем не так, как глядят на человека, которому неожиданно привалила крупная удача. Братва отлично знала, чем обычно заканчиваются разговоры Стингера про здоровье. Фразой: «Которое тебе вряд ли понадобится». На этот раз прибаутка осталась недосказанной, но прощальный взгляд, которым Стингер наградил красавчика, ничем не отличался от тех, что он обычно адресовал покойникам.

Четвертый пленник, смекнув, что настал его черед, поднял голову, не дожидаясь приглашения.

– Это моя хата, пацаны, – сказал он. – Я не виноват, что этот придурок ко мне вломился. Мне лишняя головная боль не нужна. А молчать я

умею, вы же знаете.

— Что за борзый такой выискался? — делано изумился Стингер, обводя взглядом членов своего сплоченного трудового коллектива. — Кого он пацанами назвал? Мы что, в бирюльки тут играем?

Само собой, он мгновенно узнал Костика Филиппка, с которым довольно тесно терся чуть ли не нос к носу, когда оба состояли в одной большой, дружной семье, проходившей в милицеских хрониках под аббревиатурой ОПГ. Сталкивался Стингер с ханским аферистом и позже, когда... когда... Собрав на лбу три горизонтальных морщины и одну вертикальную, он припомнил обстоятельства последней встречи: подстава с джипом «Чероки», принесшая всем участникам сорок штук баксов. Самое забавное, что кинули они в тот раз этого самого красавчика, который так позабавил братву своей неуместной благодарностью. Стингер расправил кожу на лбу и усмехнулся. Что ж, не зря он любил повторять, что бог — не фраер. Теперь этой парочке суждено подохнуть рядышком как закадычным корешам. И на страшном суде они предстанут вместе, чтобы сподручнее было выставлять друг другу встречные предъявы...

Так размышлял Стингер, а его бойцы неуверенно топтались на месте, понятия не имея, как следует ответить на поставленный вопрос. Действительно ли их вожак не узнал Филиппка или только прикидывался по не известным никому соображениям? В любом случае ответивший невпопад рисковал присоединиться к лежащим на полу пленникам, такие случаи имелись на памяти братвы, хотя у большинства из них она очень короткая была, память. Никто из криминального квартета так и не решился опознать бывшего придворного афериста Хана. Поскольку смертные приговоры Стингера обжалованию не подлежали и чаще всего приводились в исполнение прямо на месте, желающих испытать свою сообразительность и находчивость не нашлось.

— Вот видишь, — назидательно сказал Стингер Филиппку. — Братва тебя знать не знает, а ты чуть ли не целоваться полез... Не пидор ли? — он прикинулся участливым. — Так не ломайся, говори как есть, мол, очко томится в ожидании... Мы Батона попросим, он тебя своим болтом так приласкает, что мало не покажется... Ты как, Батон? Не разучился делать из дядечек тетенек? Это сейчас модно, ба-а-льшее бабло загребать можно.

Батон, польщенный тем, что окончание шутки Стингер адресовал ему лично, радостно заржал, и смех его прозвучал примерно так, как если бы кто-то налил в пионерский горн воды и попытался выдуть из него бравурный марш. Немелодично, но зато очень громко и весело.

Стингер даже не улыбнулся. Выжидающе глядел на опасливо заерзавшего Филиппка и молчал, тем самым предлагая ему самому высказаться на затронутую тему. Щекотливую, как скупая мужская ласка.

— Стингер, я... — Костин голос сорвался, когда он понял по обращенному на него взгляду, что ни о каких панибратских отношениях и речи быть не может. — Не надо, — попросил он так тихо, словно уже не надеялся, что его робкая просьба будет услышана.

— Ладно, — смиростивился Стингер. — Лежи и не возникай больше. Побереги свое заднепроходное отверстие. Не мешай думать.

Думать особенно было нечего, решение уже пришло, осталось лишь воплотить его в жизнь. И... в смерть. Забирать с собой всю компанию Стингер не собирался. Не о чем ему было больше толковать ни с Ромой, ни с Костей Филиппком. Лехманскому охраннику и долговязой шлюхе предстояло умереть немного позже, но это не меняло их столь же плачевную участь.

— Уходим впятером, — объявил Стингер присутствующим после короткой паузы. — Я поведу тачку... Монгол присматривает за нашим Петушком ненаглядным. Ты, Корявый, за его курочку отвечаешь... Если нам Петушок что-нибудь не то прокукарекал, обоих вместе и закопаем.

— А мы? — забеспокоился Батон, которому явно не хотелось отрываться от основной компании, собирающейся на поиски чемодана с баксами. Даже риск остаться совсем беззубым не мог заставить его прикусить язык.

Как ни странно, обошлось без внушения.

— Вы задержитесь тут на... — Стингер что-то прикинул в уме и закончил: — На десять минут. — Почти уже миллионер, он стал вдвойне осторожен. Если вдруг ликвидация двух свидетелей не обойдется без шума, то он не хотел оказаться тем, кого запомнят соседи, когда прильнут к дверным глазкам и окнам. — До базы доберетесь на

«волжане» Клопа. — Стингер демонстративно сплюнул, как будто ненавистная кличка осквернила его рот.

— Этих, — Батон показал глазами на напрягшихся в ожидании приговора Романа и Филиппка, — мочить?

Даже убежденный молчун Гуня в преддверии сказочного богатства сделался не в меру разговорчивым.

— Косточка к косточке, звездочки в ряд! — продекламировал он, чуть ли не приплясывая на месте от нетерпеливого возбуждения.

Наградив обоих яростным предупреждающим взглядом, Стингер возразил, подпустив в голос смягчающего еля:

— Зачем лишний грех на душу брать? Отпустите мужиков с богом... — Он многозначительно возвел глаза к потолку, за которым далеко-далеко находились небеса, отгородившиеся от бренной земли непроницаемыми дождевыми тучами.

# Глава 11

## Высоко вознесшийся низко падает

От Кости не укрылся взгляд Стингера, переадресовавший его душу прямиком в рай.

Ублюдочный Стингер вместе с двумя своими ублюдками рангом пониже удалился из его квартиры с достоинством судьи, вынесшего самый справедливый и суровый приговор из всех возможных. Конвоируемая парочка, получившая отсрочку, выглядела понурой, но еще надеющейся на чудо. Костя проводил уходящих взглядом, полным неописуемо мрачного злорадства, на которое способен только приговоренный к смертной казни, имеющий удовольствие сознавать, что кто-то еще разделит его участь.

Косте были отлично известны законы, по которым жили Стингер и ему подобные, поэтому дальнейшая судьба белобрысого рыцаря и блядовитой дамы его сердца не вызвала у него ни малейшего сомнения. Как только кейс с деньгами будет найден, оба они умрут. Вздумай они апеллировать теперь хоть к самому господу богу, в его власти удовлетворить лишь ту молитву, речь в которой пойдет о том, чтобы смерть их была легкой и быстрой.

Смерть... Она незримо витала в душной комнате, и Костя, все это время отсчитывавший секунды, ощущал ее близость каждым вздыбившимся волоском, каждым пупырышком, выступившим на коже от внутреннего озноба. До назначенного Стингером срока оставалось уже меньше семи минут, а в нескольких километрах отсюда валялись два миллиона долларов, терпеливо дожидаящиеся своего нового владельца. При одной мысли об этом Костины пальцы судорожно скрючились, словно он пытался схватить за ручку заветный кейс. Он не знал, что в нем хранится не два, а целых три миллиона...

Пять минут! Он сел на ковре и вызывающе посмотрел на своих палачей. Рыжий веснушчатый здоровяк, развалясь на смятой постели, целился Косте в грудь из своего пистолета с явно самодельным глушителем. Точно такую же штуковину демонстрировал хлипкий мужичок-с-ноготок в молодежной кожанке, деликатно уместивший свою щуплую задницу на тумбочке между ночником и стопкой непрочитанных детективов. Они не прятали лиц за масками и не скрывали своих намерений за добродушным видом. «Карнавала не будет! – прозвучали в Костином мозгу отголоски полузабытого хита. – Карнавала не-е-ет!!!»

– А ну, лягай на место, – велел мужичок скорее для порядка, чем из вредности. – Уже недолго ждать осталось, потерпи, милоч. С дружба́на своего пример бери, ишь, смирный какой, вылитый труп. – Он тихонько захихикал, прикрыв свободной рукой редкие прокуренные зубы.

– Деньги, – произнес Костя волшебное заклинание, самое короткое и самое чудодейственное из всех, которые существуют на свете. – Я дам вам денег. Много.

– Это ты хорошо придумал, – одобрил рыжий, и веснушки его засияли тысячу миниатюрных солнышек. – Колись по-быстрому. Где они у тебя лежат?

В своем порыве он походил на повзрослевшего Мальчиша-Плохиша, слышавшего про банки с вареньем и ящики с печеньем.

– Здесь. – Костя проворно шмыгнул к тумбе с нагромождением видеоаппаратуры и выгреб из нее коробки с кассетами, устроившими в комнате веселый перестук.

Сверху оказался брикетик «Смертельного холода» – на глянцевой обложке черная спортивная сумка, сочащаяся неправдоподобно яркой кровью, смахивающей на клюквенный сироп. Прислушавшись к внутренним ощущениям, Костя подивился тому, как точно передает их название боевика. Именно холод, и именно смертельный.

Наблюдая за постепенно замедляющимися движениями Кости, рыжий Плохиш хотел было привстать, но поленился, только шею вперед вытянул, чтобы лучше видеть. Его тщедушный напарник нетерпеливо заерзал на своем месте, смахнул на пол маленький фарфоровый светильник на золоченой ножке и потянулся за ним.

Звонкий хлопок на мгновение привлек внимание всех присутствующих, а когда взгляды вновь переметнулись на Костю, он, жутко перекосив лицо, уже держал перед собой на вытянутых руках большой пистолет и жал указательным пальцем на спусковой крючок.

Выстрел грянул так громко и неожиданно, что он вздрогнул одновременно с рыжим парнем, которого пуля ударила в правую грудь, вырвав оттуда белые клочья синтепоновой подкладки куртки. Валясь на спину, парень умудрился ответить беглым огнем, но каждая из трех выпущенных им пуль уходила все выше, а последняя так и вовсе тупо клюнула потолок, негодующе отбросивший ее назад.

Мужичок-с-ноготок оказался стрелком еще более никудышным, потому что, когда раздался первый же Костин выстрел, он втянул голову в плечи и вжался в стену, явно надеясь сделаться еще более маленьким и незаметным, чем был на самом деле. Его подвел разбитый светильник, который он предупредительно поднял с пола, освободив для этого правую руку. Теперь он нелепо раскорячился на тумбочке, держа перед собой блестящую безделицу да длинный ствол, устремленный вверх, — ни дать ни взять король на троне с бесполезными скипетром да державой.

Костя всадил в него две пули подряд, и та, которая насквозь пробила дернувшуюся голову, вынесла наружу много всякого разного, усеявшего стену безобразными брызгами. Мужичок так и остался сидеть на месте, точно прилип к изгаженным обоям навечно. Думать ему отныне было нечем, и лицо его сделалось бессмысленным, как на фотографии для паспорта.

— Йес-с! — торжествующе завопил Костя, восхищенный тем, как ловко у него получилось уложить сразу двух вооруженных противников.

Каждый из трупов, как он полагал, принес ему по миллиону долларов, потому что уже никто не стоял между ним и заветным кейсом, брошенным на тринадцатом километре.

— Ты... — в голосе рыжего, начавшего медленно приподниматься с кровати, звучало скорее изумление, чем боль. — Ты, — повторил он, пытаясь направить свой пистолет с набалдашником глушителя в растерявшегося Костю.



Черное отверстие дула, в которое он заглянул, показалось ему входом в тот самый бесконечный тоннель, по которому души переносятся в небытие.

Плонк! – сплюнул вражеский пистолет порцию свинца. Ох и грохнуло же в ответ! Кинескоп телевизора, взорвавшегося за Костиной спиной, обдал его волной стеклянных осколков и паническим ужасом. Совершенно потрясенный тем, что противник, зачисленный им в мертвецы, продолжает не только жить, но и отстреливаться, Костя застыл неподвижным изваянием, как бы боясь помешать рыжему целиться в него с расстояния трех метров. Жила своей собственной жизнью только правая рука, и эта рука медленно подняла на уровень глаз «ТТ», выискала расплывчатый овал лица и привела в движение указательный палец.

Когда прогремел выстрел, лицо куда-то исчезло, и не только сизое облачко порохового дыма было тому причиной. Костя вообще временно утратил возможность видеть, настолько внезапной и ошеломляющей была боль, обрушившаяся на него. Источник боли обнаружился парой секунд позже – это была та самая рука, которая проявила самостоятельную инициативу. Пистолета в ней уже не было, а вместе с ним куда-то подевались сразу три пальца, и Костя бессмысленно глядел на получившийся огрызок, не веря, что он принадлежит ему.

Кап, кап... Жур-р... Кровь собралась в струйку, побежавшую на ковер. Он продолжал сидеть на ковре, выставив перед собой руку, которая годилась теперь разве для того, чтобы малевать ею на стенах кровавые разводы. Уцелевшие мизинец и безымянный палец мелко дрожали, потому что вся искалеченная ладонь вибрировала так, словно через нее пропустили ток. Костя понял, что дрянной китайский «тэтэшник» разорвался в его руке во время выстрела.

Ему стоило немалых усилий оторвать взгляд от этого жуткого подарка судьбы и переместить глаза в том направлении, откуда должна была прилететь ответная пуля. Там неистово брыкались две пары ног, обращенные к Косте грязными подошвами с налипшими окурками и бахромой жухлой травы.

Поднявшись на ноги, он, преодолевая головокружение, увидел, что на кровати происходит азартное единоборство, сопровождаемое пыхтением и отрывистыми ругательствами. Красавчик с романтическим

именем брал верх. Он уже избавил раненого противника от оружия и теперь наседали на него с подушкой в руках, норовя накрыть ею обращенное к нему лицо. Чем-то это напоминало сценку из Костиного пионерского детства, только возня двух соперников была нешуточной, и разнять обоих могла лишь смерть одного из них.

Мало-помалу преодолев слабеющее сопротивление, красавчик навалился на рыжего парня, после чего оба задержались, как любовники в пароксизме страсти. Две подошвы, которые были размером побольше и находились внизу, задержались мелко-мелко...

Он еще умирал, когда Костя шагнул вперед, неуклюже сорвал со второй, невостребованной, подушки наволочку и принялся закутывать в нее кровоточащую руку, шипя от каждого прикосновения к обрубкам пальцев. Получилось что-то вроде боксерской перчатки. По-матерински бережно прижимая спеленутую конечность к груди, Костя скорбно смотрел на красавчика, медленно распрямляющегося над уже неподвижным телом, и беззвучно шевелил губами.

– Что? – истерично взвизгнул тот. – Ты чем-то недоволен?

Держа перед собой подушку, которой был удушен противник, он смотрел на Костю с таким видом, словно собирался примерить свое орудие убийства к нему. Косте пришлось срочно поднапрячь голосовые связки:

– Я говорю: молодец... Вовремя сориентировался...

Неудачно выбранное многосложное слово протискивалось сквозь Костину глотку так долго, что он уже и не надеялся, что когда-нибудь договорит его до конца.

Подушка медленно опустилась. Наволочка с одного ее бока была излохмачена, словно побывала в острых зубах шкодливого щенка. Машинально переведя взгляд на рыжего покойника, Костя увидел, что челюсти того крепко-накрепко стискивают вырванный лоскут ткани, а лицо облеплено пухом. Лис, подошедший в курятнике, где рассчитывал безнаказанно прикончить пару цыплят. В его глазах, устремленных к потолку, остекленела обида. Оранжевая россыпь веснушек выделялась на совершенно белом лице так четко, словно его насквозь проела ржавчина.

– Я-то молодец, – согласился красавчик, швырнув подушку на пол. – И без тебя знаю, что молодец. Зато ты – гад ползучий. Всю жизнь мне сломал, сволочуга! А теперь я еще чуть не помер по твоей милости.

– Я тебя спас, – напомнил Костя, едва ворочая одеревеневшим языком. Ему приходилось пристально вглядываться в собеседника, чтобы хотя бы отчасти видеть его лицо, норовящее затеять хоровод вместе со стенами, потолком и предметами обстановки. – Голова кружится, – пожаловался он.

– А со стороны незаметно, – съехидничал красавчик.

Косте было совсем не до шуток.

– Ты должен мне помочь, – сказал он слабеющим голосом. – Нужно убраться... Скоро здесь будет милиция...

– Я? – Красавчик задохнулся от негодования. – Должен? Тебе?.. Это ты мне задолжал! Автостоянку помнишь, сволочуга? Как развел меня, помнишь?

– Джип «Чероки». – Костя заменил утвердительный кивок опусканием век, на что потребовалось значительно меньше усилий. – Двадцать штук баксов... Было дело, признаю...

– Сорок! – заорал красавчик. – Сорок штук! Ты готов мне их возместить? Давай! А нет, так сиди и дожидайся ментов. Если не подохнешь раньше от потери крови! Менты явятся, а ты готовенький. Очень удобно. Ни допросов тебе, ни следствия. Прямоком в морг – благодать. – Он нервно засмеялся.

– Я все верну, – прошептал Костя. – С процентами. – Тут его бросило вперед, и он не упал лишь потому, что успел ухватиться за плечо стоящего напротив. – Ты поможешь, – бормотал он, покачиваясь как пьяный, обнимающий фонарный столб. – Мы уйдем вместе... Я знаю, где лежат деньги... Два миллиона... Это полсотни сраных «Чероки»...

– Ты про тот чемоданчик, которым Стингер интересовался? – Красавчик сделался деловитым и внимательным, вылитый клерк солидной фирмы. Даже изрядно измятый костюм не мог испортить приятное впечатление, которое он производил.

– Про тот самый... – Костя дотянулся до бутылки, влил в себя остатки коньяка и временно почувствовал себя так, словно хлебнул живой воды. – Набрось на меня пальто и идем, – сказал он окрепшим голосом. – Здесь нельзя дольше оставаться...

Вскоре пальто накрыло Костины плечи, а перед его ногами бухнулись ботинки, которые красавчик явно не собирался помогать обувать.

– Не стой истуканом! – разозлился Костя. – Мы должны успеть до рассвета, а ты из себя гранда испанского корчишь!

Красавчик посопел немного и склонился над Костиными ногами, занявшись процессом шнуровки. При этом он пытался сохранять вид строптивый и независимый, что было довольно-таки глупо, учитывая его коленепреклоненную позу.

– Откуда ты знаешь, где этот дебил бросил чемоданчик? – взволнованно пыхтел он где-то внизу.

Глядя прямо перед собой в стену, чтобы в поле зрения не попадали трупы, Костя произнес бесцветным голосом:

– Дорога в аэропорт, седьмой километр. – Если бы красавчик в этот момент поднял лицо, он успел бы заметить слабую усмешку на губах собеседника. – Газопроводная труба. Возле одной из опор заброшенный шалаш... Элементарно, Ватсон...

– Половина моя, – быстро сказал красавчик, пружинисто распрямляясь напротив. Невероятно, но в его темных волосах сохранился довольно ровный пробор.

– Любая, – согласился Костя, когда со стоном вдел обе руки в подставленные рукава пальто. – На выбор... А пока что прихвати пистолет.

Покосившись на Костину ладонь, замотанную в окровавленную наволочку, красавчик покачал головой:

– Нет. Я не собираюсь ни в кого стрелять. Давай лучше твои пальцы прихвачу, отстрелянные. Говорят, их сейчас пришивают. Главное, местами их не перепутать...

Он неожиданно засмеялся, очень тихо, почти беззвучно, словно запыхался после быстрой пробежки и теперь переводил дыхание: уф-уф-уф. Биржевой маклер, провернувший выгодное дельце.

Отыскав взглядом его лицо, Костя спросил:

– Тебя, кажется, Ромой зовут?

– Да, Роман я, а что?

– Сейчас к дому спешат менты, Роман. Их много, они большие и злые. В комнате два трупа. – Невредимая Костина рука описала в воздухе полукруг, предлагая полюбоваться содеянным. – Давай останемся здесь и поболтаем еще немного? Поупражняемся в черном юморе... Нет желания? Тогда сунь пистолет в карман моего пальто, а в ванной поищи аптечку – она в шкафчике над умывальником... Там есть перекись водорода... Молодец, – сказал Костя уже в прихожей, где нагнал его красавчик с пузырьком в руке. – Теперь быстро и тихо уходим... – Стой! – прошипел он, когда бестолковый спутник направился к лифту. – Мы пешочком. И вверх, а не вниз.

– Почему?

– Потому, что выходить лучше из другого подъезда. Или ты хочешь, чтобы нам устроили теплую встречу? Ноги на ширину плеч, яйца до пола... Приходилось когда-нибудь выполнять такую команду?

– Н-нет.

– Лучше и не практиковаться, поверь.

– Как же мы попадем на крышу? Сейчас всюду замки вешают, – обеспокоенно бормотал Роман, придерживая Костю за здоровую руку во время восхождения.

Толку от этой галантности было немного, но даже подобие дружеского участия действовало на Костю благотворно, поэтому он не стал отказываться от поддержки. Впереди ожидало так много лестничных пролетов, и они состояли из бесчисленного количества ступеней, каждую вторую из которых предстояло окропить своей кровью.

– От этого замка... у меня... есть ключи, – пояснял Костя все более прерывистым голосом, стараясь по ходу дела вспомнить, сколько литров крови содержится в человеческом организме. – Антенна моя на крыше... вот и обзавелся... А дальше... дальше как-нибудь прорвемся! – Он многозначительно хлопнул себя по карману пальто, утяжеленного трофейным пистолетом.

«Стрелять придется левой рукой, – думал он, перебирая ногами ступени, – это плохо. Но пистолет с глушителем, а выстрел можно сделать в упор – и это хорошо. Главное, чтобы Роман помог выкарабкаться из подъезда через узкое слуховое окошко, до которого самостоятельно не добраться. А там необходимость в его услугах сразу отпадет... вместе с его трупом. Интересно, пробор у него и после этого останется таким идеальным?»

– Седьмой километр, значит, – задумчиво пробормотал обладатель непоколебимого пробора, когда они добрались до выхода на крышу, забранного железной решеткой. Какой-то феномен, умеющий проходить сквозь стены, оставил за ней кучу свежего дерьма.

– Седьмой, – подтвердил Костя, вручая спутнику ключи. Оттого, что он старался не дышать носом, голос его приобрел гнусавую окраску: – До дуда дадо еще добдаться, и добдаться как модно скорее... Утречком Стингер с братвой подвалит, не забыл? – угрюмо осведомился он, переходя на нормальную речь, потому что отвратительный гостинец оказался за спиной.

Косте внезапно захотелось приглядеться к нему повнимательнее, однако по причине легкого головокружения пришлось отказаться от этой затеи. С таким же успехом можно было пытаться определить стороны света во время хоровода.

– Подсади, – буркнул он.

Зачем-то покосившись на оттопыренный карман его пальто, Роман покачал головой:

– Ты не сумеешь затащить меня наверх. Нагнись. Первым пойду я.

Подчинившись после недолгого колебания, Костя почувствовал себя так, как если бы собрался расстаться с мужской невинностью тем самым

способом, который посулил ему недавно Стингер.

– Быстрой давай, – процедил он сквозь стиснутые зубы.

– Мартышку заведи и дрессируй...

Чужие ноги поочередно ступили на подставленную спину, потоптались на ней немного, а потом тяжесть внезапно исчезла.

Прежде чем разогнуть хребет, Костя мрачно полюбовался на лужицу крови, которая успела набежать с уже насквозь промокшей наволочки. «Сначала я попрошу его наложить мне жгут, – решил он, провожая взглядом ноги Романа, втягивающиеся в узкий лаз наверху. – Потом пусть обработает мне руку и забинтует ее моей рубашкой. А уж потом...»

– Давай! – прокряхтел Роман, свесившись вниз.

От натуги его лицо покраснело, растеряв от этого добрую треть своей привлекательности. Но прическа – о, чудо! – по-прежнему сидела на его голове как влитая.

«Обязательно узнаю у него, каким гелем он пользуется, – решил про себя Костя. – Я спрошу, он ответит. Это будут последние слова, которыми мы обменяемся».

Восхождение получилось таким долгим, что он дважды успел потерять сознание, совсем забыл про гель и немного удивился, когда обнаружил, что щека его покоится на гладком черном битуме, которым была залита крыша. Битум лаково блестел от дождевых капель, а башмаки Романа, застывшие на уровне глаз, оставались пока сухими. Значит, времени прошло совсем немного.

– Поднимайся! – Сначала сверху долетел голос, а следом за ним возникла пятерня, растопыренная, как для дружеского рукопожатия.

Цепляясь за нее, Костя кое-как поднялся на ноги и попросил, пугаясь того мертвенного неповиновения, которое оказали ему собственные губы:

– Жгут нужен... Сними с меня ремень...

– Зачем? – Роман криво улыбнулся.

– Как... зачем?..

– Тебе не нужен никакой жгут. Тебе вообще ничего больше не нужно.

– Но почему?..

– А потому! – с этими словами Роман неожиданно толкнул Костю в грудь обеими руками. При этом он очень напоминал мальчишку, который взялся выяснять отношения, но не решается пустить в ход кулаки. – Потому! – повторил он, наседа.

Совершенно обессилевший от потери крови и страха, Костя покорно отступал, не догадываясь, что лучший выход для него – немедленно упасть ничком и достать оружие. Его озадачивало поведение Романа, а в придачу обескураживал тот факт, что устремившиеся задом наперед ноги действуют проворней, чем рука, которой никак не удавалось извлечь пистолет из кармана.

– Два миллиона! – причитал он, екая в момент толчков. – Я один знаю, где их искать.

– Не ты один, – возразил Роман насмешливым тоном и заставил Костю попятиться еще на несколько шагов. – Седьмой километр. Газопровод. Шалаш.

И в очередной раз: толк! А Костино сердечко снова: ек!

Уже совсем собравшись с силами для решительного отпора, Костя с размаху сел на невысокий парапет крыши, и она вся предстала перед его взором так отчетливо, словно глаза обрели кошачью способность видеть в темноте. Четыре квадратные башенки, поросшие лесом антенн, каждая из которых имела свою неповторимую конфигурацию. Корявые надписи, прославляющие добрый десяток рок-групп. Несколько пустых бутылок, банки, раскисшие презервативы, окурки. Тишина такая, какая только во сне бывает. И темная фигура Романа с мучнисто-белым лицом – тоже из полубытого детского кошмара.

Призрачное лицо это вдруг стало стремительно удаляться, а потом и вовсе исчезло, скрывшись за бортиком крыши. «Я падаю!» – догадался Костя, зачем-то стараясь извернуться в воздухе, чтобы посмотреть, где ему предстоит приземлиться. Это был ничем не примечательный клочок



земли, просто паршивый огородик с хлипким заборчиком, ошестинившимся кольями навстречу Косте.

– А-а! – коротко крикнул он. Это означало: «не хочу».

В тот же миг темная земля сменилась таким же темным небом, а затем перед его глазами промелькнуло чужое освещенное окно, за которым перевернутая вверх ногами женщина кормила грудью багроволицего младенца с глазами-щелочками.

Когда Костю снова развернуло в полете, падать оставалось совсем чуть-чуть, даже страх куда-то испарился. Если бы только не проклятый заборчик! Обнаружив, что его частокол уже совсем рядом, Костя резко дернул головой, пытаясь избежать столкновения.

Это ему удалось, и он прожил еще лишнюю стотысячную долю секунды до того, как неимоверная сила вбила его в рыхлую почву, наполнив взорвавшийся болью мир хрустом костей и сочным чмоканием разрываемой ими плоти.

## Глава 12

### Всякому овощу свое время

– Застужусь я здесь к хренам собачьим! – вот как выразилась кареглазая Элька по прибытии в пункт назначения.

Этот самый пункт назначения представлял собой каменную яму размером с просторную жилую комнату, хотя, конечно, жить здесь не согласилась бы ни одна собака: слишком холодно, сыро и темно. Способ прибытия тоже нельзя было назвать комфортабельным: Эльку и Петра поочередно усадили задницами на крутую бетонную горку и подтолкнули ногами, вынуждая совершить стремительный спуск с последующим приземлением на четвереньки.

– Картошку тут хранили, – проинформировал Петр приятельницу по несчастью, когда разобрал, что за склизкие кругляши перекатываются у него под ногами.

– Агроном, что ли? – в Элькином голосе не прозвучало ни единой приязненной нотки.

Петр вздохнул. Разумеется, девушка не могла испытывать к нему симпатии, поскольку очутилась в плену по его милости. Чем ее теперь утешать? Как заглаживать свою вину? Порывшись под собой, он откопал среди гнилья нечто сохранившее конусообразную форму, поднес к глазам и сделал новое сообщение:

– А до картошки морковка здесь была. На полу песок, вот и сохранилась.

– Крепенькая? – оживилась Элька.

Петр покосился на нее, но в темноте разобрать выражения ее лица не смог, а потому доверился своему слуху и осторожно ответил:

– Да так себе. А что?

– Длинная?

– Ну, с ладонь мою будет.

– А диаметр? – не отставала Элька с интересом юной натурастки, изучающей редкий корнеплод. – Диаметр подходящий?

– Для чего подходящий? – спросил Петр, хотя уже догадывался, что окончание диалога не сулит ему ничего хорошего.

– Для того, чтобы ты эту морковку поганую себе в задницу запихнул, Мичурин! И откуда ты взялся на мою голову!.. Пусти-и-ите, козля-я-ятушки! – проблеяла Элька, и это получилось вовсе не смешно, потому что голос у нее был чересчур уж злым. – Пустили. Дальше что? Подышать прикажешь в этой тюряге?

– Это не тюрьма, а овощная база, только заброшенная, – возразил Петр так веско, словно его уточнение в корне меняло дело. – Нас, когда я еще в бурсе учился, возили на такую. Картошку мы перебирали, лук...

– А капусту? – вкрадчиво осведомилась Элька. – Могу поспорить, что с капустой ты тоже имел дело.

– Откуда ты знаешь?

– Так у тебя же кочан вместо головы! Перепутал, наверное, по запарке, а? – Ее смех, наверняка звонкий, прозвучал в сыром склепе приглушенно.

– Ты... это! – мрачно сказал Петр, испытывая сильное желание запустить в обидчицу ту самую морковку, которую продолжал держать в руке.

– Что – это?

– Не очень-то! – туманно пояснил он.

– А то что будет?

– А то и будет!

– Цицерон, – заключила Элька и опять засмеялась, но уже не обидно, а просто не очень весело. – Как выбираться станем, Цицерон? Я не морковка, чтобы тут гнить до заговенья.

– Выбираться? – Петр подошел поближе к лазу, через который их сгрузили в бункер, задрал голову и предложил: – Иди сюда. Подсажу тебя наверх. На плечи мне станешь, потом на ладони.

– А потом? На голову?

– Можно и на голову, – не чванясь, согласился Петр. Хотел было похвастаться, что она у него крепкая, но вовремя сообразил, что подобная самореклама прозвучит сомнительно, а потому попридержал язык.

– Это ты замечательно придумал, – сказала Элька. – Ногти все обломаю – раз. От колгот одни воспоминания останутся – два. А наверху запросто кто-нибудь из бандюков может ошиваться, и как мне тогда быть? Врукопашную идти?

У Петра имелся наготове тактический ход:

– Дашь мне руку, я следом за тобой выберусь.

– Ты или руку мне оторвешь, или вниз стянешь. – Элька покачала задранной к люку головой. – Нет. Первым ты должен идти, иначе лучше и не пытаться.

Он окинул взглядом ее высокую, но хрупкую фигуру, представил, что за живая пирамида получится, если Элька попытается его подсаживать, и неуверенно предложил:

– Сцепи пальцы. Из ладоней как бы ступенечка получится.

– Ну, сцепила...

«Как бы ступенечка» моментально развалилась под Петиной тяжестью, он даже вторую ногу от пола оторвать не успел. Перепачкал Эльке руки, вот и весь результат.

Потом некоторое время они стояли рядом, но все равно порознь, молча пялясь вверх и дружно гоня холодный воздух в четыре ноздри.

Так продолжалось до тех пор, пока Элька не задумалась вслух:

– Не понимаю, как нас вообще отсюда вытаскивать станут. За волосы, что ли?

Проведя ладонью по своей короткой стрижке, Петр предположил:

– Веревку какую-нибудь бросят... Или палку длинную.

– Палку бро-о-сят! – подтвердила Элька. – Без нее никак, без палки.

Петр почувствовал, что краснеет, и отвернулся, не сообразив, что в темноте цвет его лица не виден.

– Тебя не тронут, – буркнул он. – Я же этот... ультиматум поставил. – Он задумался, правильно ли выразился, и внес небольшую поправку: – Ультимат. Чтобы, значит, тебя отпустили, а то хрен им, а не чемоданчик!

– Слушай, а что за чемоданчик такой знаменитый? – Элька слегка склонила голову к плечу, выражая крайнее любопытство и желание выяснить, из-за чего затеялась вся эта катавасия.

– Шеф у меня был. Фамилия еврейская – Лехман, ну и сам еврей тоже. Потому что отчество – Иосифович. Вот сегодня утром он...

– Вчера утром, – перебила его Элька. – Сейчас без пяти минут четыре.

– Так темно же! – удивился Петр. – До рассвета еще часа три. Ночь.

– Ладно, проехали, – отмахнулась Элька. – Трави про Лехмана своего. Только без его полной родословной, если можно. Она в Библии есть. Авраам родил Исаака, и так далее...

– И про Лехмана там написано? – восхитился Петр.

– Не знаю, как про Лехмана, а про Иосифа матушка мне что-то талдычила, когда в свою веру пыталась обратить. Но давай ближе к телу, как говорится. Что там шеф твой учудил? Выкладывай, не томи.

Заслышав про тело, Петр неожиданно утратил связность мыслей и затратил некоторое время на вспомогательные междометия, тужась, как

забуксовавший самосвал, который никак не может найти колесами надежную точку опоры. Но мало-помалу речь его приобрела необходимую гладкость, и на финишную прямую он вышел с заметным ускорением, торопясь передать всю глубину обуревавших его до сих пор чувств.

Первым приукрашиванием действительности, которое Петр себе позволил, стала замена малой нужды, погнавшей его за обочину загородного шоссе, военной хитростью. Получалось, что он специально засел с пистолетом в засаде, а о своем бесславном бегстве он постарался рассказать как можно более скупое, обойдясь двумя-тремя общими фразами. Новым камнем преткновения оказалось вторжение киллера в квартиру. Дойдя до этого эпизода, Петр задумчиво пошмыгал носом и оказался вдруг ни в каком не в сортире, а в ванной комнате, где принимал контрастный душ. Ну и так далее, вплоть до заблиставшего во мраке зазубренного тесака, заменившего не слишком впечатляющую заточку.

Его очень воодушевляло, что Элька слушает с возрастающим волнением. Она даже ногу чуть не подвернула на коварных клубнях, когда подбиралась к нему поближе, чтобы не пропустить ни единого слова из захватывающего повествования. А приблизившись на расстояние вытянутой руки, эту самую руку не замедлила положить на Петин рукав, как бы боясь, что такой распрекрасный герой сейчас взмоет суперменом в пасмурное небо, и ищи его потом, свищи, неповторимого.

— ... Тут он ножом своим острым мне в сердце нацелился, а я ногой с разворота ему по кумполу ка-ак зарядил! — уныло бубнил Петр, кляня мысленно и свой язык без костей, и свою не в меру разыгравшуюся фантазию. — Удар у меня убойный, мало никому не покажется. Кадр этот вместе с дверью на лестничную площадку вышел. — Машинально прикоснувшись к мочке горячего уха, Петр кашлянул и неуверенно приступил к развязке: — Лежит он, значит, отдыхает...

— Большой он был? — перебила его Элька с ощутимым волнением в голосе.

— Ну, как тебе сказать... — Петр помялся немного, а потом честно признался: — Не так чтобы очень. Хлипковатый, росту среднего. Но ведь с автоматом!

– Да я не про бандюгу этого, – досадливо поморщилась Элька.

– Нож? – догадался Петр. – Нож, если разобраться, тоже не очень здоровый, но человека насквозь проткнуть можно.

Он сделал соответствующий жест морковкой, которую зачем-то продолжал держать в руке, а потом скоренько зашвырнул ее в темноту, заподозрив, что она не придает ему воинственности.

– При чем тут нож! – Элька вдруг разнервничалась, отчего в ее голосе прозвучало несколько резких ноток, неприятно царапнувших Петин слух. – Чемоданчик, спрашиваю, большой был?

– Примерно такой. – Петр обозначил обеими руками нечто внушительное, прямоугольной формы.

– Значит, деньжищ там немерено. И, говоришь, в камыши такое богатство забросил? Под какую-то гнилую корягу?

Элька была единственным человеком, кому Петр сказал правду о местонахождении чемоданчика. Любовь с первого взгляда и доверие тоже с первого взгляда – для него это было так же естественно, как дышать. Он не мог понять только одного: почему за свою откровенность он заслужил чуть ли не презрительную интонацию? Именно с ней Элька обратилась к нему секунду назад.

– Деньги? Богатство? – недоуменно спросил он.

– Не плутоний же! – воскликнула Элька тем уничтожающим тоном, который используют женщины, когда сталкиваются с непроходимой мужской тупостью. – Тебе по ушам все кому не лень ездят, а ты и рад их развешивать, как белье на просушку...

Виновато понурившись, как большой пес, распекаемый хозяйкой, Петр призадумался, вспоминая все подозрительные разговоры, которые велись с ним на надоевшую чемоданную тему, и угрюмо поинтересовался:

– Лавешник – это что, не знаешь случайно?

– Случайно знаю. – Элька вызывающе подбоченилась. – Лавешник – это лавэ.

– А лавэ что такое? – не унимался Петр.

– Деньги! Бабло! Бабешники! Первый раз слышишь, что ли? Уу, темнота!

– Тогда я это... дал маху.

– Маху? Ты называешь это «дать маху»?..

Тут полюбившаяся Петру девушка грязно заругалась, да так многословно, что он зашевелил губами, пытаясь поточнее уловить суть заковыристой скороговорки. В прозвучавшей тираде из двух сложноподчиненных предложений упоминалась и йогическая сила, и жизнь звездопротивная, и болт нарезной, и, наконец, хлебало, которым всякие чудачки попусту щелкают, пока их в лапти педиатрические обувают.

– Ты кого имеешь в виду? – пасмурно осведомился Петр, когда живо представил себе чудака в лаптях. Портрет ему не очень-то понравился, поскольку очень уж смахивал на него самого. Стоит почему-то на пригорочке и глупо так ухмыляется, обнове радуюсь. – Это я, что ли?

– Не я же! – отмахнулась Элька, голова которой тем временем вертелась по сторонам, выискивая в темноте неизвестно что.

– Так я, значит, по-твоему, и чудака на букву «м», и раздолбай, и... – Петр задохнулся от возмущения, когда осознал, как много оскорбительных эпитетов прозвучало в его адрес, всех и не перечислишь по памяти.

– Нет? – быстро спросила Элька, сверкнув глазами в Петину сторону. – Тогда придумай, как отсюда выбраться. Такие деньги без присмотра валяются, а мы здесь пропадаем! Прямо молодогвардейцы в шурфе!

Тут она в отчаянии ударила кулачком по бетонной стене и зашипела то ли от боли, то ли от негодования. Петр хотел было тоже сказать ей пару ласковых слов, но они почему-то так и остались на кончике его языка. Не клеились к этой девушке ругательные ярлыки, хоть тресни. Вот и в Костиной квартире она явно не просто так голая оказалась, а все равно блядью или там шлюхой обзывать ее Петр и сам не собирался, и



другим бы не позволил. Когда он произносил мысленно Элькино имя, в груди его становилось тепло, а когда он представлял, что она вдруг исчезнет, там сразу делалось холодно. Вот такая загадка природы. Катаклизм.

– Ты это... – он смущенно кашлянул, – не огорчайся так. И ругаться не надо, не идет тебе это. В общем, не психуй, ладно? Я ведь тебя здесь не брошу. По-любому вытащу...

– Вытащи, – кивнула Элька. – Обязательно вытащи. У меня сынишка дома остался. Он без меня пропадет.

– А муж без тебя не пропадет?

– Уже пропал. Так что вся надежда на тебя, Петенька.

Впервые за много лет ему вспомнилось, что уменьшительное имя его может звучать ласково, а не обидно. Поражаясь тому, как много в груди стало помещаться воздуха, который так и распирает изнутри, он пообещал:

– Ни за что тебя не брошу. Деньги эти ворованные – шут с ними! Отдам их Стингеру, и дело с концом. Утром вместе будем на свободе.

– Деньги отдашь? – потрясенно спросила Элька.

Она не поверила своим ушам. Странно даже было слышать такое заявление в начале третьего тысячелетия от рождества Христова.

– Как же их не отдать? – изумился Петр в свою очередь. – То деньги, а то ты – живой человек. Разве можно сравнивать?

– Я бы выбрала деньги, – неожиданно для себя призналась Элька. Заметив, как вытянулось в темноте лицо собеседника, поспешно добавила: – У меня сын слепой. Для него весь мир – как эта яма. Ему нужна операция. А она дорого стоит, очень.

Посопев от избытка чувств, Петр сказал:

– Тогда пусть Стингер не только нас отпустит, а и денег даст в придачу за мои старания. Вот, так ему и скажу. На операцию сколько нужно?

– Дурачок, ох и дурачок же ты, – печально покачала головой Элька вместо ответа. – Ты как в сказке живешь, честное слово. В русской народной... Не даст Стингер денег, ни копейки не даст. И живыми нас не оставит. Меня-то уж точно нет. – Она понурилась и еле слышно попросила: – Сделай что-нибудь. Пожалуйста.

Так и не найдя нужных слов из всех тех тысяч, которые ему хотелось сказать, пошел Петр молча в обход картофелехранилища, надеясь обнаружить какую-нибудь лазейку, чтобы оправдать возложенные на него надежды. Минут десять бродил он во мраке, двигаясь по периметру, а под конец маршрута объявил повеселевшим голосом:

– Вилы!

– И без тебя знаю, что вилы, – тоскливо откликнулась Элька. – Обоим. Только чему ты радуешься?

– Так вилы настоящие, – оживленно тараторил Петр, пробираясь к ней по чавкающему под ногами месиву. – Ими картошку буртовали да позабыли. А я вот нашел.

– И что теперь? Пропеллер смастеришь? И вставишь его себе в...

Если бы Петр промедлил немного, Элька обязательно указала бы точное место крепления самодельного пропеллера, но он был слишком возбужден, чтобы дожидаться конца ее фразы. Подошел вплотную к вилами наперевес, весь из себя удалой, как взбунтовавшийся крестьянин, и торжествующе выдохнул:

– Вот! Айда наверх!

– Это как?

– А вот так! – Петр остановился под лазом, с которого он и Элька сверзились вниз, воткнул вилы зубьями в землю, а полутораметровое древко прислонил к стене. – Иди сюда, поддержишь меня немного, чтобы ноги не соскальзывали. Потом сама таким же макаром на вилы заберешься, а я тебе руку подам. Дошло? – Ему было радостно сознавать, что не таким уж разгильдяем в плетеных лаптях он оказался.

Только торжество его даже минуты не продлилось, потому что сверху посветили фонариком, сбросили канат с навязанными дощечками-

перекладинами и скомандовали:

– Ты, хрен блондинистый! Волочи свою задницу наверх! Кататься поедem.

Покосившись на заметно поникшую Элькину фигуру, Петр попытался пропустить даму первой, но ему было грубо велено не возникать, если не хочет, чтобы дама без скальпа осталась. Провырнуться приглашали его одного, а Эльку намеревались выпустить не раньше, чем будет указано точное место, где чемоданчик лежит.

Петр ободряюще подмигнул ей, хотя в темноте это было занятием совершенно бесполезным, и пообещал:

– Я это... вернусь!

Утверждение прозвучало не так убежденно, как в устах Терминатора, но все же лучше, чем, скажем, «счастливо оставаться». И Петра, несмотря на окружающую промозглую сырость и холодок страха, медленно ползущий по позвоночнику вниз, точно горячим кипятком согрели, когда он услышал тихое напутствие из темноты:

– Ты мне обещал. Смотри не забудь! Я жду!

Да ради одного только тона прощальной фразы Эльки он готов был или горы свернуть, или шею ее обидчикам! Тем более что действовать Петр намеревался отнюдь не голыми руками. В придорожном леске остался не только чемоданчик Лехмана, но и его пистолет, на который он рассчитывал больше, чем на слепую удачу.

## Глава 13

### Обойдемся без монгола

Для Стингера время до первых проблесков туманной зари тянулось невыносимо долго, хотя нетерпение свое он давно научился скрывать за бесстрастной маской и неподвижной позой. Менялись сигареты в его зубах, пустела небольшая фляжка джина, а в промежутках между затяжками и глотками он вполне мог сойти за восковую фигуру, усаженную на трон из ящиков, застеленных ковром. Пугало для господ коммерсантов. Голова в мертвенном свете китайского фонаря – вылитый череп Кощея Бессмертного, глаза – две стекляшки, черный плащ до пола стелется. Бр-р! Не дай бог, такой в страшном сне привидится, а еще хуже, если наяву.

Стингер отлично знал, какое тягостное впечатление производит на окружающих, а потому никогда ничего не менял в своей внешности: волосы не наращивал, броский шрам не маскировал. Никто, кроме него, не знал, что этот грозный рубец был получен Стингером не в кровавой разборке, а в частной клинике пластической хирургии за соответствующую плату. Кудесник-визажист в скором времени тоже размашистым разрезом обзавелся, но на собственной глотке, к тому же гораздо более глубоким и без всякого наркоза.

Еще один ныне покойный имиджмейкер – при жизни экстрасенс – обучил Стингера таинственному взгляду василиска, от которого люди цепенеют и теряют волю вместе со способностью соображать и возражать. Правый зрачок направлен собеседнику тоже в правый глаз, левый – соответственно. В перекрестье взгляда оказывается чужая переносица. Эту жутковатую косоглазую манеру смотреть Стингер долго репетировал перед зеркалом, а напоследок испытал на экстрасенсе и остался вполне доволен результатом. Как любой способный ученик, он превзошел своего учителя, и тот даже пикнуть не посмел, пока петля удавки охватывала его горло. Тайна – она тайна, когда известна только кому-нибудь одному.

Усмехнувшись воспоминаниям, Стингер направил взгляд на Корявого, ожесточенно ковырявшегося в объемистом носу, и тот чуть палец не вывихнул от неожиданности.

— Чего? — Вся нескладная фигура его выразила готовность немедленно исполнить любой приказ.

— Ничего, — успокоил его Стингер, переведя испытующий взор на Монгола, затесавшегося в банду совсем недавно, а потому остававшегося пока лошадкой темной, необъезженной, норовящей взбрыкнуть не по делу.

Приблудный азиат встретил взгляд предводителя внешне бесстрастно, зрачки его из узких щелочек глаз глядели, как сквозь забрало, ни хрена не разобравшись, что там в них отсвечивает: спрятанный страх или прикрытый вызов.

— Как думаешь, куда Батон с Гуней подевались? — спросил Стингер, неспешно пережевывая сигаретный фильтр.

— Замели их, тут и к гадалке не ходи. Два часа прошло, усекаешь? Им что, такие бабки лишними показались? — Монгол сплюнул себе под ноги тягучую слюну и добавил: — Сваливать отсюда надо. Заложат они нас мусорам.

Ни заметного акцента в его речи не прозвучало, ни подчеркнутого уважения к собеседнику. Один только гонор.

— Тьфу! — Окурочек вылетел из губ Стингера и умчался в темноту, прочертив светящуюся красную дугу, как трассирующая пуля на излете. — Меня не заложат. — Он процедил каждый слог сквозь зубы, которые так и не соизволили разжаться на протяжении всей фразы.

— Если убоповцы их брали, то эти волчары кого угодно разговорят, — убежденно заявил Монгол. — Мумия египетская и то показания начнет давать. Вован из мавзолея все разбойные статьи на себя возьмет.

— А ты?

— Что я?

— Ты насчет показаний — как? Доводилось чистосердечно каяться?

Не понравился Монголу вопрос, поежился он под неотрывным стингерским взглядом, заерзал на безколесной тележке, которую приспособил для сидения. Но говорить что-то было надо, и ответ его прозвучал так:

– Пока бог миловал.

– Бог, значит, – подытожил Стингер с лицом таким непроницаемым, как будто голову у манекена позаимствовал специально для этого разговора. – Бог, он по доброте душевной помиловать может, базара нет. Только не на него ты оглядываться должен, батыр. А кстати, батыр: на хрен ты мне вообще-то сдался, а? Мы денежки и без тебя поделим. С Корявым на пару. Верно, Корявый, кент мой разлюбезный?

– Запросто! – согласился тот. Прозвучало заявление вполне бодро, но если бы Корявого спросили, что он почувствовал при этом, он бы наверняка вспомнил про тот самый серп, которым на Руси почему-то принято косить яйца.

Момент нажатия на спусковой крючок он прозевал, услышал только хлопок, с которым взорвался череп Монгола, и увидел, как расчесанные на прямой пробор черные волосы того крылато взметнулись вверх, подброшенные невидимой силой. А еще одновременно Корявый заметил, как из затылка убитого стремительно вылетела добрая пригоршня кроваво-сочной требухи, которая шмякнулась поодаль с таким звуком, словно мокрой тряпкой по полу шваркнули.

Тумп! Безжизненное тело опрокинулось на цементный пол, хорошенько приложившись к нему расквашенным темечком. Шорх! Еще живая рука поползла по полу вслед за вылетевшими мозгами, но уже никуда не дотянулась и удрученно застыла навсегда.

Покончив с Монголом, Стингер посмотрел на своего последнего подручного, посмотрел без всяких выкрутасов со зрачками, тускло и невыразительно. Скучно ему вдруг стало. А еще муторно. Даже предвкушение богатства не веселило душу, потому что ее, грешную, давно уже вынули да заменили чем-то более твердокаменным.

– Уберешь... это, – сказал он Корявому, указав неопределенным жестом на все то, что получилось из строптивного Монгола после казни.

– Сделаю! – Если бы Корявый кивнул еще чуточку энергичнее, ходить бы ему со скособоченной шеей всю оставшуюся жизнь.

Сколько этой самой жизни было ему впереди отмерено? Корявый точно не знал, хотя надеялся, что еще предостаточно. У Стингера имелись по этому поводу свои собственные соображения, но высказывать их вслух он пока что не спешил, а продолжал давать распоряжения:

– Бери лесенку, Петушка пойдем вызволять из неволи.

– Девка остается? – догадался Корявый.

– И ты вместе с ней.

– А..? – напрашивающийся вопрос Корявый замаял, едва не прикусив при этом язык клацнувшими зубами.

– Ты насчет бабок? – Стингер понимающе улыбнулся. – Не бойсь, братишка. Никуда я не денусь, пока с этой сукой не разберусь. Так что будешь караулить ее и ждать, пока бабки тебе сами в руки упадут. Как в сказке русской народной, бляха-муха!

– Ну да, – согласился Корявый, неумело пряча свой тоскливый взгляд пса, которого хозяин задумал то ли выгнать на улицу, то ли вообще в живодерню отдать.

– Говорю тебе: не ссы, – снова подбодрил его Стингер и шагнул из комнатухи под открытое небо, наливающееся богатейшей гаммой свинцовых оттенков. – Суку долговязую можешь пока выжарить со всех сторон, чтобы скучно не было, – подбросил он кость своему верному псу. – Но за нее головой отвечаешь, яйцами и очком, так что смотри...

Не дожидаясь изъявлений благодарности, Стингер стремительно зашагал вперед, сопровождаемый преданным посапыванием Корявого.

Территория заброшенного овощехранилища напоминала оборонительный комплекс, который в ходе продолжительных боев несколько раз переходил из рук в руки. Разобранная узкоколейка, останки кирпичных стен, мощные бетонные плиты, натканные вокруг так и сяк, сорванные двери, зияющие проемы. Здешних бомжей ликвидировать как класс так и не удалось – первопроходцев постреляли

между делом, но на место каждого убитого явились двое вечно живых паразитов, неистребимых, как идеи социального равенства. Обосновавшись среди развалин, они давным-давно побили рекорд защитников Брестской крепости, и Стингер был вынужден отменить карательные экспедиции, заключив с аборигенами перемирие. В обмен на огненную воду они не только держали языки за зубами, но и предупреждали банду о появлении враждебного милицейского племени, так что подпаивать и подкармливать бомжей было куда выгоднее, чем держать целую свору сторожевых псов.

Они всегда бродили где-то рядом, хотя легче было их унюхать, чем увидеть. Стингер привычно поморщил нос, сплюнул и подумал, что, если бы в его арсенале имелаась парочка огнеметов, он бы устроил вшивым бомжам на прощание такой фейерверк, что небу стало бы жарко. С прошлым надо расставаться красиво.

На Петра, извлеченного из бункера, издавна заменявшего банде долговую яму, он посмотрел с сытой ленцой волка, готовящегося приняться за неизвестно какого по счету упитанного бычка. Коротко проинструктировал парня на тему, что можно, чего нельзя, усадил его за руль иномарки, которая на здешних колдобинах не раз поминала свою японскую мать-перемать, и откинулся на заднем сиденье с видом капризного босса, не слишком доверяющего своему новому личному водителю. Поправлять его в случае чего должен был приготовленный «люгер», так что путешествие прошло без приключений.

Когда «Тойота» замерла на пустынном шоссе, окаймленном двумя неприветливыми лесополосами, Стингер выбрался наружу первым, обогнул машину и сделал короткий приглашающий жест пистолетом:

– Пошли, Петушок. Желаю поскорее полюбоваться твоим сундуком с сокровищами.

– Чемоданчик это, а не сундук, – возразил белобрысый парень с выражением туповатого упрямства на лице.

– Слабо у тебя воображалка работает, – веселился Стингер, следуя за проводником в пяти шагах и готовый в любой момент открыть огонь по его ногам. – Про пиратов книжки в детстве не читал, наверное? Лихой был народ, фартовый... Флинт, капитан Блад, одноногий Джон Сильвер... Слышал про таких?



– Сильвер – это тот, который Сталлоне? Так он вроде как при обеих ногах. Бегаёт и все такое... Не очень быстро уже, правда. Старый стал.

– Ну, ты, Петушок, прямо ходячая энциклопедия, – восхитился Стингер. – Живой справочник по решению кроссвордов... Э, чего стал? Заблудился?

– Бурелом этот... – Петр слегка набычился. – Я, когда бежал, через него сиганул.

– И что? – насторожился Стингер, поглядывая на кучу корявых ветвей, преградившую им путь.

– А то, что теперь фиг у меня так получится.

– Можно обойти!

– Не-а. С пути собьюсь. Надо напрямик... Напрямик всегда лучше.

Парень полез через бурелом, напористый, как дикий кабан, прокладывающий тропу. Стингер, ругаясь, пристроился сзади, моментально распорол штанину острым суком, и всякое желание шутить у него пропало. Почему-то ему казалось, что белобрысый потомок Сусанина специально потащил его через завал, то ли из вредности, то ли по еще какому-то тайному умыслу. Это настораживало.

– Дальше куда? – мрачно спросил он, когда полоса препятствий осталась позади. – Деревья ты лбом на ходу не сшибал, надеюсь?

– Тут тропка, – успокоил его парень, ускорил шаг и отпущенной хлесткой веткой чуть не вышиб Стингеру глаз.

– Осторожней! – рявкнул он. Ему опять почудилось, что парень затеял с ним опасную игру.

– Мы уже это... почти пришли.

Очередная ветка, потревоженная рукой парня, туго свистнула перед лицом Стингера, а потом он увидел перед собой открытое пространство и с облегчением перевел дух. Они стояли на вершине крутого кособора, кое-где поросшего кустами. Внизу тянулась стена белесых камышей, за которыми угадывались проблески темной воды. Шуршание камышей

показалось Стингеру таинственным и многообещающим.

– То самое место? – спросил он на всякий случай.

– Ага, – откликнулся парень. – Здесь я кувыркался, как этот... каскадерщик прибацанный из «Экс... экскремальных ситуаций»... Хорошо еще, что шею не сломал.

Его трогательные воспоминания интересовали Стингера все меньше и меньше.

– Веди к чемоданчику, – распорядился он, заранее зная, куда всадит пулю, которая ждала своего часа в патроне, досланном в ствол. В мощный затылок белобрысого проводника с неуместным мальчишечьим желобком. «Люгер» все внимательнее приглядывался к нему.

– Склон тоже надо обшарить, – заявил парень, делая на ходу размашистые движения ногами. Так он раздвигал бурую траву, а со стороны казалось: затеял идиотский одинокий танец.

– Что ты здесь забыл? – спросил Стингер, поотстав еще на несколько шагов. – Камыши дальше.

– Да знаю! Просто я тут одну штуkenцию потерял, хочу найти.

Оружие обронил, догадался Стингер, наблюдая за перемещениями пленника холодным взглядом, от которого не могло ускользнуть ни малейшее подозрительное движение. Задумал Петя-петушок жизнь свою молодую отстоять. В принципе намерение похвальное. Только не встречалось еще на пути Стингера такого человека, которого он хотел убить и не убил.

– Если грибы попадутся, бери! – крикнул он дурашливо, держа «люгер» так, что на вскидку потребовалась бы ничтожная доля секунды.

– Какие сейчас грибы? Одни поганки!

– Наркошам загонишь! Они Кастанеды начитались и от поганок просто тащатся, дуремары...

Стингер не выстрелил до сих пор лишь потому, что риск в малых

дозах уважал, любил поиграть в кошки-мышки, когда позволяла ситуация. Он уже не сомневался в том, что парень вывел его в нужное место. Раз что-то ищет, значит, потерял. Раз потерял, значит, убегал именно здесь. И в камышах действительно валяется кейс с тремя миллионами долларов, если только он вообще существует в природе.

– Слышишь, Петушок, – крикнул Стингер, помаленьку спускаясь следом за парнем, чтобы сохранять оптимальное расстояние для выстрела, – ты случайно ничего не напутал?

Парень не ответил, растерянно вертя головой по сторонам. Волосы у него цветом были точь-в-точь как сухой камыш, до которого оставалось несколько метров. Ветерок ласково ерошил их, словно успокаивающе поглаживал голову смертника.

– Не нашел свою штукенцию? – издевательски спросил Стингер.

– Нет. – Белобрысая голова с желобком на затылке печально качнулась из стороны в сторону.

Стингер чуточку повысил голос:

– Волына у тебя тут была заначена, верно? Замочить меня собирался, Петушок? Говори правду, не бойся, хуже не будет. Хуже смерти все равно ничего не бывает.

– Собирался, – буркнул парень.

Все это время он стоял к Стингеру спиной, явно готовясь получить пулю на каждом вздохе. То ли плечи старался поднять повыше, то ли голову пытался втянуть – со стороны не разобрать. Да Стингера не шибко и волновали эти мелочи.

– Уважаю. – Его голос прозвучал совершенно искренне.

– На твое уважение мне это...

– Насрать? – воскликнул Стингер таким тоном, словно обрадовался своей догадке. – А на смерть, Петушок? Как ты к курносой относишься?

– Девушку эту... Эльку... отпусти все же, ладно? – попросил парень, не пожелав продолжать разговор на слишком трудную для него тему. – Я

ведь тебя на правильное место привел, не соврал. Отпустишь ее?

Он вдруг обернулся, и Стингер изумился тому, какой удивительной синевы глаза уставились на него. Почему-то ему трудно было смотреть в эти глаза. Он и не захотел. Может быть, впервые в жизни ему пришлось первым отвести свой взгляд в сторону. Когда он заговорил, голос его звучал глухо.

– Сперва чемоданчик, – напомнил Стингер. – Веди.

Он двинулся за парнем, видя перед собой теперь только его беззащитный затылок. Услышав подозрительный шум за спиной, попытался резко обернуться, но тут как назло гладкие подошвы заскользили по жухлой траве, и все усилия Стингера ушли на то, чтобы сохранить равновесие. В тот момент, когда он застыл в позе лыжника, намеревающегося совершить крутой разворот на спуске, поясницу его пронзила такая ошеломляющая боль, что Стингер закричал, нерасчетливо израсходовав при этом весь запас кислорода в легких.

Снова вздохнуть ему уже никогда не довелось. Уронив пистолет, он слепо пошарил позади себя руками, пытаясь обнаружить источник боли, но пальцы ощутили лишь пустоту, а потом Стингер упал лицом вниз, поражаясь тому, какой отчетливой и резкой стала вдруг каждая былинка.

Окружающий мир стремительно сузился до размеров бурого стебелька с прилепившейся к нему сухой букашкой. Потом исчезла даже эта последняя соломинка, за которую меркнувшее сознание убитого готово было цепляться целую вечность, лишь бы не сталкиваться с тем всепоглощающим мраком, который стоял за видимостью света. Потом...

Ну, это каждый узнает в свой час, лучше заранее туда не заглядывать.

# Глава 14

## Военно-полевой роман

Той самой лихой ночью, когда Петр с Элькой мечтали выбраться из подземелья наверх, Роман стремился как раз в прямо противоположном направлении – вниз, подальше и поскорей с крыши, откуда он отправил своего спутника в свободный полет, завершившийся весьма принужденным падением.

От Кости, который без конца тискал рукоять пистолета в кармане, наверняка мысленно примеряя его к Роману, остался на память только короткий удаляющийся вопль. На очень недолгую память, потому что крик этот хотелось поскорее забыть, как и последующий звук, напоминающий сочный хлопок разбившегося вдребезги арбуза. Роман отметил все это краем уха, не прислушиваясь специально. Он также не стал провожать Костю прощальным взглядом, ибо не испытывал ни малейшего кровожадного желания полюбоваться делом рук своих. Как говорят американцы, ничего личного – только бизнес.

Добежав до дальней башенки лифтового механизма, Роман эффектно выбил ногой фанерную заслонку, которой было заколочено окошко, проворно юркнул вниз и, пересчитав ступеньки узкого трапа, уткнулся в решетку, преграждавшую выход в подъезд. Первобытный инстинкт толкал его бесноваться, подобно обезьяне в клетке, но разум гомо сапиенса заставил сначала повнимательнее присмотреться к преграде, и от вдумчивого подхода получилось гораздо больше толку. Путь решетки в одном месте оказались слегка разогнутыми местной шпаной, так что Роман, сбросив пальто, попросту просочился сквозь перегородку.

Его пеший слалом по ступеням был столь стремительным, что двери, перила и окна слились в одну сплошную круговерть, а когда в поле зрения Романа возникли ряды почтовых ящиков на первом этаже, он даже слегка подивился своей прыти.

Возле оставшегося в стороне подъезда, куда он вошел несколько часов назад с невинным желанием навестить бывшую секретаршу, торчал канареечный «уазик», хрипели грозowymi разрядами рации, звучали оживленные милицейские голоса, отвечивала синюшными проблесками мигалка реанимационного микроавтобуса. Увидев всю эту суматоху издали, беглец испытал такое острое чувство свободы, что обрел легкость воздушного змея, подхваченного восходящим потоком.

Свернув за угол, он невольно ускорил шаг, размашисто перепрыгивая лужи, чернеющие на пути. Подмывало вообще припустить бегом, но Роман сдерживался, понимая, что излишняя торопливость может завести его вовсе не туда, куда он стремился всей душой.

Голосуя на пустынном ночном проспекте, он внимательно глядел в приближающиеся автомобили, выбрасывая руку только перед теми, которые были поплоче. Шесть машин промчалось мимо, равнодушно шелестя шинами по мокрому асфальту. Седьмая отреагировала на призывно поднятую руку.

Интерес к попутчику проявил оранжевый «москвичок», увенчанный багажником.

– В аэропорт, – буркнул он, просунув голову внутрь.

Мужик, излишне седой для своей хипповой джинсовой куртки, визуально оценил его пристойный внешний вид, задумчиво поскреб подбородок и откликнулся с напускным равнодушием:

– Двести пятьдесят.

– Двести, – возразил Роман. В карманах его добротного пальто было пусто, но он не мог отказать себе в удовольствии поторговаться.

– Ладно, садись, – буркнул устаревший хиппарь. Движок «Москвича» работал с перебоями, как у самолета, готовящегося к вынужденной посадке, а когда водитель закурил в придачу какую-то дымную гадость, сходство с аварийной ситуацией усилилось вдвойне.

Хиппарь, распустив седину по поднятому воротнику куртки, слушал радио «Ностальжи» – с таким проникновенным видом, словно диктор должен был вот-вот провозгласить возвращение эры шестидесятых.

Внимание Романа привлекли бравурные звуки «Марсельезы», сменившиеся причитаниями нескольких высоких голосов: «лав...лав... лав...»

— Заладили, как певчие на похоронах, — высказался он неодобрительным тоном.

— Между прочим, битлы! — обиделся седовласый хиппарь.

— Еще не все передохли? — Роман разочарованно прищелкнул языком и скорее приказал, чем попросил: — Выключи эту муть! Какая сейчас, на хрен, любовь? Сказочка для нищих старперов!

Водитель строил оскорбленную физиономию интеллигента, которого попрекнули в трамвае ношением очков, но к рекомендации пассажира прислушался, заглушил свою ностальгическую волну.

Одержав первую маленькую победу, Роман некоторое время отмалчивался, изредка косясь на соседа. Ему еще никогда не приходилось кидать дорожных калымщиков, и он чувствовал себя не слишком уверенно, хотя вряд ли это было труднее, чем душить людей подушкой или сталкивать их с крыши.

«А ведь я убийца, — внезапно осознал Роман. — Самый настоящий убийца». Покопавшись в противоречивых чувствах, обуревавших его, он с удивлением обнаружил, что самое сильное среди них — самодовольство, затем следует ощущение собственного всемогущества, и лишь в самом конце списка копошатся всякие там запоздалые сожаления и угрызения совести, робкие, как прикосновения коготков котенка. Совсем не больно, даже немножечко приятно.

Каждый из двоих убитых являлся для него одновременно Стингером и круглоголовым крепышом, избившим его в подъезде. Уничтожив людей, вставших у него на пути, Роман избавился от постоянного страха, который испытывал перед агрессивностью окружающего мира. Он почти не узнавал себя самого, и такой, почти незнакомый, непредсказуемый, нравился себе гораздо больше.

— Остановишься на седьмом километре, — повелительно сказал Роман, когда «Москвич» выхватил лучами фар развилку, с которой начиналась трасса в аэропорт.

Собственный голос тоже показался неузнаваемым и тоже устраивал Романа больше, чем тот, которым он разговаривал с людьми раньше.

Руку он сунул в карман пальто, да там и придержал, оставляя спутнику самый широкий простор для воображения: бумажник ли там находится или что-нибудь поувесистее. Как и следовало ожидать, тот заметно поднапрягся. Взгляд, которым он вглядывался в километровые столбики на разделительной полосе, стал тревожным, словно у гуляки, заблудившегося на ночном кладбище. Роман усмехнулся. Оказалось, что внушать окружающим страх гораздо легче и увлекательнее, чем симпатию.

– Прическу сменить не пора? – спросил он с вызовом. – Или денег на парикмахерскую не хватает?

– Это мое личное дело! – запала хиппаря не хватило на всю реплику: когда дошло до «дела», голос его уже был совершенно упавшим. Как говорится, начал за здоровье, а закончил за упокой.

Роман засмеялся, регулируя тембр таким образом, чтобы звучание получилось зловещим. Это удалось ему настолько, что пожилой битломан задергал шеей, как бы пытаясь утопить свои седые патлы за поднятым воротником.

– Здесь? – заискивающе спросил он, с хрустом выруливая на обочину точно напротив нужного столбика.

– А что, ты с цифрами не в ладах? – холодно осведомился Роман, щелкнув предварительно зажигалкой в кармане. Отчетливым получилось металлическое клацанье, многозначительным.

– Пых-пых-пых, – водитель изобразил смех, а сам с надеждой уставился на темную громадину фуры, застывшую на встречной полосе.

Только никого рядом не было, никто не спешил ему на помощь, пришлось бедолаге переводить глаза на Романа, который молча отбросил их в сторону метнувшимся навстречу взглядом.

– Приехали? – спросил этот совершенно увядший хипповый цветок лишь для того, чтобы нарушить ставшую тягостной тишину.

Роман продолжал смотреть на него еще несколько томительных



секунд, удостоверившись, что седая голова предпочитает быть повернутой к нему в профиль и никак иначе, после чего не спеша выбрался наружу, захлопнул дверцу и мрачно посоветовал:

– Езжай.

– А деньги? – Почувствовав себя в относительной безопасности, водитель попытался заново обрести апломб, который растерял по дороге.

– Денег, так и быть, с тебя не возьму, – сказал Роман, отступая на шаг с рукой, многозначительно покоящейся в кармане. – Жаль мне тебя, убогого.

«Москвич» резво сорвался с места и помчался прочь, рискнув развернуться лишь в пятидесяти метрах от опасного попутчика. Он унесся в сторону Курганска, и Роман засмеялся совершенно новым для себя смехом. Это его уже не слишком удивило. Он окончательно стал другим, он нравился себе таким и отныне не собирался быть прежним – взрослым пай-мальчиком с деликатной улыбкой наготове.

Приподнятого настроения хватило на час с лихвой. Усмехаться Роман перестал, как только продрался сквозь первую посадку и обнаружил, что за ней простирается бесконечная темная пахота без всяких признаков газопроводной трубы. Некоторое время он механически шагал вперед, волоча за собой килограммы липкого чернозема на подошвах, а затем развернулся на сто восемьдесят градусов и совершил новый рейд, завершившийся тем же самым открытием: вторая лесополоса скрывала абсолютно идентичное поле, раскинувшееся неизвестно на сколько километров. Никаких труб, никаких шалашей, никаких заветных чехмоданчиков.

Два миллиона долларов оказались химерой, бредовой фикцией, однако расставание с надеждой было таким мучительным, как если бы Роман все же отыскал клад, а потом безвозвратно его утерял.

– Купил ты меня, Костя, – шептал он, волоча ноги обратно с таким трудом, словно они были обуты в водолазные башмаки со свинцовыми подметками. – Задешево купил. На полную туфту.

«Лечь да и помереть?» – с отчаянием подумал он, добравшись до

твердой почвы, где удалось кое-как соскрести с ботинок грязное месиво. Эта идея всегда приходила Роману в голову при столкновении с неразрешимыми проблемами, но каждый раз ему что-то мешало осуществить задуманное. Вот и теперь он не стал умирать на месте: холодно было в посадке, холодно и сыро – долго не пролежишь. Приходилось брести вперед, хотя там теперь не было ничего такого, что можно было бы назвать определенной целью.

Из зарослей Роман выбрался там же, где прежде в них углубился, – напротив грузового скандинавского чудища, имя которому было «Вольво». Серебристый фургон соперничал по размерам с железнодорожным вагоном, и диковато смотрелась эта махина в совершенно безлюдном месте, где никакие страховки груза не могли уберечь его от налета разбойников с большой дороги.

– Эй! Куда прешь?!

Возмущенный женский голос, прозвучавший в темноте, заставил Романа вздрогнуть и остановиться, выискивая его источник. Источник, между прочим, отчетливо журчал и находился в каких-нибудь трех шагах. От присевшей на корточки фигуры исходил такой крепкий сивушный дух, словно струйка, бившая из нее, состояла из неразбавленной водки.

– Извините, – буркнул Роман, возведя взор к ночному небу, где из мириадов звезд виднелась лишь одна, да и та явно не путеводная.

– Вежливый, – одобрила незнакомая барышня.

Судя по голосу, была она хмельной и бесшабашной.

– Маньяк, наверное? – предположила ночная фея, вырастая перед ним во весь рост. – Бродишь, бродишь в потемках... Жертву ищешь?

– Ага, – буркнул Роман. – Тысячную. Ей от меня специальный приз: упаковка обезболивающих таблеток и баночка вазелина.

– Юморист, – обрадовалась фея. – Водки хочешь, юморист?

Роман попытался разглядеть ее, но кроме копны темных волос и мешкообразной куртки, смахивающей на мужскую, так ничего в темноте и не увидел.

– Хочу водки, – заявил он с неожиданной решимостью. – И желательно без закуски.

– О, наш человек! Иди за мной.

Фея двинулась в направлении грузовика.

«Докатился», – подумал Роман на ходу, но никакого внутреннего протеста эта мысль у него не вызвала. Правда, в кабину он забирался с чопорным видом английского лорда, решившего от скуки наведаться в низкопробный бордель, и незнакомка, заметив выражение его лица, непринужденно предложила:

– Не понтуйся ты так, будь проще. Я не Хакамада какая-нибудь, чтоб от меня шараться. И вреда от меня никакого, одна сплошная польза.

Оказалась она тридцатилетней бабенкой, почему-то без фингалов, которые Роман ожидал увидеть у нее под глазами. Особый шарм ее улыбке придавала золотая коронка, одиноко мерцающая среди всех прочих прозаических зубов. Светящаяся зеленым и оранжевым приборная доска, приглушенная музыка из динамиков и шум разогретого воздуха создавали в кабине если не будуарную, то вполне интимную обстановку.

– Командир возражать не будет? – поинтересовался Роман, обернувшись назад, где на спальной полке мерно храпел мужским голосом неизвестный. Выхлоп от него шел такой, что даже прикуривать было боязно.

– Дрова, – беззаботно отмахнулась женщина. – Четвертые сутки пылают станицы. Запой у нас.

Она сказала это так гордо, словно речь шла о кругосветном свадебном путешествии, и, перегнувшись через спинку сиденья, загремела бутылками, выискивая полную. Роман, определив, что из всех нарядов на собеседнице присутствует лишь бордового цвета куртка, целомудренно отвел глаза и спросил:

– Это муж... твой?

– А-ха-ха! – обрадовалась женщина, отчего ее примечательный зуб засверкал в ночи игривым светлячком. – Таких мужей у меня на трассе

знаешь сколько? Дальнбойщица я. Ну, плечевая. Зовут Маргаритой. – Она ткнула пальцем в желобок между грудями и попала туда с первого раза.

– Понятно, – кивнул Роман, украдкой проследив за взмахом облупленного ногтя. – Жрица любви.

– Да уж нажралась этой самой любви, – легко согласилась Маргарита. – Мало не покажется. Во! – Она сделала жест, означающий, что сыта любовью даже не по горло, а по самые ноздри.

Что касается водки, то ею Маргарита была готова заливать по маковку и выше. Закончив бренчать тарой, она сунула в руки Роману непечатую бутылку, а сама вооружилась точно такой же. Он немного расслабился, убедившись, что пить с дальнбойщицей из одного стакана не придется.

– Ну, что загрустил, как памятник Пушкину? Поехали! – Свинченная с Маргаритиной бутылки пробка полетела на пол. Прозвучало задорное троекратное бульканье.

– Хух! – по-индейски откликнулся Роман, последовав поданному примеру.

Пойло оказалось скипидаристо-жгучим, но зато оно согрело нутро и замедлило лихорадочное течение мыслей до скорости ленивого потока. Мрак за окнами мало-помалу рассасывался, в голове приятно гудело, перед глазами болтались две голые сиськи, похожие на козьи. Хорошо Роману стало, уютно и спокойно. Он еще немного увеличил содержание алкоголя в крови. Машина по-прежнему стояла на месте, а показалось – плавно тронулась вперед.

– И долго вы еще праздновать собираетесь? – поинтересовался Роман, радуясь теплу, спокойствию и простому счастью человеческого общения.

– А пока водка не кончится, – беззаботно сказала обладательница выжатых сисек. – Или деньги. Или то и другое.

– Не скучно на одном месте торчать? – вежливо удивился Роман.

– А некогда скучать. То пьем, то похмеляемся. Вчера, правда, менты

приперлись, весь кайф обломали.

– Понятное дело. – Роман сочувственно покивал головой. – Эти, как водку унюхают, сразу тут как тут. Весело живут, потому и погулять любят.

– Пол-ящика водяры они, конечно, конфисковали, – подтвердила Маргарита. – Но вообще-то не за этим они приезжали, а по делу.

– Бабки сбивали? – догадался Роман. Другого объяснения появления стражей порядка на пустынном шоссе у него не было.

– Не-а! – Маргарита с интригующим видом покачала своей всклокоченной головой.

– Что же им еще могло понадобиться? – совершенно искренне удивился Роман. – Что, если не бабки?

– Тут неподалеку разбойное нападение произошло, вот у нас и допытывались: что, мол, слышали, что видели подозрительного... – Маргарита забулькала водкой, перевела дыхание и закончила: – А что мы могли видеть с пьяных-то глаз? Разве что белочку пушистую. А-ха-ха!

– Какое нападение? – тупо спросил Роман. – Где?

– Там. – Маргарита ткнула большим пальцем назад, в направлении аэропорта. – Мужика завалили и бабу. Из автомата.

– Где именно? – взвился Роман.

Почему-то ему припомнилась чуточку насмешливая интонация, с которой Костя назвал координаты местонахождения кейса. И теперь он был совершенно уверен в том, что дорожное происшествие напрямую связано с ночными приключениями, выпавшими на его долю.

– Да на тринадцатом километре, – просто сказала бедовая Маргарита, перепившая своего Мастера. – Я еще подумала: вот тебе и несчастливое число... Эй! Ты куда?

Роман уже отставил свою емкость и скользил задом к дверце, потеряв всякий интерес к обладательнице козьих сисек и целого арсенала бутылок, такого богатого, что даже ментам не удалось его опустошить в один присест.

– Желаю счастья в личной жизни, Маргарита! – крикнул он, прежде чем вывалиться из кабины на манер воздушного десантника.

Потом был марш-бросок по шоссе, когда мысли Романа сделались такими же сбивчивыми и короткими, как его дыхание.

«Повезло... Уф-уф-уф... Только бы успеть раньше братков Стингера... Уф-уф-уф... Уже совсем светло... Если меня опередили, на дороге должна стоять машина... Уф-уф-уф... И что тогда?.. Дурак, не отобрал у Кости пистолет... В рукопашной у меня никаких шансов... Почти никаких...»

Увидев далеко впереди темно-синюю иномарку, приткнувшуюся на обочине как раз там, где, по прикидкам Романа, должен был торчать искомый столбик с цифрой «13», он лихорадочно завертел головой по сторонам, выискивая увесистый булыжник, дрын – что угодно, лишь бы не бежать дальше с голыми руками. Проку от такого первобытного вооружения было, конечно, мало, но Роман готов был лучше умереть, чем еще раз пережить то разочарование, которое испытал недавно.

На глаза ему попала табличка, приваренная к железному колышку, воткнутому в землю у дороги. Надпись, коряво выведенная черной краской, гласила: «К.Бр.120х60». Для Романа это была китайская грамота, но он и не собирался ломать голову над загадочным смыслом клинописной таблички. Если и ломать головы, то чужие – этой самой хреновиной на остром штыре. Перехватив ее наперевес, Роман побежал дальше, как одинокий демонстрант, отставший от общей колонны.

Через посадку он пробирался с предосторожностями зверя, проснувшегося в нем минувшей ночью. Перешагивал ломкие сучья, нырял под раскнутые ветви, протискивался между стволами. Вместо того чтобы с ходу выпереться на открытое пространство, подполз на карачках к крайнему кусту и осторожно высунул голову, наблюдая за сценой, разыгравшейся на косогоре.

Кандидатов в миллионеры было всего двое. Светловолосый здоровяк, которого Роман мельком видел в нехорошей квартире, и Стингер, который вполне мог бы сыграть в кино Фредди Крюгера после пластической операции. Вооружен был только он, и этот факт вызвал в воспрянувшем духом Романа приступ героизма. Столь же острый, как тот железный штырь, который он сжимал в руках.

Приближаясь перебежками к Стингеру, он все время видел перед собой его спину, обтянутую черной кожей, и возвышающуюся над поднятым воротником лысую голову с оттопыренными ушами. Почему-то вспомнились истории про вурдалаков, которых убивают непременно осиновым колом. Это была последняя связанная мысль, которая мелькнула в мозгу Романа, прежде чем там образовалась полная пустота, такая же холодная, как осенний ветер, которым он наполнил свои легкие до отказа.

Стингер и его пленник не подозревали о присутствии Романа, несущегося вниз по склону. Ровно пять длинных скачков потребовалось ему для преодоления дистанции. На финише острое колышко, облепленного сырой землей, с разгона вонзилось в черный плащ, проткнув его с такой неожиданной легкостью, словно он был наполнен одним только воздухом. Но затем прямоугольная пластина уткнулась во что-то твердое и вырвалась из рук, едва не вывихнув сжимающие ее пальцы. Роману, чтобы преодолеть инерцию, повлекшую его вниз по кособоку, пришлось тормозить собственными коленями.

Он-то поднялся, а вот плащ косо валялся на склоне, блестящий, как черная спина исполинского жука. Вяло шевелились его рукава, сучили по траве торчащие из него ноги, а сверху вздрагивала пришпиленная табличка, усиливая сходство Стингера с подыхающим насекомым. Коллекция Романа пополнилась еще одним трупом.

— Ну ты да-ал! — уважительно протянул светловолосый парень, таращась на Романа снизу своими синими глазами. — Как в том кино прямо.

— Какое еще кино? — досадливо поморщился он, разглядывая грязные пузыри на коленях. — Жизнь это. Настоящая. Та самая, про которую сказано, что она есть «духхха», сплошное страдание.

— Ду...х-х... Как-как?

— Тебя сильно интересует философия буддизма? Вот прямо здесь и сейчас?

— Да вроде нет, — признался парень.

— Ну и не задавай тогда глупых вопросов, — порекомендовал Роман,

вертя в руках подобранный пистолет с глушителем. Стрелять из него было страшно, но вместе с тем палец так и норовил стиснуться на спусковом крючке.

Парень, похоже, не обиделся. Спешил наверх со счастливой усмешкой, слишком плечистый, слишком высокий, чтобы вызвать у хрупкого Романа хоть чуточку приязни. Больше всего его раздражала приближающаяся улыбка во весь рот. «Готовый типаж для массовой фильма о Древней Руси, – язвительно прикинул Роман. – Деревенский парубок, впервые очутившийся на ярмарке. Иван-дурак, которому не светит стать царевичем. Его можно было свалить на подходе одним выстрелом, но сначала требовалось прояснить ситуацию насчет миллионов».

– Тебя, насколько я помню, Петей зовут? – спросил Роман, опустив пока что пистолет стволом вниз.

– Петром, – уточнил парень с достоинством. – А ты Рома, да?

– Раз уж ты Петр, то для тебя я Роман.

– Лучше я тебя просто Ромой буду звать. Ты же не книжка!

Фразу завершил счастливый смех человека, только что избегнувшего смертельной опасности и готового радоваться чему угодно. Даже в непосредственной близости от еще не остывшего трупа и заряженного пистолета.

– Веселый ты парень, как я погляжу, – сухо сказал Роман.

– Это мандраж из меня выходит, – пояснил Петр. – Испугался я здорово. Думал уже: все, кранты. А помирать, скажу тебе честно, ох как не хочется.

– Вот и не думай о смерти. – Губы Романа сложились в улыбчивую дугу. – Рано тебе в мир иной. Поживешь еще...

«Немного», – добавил он мысленно с той же самой ухмылкой, даже немного расширил ее, обнажив ровные белые зубы.

– Ты, когда улыбаешься, прямо как этот... – Петр пошевелил пальцами, вылавливая в воздухе подходящее сравнение, – знаменитый



фокусник из телевизора, как его?.. Дэвид Копф... Коппер...дфильд, о! Волшебник прямо! Стингера взял и завалил... Откуда ты такой взялся?

Роману вдруг показалось, что синие глаза напротив светятся не только одним сплошным простодушием.

— А я за чемоданчиком пришел, — буднично сообщил он, поглядывая как бы на пасмурное небо, а сам не выпуская из виду собеседника. — За тем самым, в котором два лимона баксов.

— Два?

— Именно. Целых два.

Петр некоторое время молчал, потрясенный названной суммой, а потом покачал головой, выражая этим неодобрение в свой собственный адрес:

— Выходит, ты тоже знал про деньги. Один я лопухнулся. Все в курсе были, кроме меня... Надо же!

— Я тоже сначала ничего не подозревал, — утешил его Роман. — Мне Костя признался... ну, тот, в чьей квартире мы оказались. Уже перед самой смертью.

— Разве он умер? Когда же он успел?

— Дело нехитрое, — скучно сказал Роман. — Раз-два и готово. Он с крыши сбросился. Сказал: не перенесу, мол, позора, и — фьють! — Роман повел головой сверху вниз, как бы провожая взглядом полет невидимого тела.

Петр даже рот открыл зачарованно — вылитый карапуз, слушающий страшную сказку. Здоровенный такой карапуз, плечистый. Кровь с молоком. «Но молоко из него вряд ли потечет после выстрела, только кровь», — подумал Роман, невольно бросив взгляд на убитого Стингера.

Тот давно шевелиться перестал, застыл, набрав полные горсти земли вперемешку с мусором. Словно хотел напоследок землицу с собой прихватить, чтобы ностальгировать над ней на чужбине. В дальние он попал края, дальше не бывает.

– ...позора?

– Что? – спросил Роман, уставившись на Петра бессмысленным взглядом мороженого судака.

– Спрашиваю, какого позора он перенести не смог?

– Известно, какого. Разбойнички-то его – чпок! – Роман пристукнул по обращенной вниз ладони кулаком. Для этого пришлось ненадолго отложить пистолет, и Роман любовно огладил его ствол, когда опять взял оружие в руки.

– Любить мне Костю этого вроде не за что, а все равно жалко, – признался после затяжной паузы Петр, зябко передернув плечами.

– Тогда тебе в хиппарии пора подаваться. Будешь битлов патлатых слушать и подпевать... – Роман тоненько проблеял, кривляясь: – Лав, лав, лав...

– А, лавэ! – понимающе протянул Петр. – Лавешники. Без них никак. Когда нужда подопрет, еще и не так взвоешь!

Невольно усмехнувшись такому неожиданному выводу, Роман прицелился из пистолета в проплывающую над головой разлохматившуюся тучку и с деланным безразличием произнес:

– Нам с тобой выть не пристало, Петруха. Мы ж миллионеры теперь. Я ведь в доле, не возражаешь, надеюсь? Бандита завалил. – Ствол указал на мертвого Стингера. – Тебя спас. – Ствол замер на уровне груди собеседника.

– А я разве спорю? – удивился тот.

– Вот и хорошо, что не споришь.

Услышав то, что он хотел услышать, Роман принялся обыскивать труп и радостно присвистнул, обнаружив во внутреннем кармане пачку долларов, перехваченную двумя оранжевыми резинками. Это была та самая пятитысячная бандеролька, которую он передал Стингеру из рук в руки перед роковым походом в казино. Добрый знак. Обещание новой жизни, удачливой, богатой, независимой. Роман ласково погладил стопочку долларов и улыбнулся.

– Поделим?

– Что ты сказал? – Взгляд Романа моментально оттаял, но при этом оказалось, что глаза у него вовсе даже не судачьи, а акульи – круглые, злые, непроницаемо-черные.

– Эти деньги, говорю, поделим? – не унимался Петр. – Чтобы, значит, все по-честному было.

– Обязательно, – кивнул Роман, пряча пачку за пазуху. – Непременно. Как только ты покажешь, где лежит чемоданчик. Все, что найдем, – пополам, идет?

– Делить будем на троих, – сказал Петр, да так твердо, что Роман сразу вспомнил: имя его в Евангелии означает «камень».

– Кто третий? – удивился он. – Этот, что ли? – Роман пнул ногой безответный труп бандита.

– Меня вместе с девушкой уводили, помнишь? – полез с пояснениями Петр. – Элькой ее зовут... если по-солидному, то Элеонорой. Сын у нее маленький, слепой совсем. Ему срочно операция требуется. Ей деньги нужны, очень, а она в погребке сейчас сидит и...

– Ну, раз в погребке сидит, тогда конечно, – осклабился Роман, не дослушав историю совершенно безразличной ему Эльки. – Тогда она свою долю выстрадала, не спорю. Не отречься же от нее трижды, а, Петр?

– Чего-чего?

– Не обращай внимания, – небрежно отмахнулся Роман. – Книгу одну вспомнил.

Он аккуратно опустил пистолет в боковой карман стволом вниз, так, чтобы выхватить его можно было в любой момент, и продолжил обыск убитого. Несколько сотен рублей да ключи от машины, вот и весь новый улов. Но впереди ожидал такой фантастический приз, что губы Романа заранее расплывались до ушей, словно их тянули за невидимые ниточки.

– Пошли, Петруха, за чемоданчиком, – весело предложил он. – Не

будем попусту терять время. Не так уж его много нам отмерено.

Только Роман знал мрачный подтекст, заложенный им в последнюю фразу, и это наполняло его чувством превосходства, чуточку дурашливым и невыразимо приятным. По склону он чуть ли не мячиком скатился, опередив спутника на добрых два десятка шагов, и некоторое время любовался им снизу, нетерпеливый, как жених, поджидающий богатую невесту. Предупредительный, как политическая шестерка, встречающая у трапа самолета главного хранителя общака МВФ.

А потом он нырнул следом за Петром в камыши, и они на пару прошуршали несколько раз вдоль речки-вонючки.

Никаких признаков чемоданчика, набитого долларами, возле самой коряги и вокруг нее обнаружено не было. Петр что-то недоуменно бубнил, разводил руками, а Роман еле сдерживался, чтобы не разнести башку этого недоумка одним точным выстрелом.

Он не сделал этого лишь потому, что ему не хотелось лезть в холодную воду. Странное дело, но перспектива промочить ноги пугала Романа больше, чем четвертое убийство за неполные сутки.

# Глава 15

## Третий лишний

Куст, за которым притаился мужчина с собакой, назывался бузина. Мужчина назывался кинологом, носил фамилию Мищенко и мягкие висячие усы сильно устаревшего запорожского образца. Собака была восточно-европейской овчаркой по кличке Маркиза. Вместе с Мищенко и Маркизой в засаде незримо присутствовало также несметное полчище мельчайших паразитов, каждый из которых и все скопом именовались в медицине вошью лобковой.

Мищенко, когда чесался, обзывал этих тварей, напоминающих микроскопических крабиков, словом более распространенным в народе: мандавошки. Одна заплутала в его левом усе, парочка копошилась в дремучем волосяном покрове груди, а основные мандавошечьи силы сосредоточились известно где и после беспрестанных прочесываний укромных уголков сохранялись в полном составе, подобно чеченским боевикам, рассредоточившимся на местности.

Прямо после поездки за город Мищенко намеревался заглянуть в аптеку. Потом к Наташке (бюст – пятый размер, спиралька – золоченая, мозги – куриные). С ней разговор короткий – в ухо. Станет возникать – в другое ухо! Была бы у Мищенко возможность достать до среднего, он бы и по нему всенепременно съездил кулаком. Ведь спрашивал же ее: зачем ты, Наташка, дура такая, побрилась? Колко же! А она: для пикантности. Вот тебе и пикантность, зудит, спасу нет.

Заразу Мищенко подхватил пять дней назад, вчера поутру выявил с лупой в руках, но в аптеку не попал по причине срочного выезда на место происшествия с сукой Маркизой, которая была в сто раз верней и чище суки Наташки.

Место происшествия ничем следственно-поисковую группу не порадовало. Бесхозный автомобиль «Жигули» шестой модели, стреляные гильзы, два разнополых трупа. Дело, как говорится,

житейское, для Мищенко столь же привычное, как похмелье после Дня милиции или изжога после тещиных пирогов. Радости мало, но деваться некуда. Называется это словом емким и героическим: долг. Его выполнять надо. Независимо от настроения.

В тысячный раз брать след, который, как всегда, никуда не приведет? Да без проблем! Иголку в стогу сена искать? Ветер в поле ловить? «Есть, товарищ капитан!» – вот и весь разговор. А в кармане – украдкой сложенная фига, хотя ее со стороны незаметно совсем.

Собака, хоть она и лучший друг человека, дули в ходе эволюции крутить пока не научилась, ею командовать одно удовольствие.

– Ищи! – приказал бравый прапорщик Мищенко своей серой четвероногой тени и целиком доверился ее нюху.

Никаких химикатов, вызывающих у собак беспрестанный чих и неподъемную лежку, на старте обнаружено не было. Маркиза моментально поставила уши торчком, хвост вытянула струночкой, старательный нос чуть не стесала об асфальт. Взяла след за пару минут, оповестив об этом Мищенко нетерпеливым возгласом: «Вуф!»

Описали они для порядку парочку концентрических кругов на дороге да и побежали, оставив позади оперативную бригаду с ее нудными протокольными процедурами. Как следует побежали, спеша опередить автоматизированных тяжеловесов в бронезиловках, которые, по доброй традиции, на место явно заказного убийства опаздывали.

Была у Мищенко причина работать в одиночку, без лишних глаз. Имелись свои профессиональные секреты, о которых посторонним знать совсем необязательно.

Любил он свое сыщичье дело, ценил такие моменты истины. Длинная шлея внатяжку, впереди Маркиза, самая лучшая ищейка из всех, с которыми работал Мищенко. От прежних лишь небольшие холмики за оградой питомника остались да закорючки в графе «потери» собачьего реестра. Каждая псина была по-своему хороша, но Маркиза превосходила их всех, настоящей умницей оказалась.

Сообразительная была эта трехгодовалая сука – спасу нет. Например, Мищенко так и не сумел привить ей наплевательское отношение к

выстрелам. Все племя служебных собак кинологи самым бессовестным образом дурят, как родители – детей малых, как политики – темный электорат во время избирательных кампаний. Внушают люди своим четвероногим друзьям, что огнестрельная трескотня – ерунда, на которую не стоит обращать внимания. Псы по простоте душевной хозяевам верят и прут на выстрелы как танки.

А вот Маркизе чувство самосохранения отбить в ходе дрессировок так и не удалось. Это не значило, что при выстрелах она трусливо хвост поджимала, нет. Но навстречу опасности она бросалась не по глупости, подобно новобранцу, обкутившемуся анаши, а в трезвом уме и памяти. И за эту самоотверженность Мищенко ее особо ценил.

Кормилица!

Они бежали через посадку, а овчарка поскуливала нетерпеливо, тоненько посапывала, как всегда, когда переходила на верхний нюх, ориентируясь по воздуху, который долго в себе запахи хранит. Беглецы, в количестве двух человек, как определил Мищенко по рысканьям Маркизы, опережали погоню на каких-то полтора часа, но он даже кобуру расстегнуть не потрудился, потому что те, кто палит среди бела дня из автоматов, пешком бегают недолго, их обязательно ждут поблизости машины.

Торопился он по следу, вместе со всеми своими мандавошками, по той простой причине, что имелась у господ киллеров вызывающая мода сбрасывать по пути отработанные стволы, и были они зачастую новехонькими, нигде ранее не засвеченными, а потому особо ценными для людей понимающих.

Всякую дешевку типа банальных «калашниковых», «макаровых» да «стечкиных» Мищенко, как положено, передавал старшему опергруппы, и этот металлолом приобщался к делу. Но какой идиот станет распространяться о том, что нашел, к примеру, снайперскую винтовку «купер» с оптическим прицелом «шмидт-бендер»? Подобные находки приносили ему столько денег, что свою официальную зарплату он запросто просаживал на свежатину для Маркизы и не скупился при этом, понимая, что она все затраты окупит сторицей.

Иногда Мищенко казалось, что у него и у самого развился собачий нюх, так остро он чуял близкий запах наживы. И чутье его вчера не

подвело. Найденный на косогоре плоский никелированный пистолетик, похожий на дамский «браунинг», Мищенко подхватил двумя пальцами и сунул в полиэтиленовый кулек, отметив место находки специальным колышком с красной тряпичей. Стоила вещь что-то около пятисот баксов – не тот случай, чтобы рисковать послужным списком и доходным местом.

Зато в густых камышовых зарослях безымянной речушки Маркиза навела хозяина на главный сюрприз: обтекаемый кейс серого цвета, защелкнутый на кодовые замки. Валялся он, позабытый-позаброшенный, подле гнилой коряги и походил на космическую капсулу, таящую в своих недрах всякие тайны, одна другой важнее. Например, полный текст того самого письма, которое запорожцы послали турецкому султану.

Казацкие усы Мищенко затрепетали. Разволновавшись ужасно при виде находки, он почесался с таким остервенением, что уничтожил сразу не менее десятка вошек, партизанствующих в его заповедных зарослях, сходных для них с Беловежской пущей.

А если шутки в сторону, то очень походило на то, что кровь двух человек пролилась именно из-за этого чемоданчика. Следовательно, хранились в нем вещички прелюбопытные. Не какой-нибудь стандартный джентльменский набор, состоящий из дырявых носков, белых трусов с прожелтью и свежих накрахмаленных сорочек. Не томики любимого поэта. И, уж конечно, не листовки с требованием повысить заработную плату педагогам и медикам.

Внимательно оглядевшись по сторонам, Мищенко сунул находку в воду, придавил ее подходящим булыжником и пустился по следу дальше, чуть ли не прижимая от восторга уши на бегу, как это делала Маркиза.

По официальной версии, изложенной Мищенко по возвращении на место работы оперативно-следственной бригады, результат его кросса был нулевым, если не считать обнаруженного никелированного пистолетика. Сипя прокуренными легкими, он обрисовал перед коллегами свое видение картины преступления. Убегавших было двое. Один проделал пешком несколько километров, а потом вышел на трассу, проголосовал скорее всего и был таков. Второй поплутал немного близ речки и вернулся на место убийства, где, судя по масляному пятну,



некоторое время стояла еще одна машина, на которой он и убыл в неизвестном направлении.

«Не найдя серый чемоданчик», – как мысленно добавил Мищенко, пряча улыбку в висячих усах.

Сегодня утром он уже не улыбался, хотя прогулка на лоно природы сулила ему, несомненно, интересное открытие, стоило лишь измочить руки по локоть да взломать хлипкие замочки пижонского кейса. Настроение Мищенко подпортили сначала удвоившие популяцию кровососы, а затем двуногие паразиты, слонявшиеся поблизости от его тайника.

Они опередили его, и они искали утерянную вещь – понять это было несложно. Вряд ли это был воланчик от бадминтона или волейбольный мяч. По прапорщицкой теории вероятности, целью поисков пришельцев являлся тот самый кейс, который он никак не мог прихватить с собой вчера. Укрывшись за бузиновым кустом, Мищенко скорбно наблюдал, как стремительно рушится карточный домик его надежд.

Пистолет в руке лысого он заметил не сразу, а когда заметил, чуть не заскулил протяжно, как порывалась сделать это и Маркиза, челюсти которой приходилось настойчиво смыкать пальцами.

Овчарку, конечно, можно было оставить караулить «четверку», на которой прибыл Мищенко, но, увидев подле лесополосы пустую иномарку, он заподозрил неладное и прихватил Маркизу с собой, ибо не имел при себе иного орудия защиты и нападения. Табельный пистолет, запертый по причине отгула владельца в оружейном шкафу, помочь в данной ситуации ничем не мог. Оставалось рассчитывать лишь на себя да на клыки овчарки. Вот Мищенко и рассчитывал, хотя проку от этого становилось все меньше и меньше.

Чем ближе неизвестные подходили к речке, тем явственнее Мищенко представлял себе, как они, порывшись в камышах, закатят штаны и полезут в воду. Лично он обязательно сделал бы это, а надежда на то, что кто-то окажется дурее тебя, хороша лишь во время игры в подкидного.

Это была последняя связная мысль прапорщика Мищенко. Потом события стали развиваться с такой головокружительной быстротой, что

он совсем забыл кручиниться, почесываться и даже сглатывать слюну, которая быстро переполнила рот и начала стекать двумя тонкими струйками вдоль уголков его губ.

Его сознание едва поспевало за происходящим. Общая картина беспрестанно менялась, как в детском калейдоскопе. Неожиданное появление третьего искателя сокровищ. Жуткая смерть лысоголового. Да у Мищенко не только все неоднократно перевернулось внутри, но и седых волос в усах на треть прибавилось!

А потом чернявый парень велел белобрысому лезть в воду. И тот послушно наклонился, готовясь стаскивать с ног башмаки.

Терять нельзя было ни минуты. Вот когда Мищенко по-настоящему осознал значение поговорки «время – деньги».

– Видишь их, Маркиза? – прошептал Мищенко в настороженно дернувшееся ухо овчарки. – Это враги!

– Ваум-м! – От нетерпения у нее свело горло.

Мищенко посмотрел в ее глаза, молящие поскорее дать приказ рвать и метать, перевел взгляд на брюнета, который без конца ощупывал рукоятку пистолета, сунутого в карман, и выдохнул:

– Фас!

Взметнув землю из-под всех четырех лап, овчарка понеслась навстречу смерти – чужой или своей собственной.

# Глава 16

## Трое, не считая собаки

– Надеюсь, чемоданчик найти будет легче, чем черную кошку в абсолютно темной комнате, – сказал Петру его новый знакомый, когда они начали спускаться к речке.

– Кошку?

– Этот образ считается классикой дзен-буддизма, – пояснил парень с книжным именем и киношным лицом. – А если результат оказывается нулевым, это называется хлопком одной ладони. Чувствуешь, какая мудрость в этом заложена?

Петр хотел ответить, что все это ерунда на постном масле, но сдержался, чтобы не обидеть спутника. Как-никак, тот спас его от смерти. А в прибаутках про черную кошку и хлопок однорукого инвалида действительно мог заключаться какой-то глубокий смысл, только Петру было сейчас не до головоломок.

Он замер у неприязненно шуршащих камышовых зарослей и, не обращая внимания на понукания Романа, никак не решался углубиться в них, чтобы наконец пощупать привалившее богатство. Тревога изжогой разъедала его изнутри. Плохое предчувствие теснило грудь.словно одно лишь прикосновение к чемоданчику, набитому деньгами, грозило какой-то смертельной заразой.

– Ну! – нетерпеливо воскликнул Роман. – Долго ты так собираешься стоять? Надо спешить. Над горой Лу дождь и туман, в реке Че прибывает вода...

– Не мешай, – поморщился Петр. – Дай сообразить, в какую сторону идти.

На самом деле он пытался понять, почему его так тянет немедленно

повернуть обратно, но это ему никак не удавалось. Сказать, что в его голове образовалась каша, было бы неверно. Взять хотя бы перловку, которой его кормили в армии. Крупинка к крупинке, однородная масса, никаких посторонних примесей, за исключением приправы в виде поваренной соли. Полное единообразие. В голове же Петра от бесконечной мешанины событий образовался настоящий винегрет из мыслей, и теперь одни сменяли другие, будто кто-то их там без конца перетряхивал, не давая улечься как следует.

Винегрет... Петр сглотнул голодную слюну. Картошечка, огурчики, бурячок, морковочка. Сверху маслице подсолнечное. Свежий хлеб, крупными ломтями порезанный... «Жрать хочу», – догадался Петр.

«Надо просто поскорее покончить со всем этим, – решительно подумал он. – Забрать деньги, вызволить Эльку. С предчувствиями потом разберемся. В спокойной обстановке».

И он сделал шаг вперед. И Роман шагнул следом. И с этого момента Петр вообще забыл, что был момент, когда он хотел остановиться.

Долго они на пару шуршали в высоких зарослях, вытоптав вокруг приметной коряги целую поляну, на которой даже термос не укрылся бы от глаз, не то что чемоданчик. Петр хорошо помнил свой жест, которым зашвырнул свое счастье подальше. Несколько раз повторял его, используя сучья и камни, потом спешил к месту их падения, чтобы удрученно развести руками.

Понаблюдав за его упражнениями некоторое время, Роман распорядился:

– Полезай-ка в воду, атлет. Может, утопил ты чемоданчик по простоте душевной?

– Не должен, – удрученно вздохнул Петр. – Плеска я не услышал...

– А хлопанье крыльев?

– Каких еще крыльев? – поразился Петр глупости подобного предположения.

– Если чемоданчик не улетел, то он мог только утонуть, – злобно процедил Роман. – Так что в речку тебе лезть придется. Или есть другие

предложения?

Вообще-то таковые имелись: почему бы Роме самому не омочить белы ноженьки, раз уж он жаждет войти в долю? Но Петр, который вчера собственноручно выбросил целую кучу долларов, страдал оттого, что оказался таким простофилей. Настоящий раздолбай в плетеных лаптях, это Элька правильно выразилась. Ему так хотелось исправить свою досадную ошибку, что он даже не обижался на Романа за манеру разговаривать свысока и произносить всякие обидные реплики. Заслужил, что подделаешь. И стремление загладить свою вину согнуло Петра в три погибели над ботинками, которые требовалось снять перед тем, как отправиться в воду, не зная броду.

Он не сразу сообразил, что за стремительная серая тень попала в поле его зрения, а когда тень сфокусировалась в нечто конкретное о голове, хвосте и лапах, его первой мыслью было: «Волк, бля!», а второй: «Бля, откуда?».

В детстве Петр перевидал немало волчьих шкур, потому что батя сдавал их куда-то, выручая за это деньги немалые, по деревенским понятиям. Иногда он притаскивал из лесу целые выводки волчат, а когда те выросли и вырастали в бывшей кроличьей клетке до размеров средней дворняги, убивал и их, а шкуры потом растягивал на специальных рамах, чтобы выдать за отстрелянных матерых хищников.

Но теперь на Петра несся, едва касаясь лапами земли, вовсе никакой не щенок, а здоровенная клыкастая зверюга, положившая глаз почему-то именно на него, а не на стоящего рядом Романа. Она приближалась просто с ошеломляющей быстротой. Казалось, конечностей у нее гораздо больше, чем четыре, так стремительно они мелькали. Гигантская сороконожка какая-то!

– Стреляй! – крикнул Петр.

Краешком глаза он увидел, как спутник вздрогнул, развернулся и неожиданно припустил вдоль речки, как будто надеялся, что две его ноги проворнее четырех собачьих.

Это была все же собака, а не волк, как определил Петр, когда зверюга находилась уже в каких-нибудь двадцати шагах. Темно-серая, с песочными подпалинами, она мчалась вниз по склону, притормаживая

передними лапами, чтобы не кувырнуться через тяжелую лобастую башку. То и дело ее заносило боком, и это дало Петру пару лишних секунд для того, чтобы прийти в себя.

Немецкая овчарка, так он классифицировал ее, холодея от ужаса перед ее необъяснимой лютой злобой, направленной лично на него. Остановить такую псину мог разве что хозяин, а его поблизости не наблюдалось. И, сообразив, что рассчитывать он может только на себя, Петр ринулся навстречу опасности.

Отец убивал подросших волчат одним и тем же способом: точным ударом в кончик носа, который всегда оказывался смертельным. Иногда он вооружался палкой, а иногда, когда был поддатым, забивал зверенышей ногами, обутыми в кирзачи. И Петр, поражаясь своей неизвестно откуда взявшейся сноровке, в точности повторил отцовский прием.

Он взвился в воздух одновременно с атакующей овчаркой и резко выбросил вперед распрямленную ногу, подгадав подошвой прямо в морду, всю состоящую из частокола зубов, надсадного хрипа, брызжущей слюны и алого языка.

Столкновение двух устремившихся навстречу друг другу тел, собачьего и человеческого, получилось настолько сильным, что их разбросало в разные стороны, как городошные чурки.

Петр проворно вскочил на ноги. Овчарка ползла к нему, роняя с черного носа густые кровавые капли, похожие на перезрелые вишни. Ее треугольные брови придавали круглым желтым глазам выражение скорби и мольбы, но из глотки продолжало вырываться такое непримиримое рычание, что Петр поспешил с добавкой, действуя на этот раз каблуком.

Брызнула кровь, клацнули клыки, вырвался пронзительный скулеж, от которого Петра передернуло, точно кто-то провел влажным пальцем по стеклу. Вот и все. Дохлая овчарка распласталась на брюхе, отдаленно напоминая те самые волчьи шкуры, которые так кстати вспомнились ему.

Работая легкими, как кузнечными мехами, Петр взглянул на нее, потом перевел взгляд на мертвого бандита, валявшегося поодаль. Его

жаль не было. А вот на убитую собаку даже смотреть не хотелось. Вызывала она у Петра то самое тоскливое чувство, с которым он разглядывал в детстве забитых батей волчат.

– Сто-о-ой!

Крик раздался так внезапно, что у Петра слегка подогнулись коленки, словно кто-то сзади по ним увесистой палкой прошелся. Повернув голову, он с недоумением уставился на орущего Романа. Тот успел изменить курс и теперь торопился вверх по кособокому, часто срываясь на колени и бестолково размахивая пистолетом, который наконец догадался достать из кармана. Если бы не взрослая одежда, его можно было бы принять за пацана, самозабвенно играющего в войнушку.

– Сто-о-ой! – вопил он звонко. – Сто-о-ой!

«Кому это он?» – озадачился Петр, машинально устремляясь следом и постепенно ускоряя шаги, чтобы тоже перейти на бег.

Впереди колыхнулись кусты, затрещали ветви. Между темными стволами замелькала удаляющаяся мужская фигура в рыжей кожанке, и Петр, догадавшись, что видит перед собой того самого паскудника, который натравил на него пса, прибавил прыти, пылая изнутри праведным гневом, а снаружи – раскрасневшимися щеками. Когда он поравнялся с сопящим Романом, тот выпалил на бегу:

– Справа... пых... заходи!.. Упустить... пых... нельзя!

– Забьем... пых... как мамонта! – согласился Петр, выбираясь на вершину холма с помощью рук, приобретших обезьянью хватку и проворство.

– Это он... пых... бабки замылил... пых...

На восклицания у Романа сил не осталось, но и такого прерывистого бормотания хватило, чтобы Петины ноги ускорили возвратно-поступательные движения до максимального предела, отмеренного им природой. Чемоданчик не мог испариться сам по себе, а хозяин овчарки не зря оказался на этом самом месте.

– Кур-р-рва! – заорал Петр с яростью пехотинца, спешащего в рукопашный бой. Учитывая невнятность произношения, клич его

запросто мог сойти за знаменитое русское «ура».

Боясь потерять из виду рыжую куртку, он перестал разбирать дорогу, прокладывая просеку сквозь заросли, вклиниваясь между деревьями, сшибая сухостой. Там, где пробежал незнакомец, оставались вывороченные пласты прелой листвы, помогая ориентироваться в чаще.

Вскоре Петр выломился из посадки на простор, неся впереди себя развесистую сухую ветку, придающую ему сходство с легконогим оленем. Сбросив мешающие рога, он завертел головой, выискивая беглеца, а увидел прямоугольную корму красной машины, трусливо портящей воздух шумными выхлопами сизого дыма.

Гр-рым! Гр-р-рым! Машина порывисто тронулась с места, вздрагивая от каждого переключения передач. Владелец загнал ее за кусты, и теперь ему пришлось преодолевать придорожную канаву, что по запарке у него получалось плохо. Когда Петр добежал до машины, она, норовя завалиться на бок, обдала его грязью и теплой бензиновой вонью, продвигаясь вдоль канавы в неустойчивом скособоленном положении. Он прыгнул на живот, ловя руками ускользящий бампер, словно злость могла удесятерить не только его силы, но и вес.

Если бы Петр успел уцепиться за машину, он так и волочился бы за ней якорем, пока не стесался бы до прозрачности. Но пальцы его схватили лишь шлейф дыма, а в следующую секунду «четверка» перевалила через канаву и, истощно вереща шинами, круто развернулась в сторону Курганска, оставив на сером асфальте коричневые ошметки глины и черные следы обугленной резины.

Получилась абстрактная картина под названием: «Хрен догонишь».

– Вставай! – заорал подоспевший Роман.

Он бежал неровными скачками, потому что пытался на ходу стряхнуть увязавшийся за ногой бурьян.

Петр увидел в его руке ключи от бандитской «Тойоты» и вскочил так поспешно, что прищемил ребрами бешено колотящееся сердце. После этого испытания ему едва хватило воздуха для рывка через шоссе. Следующее болезненное ощущение он испытал, когда с размаху треснулся головой при нырке внутрь салона урчащего автомобиля, но



догадался выругаться лишь несколько секунд спустя, когда Роман бросил «Тойоту» в крутой вираж. Он торопился вырулить на соседнюю полосу, по которой улепетывала стремительно уменьшающаяся «четверка». Размером она была с красный фантик, который умыкнули из-под самого носа ошеломленного кота.

...н-н-Н-н-н... В каком-нибудь полуметре от их правого борта пронеслась надсадно ноющая машина джипа. Уходя от столкновения с выскочившей наперерез «Тойотой», джип слетел с асфальтовой ленты и бойко заскакал по пересеченной местности, безнадежно отставая от злостных нарушителей правил дорожного движения.

– Йаху-у! – завопил Роман восторженно, и Петр посмотрел на него как на ненормального, потому что сам ни малейшего удовольствия от происшествия не испытал.

«Тойота» припустилась по прямой, спеша набрать скорость камня, выпущенного из пращи. Когда стрелка спидометра перевалила за сотенную отметку, Петр почувствовал себя живым снарядом, катапультированным в неизвестность.

– Догоним собачника этого? – спросил он, на всякий случай покрепче упираясь ногами в днище, а руками – в пупыристый пластмассовый щиток перед собой.

– Куда он на хрен денется! – прокричал Рома так громко, словно сидел в кабине пикирующего бомбардировщика и был вынужден перекрикивать рев двигателя.

Петр, не выпуская из прицельного прищура красную машину собачника, усомнился:

– Неужто он чемоданчик слямзил?

– Не марсиане же!

Ответ показался Петру настолько аргументированным, что он пока попридержал все остальные вопросы. Впрочем, при такой сумасшедшей скорости все равно было почти невозможно поддерживать разговор.

«Тойота» уже пристроилась в хвост красной «четверки» и нетерпеливо рыскала из стороны в сторону, пытаясь улучшить

подходящий момент для обгона. Дважды из-под «жигулевских» колес вылетели камешки, оставившие метки на лобовом стекле «Тойоты». При каждом попадании Петр невольно жмурился, опасаясь за свои глаза. Ему мало верилось, что затеянная гонка принесет им выигрышный приз, и потому, когда оранжевая стрелка спидометра приблизилась к отметке «160», он озабоченно поинтересовался, тоже перейдя на крик:

– Что ты собираешься делать?

– Таранить, мать его так! – весело откликнулся Роман. – Юдашить твою эту я собираюсь! В зад долбить, как топ-модель распоследнюю!

Угловатая корма «четверки» исчезла так внезапно, что «Тойоту» несло вперед еще добрых полсотни метров, прежде чем Роман догадался ударить по тормозам, после чего автомобиль повлекло уже юзом.

– На проселочную свернул, гад! – орал он, не забывая энергично крутить баранку. – Знает, что по трассе ему не уйти!

«Тойоту» яростно встряхнуло, от тормозных колодок до мельчайших шестеренок. Петр с приятным удивлением обнаружил, что они удержались на трассе, только развернуты наоборот, навстречу движению. Слева неслась по полю «четверка», торопясь достичь горизонта раньше своих преследователей. Прямо по курсу разрастался тот самый злополучный черный джип, который чуть не отправился в кувет совсем недавно.

Когда Роман погнался «Тойоту» ему навстречу, он пару раз вильнул от одного края дороги к другому, а потом опять был вынужден соскочить с асфальтной ленты, оглашая округу протестующим вяканьем клаксона.

– Если ты, падла такая, внедорожником зовешься, то там тебе самое место! – прокомментировал Роман, бросая руль влево.

– Кажись, разбился джип, – беспокоился Петр, вглядываясь в скособоленные очертания иностранного вездехода.

– Жаль! – не к месту загоготал Роман и добавил совсем уж непонятное: – Жаль, что это не красный «Чероки»!

Тут «Тойота» вывернула на проселок перед самой поникшей джипьей

мордой и понеслась дальше, то и дело прикладываясь днищем к земле. В родной Японии ей никогда не довелось бы испытать и десятой доли подобных испытаний.

– Подвески... ни в звезду! – прерывисто известил Роман спутника, подскакивая на своем сиденье с видом лихого джигита, упивающегося скачкой на горячем аргамаке.

Петр промолчал, желая сберечь язык и зубы. Внутри него без конца что-то противно екало, а горло переполняла горькая желчь, поднявшаяся из недр организма. От недавнего голода даже воспоминаний не осталось.

Благодаря ночному дождю «четверка» не оставляла за собой пыльную завесу, но зато шины «Тойоты» изредка теряли сцепление со скользкой почвой, и тогда ее сносило на бугристую пашню, где начиналась такая болтанка, что колхозные просторы ходили ходуном, как при десятибалльном землетрясении.

– Душу вытрясти не жаль по таким ухабам! – проорал Роман отрывисто, каким-то загадочным образом умудрившись не проглотить ни одного слога. – Есенин!.. Любишь Есенина, Петруха?

– Лбл! – вот и все, что сумел выдать Петр, прежде чем ощутил вкус крови, набежавшей из прокушенного языка, и на всю оставшуюся жизнь возненавидел классика русской поэзии.

Синий капот перед его глазами то взмывал вверх, то ухал вниз, а в промежутках за грязным лобовым стеклом мелькала красная «четверка», потерявшая по дороге прыть и волю к победе. Все остальное было серым, как в черно-белом кино, запущенном в чересчур убыстренном темпе. И двигатель «Тойоты» тархтел, как взбесившийся кинопроектор.

Гибкий хлыст антенны вовсю рассекал воздух над «четверкой», но это не могло прибавить ей скорости. «Тойота» так и норовила ткнуться ей в зад, подобно кобелю, настигающему суку, уже морально сдавшуюся на милость победителя.

Лоб Петра едва не соприкоснулся со стеклом, когда прозвучал первый металлический поцелуй, после которого «жигуленок» лишился

щетки заднего «дворника» и блестящего колпака, метнувшегося из-под колес с проворством спугнутого зайца.

Следующий удар «Тойота» нанесла наискось, подкравшись к жертве сбоку. Своим мощным рылом она выбила задние колеса «четверки» из колеи и некоторое время толкала ее перед собой, постепенно разворачивая к себе красным бортом. Потом перед глазами Петра взметнулось черное днище с бессмысленно вращающимися колесами, и гонка закончилась.

Выбравшись из салона, он почувствовал себя моряком, очутившимся на твердой земле после многодневной качки. От обеих машин веяло теплом, но прохладный ветер быстро брал свое, остужая разгоряченное Петино лицо.

Пока он топтался на месте, не зная, что делать дальше, Роман первым приблизился к перевернутой «четверке» и врезал рукояткой пистолета по обращенной вверх дверце.

– Вылезай, Шумахер недоделанный! – рявкнул он. – Пришло время орден получать!

– Окочурился? – встревоженно предположил Петр, не дождавшись никакой реакции на предложение спутника.

– Я его быстро реанимирую, – угрожающе пообещал Роман, повышая голос, чтобы его было хорошо слышно в поверженной машине с заглушим мотором и оглушенным водителем. – Вот прострелю сейчас бензобак, он у меня сразу зашевелится! Чудеса ловкости и прыти проявит.

Красная дверца тяжело приподнялась, как откинутый люк подбитого танка.

– Я иду! – предупредил голос невидимого водителя, явно опасавшегося нарваться не только на звездюлины, но и на пули.

– Давай-давай! – подбодрил его Роман. – У тебя десять секунд... девять... восемь...

– А потом? – испуганно поинтересовалась усатая голова, поспешно вывинчиваясь наружу.

– А потом задницу твою поджарю!

После этой угрозы усач высунулся наружу сразу по пояс и забросил на борт ногу. Петру вдруг стало жаль мужика: машина покурочена, морда разбита, настроение явно не такое, чтобы на звезду лететь или в Красную Армию идти. Даже воспоминания об исчезнувшем чемоданчике и натравленной овчарке не вызывали у Петра злости. Вся она куда-то улетучилась во время догонялок.

– Чемоданчик не забудь! – прошипел Рома, когда усатый приготовился прыгнуть на землю.

– Откуда, землячки?

– Тарас Бульба тебе землячок! – процедил Роман. – Чемоданчик, говорю, тащи сюда!

– Нет у меня ничего, ребятки.

Усач развел пустыми руками и распахнул глаза так широко, что Петру моментально поверил. Паршиво ему стало. Но потом он вспомнил о дожидаящейся его Эльке, и внутри стал разбухать уже привычный теплый шар, не вмещающийся в груди.

– Поехали отсюда, – сказал он Роману.

– Совсем тупой, да? Как валенок сибирский?

– Вот сейчас ка-а-ак заряжу тебе в лобешник, – угрюмо пообещал Петр. – За «тупого». А за «валенка» добавлю особо.

– Да ладно тебе! – нервозно воскликнул Роман, отмахнувшись пистолетом. – Лучше приглядишься к этому запорожцу сраному. Врет он как сивый мерин. Побеседовать с ним надо, пообщаться. Устроить такое ма-а-аленькое ток-шоу. – Роман действительно становился все более дерганным, развинченным, как заправский телеведущий из молодежной передачи.

– За Эльку волнуюсь, – признался Петр. – Сидит там одна...

– В погребе, – кивнул Роман. – Ты уже говорил, я помню. Только на кой ты ей сдался без денег, сам подумай. Пошевели мозгами, Петруха!

Пошевелил мозгами Петр. Представил. Какая-то карикатура у него получилась, то есть смешная картинка с надписью. Вот стоит он перед Элькой и пустыми руками широко разводит. Мол, полюбуйся на меня, красавица. Без денег я к тебе вернулся, но зато в тех самых лаптях, в которые ты меня обула. Им просто сносу нет, лапоткам этим педиатрическим. Так и умру в них, рассвистаем полнейшим.

Понял Петр, что чемоданчик найти все-таки надо, просто необходимо. А еще он вдруг окончательно понял, что вся эта история плохо закончится, особенно если деньги действительно отыщутся. Причем, чем больше их окажется, тем будет хуже. Для всех, кто к ним каким-то боком причастен.

Понять-то Петр понял, однако вместо того, чтобы скоренько развернуться и пойти своей дорогой, он шагнул в прямо противоположном направлении, чтобы не пропустить ни единого слова из затевавшегося ток-шоу.

Простенькая викторина и фантастический приз участникам. Разве способен кто-то в этом мире не клюнуть на столь притягательную приманку?

# Глава 17

## Собачнику – собачья смерть

– Иди сюда! – велел Роман вислоусому. – Знакомиться будем. Фамилию, правда, можешь не называть, я и сам угадаю. Бандера, надо полагать? Или Мазепа?

– Мищенко я, – возразил мужчина, продолжая держаться в отдалении.

– Я тебя звал сюда! – сердито напомнил Роман и указал стволом пистолета место, где тому следовало остановиться.

Приплясывая от нетерпения, он дождался выполнения своего требования и от души врезал прямо по пышным запорожским усам, развернув при этом пистолет плашмя.

Удар получился по-девичьи неумелым и явно не столь сильным, чтобы сбить крепкого мужчину с ног, но тот поспешил изобразить падение, явно припомнив всякие детские фантазии про то, что лежащих не бьют.

Роману доставляло удовольствие смотреть на поверженного противника сверху вниз, особенно когда он поддел ногой его ребра и увидел на запрокинутом лице выражение уже неподдельной боли.

– Рассказывай, – велел он, расхаживая вокруг скрючившегося на земле тела. – Что ты делал в посадке, националист поганый? Зачем выслеживал нас, бандеровец?

– Я русский! – это прозвучало очень патриотично.

– Мне плевать, Мищенко, кем ты там себя считаешь... Тебе были заданы вопросы. Отвечай на них, вот и все. Больше от тебя ничего не требуется.

Обращаясь к пленнику, Роман не переставал прохаживаться рядом, зорко наблюдая за ним. Пленник со знанием дела загораживал корпус, голову и усы. Казалось, он весь состоит из локтей и коленей, став недосыгаемым для пинков, как еж, свернувшийся клубком.

Такая глухая оборона раздражала Романа настолько, что у него изредка темнело в глазах, и тогда из поля зрения ускользали целые фрагменты окружающего мира. Это сводило его с ума. Или совсем наоборот: он сходил с ума от ярости, и это порождало короткие помрачения сознания. В любом случае виной тому был мужчина с запорожскими усами.

— Что ты делал в посадке? — повторил Роман.

Голос его звучал очень ровно и очень спокойно. Но на всякий случай он держал палец подальше от спускового крючка, чтобы не поставить раньше времени точку на диалоге.

— Я?

— Ну не я же, — сказал Роман с выражением мученического долготерпения на лице. — Конечно, ты. Рассказывай. Только не надо заливать здесь про красоты родной природы. Про то, как ты березками и птичками любовался, заливать не надо.

— Я собаку прогуливал, — глухо донеслось сквозь ладони, прикрывающие лицо. — Тут вы появились. Разборки начались. Испугался я, потому и побежал.

— Это ты правильно сделал, что испугался, — одобрительно сказал Роман. — Но все уже позади. Можешь открыть личико, Гюльчатай.

Как только в поле его зрения возникла ненавистная голова с изрядно подрастрепавшимися усами и шевелюрой, он с размаху футбольнул ее, крикнув от усердия, и заорал, до предела напрягая голосовые связки:

— Где чемоданчик, тварь? Чемоданчик где, морда твоя псевдозапорожская? Куда ты его заныкал?

— Ничего не знаю! — завопил мужчина почти одновременно с Романом, словно вздумал затеять соревнование — кто кого перекричит.



– Может, он правду говорит?

Роману пришлось несколько долгих секунд смотреть на вмешавшегося в разговор синеглазого напарника, чтобы вспомнить, как его зовут и что он тут делает. Потом он отвел нервно вскинувшийся ствол пистолета от опознанного лица и, внезапно успокоившись, сказал:

– А, Петруха!.. Просто так правду никто не говорит, Петруха. Истину сперва выстрадать надо, тогда она истина. Тут как в дзен-буддизме: огонь не познать, не обжегшись... Правильно сказано?

– Откуда мне знать!

– Вот именно, Петруха. Откуда тебе знать? Ну и не забивай себе голову понапрасну. Лучше достань из машины бутылку колы, она между сиденьями торчит. Принеси сюда.

– Самому в падлу сходить, что ли? – нахмурился синеглазый.

– Я же собаковод караулю, разве не видишь? – Роман выдавил из себя дружескую улыбку. Когда двухлитровая бутылка возникла перед ним, он продолжил инструктаж: – Колу вылей или выпей, если хочешь... Найди подходящую палку... Насади на нее горлышко... Вот так... Давай сюда... А теперь сними с собаковод ремешок и свяжи ему руки, чтобы морду не закрывал.

– Зачем? – поинтересовался напарник без всякого воодушевления в голосе.

– Сейчас узнаешь, – пообещал Роман. – Ну-ка, связывай гражданина Мищенко! Хорошенько связывай, чтобы не трепыхался!

– Землячки, то есть ребята! – заволновался запорожец, почувствовавший себя вдруг крайне неуютно. – Кончайте, а?

– Кончим. Тебя.

Роман удовлетворенно улыбнулся своему незатейливому каламбуру.

– Да за что же? Что я вам сделал плохого? Собаку прогуливал, Маркизу!

– Хоть самую английскую королеву! – отрезал Роман. – Мне это без разницы. Другое меня интересует, гражданин Мищенко, совсем другое...

Не обращая внимания на последовавшие причитания, он взял в руку импровизированный факел, приготовленный Петром, и подпалил его зажигалкой. Когда расплавленный пластик начал таять, роняя вниз горячие капли, он неожиданно занес пылающую бутылку над лицом пленника.

– А!!! О!!! У!!!

Усатый отрывисто выкрикивал все гласные, отдавая предпочтение самой первой букве алфавита.

– А-а!!! А-а!!!

– Нет такой буквы! – вопил Роман, упиваясь чудовищными гримасами, которые ежесекундно сменялись перед его расширившимися глазами. – Назови слово!

Если бы подобная практика опроса применялась на «Поле чудес», то ни один из участников игры не покидал бы студию без суперприза.

Сверкающие капли шипели, срываясь вниз по одиночке и дружными огненными струйками. Когда такой дождик хлынул прямо в разинутый рот мученика, он издал совершенно уже нечеловеческий вопль, напоминающий по тембру визг циркулярной пилы, которой пытаются развалить пополам гранитный валун.

Уголком глаза Роман видел, как его напарник отошел в сторонку и сел прямо на землю, зажав уши руками. Презирая его за малодушие, Роман отвел факел от жертвы, коротко усмехнулся и предложил:

– Завязывай ты с этими пустыми наборами звуков. Хочу услышать конкретную информацию. Слово назови!

– Какое? Какое еще слово? – рыдал под ним допрашиваемый.

– Забыл тему сегодняшней игры? – посочувствовал Роман. – Ладно, вот тебе подсказка. Предмет прямоугольной формы, предназначенный для переноски небольших грузов. Первая буква: «ч».

– Ч-чемоданчик?

– Верно! Абсолютно правильно! – Кривляясь, Роман не преминул бросить взгляд на напряженную спину напарника, досадуя, что тот не может или не хочет оценить прелесть этой забавы. Переведя глаза на плачущего Мищенко, он без энтузиазма закончил: – Осталось сказать, где этот предмет в настоящий момент находится.

Догорающий факел плавно прошелся над запрокинутым усатым лицом, чадя и роняя последние обжигающие капли. Плоп! Плоп-плоп! Пуф-ф...

– В речке! – завопил Мищенко, безрезультатно пытаясь уклониться от капель. – В речке ваш проклятый чемоданчик! – Слова выходили из него по слогам, одновременно с рыдающими вздрагиваниями груди.

Роман опять убрал факел и коротко спросил:

– Где именно?

– На том самом месте, где вы искали, – проплакал Мищенко, содрогаясь всем телом. – У самого берега, камнем придавленный. А-а-а!!!

Остатки расплавленной массы, облепившей палку, Роман небрежно оттер о дымящиеся усы пленника и перевел взгляд на приблизившегося напарника:

– Вот и все, Петруха. Истина установлена. А ты деликатничал. Если бы не я, хрен бы ты нашел денежки.

Вместо изъявлений благодарности белобрысый склонился над пленником, освободил ему руки, а потом выпрямился во весь свой замечательный рост и хмуро предложил, глядя куда-то в сторону:

– Пошли, что ли? Тошно мне на... это смотреть.

– Э, запорожец, – притворился обеспокоенным Роман. – Ты что, ослеп?.. К тебе обращаюсь, запорожец!..

– Правым глазом... не вижу... – прошепелявил тот и попытался выплюнуть изо рта успевшие затвердеть сгустки горелой пластмассы. Вся

эта дрянь так и осталась на его изрядно обгоревших усах.

В глазнице выпучился сплошной волдырь, сочащийся розовой сукровицей. Вскрикнув, то ли от отвращения, то ли от возбуждения, Роман коротким тычком всадил сук, который держал в руках, в самый центр предполагаемого глаза. Пленник заорал так, что поток воздуха, вырвавшийся из его глотки, вздыбил волосы Романа, но он, брезгливо морщась, продолжал загонять палку все глубже и глубже в чужой череп, усиливая каждый толчок всем весом своего тела.

Внутри его собственной головы сгустился сплошной мрак, багрово пульсирующий в такт всплескам крови в висках. Совершенно неожиданно там вспыхнули такие яркие соцветия, словно на черном фоне салют распустился. Роман не сразу сообразил, что это был удар, причем удар в его левую скулу. Лишь секунду спустя к нему пришло ощущение боли, а уже потом из глаз исчезла тьма вместе с фейерверками, позволяя увидеть реальный серенький мир.

Он валялся на боку. Над ним возвышался светловолосый напарник, успевший вооружиться брошенным пистолетом. Его глаза стали из синих темно-фиолетовыми, почти черными. Поспешно отведя взгляд, Роман увидел перед собой Мищенко. Хрипя и выгибаясь дугой, он пытался вытащить сук из глазницы. Упираясь в рыхлую землю, его каблуки то и дело соскальзывали, и тогда он падал плашмя, чтобы затеять свою бессмысленную возню снова. Смотреть на него Роману было еще неприятнее, чем на разгневанного Петра, нависшего над ним.

– За что ты меня? – спросил Роман, чувствуя, как туго ходит в пазах нижняя челюсть.

– Зверь ты конченый, вот за что! – Белобрысого напарника трясло, и он без конца сплевывал, наверняка борясь с тошнотой. – Убивать таких мало!

– Убей, – равнодушно предложил Роман.

Ему вдруг стало все равно. Он даже голову не стал убирать подальше от брыкающихся ног умирающего, рискуя схлопотать добавку к Петиному удару.

– И убью!

– Давай. Бабки сам все заграбастаешь. Делиться не придется, верно? Я за тебя всю грязную работу выполнил, зачем теперь со мной канителиться, да, Петруха? – Роман осторожно подвигал челюстью и заключил: – Ушлый ты оказался. Действуй и дальше в таком же духе – далеко пойдешь.

– Еще раз вякнешь что-нибудь в этом роде, зубы вышибу!

Роман откинулся затылком на холодную землю и затрясся в беззвучном смехе. Вышибить зубы – это совсем не то же самое, что вышибить мозги из пистолета. Все вокруг умирали, один за другим, а у Романа оставалась впереди все та же вечность, которую он отмерил себе еще в раннем детстве.

– Извини, Петруха, – искренним голосом сказал он, когда приступ смеха прошел, а вместе с ним и все то ужасное нервное напряжение, которое переполняло Романа, как перегруженный трансформатор. – Сам не знаю, как все это получилось. Перепсиховал, понимаешь?

– Лечиться надо, – мрачно посоветовал ему впечатлительный напарник, не опуская пистолет. – Ты же больной совсем.

– У меня старенькая мать без крыши над головой осталась, – произнес Роман с трагичным надрывом. – Жена в больнице, рак у нее. И ко всему прочему, – он ударил кулаком по земле, – отец три дня назад повесился, а довел его до петли точно такой же, усатый. – Роман кивнул на умирающего и вздохнул: – Вот и накатило, Петруха. Теперь самому хоть подыхай.

– Ладно, – смягчился Петр. – Бывает. Я тоже, когда бандита вчера убивал, остановиться никак не мог. Как вспомню, так тошно становится.

Когда Роман поднялся на ноги, корчи Мищенко уже перешли в едва заметную дрожь. На предложение пристрелить мужика, чтобы не мучился, Петр сравнялся в цвете лица с серым небом над головой и долго пялился, а когда остановился, предсмертная лихоманка тела тоже закончилась.

К этому моменту от веселости Романа ничего не осталось, потому что он вдруг заподозрил, что белобрысый сейчас запрыгнет в машину и укатит за деньгами в гордом одиночестве. Удивительное дело, но

обошлось. Видимо, вдохновенная тирада Романа про выдуманные страсти-мордасти все же задела парня за живое, разбудила в нем совесть. Он усадил Романа за руль, велел возвращаться к речке, а сам пристроился сзади со своим трофейным стволом. «Барин выискался! – угрюмо думал Роман. – Погоняльщик!»

Это была плохая расстановка сил, очень плохая. Скверный расклад для Романа. Ведь один миллион долларов ровно в два раза меньше, чем два миллиона долларов. Следовательно, в «Тойоте» находилось на одного человека больше, чем надо, и отминусовать этого вооруженного человека пока что не представлялось возможным.

Когда же Роман вспомнил, что дележ будет производиться на троих, он, никогда не державший в руках больше сорока тысяч наличными, расстроился окончательно. Произвести точные расчеты в уме никак не удавалось, но и приблизительные прикидки его не радовали. Нехорошая арифметика получалась, неправильная. И это выводило Романа из себя.

Ухабистая проселочная дорога, пролетевшая во время погони за «четверкой» совершенно незаметно, тянулась теперь, как нить распускаемого свитера – конца и края не видно. По обе стороны неспешно вращались черные поля, такие безжизненные и безрадостные, что представить их поросшими хоть чем-нибудь путным у Романа не получалось. Лесополоса, замаячившая впереди, выглядела враждебно, точно сплошная шеренга несметного воинства, застывшего на краю поля битвы.

Оживился Роман лишь при виде покалеченного джипа, который до сих пор торчал на том самом месте, где налетел колесом на останки какого-то сельскохозяйственного агрегата. Проржавевшая до дыр сеялка, а может быть, как раз веялка. Или жатка, или борона какая-нибудь паршивая – это Романа интересовало в последнюю очередь. Он давно вышел из школьного возраста, когда обращал внимание на всякий там металлолом.

Его взгляд привлекла одинокая женская фигурка, перетаптывавшаяся возле своего омертвелою железного коня. В руке трубка мобильного телефона, на плечи накинута белая шубка, явно предназначенная не для ношения под осенними дождями. И, уж конечно, не для того, чтобы демонстрировать меха вороньим стаям в столь безлюдных местах.

В машине у такой расфуфыренной цацы вполне мог найтись газовый пистолет или баллончик, как сообразил Роман. Отобрав таковой, он вполне мог справиться с белобрысым напарником, особенно если бы начал действовать решительно, внезапно и в замкнутом пространстве автомобильного салона. Поэтому, проехав мимо одинокой дамочки, проводившей «Тойоту» ненавидящим взглядом, он притормозил в паре десятков метров и заявил:

– Пойду попробую ей чем-нибудь помочь. Это ведь я ее подрезал. Представляешь, каково ей сейчас совсем одной в чистом поле?

– Давай вместе сходим, – предложил Петр.

– С пушкой? Да она обделается от страха! Нет уж, лучше я сам...

– У джипа, похоже, ось хряснула, – сказал Петр с сомнением. – Соплями собираешься ее склеивать?

Роман ответил как можно более беззаботно:

– В крайнем случае денег отстегну этой дамочке, добрые слова для нее найду. Компенсирую, так сказать, нанесенный ущерб.

– Но Элька...

– Не помрет твоя Элька за десять лишних минут. Переживет разлуку, не скиснет.

Роман захлопнул за собой дверцу с такой силой, словно это был механизм гильотины, нависшей над осточертевшей белобрысой головой.

Он приближался к джипу легкой пружинистой походкой, которой всегда передвигаются настоящие герои. На лицо была нацеплена самая открытая улыбка из всех, которые умел изображать Роман. Любой поп-кумир в ярчайшем из своих нарядов смотрелся бы в компании Романа законченным брюзгой и нелюдимом, надутым индюком, ненавидящим весь мир. Но не было у Романа ни спутников, ни зрителей. Он шел вперед в гордом одиночестве, прекрасный и неповторимый, не имея даже возможности полюбоваться собой со стороны. Встречный ветерок эффектно отбрасывал его темные волосы назад, укладывая их лучше всякого фена.

Тот же ветерок мягко ерошил белый мех одинокой шубки, то пуская его волнами, то выдувая в нем прогалины. Первое, что бросалось в глаза помимо шубки, это губы, облитые алой помадой, на вид жидкой и блестящей, как сладчайшее кондитерское желе.

— Хочу принести вам свои извинения, мадам, — заговорил Роман, когда до алых губ, зависших над белым мехом, оставалось три шага. — Мы ведь не какие-то разбойники с большой дороги, поверьте... — Продолжая продвигаться вперед, он, как бы невзначай, потеснил шубейку таким образом, чтобы и ее, и его самого заслонил могучий корпус вороного джипа. С этого момента его тон и манера разговаривать резко изменились. — Убери телефон, кошка ангорская! Спрячь его подальше, не нервируй меня!

— Куда? — растерянно пролепетали алые губы.

Роман вырвал темно-коричневый телефонный складень из слабо сопротивляющихся пальцев и метнул его коротким взмахом прочь.

— В чем дело?!

— Дело в том, — процедил он, глядя прямо в глаза, часто моргающие напротив, — что мне кое-что от тебя нужно.

Ее глаза округлились так, что все косметические ухищрения по их удлинению пошли насмарку.

— Что именно?

— Оружие. В твоей тачке обязательно должно быть оружие. Такие рахитичные куколки не могут полагаться на собственные силенки, я правильно говорю?

— Правильно... То есть, извините, нет... Никакого оружия я с собой не вожу. Обычно меня сопровождают охранники и...

Роману стало так скучно, что, не дожидаясь конца фразы, он смазал тыльной стороной ладони по жирным извивающимся червям, которые незнакомка с помощью помады постаралась замаскировать под губы. Единственно, о чем он пожалел, когда увидел в ее глазах слезы и боль, так это о том, что не поступил так с самого начала.



– Становись на колени, обслужишь меня, – сказал он будничным тоном. – По-походному, быстренько. Не убивать же тебя, в самом деле? Кому-то ведь ты, наверное, дорога, кошка облезлая? – Роман дважды коротко хохотнул, словно откашлялся, прежде чем задать новый издевательский вопрос: – Есть кому тебя пожалеть, если с тобой прямо сейчас произойдет что-нибудь нехорошее?

– Есть... – Алые червяки уныло провисли. – Муж...

– Вот уж кому счастье подвалило! – окончательно развеселился Роман и, выглянув из-за джипа, помахал ручкой белобрысому напарнику, перетапывающемуся в отдалении: мол, не переживай, я скоро. – Про мужа мне слушать некогда, – говорил он между тем незнакомке. – Время поджимает. Так что у тебя на все про все ровно три минуты. Не уложишься, отрежу твою разукрашенную голову к чертовой матери.

– Действуй! – распорядился он. – Все делай сама, от начала до конца.

Наверное, в его взгляде и тоне появилось нечто такое, что не располагало к долгим дискуссиям. Шубка склонилась перед ним на том самом месте, куда повелительно указывал его палец. В отведенное ей время она никак не укладывалась, поэтому Роман помогал ей, как мог, обращаясь с прильнувшей к нему головой так, словно она действительно была неживая. Он натягивал ее на себя за волосы, собранные в кулаки, он грубо ударял ее затылком о дверцу джипа и при этом брезгливо смотрел в сторону, не снисходя до того, чтобы опустить взгляд.

Горячее дыхание и холодок испаряющейся слюны – на него это действовало бодряще, как контрастный душ. Посапывание и чмокание внизу представлялись ему звуками, издаваемыми огромной присосавшейся пиявкой. В этом тоже были свои плюсы и минусы: наслаждение и отвращение. Пиявку хотелось одновременно и поощрительно погладить за усердие, и раздавить.

Роман не сделал ни того, ни другого. Когда пришло опустошение, он просто оттолкнул использованную голову, застегнул брюки и пошел к ожидающей его «Тойоте». Он ни разу не оглянулся. Но, представляя, во что превратилась нарядная раскраска оставшихся за спиной губ, не мог удержаться от улыбки.

Потом Роман вел машину и что-то отвечал на вопросительное гудение белобрысого напарника. Пробираясь через заросли к речке, они снова продолжали общаться, вот только на какую тему? Роман не воспринимал ни единого слова из этого диалога, говорил механически, не узнавая собственный голос. Проходя мимо трупа в черном плаще, он остановился специально для того, чтобы пнуть его хорошенько, и оглянулся на Петра, живо воображая, как проделает то же самое с его телом.

В холодную речку пришлось лезть самому, и от этого Роману сделалось так мерзопакостно, что он совершенно не удивился и не обрадовался, когда нашарил на дне тот самый чемоданчик.

Улов между тем был впечатляющим. Когда с помощью отвертки, нашедшейся в «Тойоте», вскрыли тяжелый кейс, он действительно оказался нафаршированным долларами. До отказа. Под завязку.

Распотрошив одну из пачек, Роман насчитал в ней ровно тысячу сотенных купюр. Остальные долларовые брикеты выглядели идентичными, а всего пачек оказалось не два десятка, а три – на целый миллион больше, чем предполагалось. Плюс довесок достоинством в 55 тысяч – эту самую хлипкую пачку Роман почему-то изучил особо, после чего доложил вооруженному наблюдателю:

– Три лимона пятьдесят пять штук... Вполне солидная сумма, Петруха. Интересно, почему мы с тобой не прыгаем от радости?

– А потому, что мне смотреть на тебя радости мало, – пробурчал напарник. – Забирай свой лимон и катись отсюда, пока я добрый. – Его глаза были как раз очень злыми.

Роман внимательно посмотрел на него. Представить, что этот debil и его долговязая поблядушка станут распоряжаться найденными им миллионами, было выше его сил. Апатия постепенно проходила, уступая место желанию действовать. Роман придал своему лицу сочувствующее выражение и напомнил:

– Твоя Элька ненаглядная... Ее ведь наверняка охраняют? Ты собираешься освобождать ее в одиночку? А как не получится у тебя? Хана тогда девке?

Белобрысый, как и следовало ожидать, призадумался.

– А что, сможешь? – недоверчиво спросил он.

– Мы же теперь как близнецы-братья. – Роман улыбочиво перекошил лицо. – Не могу же я бросить тебя в беде!

– Этот... гуманитарий, что ли? – Петр, по мнению Романа, и раньше смахивал на Иванушку-дурачка, а теперь это сходство усилилось еще больше.

– Нет, – печально признался Роман, покачав головой. – Гуманист из меня, по правде говоря, никакой. Но существуют определенные заповеди, которым я стараюсь следовать. Одна из них гласит: «Путь твой будет совершенен, если выбор подскажет сердце». Это сказал Дзесю, непревзойденный мастер дзен-мондо...

– Мондо! – смачно повторил Петя с интонацией мальчишки, запоминающего новое ругательство, и засмеялся чуточку смущенно.

Роман тоже развеселился, потому что белобрысый дурачок понятия не имел о том, какой именно выбор сделало чужое сердце.

## Глава 18

### Человеколюбие без прикрас

Элька разглядывала носатого мужчину, примостившегося на бетонном скате над ее головой. Возможно, своим появлением он хотел скрасить ее одиночество, но с такой харей это было сделать затруднительно.

– Что тебе нужно? – спросила она, удивляясь тому, что голос удалось избавить от предательской дрожи.

Вопрос так рассмешил стингеровского подручного, что он чуть не сверзился со своего насеста вниз.

– Не врубаешься? – веселился он, кривляясь наверху. – Твой сейф лохматый собираюсь взломать. Кочан хочу погреть в твоей кошелке.

Хорошо, что в щадящем свете, падающем сверху, рассмотреть его как следует не удавалось. Впрочем, Эльке хватало и того, что она видела из полумрака. В первую очередь гнойные глаза. Затем, конечно, перебитый носяра, занимавший примерно половину угловатого лица. Наконец постоянно мокрые губы, запросто переезжающие из-под носа на любую из впалых щек.

«Вот уж Корявый так Корявый», – подумала Элька. Именно так называли этого типа его братки по пути на заброшенную овощную базу. Прозвище подходило ему по всем статьям. И этот Квазимодо набивался ей в любовники!

Он стал сбрасывать вниз уже знакомый ей трап, сооруженный из каната с привязанными дощечками от ящиков.

– Приглашаешь, значит, прогуляться? – осведомилась Элька по возможности игривым тоном, даже хохотнуть попыталась.

Судя по всему, Корявый остался на хозяйстве один. И если поймать ее он соберется не стволом своего пистолета, то такой возможностью было грех не воспользоваться. Существуют гораздо более тяжелые грехи, чем совокупление с корявой человекообразной особью.

– Гулять у тебя будем, – успокоил Эльку надзиратель. – Отойди к дальней стеночке и стой там.

– Что ты сказал? – Она шагнула вперед, как бы желая получше расслышать инструкции, и остановилась под самым проемом так, что собеседник исчез из виду.

Разумеется, точно такая же метаморфоза временно произошла и с Элькой, что Корявому очень не понравилось.

– Не торчи у меня под ногами! – рявкнул он. – Сказано тебе: отойди!

– Боишься беззащитной одинокой девушки? – посетовала Элька, послушно пятясь назад, с руками, заведенными за спину. – Ладно, вот она я вся как на ладони. Теперь доволен?

– Доволен я буду, когда засажу тебе по самые гланды, – хмуро ответил Корявый и, прежде чем повернуться к пленнице спиной, чтобы начать спуск, предупредил:

– Вздумаешь дурить – свинцом накормлю, потом не откашляешься.

– Латунью.

– Чего-о?

– Латунью, – повторила Элька невинным тоном. – Я где-то читала, что сейчас пистолетные пули латунные, со стальными сердечниками.

– Херня это, – авторитетно заявил Корявый, ложась на живот и осторожно нащупывая ногой первую перекладину. – Писатели чего угодно понасочиняют, потому что настоящей жизни не знают.

Его голос сделался натужным и оттого особенно значительным. Элька сузила глаза, стараясь получше запомнить бандюгу, претендующего на роль знатока жизни.

Он словно специально повис на канате, чтобы дать возможность полюбоваться собой во всей красе. Пистолет держал в правой руке, как положено, только толку от этого было мало, потому что корявому акробату приходилось удерживаться на весу сразу всеми конечностями, чтобы не приземлиться на картофельную подстилку раньше, чем это было запланировано.

Элька метнулась к нему, выхватив из-за спины те самые вилы, которые отыскал в бетонной яме сгинувший Петр. Вонзились они в то самое место, где мужские штанины соединяются между собой.

– Ёпт!!! – заорал Корявый, поддетый снизу.

Потом он кричал еще много чего разного, потому что Элька поднажала, действуя сноровисто, как заправская чертовка, встречающая в аду долгожданного грешника. Когда тридцатисантиметровые зубья воткнулись в промежность Корявого почти наполовину, он был вынужден отпустить канат и обрушился вниз.

Древко при падении послужило ему третьей, дополнительной точкой опоры, но это не обрадовало Корявого – он поспешил завалиться на бок, продолжая оглашать затхлый воздух душераздирающими воплями. Попытки избавиться от деревянного украшения оказались абсолютно безрезультатными. Непрерывно подывая, как сработавшая сигнализация, он нашарил выпавший при падении пистолет и стал слепо водить им перед собой, выискивая обидчицу.

Выворачивая ноги, Элька метнулась в дальний конец бункера, туда, где полумрак мог послужить ей хоть какой-то защитой. Пистолет с глушителем поспешил отправить ей вдогонку три пули подряд. Свинцовые или латунные, они яростно высекали из бетона рассыпчатое крошево, наглядно демонстрируя беглянке, что должно произойти с ее куда более податливой головой при попадании.

Все новые выстрелы по звучанию напоминали громкое пуканье, рикошетирующие пули яростно взвизгивали и клацали, короткие вспышки оранжево озаряли помещение. Элька пританцовывала у дальней стены, повинуюсь навязанному ей ритму с живостью, недоступной ни одной танцовщице из дискотеки.

Это длилось невыносимо долго: что-то около десяти секунд. Потом,

когда выстрелы прекратились, Элька по инерции сделала еще несколько скачков, изгибая корпус самым невероятным образом, и вдруг поняла: все, баста, никаких новых па от нее больше не требуется.

Корявый израсходовал все свои пули. Засевшие между ног вилы – от них Корявый не мог избавиться. Он даже плакал, настолько остро воспринимал несправедливость, приключившуюся с ним. Все начиналось так хорошо: смазливая шлюшка, которую Стингер позволил трахнуть между делом, приятное времяпровождение в ожидании миллионов. Теперь не только эти светлые мечты были разбиты, но и сама жизнь оказалась под большущим вопросом.

– С-сука! – ныл Корявый обиженно. – Ну, ты и сука же!

– Отдыхай, кобелек! – Неспешно приближаясь к своей жертве, Элька улыбнулась.

– С-сука-ааа!!! – Корявый все дергал и дергал вилы, но вытащить их никак не удавалось, потому что он невыносимо боялся причинить себе боль несравненно большую, чем та, которую он испытывал.

– Подожди хвост, кобелек! – порекомендовала Элька, наступив подошвой на дергающееся древко.

Последний нажим подошвы не вызвал даже стоны. Некому стало стонать. Ничего не осталось от Корявого, кроме его никому не нужных мосластых останков.

Взбираться по лесенке оказалось трудно и очень страшно. Эльке все время чудилось, что с ней тоже могут сыграть злую шутку, после которой не будет смешно никому, особенно ей самой. Перережут канат и бросят подышать рядом с Корявым. Думать об этом было очень страшно, почти невыносимо. Тихонько подвывая, она торопилась наверх изо всех сил, но дощечки под ногами своенравно выкаблучивались, канат выламывался как мог, в общем, подъем занял гораздо больше времени, чем она того желала.

Первое, что сделала Элька, ступив на твердую землю, это отыскала штырь, на котором крепилась лесенка, и отправила ее обратно, туда, где уже некому было воспользоваться ее сомнительными перекладами.

Ее поразило то, каким светлым и радостным может показаться обычный серенький осенний день после пребывания пусть даже в полутемнице. А свежего воздуха наверху оказалось так много, что Элькины легкие едва не разорвались, пытаясь поглотить его весь.

Она шла неизвестно куда на своих длинных подгибающихся ногах. По обе стороны тянулись приземистые постройки, напоминающие бомбоубежища, но Элька видела лишь мокрый, потрескавшийся асфальт, потому что именно он проплывал у нее под ногами, а оторвать взгляд от собственных ботинок почему-то никак не удавалось. Шаг левой, шаг правой – это стало самым главным делом ее жизни. Если бы Элька вдруг осмелилась оторвать взгляд от своих бойко переступающих ног, в ее глазах могло бы вдруг отразиться то, что она совершенно не желала ни видеть, ни помнить. Вилы, зубья которых вгрызлись в мужскую промежность. Кровь, почти черная в темноте, но все равно блестящая. Картофельные ростки, такие же мертвые, как тот, кто остался лежать поверх них.

Асфальт вдруг резко накренился, вынудив беглянку потерять равновесие. Она ощутила затылком тяжелый удар, в голове начала стремительно сгущаться темнота. И асфальт куда-то подевался, и небо, и даже сама Элька. О том, как происходило ее дальнейшее падение, она уже понятия не имела.

Когда этот мрак начал постепенно рассеиваться, освещение не превысило ту степень яркости, которую может породить небольшой костерок, мерцающий в замкнутом темном пространстве под низкими сводами.

Пламя действительно имело место: оно было заключено в прокопченное корыто, установленное на полу. Почти бездымное, но почему-то ужасно трескучее. Не самый лучший аккомпанемент для того гула, который стоял в Элькиной голове.

Она была еще не в состоянии размышлять, кто и зачем развел костерок в дурацком корыте. Она просто попыталась поднести руку к гудящей голове, чтобы помассировать затылок, и с тупым изумлением обнаружила, что не способна на столь простой жест. Вторая рука проявила точно такое же неповиновение. Это потому что руки связаны за спиной, сообразила Элька, после чего окончательно пришла в чувство.



Напрягая руки до рези в запястьях, она принялась ерзать на месте, стреляя глазами по сторонам, чтобы понять: где она и что с ней происходит. Это привело сразу к нескольким нерадостным открытиям. Элькины ноги тоже никак не желали разъединяться, поскольку щиколотки оказались перехваченными путами. Любимый блестящий плащик куда-то запропастился. Под Элькой был расстелен кусок поролона, довольно мягкого, но сырого и необычайно вонючего, точно на него мимоходом обстоятельно помочилось целое стадо коров. Не лучшее ложе для очнувшейся спящей царевны. Что касается принца, то и он обнаружился.

– Ты покричи, – посоветовал Эльке участливый мужской голос. – Все всегда кричат.

– Что?

Едва не вывихнув шею, она резко запрокинула голову и обнаружила собеседника, сидящего у нее в изголовье прямо на бетонном полу. Нечто – вот самое лучшее определение, которое удалось подобрать Эльке для этого существа.

Собранная в комок пакля, опутанная клочьями паутины, смотрелась бы в тысячу раз привлекательнее, чем волосы и борода, облепившие голову неизвестного. Даже в желтом свете костра цвет его лица оставался серым. Зрачки лишь угадывались в глубоких провалах глазниц. Остатки зубов напоминали редкие штакетины давно развалившегося забора. Те, кто придумал кличку Корявый для убитого Элькой бандита, просто не видели этого куда более отвратительного типа.

Зато одет он был с определенной долей щегольства. Лимонная ветровка с капюшоном, бирюзовые спортивные штаны плюс рыжие летние сандалии, натянутые поверх мохнатых шерстяных носков. Все было невероятно грязным и дырявым.

Элька даже и не попыталась скрыть свое потрясение.

– Ты кто? – спросила она, незаметно шевеля кистями рук за спиной.

Бомж прошуршал грязными патлами по ветровке и, не чванясь, представился:

– Толик. Тебе от этого легче?

Вопрос был задан миролюбивым тоном, но все равно прозвучал угрожающе. Особенно после того, как в руках Толика обнаружилась короткая брезентовая кишка, набитая то ли песком, то ли цементом.

Толик небрежно отшвырнул мягкую дубинку за плечо, а взамен ее достал из кармана большие садовые ножницы. Новехонькие, блестящие, абсолютно не тронутые ржавчиной, они смотрелись в заскорузлых божеских пальцах дико.

Но бомж Толик, загадочно щелкающий своими кошмарными ножницами, не превратился в химеру. И пламя костра продолжало трескуче плясать в корыте, отбрасывая причудливые тени на бетонных сводах. И где-то монотонно капала вода. И стены темницы выглядели настолько несокрушимо-монолитными, что Элька предпочла молча кусать губы, вместо того, чтобы вволю покричать, как ей было предложено.

Лимонная ветровка с шорохом склонилась над ней. Провал божеского рта принял улыбчивые очертания. Лезвия ножниц, слегка разойдясь в стороны, холодно коснулись лица Эльки, осторожно тронув остриями ее нижние веки.

– М-м!

Толик одобрительно хохотнул:

– Давно бы так. Я же сразу покричать предлагал.

– Зачем? – В коротком Элькином вопросе выплеснулось сразу все, что ее мучило.

– Зачем кричать?

– Все это – зачем?

Ножницы радостно защелкали и убрались с глаз долой, а Толик, вторя им, смешливо запыхтел, пристукивая редкими зубами.

– Разве не понятно? – спросил он.

– Нет, непонятно.

– Люди, они лучше крыс, – внезапно заявил Толик с неподдельной серьезностью. – Лучше кошек. Даже лучше собак. Согласна?

– Ну? – В принципе возражений у Эльки не имелось, хотя в ее голосе прозвучала настороженно-вопросительная интонация.

– Нет, ты согласна? – Ножницы сошлись в клюв и требовательно ткнули Эльку в ложбинку на шее, как будто им не терпелось отведать ее молодой горячей кровушки.

– Согласна! – воскликнула она с неожиданным для себя энтузиазмом. – Люди значительно лучше всяких кошек и собак. Тем более крыс. Не говоря уже о пауках.

– При чем здесь пауки! – вознегодовал Толик. – Ты, как я погляжу, ни черта не понимаешь!

– Да! – быстро сказала Элька. – Ни черта не понимаю.

– У зверей главное что? – Толик торжественно воздел ножницы к темному потолку и сам ответил на свой вопрос: – Шкура! А сдирать шкуру, скажу я тебе, не такое уж большое удовольствие. Согласна со мной?

На этот раз Элька поостереглась нукать, призналась прямо:

– Думаю, да.

– Вот видишь! – обрадовался Толик. – Это же так просто! Собаку обдирать надо, а человека нет!

– Обдирать? – обмерла Элька. – Зачем обдирать?

– Ты предлагаешь мне жрать собак вместе с их поганым мехом? – угрожающе поинтересовался Толик. – Чтобы потом блевать, дальше, чем глаза глядят? Ты это мне предлагаешь? Бывшему физику-атомщику, которого сам замминистра в лимузине по Москве катал?

Неожиданно ножницы хищно разинули клюв и прошлись сразу по всем одежкам, которые имелись на Эльке в эту ненастную осеннюю

пору. От горла до самого низа живота. Чвак-чвак-чвак! После этого назвать ее вполне одетой было затруднительно.

– Вот! – воскликнул Толик торжествующе. – Соизволь поднять свою бестолковую башку и полюбоваться на себя! Волос – минимум. И уж совсем никакой шерсти!

Впервые в жизни Элька пожалела о том, что ее кожа такая голая и безволосая. Будь она мохнатой самкой снежного человека, подобная неприятность с ней, наверное, не приключилась бы.

– И что? – Она послушно окинула взглядом свою грудь, после чего попыталась перехватить зрачки бомжа.

Просто Толик с дубинкой и садовыми ножницами. Просто случайный встречный, любящий людей несравненно больше любых четвероногих.

– Да ты уже все поняла! – Он пренебрежительно махнул на нее разошедшимися ножничными лезвиями. – И не надо здесь валять дурачку! Я, чтобы ты знала, в прошлом – известный психолог. Врать мне – дело совершенно бесполезное.

– Кто врет? – изумилась Элька, отчаянно работая невидимыми руками. – Наоборот. Хочу сообщить тебе кое-что интересное.

– Неужели?

Ножницы в руках Толика немного позвякали вхолостую, как бы подыскивая себе достойное применение, а затем принялись кромсать и без того потерявшую парадный вид Элькину одежду. Она втягивала живот при каждом соприкосновении с холодным металлом. Она задерживала дыхание, боясь ненароком задеть массивные лезвия.

Леденящие кровь истории о людоедах, переполнившие газетную макулатуру в последнее время, вроде как получили подтверждение. Если бы безумный бомж в лимонной ветровке вдруг сказал, что он просто решил разыграть Эльку столь необычным образом, она сочла бы это отличной шуткой и хохотала бы вместе с ним до упаду. Но такой возможности ей никто предоставлять не собирался.

– Что ты хотела мне сообщить? – неприязненно осведомился Толик, оттянув щепотью сосок Элькиной груди так, словно собирался

отчекрывать его своими новехонькими ножницами. – Может быть, ты знаешь какой-нибудь экзотический рецепт приготовления мяса? Но это лишнее. Тут у нас разносолы не приняты. Никаких экстравагантностей. Открытый огонь, вертел – вот и все премудрости. – Толик причмокнул. – Хотя, когда я работал шеф-поваром столичного «Пекина»...

– Миллион долларов, – быстро сказала Элька, мечтая закрыть глаза и одновременно боясь сделать это хотя бы на секунду. – Может быть, даже два.

– Я тебе не олигарх какой-нибудь, – обидчиво заметил Толик, продолжая разглядывать то, что находилось в его стиснутых пальцах. – Я не собираюсь делать деньги смыслом своего существования. Водился за мной такой грешок, когда я работал в Минфине. Но теперь это в прошлом. Пища, крыша над головой, общение с неприятными людьми... Что еще нужно?

Чвак! – подтвердили ножницы, закончив жевать кожаный пояс на Элькиных бедрах, превратив его в несколько разрозненных лоскутов. Клоц-клоц-клоц! Якобы французские колготы и всамделишные итальянские трусики сделались лохмотьями, не подлежащими восстановлению.

– А ты молодец, – заключил Толик, оглядев то, что открылось его темному взору. – Ухаживаешь за собой. Лишних волос на тебе не наблюдается. Никакой паяльной лампы не нужно. Ее ведь у меня и нет – паяльной лампы.

– Послушай. – Еще никогда в жизни Элька не обращалась к собеседнику таким убедительным тоном. – Тут рядом есть уже мертвый человек. Возьми его вместо меня. Ему без разницы, что с ним произойдет дальше.

– Мужчина? – осведомился Толик, задумчиво водя языком по сложенным лезвиям ножниц.

– Мужчина, – подтвердила Элька. Каждый из трех слогов этого слова протискивался сквозь перехваченное горло с необычайным трудом.

– Ты лучше. – Толик улыбнулся, пародируя всех киногероев, произносящих комплименты дамам своего сердца.

– Нет! – Еще никогда Эльке не хотелось так страстно, чтобы кто-то отверг все ее достоинства. – Ничем я не лучше. Точно такое же мясо!

– О! – Ножницы значительно вознеслись к потолку. – Мясо! Наконец-то ты поняла! Но ведь существует какая-то разница междудохлым ослом и молоденькой телкой, а? Пф-ф!.. – Толик едва не захлебнулся своим смешливым утверждением.

Он виделся Эльке в тумане, потому что слишком много слез навернулось на ее глаза. Черный крест на потолке, выведенный копотью. Серая голова, торчащая из ворота ядовито-желтой ветровки. Матово сверкающие лезвия ножниц. Отблески костра. Ржавые трубы под потолком, уходящие в никуда. Все вместе представляло собой картину в тысячу раз страшнее любых живописных изображений адского интерьера.

– Не-е-ет!!! – Элькина голова принялась кататься по вонючему поролону.

– Почему? – Подняв брови, Толик сделался похожим на седого барбоса, дивящегося странному поведению человеческой самки.

– Потому что я не хочу! – призналась Элька с неповторимым надрывом.

– А в данный момент от тебя ничего и не требуется, – успокоил ее Толик. – Лежи, отдыхай. Пока еще все соберутся...

– Кто? Кто соберется?

– Коллектив, – значительно сказал он и отвернулся, сопя.

То, чем непринужденно занялся Толик, бросая быстрые заинтересованные взгляды на расprostертую перед ним Эльку, добило ее окончательно. Он предпочел самоудовлетвориться на скорую руку, явно не желая осквернить то, что предназначалось в коллективное пользование.

Вот когда она окончательно поняла, что действительно является для Толика просто куском сырого неосвежеванного мяса. От такого открытия ужасно хотелось выть, и это получилось у Эльки настолько естественно, что где-то далеко-далеко отозвалась настоящая собака.

Возможно, та самая счастливица, которой должны были перепасть ее собственные обглоданные косточки.

# Глава 19

## Два заклятых друга

– Вызвонила все-таки муженька своего, поганка паршивая, – злобно процедил Роман, разгоняя «Тойоту» по трассе. – Эту трубку телефонную нужно было все-таки запихнуть ей поглубже. Ходила бы всюду с мелодичным улюлюканьем, крутая до невозможности.

– Ты о ком? – удивился Петр.

– Я об этой расфуфыренной твари из джипа, вот о ком, – пояснил Роман с ненавистью. – Полюбуйся на эту сучку. Вокруг нее уже целая кобелиная свора собралась.

Вглядевшись вперед, Петр действительно обнаружил справа на обочине две идентичные машины цвета вишни – одна другой спелее. По всей вероятности, это были «девятки», хотя с такого расстояния Петр мог и ошибиться. Пара человек торчала рядом, а большинство сгрудилось возле покалеченного джипа, где металась белым пятнышком знакомая шубка. Мужчины были не по погоде одеты в почти одинаковые костюмы, словно специально пошитые для таких вот общих сборов. Стригли их тоже у одного мастера: минимум волос, максимум мужественности. Вся эта компания стремительно приближалась, разрастаясь в размерах. Петр не знал почему, но ему вдруг захотелось, чтобы все происходило как раз наоборот, словно в перевернутом бинокле.

– Знакомые помогают ей, наверное, – предположил он с надеждой. – Нам-то что за дело?

– А вот сейчас знакомые эти заметят нашу «Тойоту», тогда узнаешь, – угрюмо пообещал Роман.

Брелок в виде черепа, раскачивающийся перед лобовым стеклом машины, излучал гораздо больше оптимизма.



– Мы ж не специально! – Петр невольно напрягся от сильного нежелания опять играть в какие-нибудь дурацкие догонялки. Надоело ему это занятие хуже горькой редьки. Поглядывая на макушку Романа перед собой, он спросил: – Ты же ей потом еще помочь хотел, разве нет?

– Я-то хотел. А она совсем другого от меня домогалась, Петруха. – Каменяя лицом все заметнее, Роман постепенно наращивал скорость, но рассказ свой пока не прерывал, надеясь, наверное, проскочить мимо придорожной компании. – Она, Петруха, еще та стерва, я тебе скажу... Чуть не трахнула меня прямо на месте. А когда я заторопился уходить, пообещала натравить на меня охрану своего рогатого супруга... На его месте я не стал бы связывать свою судьбу с сучкой, страдающей бешенством матки...

– К дороге бегут! – неприятно удивился Петр, наблюдая, как все седоки «девяток» разом сыпанули от джипа с таким решительным видом, будто собирались броситься под колеса приближающейся «Тойоты».

Это был бы не самый плохой вариант, как сообразил Петр, когда, обернувшись назад, увидел, что оба экипажа поспешно занимают места в машинах.

– Если эти озабоченные ублюдки нас догонят, с денежками можно попрощаться, – констатировал Рома, утапливая педаль газа.

«Тойота» послушно поднажала, но вишневые «девятки» и не подумали уменьшаться в размерах. Одна за другой, они припустили следом по пустынной трассе, и их мрачно тонированные стекла не предвещали беглецам ничего хорошего.

– Опять бандиты? – искренне огорчился Петр. – Сколько можно!

– Эти похуже бандитов будут, – успокоил его Рома. – То ли банковская охрана, то ли менты. Может быть, даже контора... В общем, еще те волчары... С костюмированного бала...

У Петра тоскливо заурчало в желудке, но уже не только голод был тому причиной. Пока «Тойота» неслась по пустынной трассе, еще можно было надеяться держать увязавшийся «хвост» там, где ему и надлежит быть – позади. Но на въезде в город у беглецов должны были начаться

проблемы в виде гаишных постов и все более интенсивного движения.

Петр тревожно поглядывал то в окно, за которым неотвязно маячили две вишневые торпеды, то на заветный чемоданчик, покачивающийся на заднем сиденье. Даже обмотанный скотчем по причине поврежденных замков, он не желал выглядеть затрапезно. Много людей из-за него полегло, но, выходит, список жертв обещал вскоре пополниться еще двумя. Помирать молодым миллионером Петру никак не хотелось. Напротив, желание было, как в сказке, жить-поживать да добра наживать. Разумеется, в первую очередь с Элькой. Ну, а потом и с другими хорошими людьми. Романа к их числу Петр не причислял.

Догадываясь, что свою мечту вот-вот придется отстаивать с оружием в руках, он бросил взгляд на трофейный пистолет с навинченным глушителем, мысленно примерил его к преследователям и понял, что даже если откроет пальбу сквозь заднее окно, как это происходит в боевиках, то только стекло вдребезги расколошматит, не более того. Эффект получится, конечно, знатный, но толку от него будет с гулькиным нос.

– Уйдем? – тревожно поинтересовался он, вертя головой, как птица, обдумывающая, в какую сторону ей сподручнее выпорхнуть из запертой клетки.

– Все мы когда-нибудь уйдем, Петруха. Одни раньше, другие позже...

– Брось эти свои философии! Без них тошно!

Роман издал короткий смешок, потому что на такой скорости позволить себе более бурное веселье мог бы разве что самоубийца. Но даже эта маленькая вольность заставила «Тойоту» опасно вильнуть на дороге, после чего Петр решил отложить всякие разговоры на потом. Однако сосед, похоже, придерживался иной точки зрения.

– Видишь фуру впереди? – спросил он внезапно.

– Вижу, – сказал Петр, концентрируясь все же больше на вишневых «девятках», рассекающих осенний воздух за кормой «Тойоты».

– Кажется, это та самая «Вольво», в которой меня водочкой баловали на рассвете.

– Ну и что?

– А то, что шоферюга в фуре с большого бодуна, – сообщил Роман с непонятым удовлетворением в голосе. – Реакция у него, как у чучела музейного. Воскового болвана вместо него посадить – и то больше толку будет.

– Нам от этого легче? – мрачно спросил Петр. Видя, что преследователи неумолимо настигают «Тойоту», он напряженно размышлял, хватит ли пуль в обойме на всех преследователей, а всякие похмельные дальнобойщики интересовали его меньше всего.

– Может быть, может быть, – загадочно молвил Роман, плавно перемещая руль влево, чтобы пристроиться рядышком с бойко бегущим фургоном.

При этом он зачем-то стал сбрасывать газ, сокращая дистанцию между «Тойотой» и вишневыми «девятками».

– Ты это... – всполошился Петр. – Ты не тормози, ты наоборот!..

– Самолет заходит на посадку, – торжественно-заунывным тоном объявил Роман. – Пассажирам пристегнуть ремни.

– Э! – на большее Петра не хватило.

Дальше все происходило быстро, слишком быстро, чтобы его мысли могли поспеть за событиями.

«Тойота» сравнялась капотом с передним бампером шведского тяжеловоза и некоторое время сохраняла такую дистанцию, дожидаясь, пока преследующие машины примостятся в кильватере. До идущей впереди «девятки» оставалось не более тридцати метров, когда Роман резко прибавил газу, обходя фуру, идущую со скоростью 80 километров в час. Совершив несложный маневр, он, непрерывно сигналив, бросил руль вправо, преграждая многотонному грузовику путь.

Петру показалось, что сию секунду квадратное рыло «Вольво» сомнет их нахальную легковушку, но дальнобойщик резко взял влево, инстинктивно стремясь обогнуть неожиданное препятствие. В тот же миг Роман утопил педаль газа, отрываясь от скособочившейся махины. Шины «Тойоты» злорадно заверещали, уносясь от места аварийной

ситуации.

В заднее окно было видно, как постепенно удаляющуюся фуру заносит набок и одновременно наискось. Серебристый фургон напрочь перекрыл трехрядную полосу, отгородив беглецов от преследующих «девяток». Потом многотонная масса «Вольво» обрушилась на асфальт с таким грохотом, что у Петра все оборвалось внутри.

Он слышал непрекращающийся скрежет, видел снопы искр, высекаемые из асфальта серебристым фургоном, и ему все время казалось, что опрокинувшаяся машина вот-вот настигнет их, потому что несло ее следом с невероятной скоростью, развернув поперек дороги. Зато вишневые «девятки» исчезли из виду. Судя по дополнительным бухающим ударам, с разгона пробовали на прочность скандинавскую сталь. И когда Роман издал торжествующий гортанный клич, Петр окончательно понял, что они оторвались от погони.

– Ну ты дал!.. Не хуже каскадера, блин!

– Лучше! – заорал Роман так громко, словно до Петра ему было не рукой подать, а раз в тысячу дальше. – Ты видал, как я сделал их всех? Видал?

– Не хило... – возражений у Петра не нашлось.

Однако никакой праздничной приподнятости Петр не ощущал. Ни малейшего подъема. Его все более смущал странный попутчик и его непредсказуемое поведение.

Он становился все более опасным, Роман. Порой казался просто свихнувшимся напрочь. Сбрендившим киборгом из боевика. Своей смерти не боялся, а других убивал с таким видом, словно это доставляло ему удовольствие. Вот что больше всего отталкивало Петра от этого парня и одновременно притягивало к нему. Пословица про то, что чужая душа – потемки, была сложена про Романа. Он словно состоял из непроницаемого мрака, в который хочется проникнуть хотя бы одним глазом.

Роман проявлял чудеса то героизма, то жестокости. Невозможно было понять, что он за человек такой. Совсем недавно Петр клял его последними словами и ловил себя на желании остановить машину,

выволочь Романа за шкуру и закончить таким радикальным способом всякое с ним знакомство. Еще раньше он был готов просто убить этого парня за измывательство над беззащитным собачником. Теперь поглядывал на Романа с надеждой, веря, что такой лихой товарищ пригодится в схватке на овощной базе. Вдвоем было как-то спокойнее.

Правда, больше всего уповал Петр все же на пистолет, доставшийся ему от покойного Стингера.

Латинские буквы на стволе говорили ему немного, а точнее, и вовсе ничего не говорили. Ну, «Luger» какой-то, попробуй, переведи на нормальный человеческий язык. Всю эту нерусскую тарабарщину Петр на дух не выносил, хотя и считалось, что он имеет начальные навыки английского. Однако, кроме неприлично звучащей фразы «ху из дьюты тудэй», он ничего по-иностранному не помнил.

И это была не самая большая беда. Хуже всего, что Петру совсем не хотелось пускать в ход красивый заграничный пистолет. Он предпочел бы обойтись без выстрелов и без крови. Если бы это было в его силах, он обязательно создал бы мир, в котором не надо ни убивать, ни умирать. Петр тяжело вздохнул. Пока что приходилось жить в этом чужом мире, а без стрельбы в нем не обходилось с того самого дня, когда был изобретен порох.

— Куда путь держим? — Голос Романа оказался на удивление ровным и дружелюбным. Он явно успел окончательно прийти в себя.

Зато Петр перед боем разнервничался, потому что от него теперь зависела жизнь очень дорогого ему человека.

— На объездную выруливай, — сказал он, стараясь казаться спокойным и уверенным в себе человеком.

— А дальше?

— Дальше направо. Нам овощная база нужна, заброшенная на фиг.

Тут голос Петра дрогнул, и спутник мельком оглянулся на него:

— Волнуешься?

— За Эльку переживаю, как там она без меня...

– С ней все в порядке, – заверил его Роман, – я чувствую. Бандиты сидят и ждут ценных указаний от своего атамана. Как будто он может командовать ими с того света, ха-ха-ха!

Петру вдруг неловко стало, что он впутывает отчаянного приятеля в такую опасную историю, а у того даже перочинного ножика нет для самообороны.

– Послушай, Рома, – сказал он с чувством, – давай я дальше сам, а? Бери свою долю и расстанемся здесь, пока не поздно. Это мое личное дело. Я уж как-нибудь сам.

– Ты обижаешь меня, Петруха. – Роман укоризненно покачал головой. – Я не могу бросить тебя одного. Вызволим из плена твою разлюбленную красавицу, вот тогда и пожмем друг другу руки на прощание. Таков мой план. У тебя есть другой?

– Нет, – признался Петр. – У меня вообще никакого плана нет. Просто я подумал, что дороги у нас разные. Зачем тебе ввязываться?

– У всех людей дороги разные, – подтвердил Роман задумчиво. – Но в то же время у всех нас один общий великий путь. Он называется Дао. Вот почему мы сейчас вместе, Петруха.

Пока Петр проглатывал и усваивал эту премудрость, «Тойота» вырулила на объездную дорогу, качеством мало отличающуюся от прифронтовой рокады, подвергшейся неоднократному минометному обстрелу. Это было явно не то Дао, о котором толковал Роман. То и дело асфальт щерился выбоинами, норовящими угодить под колеса, а местами превращался в гигантскую стиральную доску.

Роману, похоже, нравилось лавировать между ямами, не сбавляя скорости и загоняя встречных на обочины. Петр подумал, что этот парень и чужую иномарку с удовольствием окончательно угробит, как сделал это с ее опасным владельцем или со злосчастным Мищенко. Словно бес в него вселился. Он спешил навстречу опасности, как на свидание!

На окраине города машину пришлось дважды прогнать туда-сюда вдоль бесконечного бетонного забора, потому что при дневном свете Петру не сразу удалось опознать то место, откуда начался его утренний вояж. Но в конце концов он все же сориентировался, нашел нужную

брешь в ограде.

— Сколько их здесь, караульщиков твоей принцессы? — деловито осведомился Роман, притормозив у проема, давно лишенного ворот неведомыми сборщиками металлолома.

— Двое, может быть, трое. — Внезапно Петр сделался очень спокойным и сосредоточенным. — Или вообще целая толпа. Это теперь без разницы. Идти-то все равно надо.

Роман внимательно посмотрел на него:

— Стрелять сам будешь? Или все же доверишь пушку мне? Ты и голыми руками с любым справишься. Такими лапищами только головы отрывать.

— Нет, я буду стрелять, — твердо ответил Петр. — Сам. Только потренироваться немного нужно.

— Потренируйся, — согласился Роман. — Но не забудь хотя бы один патрон оставить. Это очень важно — сохранить последнюю пулю для себя. Все герои так поступают.

Его шуточка показалась Петру не слишком уместной, но когда он взглянул на приятеля, тот был бледен и казался очень взволнованным. Он просто нервничал перед боем, и понять его было можно. Прихватив чемоданчик, Петр выбрался из машины и предупредил:

— Ты поначалу подальше от меня держись. А когда завалю первого бандита, заберешь у него оружие.

— Давай пока чемоданчик, — предложил Роман. — Я его понесу. Тебе неудобно.

— Удобно, — успокоил его Петр. — Вот об этом можешь не беспокоиться.

Остановившись в некотором отдалении от «Тойоты», Петр настороженно повертел головой, убедился, что зрителей маленького шоу не наблюдается, и выбрал мишень: довольно точное изображение голый задницы, начертанное мелом на заборе. Судя по надписи, это был дружеский шарж на некую Катю, которой автор посвятил целых две

строчки различных эпитетов. Дожди частично смыли настенное панно, уничтожили кое-какие натуралистические детали, однако цель оставалась вполне притягательной.

Петр снял «люгер» с предохранителя, передернул затворную планку и, почти не целясь, послал пулю в ни в чем не повинную Катькину задницу. Чпок! Пуля выворотила в железобетоне небольшую воронку и с визгом устремилась обратно, заставив приблизившегося Романа инстинктивно дернуть головой. Впрочем, от этого запоздалого движения толку не было бы никакого, если бы угол рикошета оказался чуточку иным.

– Ты же чуть не угробил меня, Петруха! – воскликнул он. – Пуля в сантиметре от моего виска пролетела: вжик! Вот был бы цирк, если бы она не промазала! Целился в жопу, а попал в голову... Не лучшая характеристика для снайпера, скажу я тебе.

Роман вдруг захохотал. Наверное, от облегчения, что остался цел и невредим. Петр зыркнул на напарника и посоветовал:

– Ты бы поменьше веселился. Не на прогулке, между прочим.

– Да я просто за тебя радуюсь, чудило! – пояснил Роман. – Радуюсь тому, как метко ты продырявил Катькину попку. Вот бы бандиты нас в таких же позах встретили, а?

– Надо будет, я их всех раком поставлю, – угрюмо пообещал Петр.

Роман посмеялся еще немного и вдруг предложил с неизвестно откуда взявшейся серьезностью:

– А поехали лучше отсюда к чертям собачьим, Петруха. Деньги поделим пополам. Ты себе сто таких Элек купишь. Тысячу. А разных голозадых Катек – так и вовсе немерено.

– Можешь сваливать, если очко играет. – Петр зачем-то задрал голову и посмотрел на пасмурное небо. Оно казалось нависшим прямо над головой. Находилось гораздо ближе, чем обычно.

Роман тоже машинально полюбовался низко плывущими облаками и заявил:



– Очко у всех играет. Одну и ту же трусливую мелодию.

Петр прислушался к себе и отрезал:

– Ничего у меня не играет.

– Герой! – Роман неприятно улыбнулся, но тут же добавил оскалу лучезарности, после чего его реплика утратила слишком уж едкую иронию. – Знаешь, я даже горжусь тобой. Ты заставляешь меня верить в человечество.

– Хорош трепаться! – оборвал Петр собеседника. – Прибереги для женщин свои эти... комплиментарии.

– Приберегу, – кивнул Роман. – Но и другу иногда хочется сказать теплое, ободряющее слово, понимаешь меня, Петруха?

– Ладно, пошли. – Петр скупо улыбнулся. – Теплые слова потом будем говорить, когда дело сделаем.

– Согласен. Веди, командир. Это есть наш последний и решительный бой...

В бой вступать было не с кем. Территория выглядела пустынной. По левую руку от шагающих вперед парней располагался длинный пандус, поверх которого с унылым единообразием тянулись большие двустворчатые ворота, многие из них болтались нараспашку. Справа простирался ряд полуразрушенных сооружений, напоминающих бункеры или блиндажи. Петр выискивал среди них тот самый, где ему довелось скоротать минувшую ночь. Он запомнил, что на асфальте у входа в картофелехранилище была выведена белой краской большущая цифра «8», и, заметив ее издали, невольно ускорил шаг.

– Притормози. – Роман придержал его за плечо. – За нами могут наблюдать. Не стоит спешить навстречу смерти, Петруха.

– Обязательно каркать?

– Молчу. Всецело полагаюсь на твою осмотрительность.

– Вот и молчи, – буркнул Петр, озирая руины.

Сколько он ни глядел по сторонам, заставляя проделывать то же самое свой пистолет, ничего подозрительнее невероятно грязной кудлатой дворняги так высмотреть и не удалось. Моря разливанные бурых луж, заросли бурьяна и чахлых деревьев, тонны ржавых рельсов, убегающих в никуда. Стало вдруг Петру тоскливо и одиноко, словно он оказался на кладбище, подбирая местечко для собственной могилы. Где-то ветер трубил в пустую бутылку, да так заунывно, что любой лабух из похоронной команды ему позавидовал бы.

Петр передернул плечами. Спеша поскорее выбраться из этого гиблого места, он зашагал к нужному бункеру, неся в левой руке перевязанный скотчем чемоданчик, а в правой – изготовленный к стрельбе пистолет.

– Эля... Элька! Ты здесь? – Собственный голос показался Петру глухим, как будто он снова очутился в бетонном склепе.

Роман, пристроившийся на полшага позади и чуточку поодаль, повторил оклик слово в слово, но получилось у него это не в пример звонче. Точно он знал какой-то радостный секрет и заранее предвкушал миг торжества.

– Элька! Слышишь меня? – остановившись у темного провала картофельного бункера, Петр сгорбился, пытаясь разглядеть что-нибудь внизу.

– Мы здесь, Элька! – подтвердил Роман все с той же идиотской веселостью, которая никак не вязалась с серьезностью момента. – Петруха за тобой пришел! Он только и мечтает, чтобы снова оказаться с тобой рядом! А-ха-ха!..

Только после этого неуместного ржания до Петра начало смутно доходить, что спутник готовит ему подвох, но было поздно. Он только еще начал распрямляться, намереваясь развернуться к Роману лицом и выставленным стволом, когда неожиданный пинок в бедро заставил его потерять равновесие и упасть на одно колено. Чтобы не съехать вниз по крутому скату, Петру пришлось упираться в бетон. В этот момент даже пистолет превратился для него в обузу, не говоря уже о более громоздком чемоданчике. А Роман снова толкнул его ногой, издевательски доложив зияющему проему:

– Твой верный рыцарь спешит к тебе, Элька! Спешит сломя голову!

Занятые руки помешали Петру удержаться наверху. Растерянно вскрикнув, он проехался на четвереньках по бетону и ухнул в бункер.

Приземление оказалось болезненным. Петр едва шею не свернул, обрушившись головой вниз на картофельную подстилку, да еще и язык прикусил.

– Гад! – рывкнул он, когда помутнение, вызванное шоком и болью, понемногу прошло. – Какой же ты все-таки гад, Рома!

Сверху раздался издевательский смех:

– Я только помог тебе осуществить твою заветную мечту, Петруха! Ты же стремился сюда всей душой, разве нет? Ну и как, воссоединение произошло? Любящие сердца нашли друг друга и восторженно бьются в такт?

Петр, который уже с горем пополам освоился в бетонном каземате, обнаружил, что никакой Эльки здесь и в помине нет, а есть посторонний мертвец, раскинувшийся поодаль. Это было прескверное открытие. Сплевывая кровь с прокушенного языка, он вскочил на ноги и отпрянул к дальней стене, надеясь увидеть подлого предателя. Ромина фигура действительно маячила в проеме наверху, но как только Петр вскинул пистолет, мишень проворно скрылась за толстой бетонной стеной.

– Вот она, людская благодарность! – донеслось оттуда. – Хочешь ни за что ни про что пристрелить меня, своего верного друга? Валяй, дерзай. Но не забудь про последний патрон. Он тебе скоро очень понадобится!

– Тут лестница валяется веревочная, – мрачно сообщил Петр, стараясь, чтобы его голос зазвучал как можно более убедительно. – Я ее сейчас зашвырну наверх, а ты поможешь мне выбраться. Тогда будем считать, что подлянки между нами не было. Иначе про свою долю можешь забыть.

– А я уже забыл про нее, про свою долю, Петруха... Я решил взять все. Все деньги, которые хранятся в этом проклятом чемоданчике. Бросай его сюда, а я подарю тебе свободу. Не дам сгнить боевому товарищу среди

даров колхозных полей. Как тебе такое предложение, соратник?

— Ладно, — быстро согласился Петр, выбросив вперед руку с пистолетом. — Уговорил. Лови!

Он успел дважды выстрелить в возникшую снаружи фигуру Романа, но скорострельность отнюдь не означала меткость. Пули улетели в серенькое осеннее небо, дырявя низкие облака, а потом темный силуэт снова переместился за непрошибаемое бетонное укрытие.

— Даже крокодил великодушнее тебя! — заблажил невидимый и неврежимый Роман. — В самом распоследнем аллигаторе больше благородства, чем в тебе, Петруха!

— Ты сам... это!.. — от негодования Петр так и не смог придумать достойный ответ.

— Я лучше с зубастым кайманом подружусь, чем с тобой, — продолжал язвительный голос. — Лучше гавиала себе какого-нибудь заведу, чем общаться с таким подлым и коварным созданием, как ты! От тебя любой пакости ожидать можно! Признайся, ведь это ты всенародного любимца Никиту Михалкова яйцами забрасывал?

— Яйцами? — Петр даже задохнулся от избытка чувств. — Яйцами, говоришь?

Плонк! Пистолет возмущенно выплюнул третью порцию свинца, хотя никакой более конкретной цели, чем белесое небо, перед собой не обнаружил.

— А взорванный дом в Волгодонске — твоя работа? — не унимался насмешник. — Ведь только такой негодяй, как ты, мог поднять руку на мирных жителей!

— Ну, падла!..

В качестве продолжения Петр хотел было разрядить в проем всю обойму, когда вдруг догадался, что этого Роман только и добивается. Весь холодея от злости и ненависти, чего с ним не случалось еще ни разу в жизни, Петр покопался в сумятице мыслей и неожиданно нашел более достойную отповедь.

– Слушай меня внимательно, красавец! – крикнул он. – Напрасно ты так веселишься! Денег тебе теперь не видать как своих ушей. Ни доллара не получишь, сволочь. Ни единого центнера!

Произнеся заключительное слово своей убийственной тирады, Петр нахмурился, пытаясь сообразить, что за глупость он сморозил. Явно брякнул что-то не то, судя по взрыву хохота, донесшемуся сверху. Если бы ему сказали, что среди гнилых залежей под ногами припрятана хотя бы одна боевая граната, он бы всю картошку перерыл и перешвырял наверх, так хотелось ему заставить Романа заткнуться.

А тот, вдоволь насмеявшись свысока, заявил с внезапной задушевностью:

– Хочу тебе кое в чем признаться, Петруха, – тон его стал доверительным, как у грешника на исповеди. – Хочу кое-что сказать тебе без утайки...

– Ну? – хмуро буркнул Петр, хотя не собирался отпускать бывшему товарищу ни единого грешка, даже самого маленького.

– Дело в том, Петруха, – голос невидимого собеседника сделался совсем уж покаянным, – дело в том, что руки у меня не из того места выросли. Догадываешься, откуда? Понимаешь, какую часть тела я имею в виду?

– Ну? – все так же односложно откликнулся Петр, не понимая, куда клонит собеседник. Отгадать, откуда у того выросли руки, было легче простого, но само неожиданное отклонение от темы оставалось пока загадкой.

Роман не стал терзать его недомолвками, пояснил сразу:

– Мастер из меня никакой, никудышный, честно говоря, мастер. Но к тому времени, когда я сколочу лестницу, чтобы спуститься за деньгами, ты давно подохнешь. От голода.

Раскат хохота, последовавший за этим предупреждением, напомнил Петру телепередачу о гиенах, хищниках африканских саванн, которые вызывали у него острое омерзение. Правда, если бы в этот момент он увидел перед собой одновременно гиену и Романа, то первую пулю

получила бы не четвероногая зверюга, вот уж нет.

— Тут картошки на десять лет хватит! — запальчиво возразил Петр, прежде всего желая успокоить самого себя. Получилось очень громко, но совсем неубедительно.

— Жри свою тухлую картошку хоть ведрами, — пренебрежительно крикнул Роман в ответ. — Подавись ею. Все равно ты окочуришься гораздо раньше, чем схватишь какой-нибудь заворот кишок или холеру. И знаешь почему, Петруха?

— Почему же? — Петр постарался придать голосу максимум недоверия и насмешливости.

— Потому что организму твоему далеко до верблюжьего, хотя по интеллекту вы примерно равны, — саркастически пояснил Роман. — Человек, даже самый тупой, без воды долго не живет. — Он торжествующе повысил голос: — А все твои миллионы не помогут тебе купить захудалую бутылочку минералки. Даже кружку хлорированной воды из-под крана тебе никто не поднесет! Любой верблюд, Петруха, находится в более выгодном положении, чем ты!

— Ты сам верблюд горбатый! — заорал Петр в бешенстве. — Козерог архаровский! Ехидна членистоногая!

Он сам не ожидал от себя такого красноречия, но вместо того, чтобы продолжать расширять свою зоологическую галерею, невольно сглотнул слюну, проверяя степень сухости во рту, и испугался уже по-настоящему. Он не пил и не ел уже много часов подряд и только теперь осознал, что жажда, как и голод, теткой ему не приходится. Интересно, сколько суток он еще протянет? Двое? Трое? В любом случае это было значительно меньше, чем ему хотелось пожить на этом свете.

Но больше всего добивало его сознание то, что он подвел Эльку, которая так на него надеялась. Не сдержал обещание вернуться за ней. И предоставил ей погибать в одиночку, может быть, смертью даже более страшной, чем та, которая была уготована ему самому.

Когда Петр в отчаянии опустил на картошку, уткнув лицо в ладони, он абсолютно не походил на внезапно разбогатевшего человека, потерявшего голову от счастья.

## Глава 20

### Без определенного смысла жительства

Осенний день мало-помалу угасал, к его промозглой серости постепенно добавлялся темный оттенок, а сплошная облачная размазня начала приобретать объем и очертания.

Машины, катящие по улицам Курганска, отчего-то ускорили ход, как будто их седоки обязательно хотели успеть по своим делам до наступления ночи. Заляпанные слякотью по самые крыши, разномастные автомобили деловито размазывали грязные брызги по своим лобовым стеклам. Лужи форсировались ими на полной скорости, потому что это позволяло попутно обгадить более чистых пешеходов. Машины при этом торжествующе шипели, пресекая все проклятия в свой адрес. Люди запоздало слали вслед лихачам горячие пожелания аварии на ближайшем перекрестке. Таковых, к сожалению, случалось слишком мало, чтобы большинство жителей Курганска могли считать себя удовлетворенными жизнью.

Они соперничали пасмурностью с погодой, эти жители. Мало кто из них казался таким ярким и оживленным, как это бывает на телевизионных экранах, в которые они дружно пялились по вечерам. Если бы вдруг кто-то пожелал запечатлеть рядовое население города на видеокамеру, достаточно бы было черно-белой пленки. Осенний Курганск был почти полностью обесцвечен. Только рекламная мишура придавала всей этой серости какое-то подобие праздника. Да еще ларьки и дамские зонтики.

Уединившись вдали от этой беспросветной суеты, мрачно взирал на темнеющее небо молодой человек по имени Роман. При этом он не испытывал одиночества.

В душе его не было ни любви, ни ненависти, чему он был только рад.

В книгах по дзен-буддизму эта апатия назывались отрешенным состоянием души, без которого невозможно достичь сатори, то есть просветления. Психиатры нашли бы этому состоянию другое определение, но Роман не собирался консультироваться у медиков. Он желал одного: завладеть кейсом с деньгами и посвятить дальнейшую жизнь одной-единственной достойной цели. Этой целью являлось его личное освобождение, к которому призывал людей сам Бодхидхарма. Освобождение от всех и вся. Ни долгов, ни обязанностей, ни привязанностей. Полное спокойствие души.

Пользуясь вынужденным одиночеством, Роман попытался медитировать, но затея оказалась неосуществимой. Слишком хлипким был скособоченный ящик, на котором он сидел, чтобы принять нужную расслабленную позу. Мерзли ноги. Постоянно приходилось вытирать рукой холодный влажный нос. Даже авторитетный мастер дзена не преуспел бы в такой ситуации. А если бы такой мастер знал, что всего в нескольких шагах от него пропадают без дела три с лишним миллиона долларов, то он и вовсе не сумел бы обрести того безмятежного состояния духа, без которого невозможна никакая дхьяна.

Не то чтобы Роман слишком уж тяготился необходимостью дожидаться, пока его случайный попутчик подойдет в овощном склепе. Ради этого он был готов сидеть на хлипком ящике сутками. Но ожидание могло закончиться совсем не так, как он рассчитывал. Неизвестно, сколько бандитов ходило под Стингером, куда они подевались и когда появятся. А справиться с ними посредством ржавого арматурного прута, подобранного неподалеку, Роман не надеялся.

Он вздрогнул, когда завидел человеческую фигуру, вынырнувшую из руин на открытое пространство, но тут же успокоился. Это явно был никакой не бандит и вообще не человек – так себе, бродячая тень. Грязное создание, оборванное, патлатое, но почему-то относительно выбритое.

Машинально проведя пальцами по собственному колючему подбородку, Роман, не приподнимаясь с места, окликнул прохожего:

– Эй, ты! Лицо без определенного места жительства! Иди сюда!

– Зачем? – Бомж замер, настороженно брякая бутылками в объемистой торбе.



– Дело есть! – громко пояснил Роман. – Взаимовыгодное.

Бутылочный перезвон приблизился на десяток метров, но сконцентрировался в некотором отдалении. Глаза бомжа светились решимостью отстоять свою стеклотару любыми способами, если вдруг незнакомец предъявит на нее какие-либо права.

Роман усмехнулся, покачал головой и извлек из внутреннего кармана пятитысячную пачку долларов, перехваченную оранжевыми резинками.

– Подойди, не бойся, – громко сказал он, призывно помахивая деньгами. – Получишь одну такую бумажку, если сговоримся. На ней портрет американского президента. Можно прилепить на стену и молиться о процветании любимой родины.

Бомж отважно громыхнул бутылками и сделал еще несколько шагов вперед, ступая полураспавшимися кроссовками прямо по лужам. Наверное, другого способа мыть его ноги просто не знали.

– В чем дело? – спросил он сипло, вперив взгляд в заманчивую пачку.

– Ты здесь обитаешь? Дикарствуешь на этой территории, верно?

– Допустим. А что?

– Нужна кое-какая информация, – вкрадчиво пояснил Роман. – Знаешь, что такое информация? Отличаешь ее от инфекции и инфляции?

– Я кандидат наук, – заявил бомж не без гордости. – Между прочим, тема моей диссертации была косвенно связана с информатикой.

– Да-а? – поразился Роман. – Так у тебя, значит, высшее образование? Сколько же тебе лет, кандидат наук? За полтинник перевалило?

– Мне сорок пять, – ответил тот, потом призадумался, пошарил глазами в небе, выискивая там дату своего дня рождения, и поправился: – Нет, сорок четыре скоро будет.

– Поколение хиппи и битломанов, если я не ошибаюсь? – Роман заговорщицки подмигнул собеседнику. – Мир, цветы и любовь, да? Лав, лав, лав. А теперь все это дерьмо на свалке жизни. Вместе с тобой,

кандидат. Такая вот метаморфоза...

Бомж обидчиво передернул плечами, но остался на месте. Обещанный портрет Франклина значил для него значительно больше, чем все светлые идеалы молодости вместе взятые. Длинноволосый президент переплюнул всех былых кумиров и внес определенность в список жизненных ценностей, расставив все по своим местам. Сам Франклин незримо фигурировал в любых хит-парадах бессменным первым номером. Так уж случилось, и бесполезно было пытаться хоть что-нибудь изменить в сложившейся ситуации. Все равно что раскручивать обратно колесо истории.

– Важно лишь то, что прямо здесь и прямо сейчас, – подытожил Роман, скупо улыбнувшись.

– Простите?

Смерив взглядом озадаченного бомжа, Роман пренебрежительно отмахнулся, словно увидел перед собой надоедливую осеннюю муху.

– Не обращай внимания, – сказал он. – Мысли вслух. Тебе совсем необязательно их понимать.

Бомж потоптался в луже, хлюпая дырявыми кроссовками, покосился на долларовую пачку в руках собеседника и счел нужным напомнить:

– Вы хотели получить кое-какую информацию. Что именно вас интересует?

– Я готов заплатить деньги вперед, лишь бы ты был со мной откровенен, – мягко сказал Роман. – Лишь бы не юлил, не врал, не придумывал всякую отсебятину. Тебя устраивают такие условия?

Бомжующий кандидат с достоинством наклонил патлатую голову.

– Я согласен, – произнес он с достоинством. – Доверие за доверие.

Сумка со стеклотарой согласно брякнула, уминаясь на асфальте и тем самым подтверждая готовность владельца к длительному обстоятельному разговору по душам.

– Отлично! – Роман растянул бледные губы в улыбке. – Доверие –

это, наверное, тоже один из принципов хиппи? С радостью поддерживаю такой прекрасный принцип. Целиком и полностью.

Произнося эту тираду, он извлек из пачки одну купюру, саму пачку спрятал на прежнее место, а сотню протянул собеседнику.

– Вот мой жест доброй воли. Одно из условий наших доверительных отношений, кандидат.

– Благодарю.

Тот спрятал подношение так стремительно, что Роман даже не успел проследить, какой рукой это было сделано: левой или правой. Неодобрительно качнув головой, он сказал:

– Это было лишь первое условие, но есть и второе. Не хотелось бы мне, чтобы ты неожиданно захотел сбежать, оставив мои вопросы без ответов. Мне было бы обидно пострадать за собственную доверчивость. Понимаешь, что я имею в виду?

– Нет, – признался бомж, переминаясь с ноги на ногу.

Он уже выбрался на сухой островок. С водными процедурами было покончено. Насколько понимал Роман, бомж готовился как-нибудь отделаться от церемонии допроса и быстренько задать стрекача, пожертвовав всей своей стеклотарой. На полученную сотню можно было купить неизмеримо больше бутылок, причем полных.

– Объясняю, – сказал Роман тоном долготерпеливого учителя, вынужденного толковать прописные истины нерадивому ученику. – Я хочу, чтобы ты остался здесь и побеседовал со мной ровно столько, сколько я того пожелаю. Для этого требуется что?

– Что?

– Самая малость!

Внезапно размахнувшись железным прутом, Роман врезал им по коленной чашечке бомжа, прикрытой грязными зелеными штанами, которые в пору кооперативного движения именовались слаксами и считались очень красивыми и модными по всей территории СНГ, от знойных Каракумов до островов в Северном Ледовитом океане.

– Ой! – Интернациональные штаны согнулись в коленях и обрушились в лужу.

– Побудешь немного хромоножкой, – сухо сказал Роман, наблюдая за корчами бомжа остекленевшим взглядом. – Поболит и пройдет. Зато теперь между нами будет сохранен тот самый принцип доверия, о котором ты мне тут заливал. – Роман демонстративно сплюнул под ноги.

– О-ой! – плаксиво вел свое бомж, пытаясь подняться. Это у него получилось поэтапно, рывками. В конце концов он все же кое-как выпрямился, но изувеченная нога то и дело норовила подломиться.

– Хватит причитать, – строго сказал Роман. – Наберись мужества и терпения.

Неожиданно ему припомнилась отвратительная сцена в подъезде, когда над ним изгалялся круглоголовый крепыш, и Роману страстно захотелось прикончить бомжа на месте. Только за то, что своими трусливыми подвываниями тот напоминал Роману эпизод, который ему хотелось поскорее забыть. Из всех сил сдерживаясь, он возобновил диалог, но голос его звучал сдавленно, точно ему приходилось говорить с перехваченным петлей горлом.

– Вот первый вопрос, – произнес Роман, перебарывая спазмы в гортани. – Стингер. Тебе знакома эта кличка? Кликуха, как принято у вас выражаться...

– Нет. – Бомж мучительно кривлялся, держась обеими руками за колено. При всей завидной ширине его старомодных слаксов левая штанина отныне должна была казаться ему несколько тесноватой.

– Совершенно лысый, – продолжал Роман, игнорируя отрицание. – Черный плащ. По виду вылитый Кощей Бессмертный. Обитал где-то здесь. Ты не мог его не видеть. Слишком характерный персонаж, такого невозможно не заметить.

– Нет, не знаю такого! – Бомж опять отрицательно помотал своими сваявшимися патлами.

Роман вздохнул, многозначительно пристукнул арматуриной по щербатому асфальту и внес еще одно уточнение, последнее:

– Этот лысый Стингер раскатывал со своей бандой на темно-синей «Тойоте», она сейчас стоит у въезда на базу...

– Стоит какая-то иномарка, – подтвердил бомж, болезненно морщась. – Мне-то что за дело?

– Самое прямое, – заявил Роман, поигрывая прутом. – Хватит кривить душой и болтать всякую ерунду. Если ты будешь продолжать врать, то для начала я перебью тебе вторую ногу и заберу баксы. Потом беседа будет продолжена. Но ни на какое снисхождение с моей стороны потом можешь не рассчитывать. Лучше представь, каково подышать в луже с переломанными конечностями, и перестань запираться. Давай, кандидат, не кокетничай. Представь, что ты делаешь доклад на научном симпозиуме...

Бомж, лелея колено, представил, погримасничал еще немного для порядка и неуверенно заговорил. Через минуту после того, как Роман для поощрения рассек арматуриной воздух над его головой, он вообще сделался таким болтливым, как будто залпом грамм двести пятьдесят принял.

Да, торопливо вещал бомж, обитала на овощной базе такая банда под предводительством Стингера. Головорезы. Одна морда уголовнее другой. Всего уголовных морд было пять экземпляров, но вчера ночью присутствовали только три, а две запропалились неизвестно куда, может быть...

– Не надо предположений, – остановил Роман разговорившегося собеседника. – Твои домыслы ровным счетом ничего не значат. Я без тебя знаю, куда подевались эти двое, знаю, где они теперь. Говори по существу.

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что бандиты привезли на базу здорового белобрысого парня и долговязую девицу, которых до утра продержали в картофелехранилище. Парня на рассвете увез в неизвестном направлении сам Стингер, который с тех пор здесь больше не появлялся. В помещении бывшей конторы, где обычно отсиживалась разбойная компания, обнаружился труп застреленного в упор бандита. Еще один мертвый бандит валяется там...

Бомж указал подбородком на тот самый бункер, куда недавно

отправился доживать свои последние денечки белобрысый Петр.

– Да? – оживился Роман. – Выходит, если он помрет, то не от скуки.

– Кто помрет? – озадачился бомж.

– Неважно, – нетерпеливо отмахнулся Роман. – Теперь немного помолчи.

Произведя нехитрые арифметические подсчеты, он пришел к выводу, что от стингеровской банды не осталось ничего, кроме трупов. Это вдохновляло. Открывало такие радужные перспективы, что хмурый осенний вечер расцветился для Романа совершенно новыми красками. Он подмигнул собеседнику.

– Ты упомянул высокую девицу... – Железный прут высек из асфальта россыпь искр. – Думается мне, что она самая обычная шлюха, но судьба ее мне почему-то безразлична. Где она сейчас? Куда подевалась?

Мутный бродяжий взгляд подернулся еще более непроницаемой пленкой и стал убегать куда попало, лишь бы не встречаться с прищуренными глазами Романа.

– Кто ее знает? Удрала скорее всего. – Бомж пожевал губами и убежденно заключил: – Наверняка удрала. Что ей тут делать? Ни кафе, ни ресторанов...

Роман недоверчиво хмыкнул, подумывая, не перебить ли собеседнику второе колено, чтобы сделать его до конца искренним. Эта таинственная Элька, которую он мельком видел вчера ночью, по всей видимости, значила для Петра очень многое, раз он сунулся в бандитское гнездо и собирался выделить ей третью часть денег. Одним словом, «лав, лав, лав».

Туман, который пытался напустить бомж, был не таким уж непроницаемым, чтобы не распознать в нем ложь. Но Роман все же не дал ходу своей арматурине. В данном случае было выгоднее применить политику не прута, а пряника.

– Сколько вас здесь обитает? – спросил он, миролюбиво улыбаясь собеседнику. – Большое у вас племя?

– Племя! – хохотнул бомж, а потом вспомнил, что ему по роли следует болезненно морщиться и, вернув на лицо соответствующую гримасу, ответил: – Когда как. Сами понимаете, происходит определенная миграция.

– Понимаю. – Роман согласно наклонил голову. – И все же. Человек десять вас наберется?

– В принципе да, – осторожно сказал бомж, не понимая, куда клонит собеседник. – А какое это имеет значение?

Разумеется, Роман не стал посвящать его в свои планы, а они уже вырисовывались у него в голове. На крайний случай, отыскав в здешних катакомбах запропавшую Эльку, можно было устроить торги с Петром, получив в обмен на нее энную сумму. Но это был запасной вариант. Романа интересовала вся наличность, а не ее часть, поэтому второй вариант казался предпочтительнее. В этом случае он предполагал набрать среди бомжей добровольцев и натравить всю их грязную ватагу на засевшего в бункере Петра. Бродяги примут на себя все пули, которые остались у пленника, а самого его растерзают на клочки, как стая диких собак. После этого Роман единолично завладеет чемоданчиком, и произойдет это значительно раньше, чем белобрысый Петр догадается умереть своей смертью. Забитым бомжам совсем необязательно рассказывать, что именно находится в кейсе. Получат по сотне на рыло и будут рады без памяти. Тем более что смогут разделить между собой также гонорары своих товарищей, геройски павших в бою.

Окончательно остановившись на втором варианте, Роман поинтересовался у притихшего бомжа:

– Имеется у вашего племени какой-нибудь предводитель? Неважно, как вы его зовете, вождем или шаманом. Лишь бы с ним можно было провести переговоры на высшем уровне.

– Есть такой, – ответил бомж и значительно кашлянул. – Толиком его зовут. Удивительной судьбы человек. Судя по его словам, в прошлом он...

– Вот именно, что в прошлом, – перебил собеседника Роман. – У вас все в прошлом. Теперь-то он просто бомж, верно? И не надо хвастаться былыми заслугами, тем более чужими. Важно лишь то, что происходит здесь и сейчас. – Заметив, что собеседнику не очень-то приятно

выслушивать подобные нотации, Роман улыбнулся и признался: – Между прочим, в настоящий момент я тоже натуральный бомж. Разница между нами лишь в том, что при этом я еще и миллионер.

– Как это? – опешил оборванный кандидат, свесив нижнюю челюсть чуть ли не до ключиц.

– А вот так. – Согнав улыбку с лица, Роман скомандовал: – Веди меня к своему вождю Толику. Только ковыляй как-нибудь без моей помощи. Сам понимаешь, прикасаться к тебе – не такое уж большое удовольствие. Я лучше блохастую бродячую кошку поглажу, чем подставлю тебе плечо.

Они передвигались гораздо быстрее, чем можно было предположить. Бомж довольно прытко хромал чуть впереди Романа и даже торбу свою прихватил, несмотря на увечье. Бряк, бряк, бряк – припевала она в его руке.

Под этот немелодичный перезвон они миновали пандус и, свернув за угол безликого серого строения, очутились перед блекло-голубой дверью, которая, несмотря на кажущуюся неприступность, оказалась открытой. Спуск вниз по узкой загаженной лестнице занял совсем немного времени, и вскоре Роман, стукнувшись головой о низкую притолоку, проник вслед за проводником в анфиладу подвальных помещений. Где-то в глубине тускло мерцал свет, бубнили голоса, и бомж, очутившись в родной вонючей атмосфере, приосанился, даже хромать стал меньше.

На его предложение постоять у входа в подвал и подождать Толика Роман пренебрежительно фыркнул и двинулся на свет, опередив попутчика на несколько стремительных шагов.

Помещение, в котором он оказался, смахивало на пещеру, заселенную несколькими первобытными на вид созданиями, греющимися у костерка, разведенного в закопченном корыте. Дым исправно втягивался в отдушину под самым потолком, а аромат жарящегося мяса перебивал все прочие запахи затхлой комнаты, поэтому Роман, приготовившийся дышать через раз, с облегчением перевел дух.

– Привет честной компании, – сказал он, разглядывая собравшихся с



плохо скрываемой иронией наследного принца, волей судьбы очутившегося среди подонков общества.

Ответом ему было молчание. Чтобы как-то развлечься во время затянувшейся паузы, Роман принялся разглядывать колоритных обитателей подземелья.

В серолицем бородаче, обряженном в ветровку жизнеутверждающего ярко-желтого цвета, нетрудно было опознать здешнего вожака. Из-за красноватых прожилок белки его глаз казались мраморными камешками.

Рядышком примостилась безобразного вида бабенка, возрастом годящаяся бородачу в матери, а поведением изображающая из себя любимую жену султана или разнузданную одалиску. Кокетливо обглаживая косточку, она прислонила голову к плечу повелителя и была так пьяна, что даже не заметила появления гостя. Блестящий плащик, наброшенный на ее плечи, показался Роману смутно знакомым, но он не стал приглядываться, отвел взгляд, визуальнo знакомясь с остальной компанией.

Третьим участником застолья являлся невероятно изможденный тип в военной шинели со споротыми знаками отличия. «Такому самое место в массовке фильма про пленных красноармейцев», – решил Роман. Казалось, что он втягивал щеки нарочно, чтобы посмешить народ, потому что таких худых физиономий у живых людей не бывает.

По левую руку от живого трупа сидел в позе лотоса дебильного вида парняга с редкой порослью на лице.

Изучив трапезничающую компанию, Роман многозначительно повторил:

– Привет. Честно говоря, не ожидал, что вы здесь мяском балуетесь. Приятно удивлен. Собачатина небось?

– А ты попробуй, – предложил предполагаемый Толик, показывая взглядом на сочащиеся кровью куски мяса, наваленные горой на грязной полиэтиленовой клеенке. – Выбирай любой, какой на тебя смотрит. Насади на свой прут и присоединяйся.

– Нет уж, спасибо, – решительно отказался Роман, хотя голодную слюну все же нечаянно сглотнул. – Я не кушаю четвероногих друзей человека, Толик. Ты ведь Толик, да?

– Угадал, – согласился бородач. – А насчет четвероногих друзей ошибся. Я и сам не люблю собачатину. Предпочитаю мясо другого рода.

Пьяная бабенка при этих словах очнулась от летаргии и визгливо засмеялась. Это походило на звуки, производимые ножовкой при перепиливании ржавого бруска.

– Рад, что в этом наши вкусы совпадают, – сказал Роман и внезапно шагнул в сторону, привлеченный неожиданным зрелищем.

В углу комнаты на поролоновой подстилке лежала голая девушка со слишком полной для ее худой комплекции грудью. Вокруг нее валялись клочья искромсанной одежды. Кроме высоких шнурованных ботинок на ней не было ничего. В тусклом свете костра она казалась такой розовой и привлекательной, что ее обязательно хотелось пощупать, как искусно изготовленную куклу. Казалось, помни в пальцах соски ее груди, и они заскрипят как резиновые.

– Это же Элька! – непритворно обрадовался Роман, остановившись над ней. – Узнаешь меня? Мы познакомились ночью на Костиной квартире. Я тогда не успел представиться, но теперь восполняю это упущение. Меня зовут...

– Я знаю, – перебила Элька. – Ты Рома. Скажи им, Рома, чтобы меня развязали... Руки совсем затекли... И еще я вот-вот окочурюсь от холода...

– Неужели замерзла? А на вид такая теплая! Прямо горячая на вид...

С этими словами Роман нагнулся и недоверчиво огладил обращенный к нему бюст, делая это так нежно, словно Элька попросила у него ласки, а не помощи.

– Потом можешь щупать, сколько угодно, – нервно крикнула Элька. – А сейчас просто освободи меня!

Роман оставил ее в покое, выпрямился и напустил на себя озадаченный вид:

– Как же я могу? Это было бы некорректно по отношению к присутствующим. Я здесь всего лишь случайный гость, и негоже мне корчить из себя хозяина... Верно я говорю, Толик?

– Верно, – подтвердил бородач в лимонной ветровке. – Уважаю. Воспитанный юноша.

– Пусть меня немедленно развяжут! – крикнула Элька в истерике. – Они человечину жрут! Я следующая на очереди! Помоги мне! Помоги же!..

– На вкус и на цвет товарищей нет, – нравоучительно произнес Роман, с удовольствием пялясь на расprostертое у его ног тело. – Между прочим, я бы тоже не отказался тебя попробовать. – Его язык быстро прошелся по пересохшим, потрескавшимся, как у ящерицы, губам. – Все же как-никак у нас с тобой состоялось мимолетное знакомство. Это не то, что есть мясо совершенно постороннего человека с неизвестными болячками. Тобой, как я погляжу, не отравишься.

– И-хи-хи! – восторженно заверещала пьяная бабенка в фасонистом плаще, который, как вспомнил теперь Роман, когда-то принадлежал Эльке.

– Заткнись, – порекомендовал ей Толик и перевел тяжелый взгляд на Романа. – Ты, как я погляжу, очень разговорчивый, красавчик. А по делу так ничего и не сказал. Ты ведь по делу сюда пришел?

– Разумеется, – кивнул Роман и предложил: – Спроси у своего хромоногого товарища, что я ему подарил. Пусть покажет тебе этот сувенир. У меня таких на всех вас хватит.

– Что там у тебя? – заинтересовался бородач, переключая внимание на бывшего кандидата наук, усевшегося на корточки за спиной Романа.

– Сто долларов. – Голос покалеченного бомжа напряженно завибрировал. – Я их честно заработал!

– О! – Бородач снова с любопытством посмотрел на Романа. – Люблю гостей, особенно богатых.

– Заплати им, и пусть меня развяжут, – закричала Элька, ужом извиваясь на поролоне.

Роман поставил башмак на ее податливо прогнувшийся живот и внушительно произнес:

– Если ты не уймешься, я сейчас попрыгаю на тебе немного. Из тебя все вылезет наружу, включая кишки. Может быть, после этого ты подрастеряешь аппетитность, но зато станешь молчаливой. – Роман убрал ногу, полюбовался рифленным отпечатком, оставленным на голой коже, и с удовольствием заключил: – Просто лежи и молчи. Это главная обязанность всех женщин на земле. Ничего другого от вас не требуется.

– И-хи-хи! – Безобразная одалиска решила по глупости, что последняя сентенция к ней не относится, и тут же опрокинулась на спину, получив по губам от Толика.

– Я слушаю тебя, Рома, – значительно сказал он, впиваясь зубами в кусок мяса, насаженный на электрод, оставленный ему в наследство неизвестно каким сварщиком. – Деньги – вещь хорошая, спору нет. Но что мы должны сделать, чтобы их заработать?

– Там, – Роман неопределенно мотнул подбородком, – мой лучший товарищ среди картошки гниет. Надо бы ему помочь...

– Вытащить, что ли? – оживился псевдокрасноармеец.

– Нет. – Роман покачал головой. Странное дело, но в его темных волосах сохранился пробор, прямой и стремительный, как просека в чаще. – Товарищ этот, можно сказать, мой боевой друг, он всеми заброшен, предан, ему горько и одиноко. Без постороннего вмешательства он слишком долго помирать будет. Хуже всякого великомученика. А надо, чтобы все быстро закончилось. Раз, два и готово... Замысел понятен?

– Угу, – согласился бородач в лимонной ветровке, насаживая на электрод новый ломоть мяса. – Наемников, значит, набираешь? Штрафбат хочешь организовать? – Тут он с узнаваемой хрипотцой пропел: – Всего лишь час для самых главных дел, кому до ордена, ну а кому до «вышки»... Так? – Толик запросто переходил с лирики на прозу.

– Что-то в этом роде, – согласился Роман, скупо улыбнувшись. – Каждый участник операции получит по сто долларов. Ты, как вдохновитель и организатор, – триста.

– Щедро. – Толик всецело сосредоточился на куске мяса, облизываемом языками пламени. Не глядя на собеседника, он скучно поинтересовался: – Этот твой товарищ, он вооружен?

– Вооружен, но совсем неопасен, – успокоил его Роман. – Такой мухи не обидит, не то что собратьев по разуму.

– Так сам бы с ним и разбирался, – предложил Толик, прежде чем запихнуть куда-то в бороду слегка обжаренное мясо.

– Отказываешься? Тебе не нужны деньги?

– Не настолько, чтобы терять из-за них голову. – Толик засмеялся собственному каламбуру.

Роман занервничал:

– Послушай, я ведь предлагаю хорошие деньги, очень хорошие! Где ты еще возьмешь столько?

– Что-нибудь придумаю, – сказал Толик, равнодушно чавкая. – Голь... мням-мням... на выдумки хитра... мням-мням...

Его сотрапезники молча следовали его примеру, не вмешиваясь в разговор. Казалось, они готовы вечно предаваться этому занятию, лишь бы запасы мяса пополнялись сами собой, а костерок в корыте никогда не угасал.

Почему-то Роману показалось, что теней, безмолвно пляшущих на стенах, собралось в комнате значительно больше, чем живых людей. Ему стало не по себе под этими низкими закопченными сводами, напоминающими пещерные. Он почувствовал себя путешественником во времени, угодившим в каменный век.

– А если я удвою сумму? – вкрадчиво спросил Роман, не желая вызывать страх или признавать поражение.

– Сколько у тебя всего бабок? – ответил вопросом на вопрос Толик, ожесточенно ковыряясь электродом в ухе. – Назови окончательную цену. Я сам в прошлом математик, люблю точные цифры.

– Четыре тысячи девятьсот долларов. – Роман прищурился. – Это

меняет дело?

– Не-а. Я просто из любопытства поинтересовался. Хотел узнать пределы твоей платежеспособности, красавчик.

– Ладно, – сказал Роман с деланным спокойствием, которое давалось ему со все большим и большим трудом. – Тогда продай мне эту девчонку. Плачу за нее сотню... Три, – поправился он, спеша договориться с упрямцем.

– Зачем она тебе нужна? Голых баб не видел, что ли? Так любуйся, сколько влезет. Даром.

На этот раз смех главного бомжа подхватил весь подвальный народец, причем особенно выделялись повизгивания опустившейся вакханки.

Смерив жизнерадостную компанию бродяг недобрым взглядом, Роман перехватил поудобнее свой железный прут и процедил:

– Веселая вы публика. Главное, бескорыстная. Завидую вам.

– Правильно делаешь. – Толик важно кивнул, прошуршав паклеобразными патлами по своей веселой курточке. – А вот лично я тебе не завидую. – В последнем утверждении прозвучала неприкрытая угроза.

– Что ты сказал? – презрительно протянул Роман, сделав шаг в направлении наглого жоака.

Тот внезапно обнажил редкие коричневые зубы, сунул в рот два пальца и издал такой лихой разбойничий посвист, что в ушах Романа звенело еще добрую минуту.

Но он не очень отчетливо осознавал это. Потому что на призывный свист откуда ни возьмись явилась целая вонючая орава, толкаясь в дверном проеме, чтобы поскорее собраться за спиной Романа. Участники застолья, все, кроме Толика и его пассии, тоже вскочили на ноги, после чего Роман оказался в окружении весьма враждебно настроенной аудитории. В общем ропоте ощущалась едва сдерживаемая ненависть к чужаку, посмевавшему одним только своим внешним видом напомнить собравшимся, что они не всегда являлись отбросами

общества, а тоже имели апломб, пальто и пристойные стрижки.

– Повтори-ка свой последний вопрос, я не расслышал. Дословно. – Толик не предлагал, а повелевал, точно Роман в одно мгновение превратился в одного из его подданных. – Давай, красавчик. Я жду.

– Э... Ну, я спросил, что ты сказал? – Помимо воли Романа тон его сделался заискивающим.

Он попытался незаметно выпустить из рук железный прут, но тот вызывающе звякнул, привлекая к себе всеобщее внимание.

– Гы-ы!!! – общая реакция прозвучала угрожающе, как раскат близкого грома.

Роман бы попятился, но он находился в таком плотном окружении подземного народца, что в этом не было ни малейшего смысла. Куда ни ткнись, всюду поджидали грязные лапы, тянущиеся к нему, как к яркой игрушке, брошенной в середину обезьяньей стаи.

Вожак, выдержав значительную паузу, наконец заговорил, и тон его был столь презрителен, словно он успел поменяться с гостем социальным статусом.

– Я сказал, что не завидую тебе, – произнес он, разжимая губы так неохотно, что борода и усы оставались почти неподвижными. – Ты попал в скверную историю, красавчик. В такую скверную историю, что она тебе даже в страшном сне не могла привидиться, когда ты лежал в своей чистенькой постельке. И вот ты очутился на дне. Напрасно ты решил, что будешь расхаживать тут с важным видом, задирать нос, прицениваться к нам, как какой-то работороговец... Что будешь делать теперь, когда останешься без копейки? Чем станешь утверждать свое превосходство?

Романа уже успели несколько раз ударить в спину, по затылку и по почкам. Пока что это делалось незаметно, украдкой, но его ощущения были от этого не менее болезненными. Разумеется, подобное грубое обращение негативно сказалось на его сообразительности, которой он всегда так гордился.

– Почему без копейки? – тупо спросил Роман, огладив внутренний карман, в котором хранились доллары.

– Потому что сейчас ты все отдашь мне. – Рука Толика требовательно выдвинулась вперед, шевеля грязными пальцами с обгрызенными ногтями.

– За что? – вскрикнул Роман, дивясь тому, как тоненько и пронзительно прозвучал его голос. Такой бывает у зайцев, попавших в западню.

– Ногу мне перебил, паскуда! – вмешался бывший кандидат наук, явно наслаждаясь таким поворотом событий. – Вот сейчас я на тебе отыграюсь! Ты теперь до конца жизни будешь на четвереньках передвигаться!.. Он еще спрашивает, за что! – Тон покаленного бродяги преисполнился праведного гнева.

– Деньги сюда! – рявкнул Толик, выпрямляясь во весь рост.

Его подданные подались вперед, беря Романа в такое плотное кольцо, что он испугался, что задохнется от смрада годами не мытых тел.

– Да пожалуйста! – Пачка долларов незамедлительно появилась на свет и протянулась в сторону Толика, выжидающе подрагивая.

– Ну, спасибо. – Подношение было милостиво принято, после чего доллары некоторое время шуршали в изучающих их пальцах. – Все правильно, четыре тысячи девятьсот, – милостиво заключил Толик. – Приятно, что ты оказался порядочным человеком. Терпеть не могу врунов и проходимцев.

– Я могу идти? – с надеждой осведомился Роман, совершенно не чувствуя себя польщенным. И его голос, и сам он одновременно подрагивали.

– Сначала ответишь на пару вопросов. – Рука Толика властно метнулась в полумраке, повелевая подданным расступиться, чтобы не мешать допросу пленника. – Для чего тебе нужна была эта голая сучка? Это интересует меня не только как бывшего сексопатолога с пятнадцатилетним стажем. Твоя знакомая болтала тут что-то о миллионах, но я подумал тогда: врет. Теперь мне кажется, что есть смысл развить эту тему.

Роман замешкался, чтобы придумать какую-нибудь правдоподобную



байку, но, получив чей-то удар под ребра, не стал слишком медлить с ответом:

— Этот Петр, которого я столкнул в яму... — Он сглатывал слюну так часто, что речь его звучала очень уж прерывисто. — У него кейс с моими документами. Я хотел их забрать, вот и все.

Толик подал людям за спиной Романа непонятный знак, и тут же оба его уха наполнились острой болью, заставившей его опуститься на колени. Лишь когда боль частично отступила, Роман догадался, что его хлопнули по ушам раскрытыми ладонями, загоняя в раковины воздух. После такой процедуры трудно было надеяться на полную сохранность барабанных перепонок.

— Я спросил про сучку, которую ты хотел купить за триста долларов! — заорал Толик. От ярости цвет его лица сделался значительно темнее, чем серая растительность на нем. — Что ты собирался с ней сделать?

— Обменять на кейс. — Роман отнял пальцы от ушей и с ужасом обнаружил, что правая рука перепачкана кровью. — Ее Элькой зовут. — Он потряс головой, надеясь избавиться от воздушной пробки, образовавшейся в изувеченном ухе. — Петр к ней питает нежные чувства и все такое.

— Пока вопросов больше нет, — порадовал его Толик. — Только один, последний... Что на самом деле находится в этом кейсе? Деньги?

Роман чуть не заплакал от отчаяния. Заметив его затруднения, собеседник улыбчиво раздвинул бороду и предложил:

— Можешь не отвечать вслух, если тебе неприятно. Просто кивни и все. Это избавит тебя от лишней боли.

Голова Романа совершила едва заметный утвердительный наклон.

— Вот и умница, — обрадовался Толик. — Теперь вставай и иди сюда... Ближе... ближе...

В его руках появилась брезентовая трубка, набитая чем-то сыпучим. Импровизированная дубинка, дожидаясь приближения Романа, мягко покачивалась в воздухе, подобно гигантской сардельке, которой подманивают пса, прежде чем сотворить с ним что-нибудь очень

нехорошее.

Опасливо косясь на нее, Роман сделал шаг... второй... третий... После этого брезентовая трубка взвилась в полумраке и глухо ударила его в висок.

Единственное, что он успел понять, прежде чем рухнуть на пол, так это то, что матерчатая кишка была набита не только сыпучим, но и невероятно тяжелым веществом.

На большее Романа не хватило. Приложившись лбом к бетону, он вообще забыл, кто он такой и каким собирался быть всю оставшуюся жизнь.

# Глава 21

## Хороша Даша, да не ваша и не наша

Александр Викторович Мамонтов проживал не только в значительном отдалении от заброшенной овощной базы, но и вообще был страшно далек от народа, особенно того, который носит космополитическую характеристику «без определенного места жительства». Не относился Мамонтов и к просто малоимущим слоям населения. Как говорится, он не был стеснен в средствах.

Его трехэтажный особняк походил на загородную помещичью усадьбу, хотя обосновался он почти в самом центре Курганска, отвоёвав у городских властей территорию, предназначавшуюся для строительства храма божьего.

Галогенные фонари на ограде сияли по ночам недремлющими очами, круглые сутки крутились на змеиный манер рыльца обзорных камер, бодрствовали охранники, особенно те, кто дежурил за электронным пультом в караульной будке. Вдоль подъездной дорожки прогуливались в разных направлениях два угрюмых амбала с собаками. Начальник службы безопасности Мамонтова, конечно, преувеличивал, когда говорил, что здесь и муха не пролетит незамеченной, однако прилюдных кошек, например, на участке никогда не наблюдалось, и это лучше всего свидетельствовало о бдительности охраны.

Те, кого в усадьбе ждали, для начала оказывались в огромном холле, впечатляющем, как станция сталинского метро в миниатюре. Затем гости следовали либо напрямик в кабинет Мамонтова, либо в столовую, это уж в зависимости от цели их визита.

Кабинет был сверху донизу обшит белым металлопластиком, да так тщательно, словно являлся отсеком подводной лодки. Разумеется, он был украшен всякими электронными цацками, позолоченными

штуковинами и даже неуместным мрамором цвета мутной морской воды. Здесь посетитель мог переговорить с хозяином о делах насущных, а если Мамонтов оставался один, то он попросту играл в покер с виртуальными компьютерными девочками, раздевая их с необычайным проворством.

Столовую по повелению Мамонтова попытались выдержать в стиле рыцарской трапезной, однако дальше дубовых балок, исполинского камина и пары фальшивых доспехов дело не пошло. Резная дубовая мебель, несмотря на свою неподъемность, выглядела хлипковатой, чтобы претендовать на средневековый стиль. Приглушенная музыка Вагнера тоже была позаимствована из совсем другой эпохи. А больше всего общее впечатление портили большие прямоугольные окна, забранные голубоватыми бронированными стеклами толщиной в палец. При взгляде на них гости сразу вспоминали, что находятся не в баронском замке, а в особняке современного русского бизнесмена, пусть и крутейшего по провинциальным меркам.

Кормили в доме сытно, но просто, без всяких кулинарных извращений. Нехитрые закуски типа нарезки из семги, супчик с расстегаями, ростбиф с картофельным пюре. Когда какой-то умник во время застольного тоста однажды высказался в том духе, что при своем достатке Мамонтов мог бы завтракать вареными яйцами Фаберже, тот с достоинством ответил, что уже как-то пробовал бычки – и остался не в восторге.

Прост он был по натуре, этот человек, хотя по внешнему виду и не скажешь.

В своих элегантных пиджаках, выдаваемых то за «Версаче», то за «Валентино» – в зависимости от уровня общения, – Мамонтов вряд ли проник бы в элитный столичный клуб, однако в родном городе не было таких мест, где его не принимали бы с должным уважением, будь это прокуратура, налоговая инспекция или даже ночной клуб «Мистер Икс». Проницательные люди не очень-то верили в то, что знаменитые модельеры когда-либо конструировали одежду для таких бочкообразных фигур, как у Мамонтова, но держали свои догадки при себе. Ведь и наличные деньги в бумажнике, и безлимитная кредитная карточка «Мастер-кард» – все это было у Мамонтова абсолютно подлинным.

При своем росте 176 сантиметров олигарх губернского масштаба выглядел со стороны почти коротышкой, потому что непропорционально раздался в стороны и занимал в ширину ненамного меньше пространства, чем в высоту. Двухсотдолларовые галстуки с вышивкой «Ив Сен-Лоран», в принципе, кое-как сходились на его шее, но Мамонтов все равно вынужден был носить их полуразвязанными, потому что начинал задыхаться даже после чинного, неспешного перехода из столовой в спальню и обратно (наиболее частый его маршрут в свободное от работы время).

В мамонтовской лапище запросто тонула сотовая телефонная трубка «Нокия», а сигара «Партагас» выглядела тоненькой как зубочистка. Для того, чтобы носить на запястье часы, отдаленно напоминающие настоящие «Картье-Паша», Мамонтову пришлось заказывать новый браслет. А цепочка со старательно выгравированным логотипом Гуччи, которую он таскал на правом запястье, запросто сошла бы за ожерелье на шее какой-нибудь худосочной дамочки.

Кстати говоря, на такие дорогие подарки могла рассчитывать только одна женщина на свете – молодая жена Александра Викторовича, Дашенька, в которой он души не чаял. Одних песцовых шубок у нее хватало на полный комплект «неделька», и, хотя все они были белоснежными, покроем каждой чем-то да отличался от остальных. Мамонтов невольно обратил на это внимание, когда вывалил все шубы на ковер в спальне жены и стал обдумывать, что бы такое сотворить со всем этим меховым изобилием. Облить бензином и поджечь? Искромсать настоящим турецким ятаганом, висевшим на стене в его кабинете? Опрыскать разноцветной нитроокраской из пульверизаторов?

– Сашенька, – робко окликнула его жена, приютившаяся на краешке кровати. – Успокойся, милый. Потом сам будешь жалеть, а сделанного не воротишь...

– Вот именно! – заорал Мамонтов, задыхаясь гораздо сильнее, чем обычно. – Ничего уже не воротишь! Ни-че-го!

Он наступил на первую попавшуюся шубу обеими ногами, рванул ее за рукав и злорадно осклабился, услышав треск рвущейся материи.

– Сашенька! – Даша молитвенно сложила руки на небесно-голубом кимоно. – Прошу тебя!.. Заклинаю!..

– Она меня просит! Ха! Ха! – сардонически воскликнул Мамонтов, поднатужился и через пару секунд победоносно взмахнул в воздухе оторванным меховым рукавом.

Дышал он при этом так тяжело, словно только что покорил Эверест, чтобы водрузить на нем свое песцовое знамя.

Даша заиграла всем своим холеным личиком, показывая, что готовится зарыдать. Но она не сумела выдавить из себя ни слезинки, даже когда к ее ногам полетел второй рукав многострадальной шубы.

Все было слишком банально, чтобы вызывать такие бурные эмоции, которые Даша проявляла во время просмотра телесериалов.

Вчера утром Мамонтов отправился в короткую деловую поездку, а Даша – провести родителей, живущих в маленьком городке Новотроицк. Благополучно расставшись с приставленными к ней охранниками, она помчалась обратно в Курганск, припарковала свой джип на платной стоянке аэропорта, а сама вылетела рейсом номер 015 в Москву, где ее с нетерпением дожидался любимый человек, далеко не такой богатый, как собственный муж, но зато молодой, по-спортивному поджарый, с мускулистыми ягодичками, за которые Даше так иногда хотелось подержаться обеими руками.

В общем, они оба на славу подержались друг за друга, кто за что хотел – мало ни ей, ни ему не показалось. Даша за время свидания совершенно вымотала и себя, и своего любовника, несколько раз пережила настоящее иступление, после которого наступала такая сладкая истома, которую ни за какие коврижки не испытаешь в размеренной семейной жизни. Даша вообще позволила себе забыть о существовании мужа. Его туша абсолютно не вписывалась в тот маленький праздник жизни, который она решила себе устроить.

Поскольку Мамонтов тестя с тещей не жаловал и общаться с ними упорно не желал, легенда насчет домашних посиделок никогда не давала сбоев. Единственный звонок супруга поступил на сотовый телефон, и Даша, уютив головку на волосатую грудь любовника, безмятежно соврала, какие славные вареники она налепила с мамой и как объелась ими за домашним столом перед телевизором. «Теперь еле языком ворочаю, пальцем не могу пошевелить», – мурлыкала она в трубку. И в правдивости ее слов невозможно было усомниться.

Номер, как обычно, прошел. Даша не впервой пошаливала подобным образом и пребывала в полной уверенности, что на этот раз тоже все обойдется.

Ее подвела проклятая синяя «Тойота», неизвестно откуда взявшаяся на трассе. Подремав в самолете после бессонной ночи, Даша благополучно прилетела в Курганск, села в свой джип «Мицубиси» и покатила домой. Она как раз беседовала по телефону с матерью, чтобы придать своей легенде побольше достоверности, когда псих в «Тойоте» опасно подсек ее джип, вынудив спешно свернуть на обочину.

Стоило Даше кое-как справиться с волнением, унять дрожь в руках и продолжить путь, как тот же самый псих вторично атаковал джип, и на этот раз все закончилось печально. Даша едва успела уйти от лобового столкновения с «Тойотой», однако не справилась с управлением и здорово тюкнулась о какую-то сельскохозяйственную рухлядь, брошенную в начале проселочной дороги. Мотор заглох, одна шина оказалась распоротой, а левое колесо вообще вывернулось сикось-накось, перестав подчиняться рулю.

Насмерть перепуганная всеми этими неожиданными маневрами «Тойоты», Даша принялась спешно вызванивать начальника охраны мужа. Невыносимо долго вкрадчивый женский голос убеждал ее на двух языках, что связь с абонентом временно невозможна, а тем временем знакомая «Тойота» возникла на проселке в третий раз, и ее безумный водитель предстал перед Дашей собственной персоной.

Наверное, его можно было назвать симпатичным, даже красивым. Если бы не стеклянный отблеск немигающих глаз, если бы не кривая улыбка, честно предвещавшая сплошные неприятности. Увидев этого молодого темноволосого парня, Даша так перепугалась, что совершенно потеряла над собой контроль. Этот псих сумел подчинить ее одним своим тоном, одной угрожающей миной, которая появилась на его лице, когда Даша оказалась в его полной власти. Кажется, он что-то спрашивал про оружие... Отнял телефонную трубку и забросил ее подальше... Потом... потом... Даше совсем не хотелось вспоминать, что приключилось потом, хотя именно этот момент запомнился ей лучше всего.

Никто ни разу не унижал ее подобным образом. Нет, конечно, сексуальный опыт Даши, как таковой, ничуть не обогатился после

столкновения с психованным брюнетом, но морально она была раздавлена так, как еще никогда в жизни. Ее попросту использовали, словно какой-нибудь дешевый презерватив, позабавились мимоходом и брезгливо бросили. Ощущение собственной значимости, красота, богатство, положение в обществе – все оказалось изгаженным, оскверненным, втоптаным в грязь.

Именно этого добивался парень, как сообразила Даша, когда он исчез. Он и не собирался ее убивать, он просто продемонстрировал свое превосходство, и то, что она покорно опустила перед ним на колени, добивало ее больше всего.

Отыскав на пашне телефонную трубку, которая, к счастью, оказалась цела, Даша все же дозвонилась до начальника охраны и плачущим голосом сообщила, что подверглась нападению и грабежу. Ей некогда было соображать, как она станет объяснять свое присутствие на трассе, ведущей из аэропорта. Она желала мести, мечтала о расправе над психом из «Тойоты», а все остальные мысли ушли на задний план.

Отряд быстрого реагирования прибыл на место происшествия на удивление оперативно, и Даша, захлебываясь запоздалыми истерическими рыданиями, стала жаловаться на неизвестного безумца, умалчивая об истинной подоплеке их столкновения. Якобы он дважды умышленно шел на таран, вынудил Дашу остановиться и, угрожая ножом, отобрал у нее пару сотен долларов. Она знала, что и этого будет достаточно для того, чтобы по всему городу начались немедленные поиски темно-синей «Тойоты».

Искать ее, кстати, не пришлось. Она, словно издеваясь, опять возникла на горизонте, заманила за собой обе машины охранников и подвела их под аварию, в результате которой один боец погиб, а трое получили тяжкие увечья.

Даша не жалела этих олухов, а мысленно проклинала за то, что они упустили обидчика. И ее праведный гнев продолжался до того самого момента, когда домой вернулся Мамонтов. Он, толстокожее ископаемое, вместо того чтобы посочувствовать любимой жене, принялся настойчиво выяснять, что она делала в аэропорту.

Оказалось, что это произошло с подачи начальника службы охраны. Не шибко торопясь организовывать поиски зловредной «Тойоты», этот



пронырливый тип успел навести справки в авиакассах и доложил Мамонтову о Дашиных подозрительных перелетах в Москву и обратно. Кроме того, он, гнусный сыскарь, догадался наведаться на автостоянку и выяснил, что Дашин джип простоял там всю ночь.

Под давлением таких явных улик отпираться было бесполезно, но она пыталась, упорно не желая признавать свою вину. Наспех придумала какую-то соученицу, какую-то ее фантастическую свадьбу, на которой нельзя было не побывать. Все это звучало как жалкий лепет, а подлинную искренность голос Даши приобрел, лишь когда взбешенный ее запирательствами Мамонтов принялся за методичное уничтожение ее меховой коллекции.

– Сашенька!.. Не надо!.. – умоляла она, и тон у нее получался даже более проникновенным, чем когда она выпрашивала у мужа эти самые шубы, одну за другой.

– А что надо? – желчно осведомился он, прерывая свое варварское занятие, потому что сам испугался того натужного сипения и бульканья, которые вырывались из его груди.

«Перекипевший чайник», – подумала про себя Даша и, робко улыбнувшись, порекомендовала:

– Надо успокоиться, милый. Тебе вредно так волноваться. С твоей астмой...

– Какая еще астма, дура! У меня сроду астмы не было! – обидчиво заголосил Мамонтов, после чего добрых две минуты держался за жирную грудь и, жутко присвистывая легкими, ловил ртом воздух, напоминая исполинскую рыбину, выволоченную на сушу.

– Все равно надо прежде всего заботиться о своем здоровье, – резонно заметила Даша. – Все остальное приложится.

– Ты мне голову не морочь! Чем ты занималась в Москве, дрянь такая? – устало спросил Мамонтов.

– Я же тебе уже несколько раз объясняла, – ответила Даша с усталостью в голосе. – Я была на свадьбе... Выходила замуж моя бывшая соученица, лучшая подруга, можно сказать...

– Почему же ты меня не поставила в известность, что летишь к ней на свадьбу? – запальчиво перебил ее муж. – Почему врала, что сидишь у родителей и лопаешь какие-то дурацкие вареники с картошкой?

– Это мы уже тоже обсуждали, милый. Просто я боялась, что ты меня...

– Не отпущу, – закончил Мамонтов за жену. – Слышал. Помню. Но не верю ни единому твоему слову! Не верю!!!

Сам Станиславский не сумел бы придать этому утверждению столько страсти и пафоса. Рванув на груди итальянскую сорочку вместе с французским галстуком, Мамонтов застыл посреди спальни угрюмым пузатым исполином, сверля взглядом стену и брезгливо оттопырив нижнюю губу.

Даша заволновалась, подалась вперед, едва не выскочив из своего шелкового кокона. Она слишком хорошо знала, что означает подобный транс. Выходя из него, Мамонтов обычно принимал твердые решения, которые потом уже никогда не менялись. Случалось даже, что после подобных приступов мрачной задумчивости трагически гибли его партнеры или конкуренты. Нужно было срочно заставить его очнуться, опомниться. Даша даже представить себе боялась, чем может закончиться вся эта неприятная история, если ей не удастся найти почву для примирения.

– Сашенька, – призывно окликнула она, поведя плечами так, чтобы скользкий шелк сполз с ее красивых плеч. – Ну, хватит дуться. Иди сюда, котик...

Котик, весом в центнер с лишним, упрямо остался на месте, но взгляд от стены оторвал, соизволил перевести его на жену.

– Не пойду, – буркнул он с вызовом.

– Тогда я к тебе! – Полы Дашиного кимоно очень удачно разъехались в стороны, едва-едва удерживаемые пояском.

Потрясая нежно-розовыми молочными железами, похожими на пикантные колбаски, она порывисто вспорхнула с кровати, но не успела сделать даже шага для сближения с мужем.

– Не подходи! – воскликнул он, делая отстраняющий жест рукой.

Если бы не внушительная комплекция, Мамонтов в этот момент стал бы похож на пустынного отшельника, который отгоняет искушающего беса.

– Но почему? – Как бы в полнейшей растерянности Даша принялась теревить поясок, распуская его до нужных пределов. У нее ведь имелись не только молочные железы, но еще одна маленькая штучка, которую хозяйка звала кисой.

Поясок змейкой свился у Дашиных ног. Настоящее японское кимоно послушно распахнулось. И никакая гейша не смогла бы показать мужчине то, чем постаралась приманить своего супруга русская красавица Даша, ухоженная, сытая, гладкая. Привычный ко всему массажист растерял бы все свои профессиональные навыки при виде этой ослепительной наготы. Гинеколог с двадцатилетним стажем работы испытал бы немедленную эрекцию. Режиссер порнографических фильмов потерял бы покой и сон на всю оставшуюся жизнь.

А Александр Викторович Мамонтов остался стойким и непреклонным, как бесчувственный истукан, как крепостная башня, готовая вынести любую осаду. Он смерил все Дашины прелести таким ледяным взглядом, что мурашки стремительно побежали по ее голой горячей коже, а температура тела мгновенно упала до 35,6 градуса по Цельсию.

– Ты уезжаешь, – твердо заявил Мамонтов, глядя Даше в глаза, а не куда-нибудь еще.

– Куда?

– В свой сраный Новотроицк. К папе-маме. Будете там вместе вареники жрать, если, конечно, их пенсии на муку и картошку хватит. От меня ты не получишь ни копейки.

Он не кричал, не бегал по комнате и не брызгался слюной. Это было очень скверное предзнаменование. Лихорадочно взвесив все «за» и «против», Даша поняла, что, если ей немедленно не удастся переломить ситуацию, все произойдет именно так, как пообещал ей неумолимый супруг. Ему срочно требовалось выплеснуть наружу все накопившиеся

громы и молнии. «Значит, без громоотвода не обойтись», – решила Даша.

– Эх, Саша, Сашенька... – Она зябко закуталась в кимоно, стремясь выглядеть беззащитной и хрупкой. – Вот ты кричишь на меня, всякими глупостями попрекаешь, из дома выгнать собираешься... И ведь даже не поинтересовался, каково мне было, когда я оказалась один на один с этим вооруженным психопатом, с этим насильником и грабителем...

– Насильником? – тупо переспросил Мамонтов. Похоже, из всей Дашиной увертюры только это слово дошло до его сознания.

– Да. – Она понизила голос до едва слышного шепота, поэтому на всякий случай кивнула, чтобы быть правильно понятой.

– Насильником! – угрожающе повторил Мамонтов и опять задышал так часто и сипло, словно внутри него возобновился процесс бурления. Не один только его возмущенный разум – он весь кипел, до основания.

Горестно понурившись, Даша искоса бросила на мужа быстрый взгляд, желая удостовериться, что затронула ту самую струну, с помощью которой можно переключить его внимание на проблемы более значительные, чем ревность.

Жалость, вот как называлась эта струна. И Даша осторожно продолжила играть на ней свою душесщипательную мелодию.

– Этот подонок... – Она сделала вид, что не в силах продолжать, и, лишь дождавшись нетерпеливого понукания, опустила голову еще ниже и прошептала: – Он... Он надругался надо мной...

– Что? Говори громче! Ни хрена не слышу!

С неожиданным проворством подскочив к Даше, Мамонтов схватил ее за подбородок и заставил поднять лицо с успевшими повлажнеть глазами.

– Над твоей женой надругались! – воскликнула она уже во весь голос, постепенно преисполняясь неподдельным гневом. – Ее оскорбили, унизили! А ты, вместо того чтобы отыскать и наказать мерзавца, устраиваешь идиотские допросы, выясняешь отношения! – Даша вырвала подбородок из пальцев мужа, задрала его как можно выше и с

горечью закончила: – Эх ты, защитник, называется!.. Как же только тебе не стыдно!

– Мне? – Мамонтов задохнулся и выпучил глаза так сильно, что белки округлились и увеличились до размеров шариков для пинг-понга.

– Ну да, конечно. – Даша опять понурилась и понизила голос. – Стыдно должно быть мне одной. За то, что я, слабая, беззащитная женщина, оказавшись лицом к лицу с ненормальным маньяком... – Она резко отвернулась от мужа, стремительно отошла от него и бросилась ничком на кровать.

«Голубой шелк на черном атласном покрывале – это должно смотреться здорово», – подумала Даша. К тому же при падении на кровать кимоно очень удачно обнажило ее длинные ноги. При этом ее больше всего волновало, как выглядят пятки, которые она уже давно ленилась обработать пемзой. Это был единственный изъян в разыгрываемой ею сцене, но она справедливо полагала, что пятки не привлекут слишком пристального внимания супруга.

Свистящий вдох, kloкочущий выдох. Это повторялось за ее спиной так долго, что Даша вообразила себя какой-то Анной Карениной, улегшейся на рельсы. К ее облегчению, паровоз замер на месте. Стоял пока что на запасном пути, не зная, в какую сторону ему тронуться: беспощадно давить ли провинившуюся Дашу или мчаться на поиски ее обидчика.

Даша несколько раз всхлипнула и немного поерзала на покрывале, полагая, что вид ее доверчиво оголившейся попки вызовет у мужа должные отеческие чувства. Мол, отшлепай, прости и прижми к своей широкой груди. «К своей потной, жирной груди с отвратительными бабскими сиськами», – поправилась она мысленно.

Позади тихонько звякнула пряжка расстегиваемого ремня, прозвучало короткое шуршание. Даша уж решила, что ее ждет короткая бурная случка с последующим примирением, когда вслед за свистом рассекаемого воздуха ее ягодицы обожгло такой жгучей болью, что из глаз брызнули слезы, на этот раз выстраданные по-настоящему.

– Ай! – крикнула она очень по-детски, но, прежде чем успела проворно перевернуться на спину, заработала по заднице еще один

хлесткий удар ремнем, таким же неумолимым, как тот крокодил, из кожи которого он был сработан.

— Это для профилактики, — пояснил Мамонтов. — Чтобы жизнь медом не казалась. А теперь я тебя слушаю. Внимательно. И лучше бы тебе говорить правду, если не хочешь заработать пряжкой по своей... по своей... — Отдышавшись, он с трудом закончил: — Наглой... физиономии...

По-разбойничьи присвистнув, ремень описал в воздухе замысловатую петлю и сшиб с тумбочки свадебную фотографию.

Даша очень живо представила себе, как будет выглядеть после подобного удара. Заплывший глаз. Распухшие губы. Или вообще уродливый провал в недавно отремонтированных зубах. После этого ей захотелось быть очень искренней и многословной, и ее убивало, что муж не давал ей довести ни одной тирады до конца.

— Я ни в чем не виновата! — взвизгнула она, и тут же, пресекая продолжение, последовало угрюмое:

— А кто виноват?

— Этот псих из «Тойоты»! — продолжала Даша все тем же пронзительным голосом. — Он...

— Он высмотрел на дороге одинокую поблядушку на дорогой машине, — вкрадчиво уточнил Мамонтов. — Она возвращалась из Москвы от своего хахала. Покусанная, исцелованная. Естественно, мимо такой шлюхи трудно проехать мимо. Он не проехал... И что было дальше?

— Кошмар был, вот что! — Дашин голос начал постепенно падать, как стрелка барометра, почуявшая надвигающуюся бурю. — Подходит он, значит, и...

— ...И говорит, — перебил ее Мамонтов, улыбочиво раздвигая бульдожьими щеки. — Мол, говорит, дорогая, давай я тебя как бы изнасилую, а ты как бы испугайся и не оказывай сопротивления... Так?

— Да ты что! — возмутилась Даша.

Она уже пожалела, что обрядилась в это дурацкое коротенькое кимоно, а не в какой-нибудь толстый халат до пят. Теперь не удавалось

даже колени как следует прикрыть, а Мамонтову это, похоже, нравилось.

Вжих! Ремень сшиб на пол еще одну фотографию, особенно любимую Дашей, ту, на которой она целовалась с милым мохнатым осликом на морском побережье. Эта радость случилась целых пять лет назад, но все равно Даше стало обидно, ей показалось, что Мамонтов разбил вдребезги всю ее молодость, раздробил на мелкие осколки все ее светлые воспоминания, да так беспощадно, что из них уже никогда не удастся составить целостную картинку.

– Сволочь! – крикнула она.

Если бы это случилось мгновением позже, она не успела бы высказаться столь живо, поскольку ременная пряжка, лихо присвистнув, проехала по ее губам. Даша обожала яркие тона помады, но то, что приключилось с ее ртом после соприкосновения с металлической пряжкой, не шло ни в какое сравнение с искусственным макияжем. Раздавленные вишни – вот во что превратились Дашины губы. Сочные и колоритные, хотя ее это ничуть не обрадовало.

– Кто из нас двоих сволочь? – вкрадчиво поинтересовался Мамонтов, разглядывая супругу с таким удовлетворением, которому позавидовал бы сам маркиз де Сад.

– Уж никак не я! – плаксиво заявила Даша, лихорадочно соображая, как бы поплавнее съехать с неудачно затронутой темы.

Рассеченные в кровь губы повиновались ей неохотно.

– Может быть. Но нас двое в этой комнате. Следовательно, сволочью является один из нас. Не хочешь ли уточнить, кто именно?

И были новые посвисты ремня, и новые слезы, и наконец запоздалое раскаяние. Для начала Даше пришлось отказаться от нелепой версии со скоропалительной поездкой на свадьбу подруги. Правду говорить было нелегко, но, когда признание было с горем пополам сделано, Дашина речь ускорила, потекла гораздо более свободно, почти непринужденно, если бы не распухшие губы. К отвратительному эпизоду на дороге она приступила даже с некоторым облегчением, поскольку тут не чувствовала за собой ни малейшей вины и полагала, что супруг все-

таким обязан пожалеть ее, посочувствовать и обратить праведный гнев против насильника.

– Да, – медленно подытожил Мамонтов, когда Дашин рассказ отзвучал, оставив после себя в комнате одну только звенящую тишину. – Хороша у меня жена, ничего не скажешь. Добрая, отзывчивая. Любому проходимцу готова приятное сделать, просто так, от щедрости души. Буквально за красивые глаза.

Даша позволила себе обидеться, впрочем, не выпуская из поля зрения ремня в руках супруга.

– Не понимаю, как ты можешь говорить подобные гадости! – воскликнула она. – В чем тут моя вина?

– Тебя били? Пытали? Вязали веревками? Выкручивали тебе руки, приставляли пистолет к виску? – Мамонтов склонил круглую голову к жирному плечу, дожидаясь ответа с подчеркнуто саркастической миной.

– У него был нож! – взвизгнула Даша.

– Большой? Как у какого-нибудь долбаного Рэмбо, да?

– Не знаю, не видела! Этот подонок не вынимал его из кармана!

– А может быть, и не было никакого ножа? – вкрадчиво спросил Мамонтов. – Может быть, тебе просто захотелось пошалить еще немного? Отметить, так сказать, возвращение на родину... А?

– Но...

Мамонтов перебил ее, страшно кривя лицо:

– Если каждый встречный будет предлагать тебе обслужить его, а ты станешь выполнять все подобные просьбы, то место тебе в борделе, а не в приличном доме!

– Он...

– Можешь не продолжать! Он дал, ты взяла! Уладили дельце полюбовно, так сказать... По обоюдному согласию!



От несправедливости этих упреков у Даши перехватило горло. Порывисто вскочив с кровати, она заметалась по комнате. Босые ноги ступали по пушистому ковру совершенно бесшумно, только кимоно возмущенно шуршало. Кое-как обретя способность изъясняться связно, Даша остановилась напротив мужа и плаксиво спросила:

– Ладно. Что же я, по-твоему, должна была делать? Что мне оставалось?

– Откусить его поганый член, вот что! – прогудел Мамонтов, глядя на жену с нескрываемой брезгливостью. – Ты могла хотя бы покричать для приличия, оказать какое-то сопротивление... Закрыться в машине, наконец...

– Я испугалась! – крикнула Даша. – Я оцепенела от страха и...

– Погоди, я не закончил! – Ухватив жену за плечи, Мамонтов встряхнул ее так неистово, что она чуть не вывалилась из своего кимоно, как шелкопряд из кокона. – Ты предпочла повести себя как распоследняя шлюха! – кричал он. – Ты опозорила меня на весь свет! – С каждой фразой голос Мамонтова постепенно преисполнялся патетики человека, оскорбленного в лучших чувствах. – Теперь всякая сволочь будет считать, что можно запросто поиметь мою жену, унижить меня, выставить на всеобщее посмеище... Мои партнеры перестанут уважать меня! – Он даже взвизгнул от избытка чувств. – Ведь если я позволяю каждому трахать тебя, то, значит, и меня самого можно трахать вместе с моим бизнесом! От моего авторитета, от моей репутации камня на камне не останется! Теперь ты понимаешь, что натворила? Понимаешь?

Он снова неистово встряхнул Дашу, отчего она смогла выдавить из себя лишь жалкий писк, прорезавшийся сквозь клацанье зубов:

– Никто не узнает!

– Еще как узнают, – горько возразил Мамонтов. – Все плохое всегда всплывает наружу. Этот тип, которого ты ублажила, станет рассказывать об этом направо и налево... Ха! Ему будет чем похвастаться! Еще бы, поимел законную супругу учредителя корпорации «Интерторг»! Да после этого на самого задрипанного частного предпринимателя станут смотреть с большим уважением, чем на меня! – Тут Мамонтов страдальчески зажмурил глаза и застонал, как от внезапной зубной

боли. – М-м! Люди будут приходить в мой дом и пялиться на тебя, на твои похабные губы, которым ты дала волю! А я... а я...

Он вдруг отпустил Дашу, но не просто снял руки с ее плеч, а устало оттолкнул ее подальше от себя, как бы окончательно отвергая и бесконечно презирая.

– Так вели найти этого подонка! – воскликнула она, радуясь, что может предложить такой простой выход из ситуации. – Пусть его заставят замолчать! Навсегда!

Мамонтов медленно покачал своей большой башкой:

– От этого тоже мало проку. Те, кому я поручу разобраться с твоим случайным знакомым, любопытства ради могут сначала скачать с него нужную информацию. Нет, эта история так или иначе станет известной...

– Что же делать? – Дашин тон сделался совсем упавшим.

– А? – Мамонтов поднял на нее глаза, настолько замутненные нехорошими мыслями, что Даша усомнилась, видят ли они ее в этот момент.

– Что делать? – повторила она шепотом.

После тягостной паузы Мамонтов ответил:

– А вот что делать, дорогая... Для начала отправляйся в ванную и хорошенько смой с себя всю эту... – Он поморщился, прежде чем закончить: – Всю эту грязь. Хорошенько смой. Так, чтобы от тебя чужим духом и не пахло. – Наморщив нос, Мамонтов показал, как ему омерзительно обонять запах собственной супруги, и с чувством закончил: – Тварь! Шлюха подзаборная!

– Хорошо, Сашенька, – медленно сказала Даша, делая вид, что не замечает этой гримасы, но обещая себе сохранить ее в памяти навсегда, чтобы припомнить Мамонтову при первом удобном случае.

Она уже шагала к двери прямо по сброшенным на пол мехам, когда услышала за спиной напутствие:

– И зубы как следует почисть! Рот чем-нибудь продезинфицируй, что

ли...

– Хорошо, Сашенька, – повторила она, хотя покорности в ее голосе становилось все меньше, зато строптивости прибавлялось с каждым произнесенным слогом. – Какие еще будут распоряжения? Что мне делать, когда я приведу себя в порядок?

– Тесто меси на вареники, – угрюмо порекомендовал Мамонтов. – Приедешь к родне с готовыми, вот обрадуются!

– Значит, ты все-таки меня выгоняешь? – уточнила она, щурясь так, словно страдала врожденной близорукостью.

– Ебстествонно! – воскликнул муж, кривляясь, как клоун из захудалого цирка. – Когда мне понадобятся услуги проститутки, я тебя вызову. Надеюсь, обслужишь меня по старой памяти как следует? По высшему разряду, да? Как того парня на дороге?

От обиды у Даши свело челюсти, а язык, напротив, сделался чересчур подвижным, своевольным, совершенно неуправляемым. И тогда она произнесла слова, которые ни за что не должна говорить порядочная женщина своему законному супругу:

– Его – в любое время дня и ночи, бесплатно. Тебя – и за тысячу баксов – Ни! За! Что!

Сказав это, она похолодела и какое-то время пыталась убедить себя, что это были просто мысли, которые не были произнесены вслух. Но, судя по реакции Мамонтова, слова не только прозвучали, но и были услышаны.

Пытаясь не подавать виду, как сильно он задет за живое, как взбешен и оскорблен, он подбоченился и вызывающе крикнул:

– Вот ты и проговорилась, сука! Теперь я точно знаю твое призвание! Ты просто отвратная... – Дальше последовали такие грязные эпитеты и определения, что они просто не желали укладываться в Дашиной голове, а когда поток ругательств иссяк, она услышала только злорадное: – Ха! Ха! Ха!

Всхлипнув, Даша пулей вылетела из спальни, боясь даже оглянуться. Смех, провожающий ее, уж больно походил на хриплое гавканье

большущего пса, готового вцепиться в нее сзади.

Она испытала невероятное облегчение, очутившись в ванной комнате, слишком просторной, чтобы чувствовать себя здесь уютно. Каждый раз, заходя сюда, Даша не могла отделаться от ощущения, что снимается в каком-то дешевом фильме с роскошными декорациями. Чересчур много открытого пространства, явное излишество отражений в большущих зеркалах... за которыми может скрываться неизвестно кто, возбужденно наблюдающий за тем, как она раздевается, купается, приводит себя в порядок.

Вместо того чтобы стать под душ, она решила напустить горячей воды в ванну и вдоволь понежиться в пене, под покровом которой можно было успокоиться и почувствовать себя в полной безопасности. Ванна представляла собой совершенно прозрачную чашу, стилизованную под гигантскую раковину, и наполнять ее приходилось сразу из трех кранов, вмонтированных в стены.

По мнению Даши, эта безвкусная лохань не стоила тех денег, которые муж выложил за нее в салоне сантехники. За всю начинку ванной комнаты, начиная с испанского кафеля и заканчивая позолоченными немецкими кранами, Мамонтов, не колеблясь, выплатил стоимость стандартной трехкомнатной квартиры в Курганске. И это при том, что у Даши даже не было собственного лицевого счета, так что ей приходилось то кланчить у мужа деньги, то тайком облегчать его бумажник.

«Если он действительно решит выгнать меня из дома, то я останусь голой и босой», – невольно подумала она, сбрасывая кимоно на пол.

Зеркальные отражения услужливо показали багровые ссадины на ее ягодицах, безобразно распухшие губы и темные круги под глазами. Даше сразу расхотелось разглядывать себя, избитую, униженную и многократно оскорбленную. Вспомнив, как муж брезгливо морщил нос, точно от нее пахло не изысканной парфюмерией, а разило неизвестно чем, она поспешно взбила в воде ароматную пену и окунулась в нее, тихонько застонав от облегчения. Горячая вода с готовностью окутала ее, предлагая расслабиться и выбросить из головы все плохие мысли.

Изредка прихлебывая мускат из бокала и часто затягиваясь ментоловой сигаретой, Даша наслаждалась покоем и одиночеством, а

вкрадчивый шорох пены звучал для нее лучшей на свете музыкой. «Все обойдется, – шипела пена. – Все будет хорош-ш-шо...»

Очень может быть, что под этот убаюкивающий мотив она и задремала, потому что возникновение мужской фигуры, нависшей прямо над Дашей, оказалось для нее полнейшей неожиданностью.

– Ой! – ошеломленно вскрикнула она, после чего бокал со звоном выпал из ее ослабшей руки на пол, а белый окурок нырнул прямо в тревожно заколыхавшуюся пену.

– Не надо так пугаться, Дашенька, – вкрадчиво сказал мужчина, и не подумав деликатно отвести глаза в сторону.

Это был Черныш, начальник службы безопасности Дашиного мужа, несколько грузный, но энергичный и деятельный мужчина при модной бороде, представлявшей собой равномерную щетину, никогда не укорачивающуюся и не удлиняющуюся даже на миллиметр. Представить его без привычной поросли на лице было совершенно невозможно. «Наверное, он и на свет появился с этой кабаньей щетиной, – вдруг подумала Даша. – Бедная его мама, представляю, что ей пришлось испытать при родах».

Окунувшись в пенистое облако поглубже, так, чтобы даже мокрые плечи не торчали на поверхности, она возмущенно осведомилась:

– В чем дело? Я, кажется, не просила потереть мне спинку!

Дашин тон вполне сгодился бы для провинциальной постановки пьесы о Клеопатре, разве что характерный курганский говорок пришлось бы немного подправить.

– Александр Викторович велел мне немедленно повидаться с вами и задать пару вопросов, – безмятежно ответил Черныш. – Насчет спинки распрояснений не было.

Взгляд у него был таким пристальным и проникновенным, что Даше показалось, будто белое шампуневое облако над ней сделалось совершенно прозрачным. Она попыталась нырнуть еще глубже, нечаянно хлебнула пенистой воды и рассердилась настолько, что перешла на совсем уже повышенный тон:

– Немедленно убирайтесь! Я выйду через пять минут, тогда и побеседуем! За этой дверью! А вламываться без спроса сюда, это просто... просто... – поколебавшись, Даша все же заменила просившееся на язык слово «хамство» на «бестактность».

Черныш тихо засмеялся и не сдвинулся с места. Даша вспомнила, что муж называл его за глаза Полканом, потому что до перехода на вольные хлеба этот тип служил полковником госбезопасности. Собачья кличка шла ему гораздо больше, чем фамилия, имя и отчество вместе взятые. Самоуверенный, раскормленный кобель, слишком мощный и опасный, чтобы женщина могла справиться с ним в отсутствие хозяина, единственного человека, которого он соизволил признавать. Ну настоящий Полкан!

– Вон! – закричала Даша чересчур тоненько, чтобы это прозвучало грозно или хотя бы просто надменно.

– Зачем же так грубо? – Черныш убрал улыбку с лица, а брови, наоборот, нахмурил. – Я просто выполняю распоряжение Александра Викторовича, вот и все.

Даша только сейчас заметила, что правая бровь у него рассечена – наверное, поранился во время преследования «Тойоты».

«Лучше бы он вообще без головы остался! – злобно подумала она, вспомнив, какую пакость подсунул ей этот человек, выложив мужу информацию о ее увеселительном путешествии в Москву. – Подлый шпик! Ищейка проклятая!»

– Не думаю, что муж одобрит место, которое вы избрали для беседы, – сказала Даша, постаравшись придать голосу ледяную интонацию.

– Он сам направил меня сюда, – успокоил ее Черныш.

– В ванную комнату? Когда я купаюсь?

– Вот именно, Дашенька! Вот именно! Наконец-то вы поняли! – фразу завершил короткий смешок.

Даша вызывающе вздернула нос.

– Дело такое срочное, что нельзя подождать, пока я оденусь?

– Нет. – Черныш медленно покачал головой. – Просто теперь для Александра Викторовича не имеет значения, одеты вы или раздеты.

Несмотря на горячую воду, омывающую Дашу до самого подбородка, она похолодела.

– Он... он велел вам выпроводить меня из дома?

Черныш опять тихо засмеялся и повторил отрицательное движение головой:

– Напротив. Он решил, что вы остаетесь. Навсегда здесь остаетесь, Дашенька.

– Как кавказская пленница? Домашний арест, я вас правильно понимаю?

Черныш демонстративно взглянул на циферблат своих часов, беспокоенно причмокнул и деловито произнес:

– Заболтались мы с вами, а время между тем идет. Пора приступить к делу.

– Ваше дело «Тойоту» искать, – буркнула Даша.

– Уже нашли, – отмахнулся Черныш, как будто речь шла о совершеннейшем пустяке. – Но остались еще кое-какие вопросы. К вам лично.

Даше ужасно хотелось курить, но высунуться из воды, чтобы достать пачку сигарет и зажигалку, было выше ее сил. И без того пена на поверхности воды начала постепенно оседать, что делало ее положение все более двусмысленным и даже унижительным. Хотелось поскорее закончить неприятный разговор и отправиться зондировать настроение мужа. Не нравилось Даше необычное поведение начальника охраны. А его странные недомолвки нравились еще меньше.

– Что вам от меня нужно? – раздраженно спросила она. – Выкладывайте и уходите. Вода остывает.

– Этот ваш случайный знакомый... Герой вашего дорожного романа... – Черныш даже не старался скрыть издевку, зазвучавшую в его голосе. – Требуется словесное описание этого счастливчика, чтобы не вышло ошибки. Итак? Я вас очень внимательно слушаю.

Прежде чем ответить, Даша попыталась из-под воды взбить поредевшее облако пены, но добилась лишь того, что на белой поверхности образовалась прозрачная промоина, да как раз там, где это было неуместнее всего. Пришлось немедленно вскинуть плотно сжатые колени, а руки скрестить на груди. Неотрывный взгляд собеседника мешал Даше сосредоточиться, а ей и без того было непросто припомнить внешность брюнета из «Тойоты». Все, что засело в памяти, так это его безумный стеклянный взгляд и кривая ухмылка. Ну, помнилось еще кое-что, однако эта немаловажная деталь никак не могла относиться к понятию «словесный портрет». Чувствуя, как щеки наливаются жаром, Даша нерешительно заговорила:

– У этого подонка очень темные, почти черные волосы... Сбоку пробор, вот здесь... – Она машинально отняла руку от груди, чтобы показать, где именно, но, не доведя жест до конца, поспешно вернула ее на прежнее место.

– Возраст? – осведомился Черныш, неотрывно глядя на Дашу сверху вниз. Казалось, у него не глаза, а телеобъективы, фиксирующие каждое ее движение, каждую родинку на ее коже.

– Трудно сказать, – заговорила Даша, неуверенно пожав голыми плечами. – Двадцать с небольшим, а может, и все тридцать... Наверняка не определишь. Он ведь из породы вечных мальчиков. Симпатичный такой... Его даже можно назвать красивым...

– Само собой, – понимающе кивнул Черныш. – Стали бы вы, Дашенька, путаться с каким-нибудь уродом!

– Что-что? – Издевка показалась ей настолько вопиющей, что она даже возмутиться как следует не сумела, только безмерно изумилась.

– Какого телосложения был этот ваш красавчик? – скучно продолжал Черныш, не обращая внимания на реакцию собеседницы.

Глаза его почти не мигали и не отражали ни малейших эмоций.



– Что значит – мой?

– Полный, худощавый? – Дашина реплика опять осталась без ответа. – Высокий, низкий?

Она с ненавистью посмотрела на вконец обнаглевшего начальника охраны и с вызовом заявила:

– Роста он примерно вашего, но без брюха. Стройный. Лицо худое, такое, знаете, артистическое. И никакой дурацкой бороды, хотя выбрит он был не очень гладко.

Черныш огладил ладонью поросль на своем лице и заявил с неожиданной обидой в голосе:

– Лично меня моя борода устраивает. И вообще это считается атрибутом мужества.

Даша обрадовалась, что задела своего мучителя за живое, и неприязненно засмеялась, прежде чем возразить:

– Мужество? Эти рыжеватые волосики вокруг губ? Знаете, у меня возникают совершенно другие ассоциации. Если бы еще ваш рот был расположен не горизонтально, а вертикально, то его можно было бы принять за...

Не доведя начатую мысль до конца, Даша приснула в мокрую ладошку, но смеяться по-настоящему ей расхотелось, как только она увидела перемены, произошедшие в лице Черныша. Глаза мгновенно потемнели и сузились. Сузились и ноздри, даже кончик носа заметно побелел.

– Извините. – Даша потупила взгляд и подтянула колени поближе к груди. – Я не хотела вас обидеть.

– Все в порядке, – прозвучало в ответ. – Я и сам люблю пошутить. Иногда.

Когда Даша недоверчиво подняла глаза, она действительно увидела, что лицо Черныша приняло недавнее невозмутимое, слегка сонное выражение. Он стоял на прежнем месте, в той же самой позе, только голову склонил к плечу с выжидательным любопытством. В такой позе

кличка Полкан казалась для него особенно подходящей.

Чтобы поскорее сменить тему и сгладить конфликт, Даша поинтересовалась:

– Так кому же все-таки принадлежала эта проклятая «Тойота»?

– Докладываю. – Черныш миролюбиво улыбнулся и неспешно зарокотал: – Машина выписана по доверенности на некоего гражданина Балабанова. Но на самом деле он никакой не гражданин, а самый настоящий бандит, отморозок и беспредельщик. Погоняло... то есть прозвище – Стингер. Тусуется со своей братвой на одной заброшенной овощной базе. Их человек пять, все вооружены, по всем давно тюрьма плачет... Описанный вами парень вроде в банде замечен не был, он скорее всего новичок, начинающий душегуб. Сегодня ночью все выяснится. Александр Викторович лично возглавит карательную экспедицию.

– Зачем? – воскликнула Даша, потрясенная услышанным. – Это же опасно!

– Очень, – согласился Черныш. – Но надо было думать раньше. Вот этой бестолковой башкой!

Последнюю фразу он уже прокричал и, стремительно протянув руку вперед, вдруг положил ее Даше на темечко, заставив ее с головой окунуться в теплую мыльную воду.

Это произошло так неожиданно, что она не оказала ни малейшего сопротивления, а вместо этого попыталась набрать в грудь воздуха, чтобы во весь голос позвать на помощь. Вода с готовностью хлынула в разинутый Дашин рот, в ее ноздри, уши, в глаза, которые она не успела закрыть.

Неизвестно сколько властная рука продержала ее в таком положении, не давая вынырнуть на поверхность. Когда же это случилось, Даша ничегошеньки не соображала и не видела вокруг. Кашляла, отплевывалась, чихала и, главное, дышала во всю грудь. Через некоторое время до нее донесся голос Черныша, но звучал он так, словно его пропустили через вату:

– ...Бу-бу-бу... Бу-бу-бу...

– Что? – Она страдальчески сморщилась и обратила на него взгляд, преисполненный мучительного непонимания.

Глаза видели все как в тумане, громадная фигура Черныша расплывалась, словно Даша все еще смотрела на него из-под воды.

– Говорю, рот у меня как рот, – охотно повторил он, разглядывая мокрый рукав снятого пиджака. – Не такой поганый, как твой, стерва.

– При чем здесь мой рот? – оторопела Даша настолько, что даже пропустила мимо ушей «стерву». Она решила, что начальник охраны сошел с ума, и это напугало ее настолько, что закричать она не осмелилась, хотя как раз этого хотелось больше всего.

– Твоя остроумная шутка, помнишь? – сказал Черныш, неспешно стаскивая с себя водолазку, левый рукав которой тоже потемнел от воды. – Я же говорил тебе, что ценю юмор. Вот и отвечаю тебе шуткой на шутку.

Даша не обратила внимания, что он перешел с ней на «ты», ей было не до этих тонкостей. Она лихорадочно соображала, как бы ей половчее выбраться из ванной и броситься искать защиты от этого придурка. Два психопата за один день, это было уж слишком!

– Зачем... зачем вы раздеваетесь? – спросила она, часто шмыгая носом, из которого по-прежнему текла слегка подсоленная водичка.

– Я только до пояса, – ответил Черныш таким тоном, словно это хоть что-нибудь объясняло или могло успокоить запаниковавшую собеседницу.

– Это из-за моей неудачной шутки, да? – спросила Даша подрагивающим голосом и сплюнула в ванну новую порцию набежавшей из носоглотки воды. – Вы все-таки обиделись? Но я же попросила прощения!

– Шутки шутками, а дело делом, – наставительно сказал Черныш, подходя к Даше поближе. Под его большими ногами неприятно захрустели осколки разбитого бокала.

Вместо того, чтобы принять прежнюю целомудренную позу, она отшатнулась, взволновав воду вокруг себя настолько, что целый поток хлынул на пол.

— Да оставите вы меня в конце концов в покое?!

— Волосы не мешают? — заботливо осведомился Черныш, вместо того чтобы ответить на вопрос. — Их лучше откинуть с лица. А то вид у тебя, как у мокрой курицы.

Говоря, он склонился над Дашей, опираясь на борт ванны обеими руками, и улыбнулся, отчего ей стало еще страшнее, если только это было возможно.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она плачущим голосом.

— Да уж не того самого, что хотел от тебя твой красавец с большой дороги, стерва! — с удовольствием сообщил Черныш. — Лично я побрезговал бы даже пинцетом к твоим губам прикоснуться.

Его завершающий смешок прозвучал для Даши как сигнал стартового пистолета. Вскрикнув, она попыталась вскочить, но мучитель оказался проворнее. Совершив молниеносный бросок вперед, он ухватил ее обеими руками за лодыжки и резко вздернул их вверх, отчего ее голова снова ушла под воду. Стоило извивающейся Даше нащупать пальцами скользкие борта ванны и выглянуть на поверхность, как Черныш поднял ее за ноги чуть повыше, и она опять бултыхнулась в воду, захлебываясь и пуская пузыри вместо отчаянных криков. Так повторялось снова и снова, пока Дашин пресс и позвоночник не отказались повиноваться ей, после чего осталось только обвиснуть безвольной куклой вниз головой. Единственное, что она еще пыталась делать, так это машинально сдвигать бедра, потому что ей было невыносимо стыдно той раскоряченной позы, в которой она тонула.

Из-под зеленоватой воды не было видно ничего, кроме расплывчатых шариков светильников на потолке, потому что вокруг Дашиной головы не прекращалось бурление пузырей. Кажется, спятивший садист что-то приговаривал во время этой процедуры, но слов слышно не было, один лишь ровный, успокаивающий рокот.

Обессиленная, нахлебавшаяся воды, Даша казалась себе невероятно

тяжелой и слабо удивлялась тому, что Черныш так долго и так непринужденно удерживает ее за ноги на весу. Жгучая боль в разрывающихся легких сделалась такой невыносимой, что она совсем уж собралась втянуть в них воду и покончить с затянувшейся пыткой, когда вдруг обнаружила, что голова ее болтается над волнующейся водой, с волос стекают вниз журчащие струйки, а в гортань беспрепятственно поступает тот самый кислород, которого Даше так не хватало.

— Гы-ых... Гы-ых... — она со всхлипываниями вбирала в себя настолько много воздуха, что он не успевал выходить обратно. Из ее глотки непрерывно лилась теплая вода, смешанная с желчью. Продолжая задыхаться и захлебываться, Даша не могла произнести ни единого слова, хотя на уме вертелась фраза, которую ей хотелось выкрикнуть со страстной мольбой:

«Пожалуйста, не надо!»

Вместо нее заговорил Черныш.

— Забыл тебе кое-что сказать, — сокрушенно произнес он, и голос его доносился издалека. — Не хочу, чтобы ты заподозрила меня в мелочной мстительности. Как говорят американцы, ничего личного. Я просто выполняю приказ.

— К...какой... при...каз? — мучительно выдавила из себя Даша.

— Приказ утопить тебя как котенка, — пояснил Черныш, слегка встряхивая Дашу, чтобы до нее лучше доходило сказанное.

Казалось, он был способен держать ее вверх тормашками целую вечность, и Даша тоже готова была висеть в таком положении сколько угодно долго, лишь бы опять не хлебать тошнотворную воду, не чувствовать, как погружается не только в нее, но и в беспросветный мрак.

— Саша? — ей едва хватило сил на удивление.

— Александр Викторович, — уточнил Черныш. — Ну, прощаться не будем, ладно? Долгие проводы — лишние слезы...

— Подождите! — слабо вскрикнула Даша, силясь изогнуться так, чтобы

хотя бы одним глазком увидеть лицо человека, от которого теперь зависела ее жизнь и смерть.

Он не захотел ждать. Даша так и не успела произнести ту заветную фразу, которая, как она полагала, могла ее спасти.

## Глава 22

### Невольник чести

Томясь все это время в неволе, Петр с горечью думал, что в большом мире, откуда его буквально вышибли пинком, происходит так много важного и интересного!

Рядовые граждане живут себе полной жизнью, которую для вида поносят последними словами, хотя наслаждаются ею в полной мере и менять в ней на самом деле ничего не собираются.

Мужчины обмениваются свежими анекдотами, выбирают в ларьках любые сорта пива по вкусу, всласть травятся ядовитой водкой, трахают вприглядку симпатичных девушек, трахают с меньшей охотой, но по-настоящему, опостылевших жен, иногда дерутся с женами, а иногда и с себе подобными, ездят на рыбалку, хвастают, лечатся от триппера, прячутся в бане, бреются, делают себе стрижки и примеряют новую обувь, скрывая от продавцов дырявые носки.

Женщины ругают их за все это и за многое другое, орут на совместно нажитых детей, самозабвенно скандалят также друг с другом, в перерывах сплетничают, болтают по телефону, зубрят заговоры сибирских целительниц, проникают в тайны сновидений, сравнивают гигиенические прокладки с тампонами и все как одна мечтают быть принцессами Дианами, Мониками Левински или на худой конец рекламными тетями Асями, у которых всегда вдосталь дармовых моющих средств, стирального порошка и бесплатный макияж.

Еще не мужчины и не женщины, а дети, от мала до велика, канючат у родителей материальные блага, истерически хохочут на своих конопляных посиделках, врут, слушают громкую музыку, танцуют до седьмого пота, до дыр в подошвах кроссовок, опять врут, рисуют друг другу на плечах фальшивые татуировки, по-кроличьи случаются или по-обезьяньи онанируют, но все же чаще всего врут, врут, врут!

Старики... Петр плохо представлял себе, чем занимаются старики, однако и у них, даже тех, кому вовремя не выплатили пенсию, положение было не такое критическое, как у него самого, заживо гниющего в холодной яме с картошкой.

Но главное, все эти люди, от самых беззубых до самых зубастых, постоянно что-нибудь жуют, кусают, перетирают деснами, мусолят, хлебают, втягивают в себя, всасывают и наконец глотают, наполняя желудки кто чем горазд.

Прокишшее молоко и йогурты, вчерашний борщ и блины с пылу с жару, картошку жареную, картошку вареную, печеную, толченую, но никак не сырую, не вялую и не дочерна сгнившую, как та, которая чавкала под ногами Петра.

Уж он бы не стал привередничать, дай ему волю набить желудок! Уплетал бы за обе щеки все, что перед ним поставили бы. Пельмени, сдобренные маслицем, отбивные, посыпанные лучком, суп с фрикадельками, плов и спагетти, кашу и яичницу – все умаял бы Петр за милую душу, даже сколько угодно селедки в уксусе, лишь бы дали ему побольше хлеба, мягкого, горячего, пахучего!

Его челюсти машинально совершили несколько жевательных движений, после чего рот наполнился таким количеством голодной слюны, что, сглотив ее, Петр слегка утолил все усиливающуюся жажду.

Закуски и салаты, блюда первые, вторые и третьи по-прежнему хаотично возникали перед его мысленным взором, и, чтобы избавиться от этого сводящего с ума наваждения, он попытался представить себе, чем еще может занять себя насытившееся человечество, когда со стола убрано, крошки сметены в мусорное ведро, а посуда сполоснута горячей водой.

Ничего другого, кроме аляповато-цветистого телеэкрана, Петр вообразить так и не смог. Но разве этого мало, чтобы дожидаться того благословенного момента, когда глаза начнут сонно слипаться!

Телевизионные программы, они поразнообразнее любых наркотических галлюцинаций. Там одних сериалов столько, что если все смотреть, то собственную биографию вместе с фамилией напроць позабудешь. Там с утра до вечера боевики и комедии, а с вечера до утра



ужасы и эротика. И европейский футбол, и мясистые титаны рестлинга, и экстремальные ситуации, и всяческие ток-шоу, на которых обалделые участники вдруг становятся откровеннее, чем на исповедях (в напитки им подсыпают какую-нибудь гадость, что ли?). Там всем кому ни попадя выпадают сплошные счастливые случаи, а призов из студий люди уносят столько, что теряют по пути пачки денег и коробки с бытовой техникой.

Ну, политикой Петр тоже интересовался, не так сильно, как волосами, зубами и фигурами рекламных девочек, конечно, но все же запросто отличал, скажем, Жириновского от Бари Алибасова, Лебеда от Булдакова и наоборот. Больше всех ему импонировал президент – то олигархов в бараний рог согнет, то опять раскручивает их же на полную катушку. Железная хватка, блин! Своя рука владыка! Олигархи при нем уже не жируют внаглую, а трясутся над своими миллиардами и журналистам слезливо жалуются. Ни днем, ни ночью нет покоя буржуинам проклятым! Отнять теперь у них награбленное, правда, уже не отнимешь, но зато и настроение у них подпорчено, и сон тревожный, и аппетит никудышный.

Аппетит! Петр постепенно озверел от голода настолько, что начал все внимательнее приглядываться к проросшим клубням и даже расхаживать по ним перестал, чтобы не давить подошвами те, что смотрелись получше. «Костер бы развести, – уныло подумал он, – но только дров вокруг не наблюдается, да и зажигалки при себе нет».

Обыскать труп, пронзенный вилами, он так и не решился. Валявшийся рядом с мертвецом пистолет осмотрел и за отсутствием патронов зашвырнул в угол. Возможно, в карманах убитого имелись деньги, но у Петра их теперь водилось столько, что хоть завались, а проку от них было мало, вернее даже, никакого проку.

Кто же это бандюгу здесь уколошил? – задумался он уже в который раз за последние часы. Неужели Элька? Похоже на то. Расправилась со здоровым вооруженным мужиком и сбежала. Рисковая девчонка, слов нет. С такой бы Петр в разведку пошел. Лучше, конечно, в свадебное путешествие, но и просто находиться рядом с ней он считал бы за счастье.

Не хотелось даже думать о том, что больше никогда он ее не увидит. При одной мысли об этом Петру вспоминалось, что у него, как и у всех людей, имеется сердце, и оно, это сердце, не просто гоняет кровь туда-сюда, а еще и томиться умеет, и сжиматься болезненно, и ритм отбивать

в груди сумасшедший.

Странное это было чувство, полузабытое как сон. Давным-давно, еще в школьные годы с Петром приключилось нечто подобное. Имя той девочки позабылось, а как тосковал он по ней, как томился в ее присутствии, как мечтал о ней, обнимая подушку, – это почему-то в памяти засело накрепко. Даже начальные строчки первого и последнего стиха, сочиненного тогда Петром, запросто восстановились в сознании: «Выткался над озером алый цвет зари (это, честно говоря, было позаимствовано у какого-то настоящего поэта, но зато продолжение написал он сам), про любовь и дружбу со мной поговори».

Петр подумал, что если ему еще когда-нибудь посчастливится повстречать Эльку, то он обязательно зачитает ей эти строки, как будто посвятил их лично ей, когда сидел в неволе, как самый настоящий трагический герой. Память тут же услужливо подсказала еще кое-что из школьной поры: «Погиб поэт, невольник чести»... Это Петру совсем не понравилось, он трижды сплюнул через плечо (тьфу-тьфу-тьфу) и решительно переключился с лирики на более насущные проблемы.

Нужно было выбираться из этой дыры, тем более что предсказание Романа насчет жажды начало сбываться. Петру казалось, что его язык начал распухать, а пересохшая глотка, наоборот, – катастрофически сужаться. Возможно, это было результатом обычной мнительности, но Петр ничего не знал о самовнушении, у него даже слова такого не было в лексиконе.

Для начала он принялся настойчиво забрасывать наверх веревочную лесенку, уповая на то, что она в конце концов за что-нибудь зацепится своими деревяшками и откроет путь на свободу. Ничего из этой затеи не вышло. Петр совершил ровно сто бросков и столько же раз мрачно проводил взглядом падающий обратно трап. В принципе, если бы даже случайно удалось найти наверху зацепку, притаившийся поблизости Роман обязательно позаботился бы о том, чтобы Петр сверзился обратно, так что надежда на лесенку была слабой. Отказаться от нее оказалось проще простого. Слегка запыхавшийся Петр так и выразился:

– Ну и хрен с тобой!

Куча веревок и дощечек никак не прореагировала на оскорбительное замечание. Петр переключил внимание на те самые вилы, по дровку

которых намеревался вскарабкаться наверх с помощью Эльки.

Теперь они были засажены между ног мертвого бандита, и извлечение их требовало немалых усилий: физических и моральных.

Приблизившись к труп, Петр впервые отважился как следует рассмотреть его лицо, неприятно белеющее в полумраке. Мертвые тускло мерцающие глаза были устремлены в бетонные плиты потолка, придавая мертвецу вид сосредоточенный и задумчивый. Словно он силился вспомнить, каково это – быть живым и подвижным.

Петр осторожно взялся за рукоять вил и потянул их на себя.

Нерешительные усилия Петра привели к тому, что мертвец медленно потянулся вслед за вилами, загребая руками и ногами картофельные окатыши. Это было настолько неприятно, что пришлось прикрикнуть на него:

– Ну, ты!

Чтобы разом покончить с неприятной процедурой, пришлось наступить на упрямое тело ногой и рвануть вилы с такой силой, что, когда они неожиданно высвободились, Петр рухнул вместе с ними на картофельные россыпи.

Потом он некоторое время занимался тем, что вонзал окровавленные зубья вил в перегой и извлекал их наружу, счищая нацепившиеся картофелины каблуками. Когда зубья металлически заблестели, как им положено, Петр примостил их под самым лазом, прислонив древко к сырой стене.

Пробные штурмы он провел без пистолета и чемоданчика, просто желая выяснить, что из этого получится. А получалась полная ерунда. Чем тупее был угол наклона вил, тем легче было на них взобраться и удержаться, но зато тем дальше оказывался бетонный скат от тянущихся вверх пальцев. Достать до края лаза можно было бы, лишь балансируя на вертикально установленных вилах, однако с эквилибристикой у грузноватого Петра дело обстояло плохо, можно сказать, никак не обстояло. Находилась бы рядом Элька, с ее помощью еще можно было бы кое-как удержаться на наклонном насесте те две-три секунды, которые требовались Петру для того, чтобы выпрямиться во весь рост.

Но поблизости находился лишь мертвый дядька...

Поначалу Петр смотрел на него с угрюмым неудовольствием, но постепенно его взгляд начал наполняться задумчивой сосредоточенностью, как у подопытной обезьяны, задумавшей использовать ящик для того, чтобы достать банан, подвешенный к потолку.

Возбужденно вскрикнув, он схватил труп за ноги и подтащил его на то самое место, где еще недавно выполнял всяческие трюки с вилами. Затем, вооружившись ими, Петр принялся энергично забрасывать тело грязными клубнями, не сделав ни единой передышки до тех самых пор, пока под лазом не образовалась внушительная пародия на могильный холмик высотой что-то около метра.

Путь наверх был открыт. Петр не сомневался, что теперь он сумеет прочно уюститься на перевернутых вилах, дотянуться до лаза и выкарабкаться из опостылевших застенок. Но, прежде чем заняться акробатикой, нужно было произвести кое-какие приготовления.

Для начала Петр занялся пистолетом. Долго и нудно он колдовал над ним, вертел так и сяк, чуть ли не нюхал, пока не догадался сдвинуть какой-то малоприметный рычажок на рукоятке, после чего оттуда выехала промасленная обойма. В ней насчитывалось пять маленьких, но весьма грозных на вид патронов с туповатыми рыльцами. Еще один находился в стволе. Как выщелкнуть его, Петр не знал, да и не собирался этого делать. Он просто вернул обойму и рычажок в прежнее положение. Итак, он способен сделать шесть выстрелов. В пистолете было ровно столько патронов – на пять больше, чем рекомендовал ему сохранить коварный Роман. Но Петр вовсе и не собирался стреляться. Все имеющиеся в наличии боеприпасы он намеревался разрядить в предателя, как только увидит его снова.

Под его симпатичной внешностью крылась сплошная гниль. Петр чувствовал это с самого начала и теперь сам себе удивлялся, как мог связаться с этим пакостным типом. Язык у него, конечно, был подвешен что надо, машину он водил здорово, а убивал так вообще лихо, но этого было мало, чтобы можно было считать его настоящим мужчиной и вообще человеком. Гаденышем он оказался, не крупным гадом, а именно гаденышем. И Петр полагал, что окажет господу богу большую услугу, избавив его от такого неудачного создания.

Пистолет он сунул во внутренний карман предусмотрительно расстегнутой куртки и потренировался немного, тратя на доставание оружия никак не больше двух секунд. Этого должно было вполне хватить для того, чтобы свести шансы Романа к нулю. В принципе Петр справился бы с этим мозгляком и голыми руками, но он подозревал, что противник, вместо того чтобы бросаться врукопашную, предпочтет пустить в ход какой-нибудь каверзный трюк.

– Посмотрим, Рома, – многообещающе пробурчал Петр, и его тон не предвещал ничего хорошего.

Разобравшись с оружием, он принялся готовить к эвакуации свою казну. Карабкаться вверх по жердочке с тяжелой ношей в руке можно было и не начинать. Поэтому Петр для пробы вцепился в ручку чемоданчика зубами. Поднять-то его он поднял, а удержать смог очень недолго, после чего обнаружил, что один резец во рту шатается, а слюна стала розовой от выступившей из десен крови.

Сплеывая то и дело, принялся Петр размышлять, как бы ему и самому на свободу выбраться, и деньги вверх переправить. Нелегкая оказалась задачка, почище той, что про волка, козу и капусту, которую Петр в детстве иногда отгадывал, а иногда и нет.

Следующая идея, пришедшая ему в голову, заключалась в том, чтобы зашвырнуть чемоданчик в лаз, а затем уж поспешать за ним следом. Только Петр был в здешних местах не один такой прыткий. Его заклятый враг мог успеть к добыче гораздо раньше – и тогда пиши пропало. Нет, такой вариант Петра не устраивал. Слишком много довелось ему вынести из-за этих миллионов, чтобы дарить их кому ни попадя.

Пустив по лбу мелкие волны морщин, он стал искать другой выход, а когда нашел, обрадовался так, словно уже очутился на свободе с деньгами. Проворно стащив с себя широкий ремень из темно-серой матовой кожи, Петр продел его сквозь ручку чемоданчика и снова застегнул на талии таким образом, чтобы ноша свисала сзади, на манер офицерской планшетки, только очень тяжелой и громоздкой.

– Вот таким макаром! – торжествующе объявил он неизвестно кому, после чего решительно пошел на приступ бетонной стены.

Поначалу ему показалось, что вилы установлены под очень удачным

углом. Цепляясь пальцами за трещины в стене, Петр ловко уместил на древке одну ногу, другую и... рухнул прямо на свой драгоценный груз. Как выяснилось вскоре, это не было случайностью, потому что результат всех последующих попыток тоже оказывался именно таким. Петр сноровисто взбирался на свой шесток, начинал выпрямляться, а в этот момент тяжелая ноша лишала его равновесия и опрокидывала обратно. Единственное, чего удалось добиться, так это обломать ногти на обеих руках, но разве к этому Петр стремился?

И снова задумчивая волнистая рябь избороздила его чело. Решение было найдено не сразу. Опять оживившись, он привычно взялся за вилы и в два счета похоронил миллионы новехоньких баксов под грудой старого гнилья.

За деньгами можно было вернуться после расправы над Романом. Чтобы обеспечить себе такую возможность, Петр сгреб в кучу веревочную лестницу и выбросил ее в проем. Не прошло и пяти минут, как он уже стоял наверху и подозрительно озирался по сторонам, сжимая одной рукой рифленую рукоять пистолета, а другой отряхивая штаны и куртку.

Он чувствовал себя на поверхности так, словно провел в бункере лучшие годы жизни. Сумеречные вечерние небеса радовали его взор, слякотный асфальт под ногами казался самой надежной на свете твердью, а серые обшарпанные строения вокруг внушали счастливое чувство принадлежности к большому цивилизованному миру.

Когда эйфория свободы мало-помалу улетучилась, как все хорошее на этом свете, Петра начало все сильнее тревожить подозрительное отсутствие Романа. За это время он мог вызвать себе подмогу, а мог и просто обзавестись оружием и, затаившись в засаде, ловить на мушку лоб Петра. Или его куда более широкую грудь. Или такую же широкую, но совершенно беззащитную спину. Очень живо представляя себе, как вот-вот схлопочет пулю в одно из этих мест, он невольно пригнулся и перебежал под пандус, высаящийся напротив покинутого бункера.

Здесь, под прикрытием металлических опор и живописных груд всевозможного хлама, Петр почувствовал себя увереннее. Но пока что он не решался вернуться за деньгами. Оказаться снова на открытом пространстве ему хотелось ничуть не больше, чем работать живой мишенью в тире. Он понятия не имел, что замыслил его враг, а

неизвестность, как известно, напрягает похлеще любой реальной опасности.

Обругав мысленно Романа всякими словами, самым мягким из которых было «говнюк», Петр присел на корточки, осторожно высунул голову и стал внимательно озирать окрестности.

Бетон, серый кирпич, некогда белая штукатурка, какие-то ржавые железные останки – взгляду не за что было зацепиться. Если не считать вялого покачивания далеких голых ветвей да изредка мелькающих в воздухе птиц, то все вокруг было абсолютно неподвижным, вымершим. Чем дальше Петр вглядывался в этот пейзаж, тем больше ему казалось, что он погрузился в унылый, тягучий сон, которому не видно ни конца ни края. Этому очень способствовало также сумеречное освещение, которое обычно предшествует самым жутким кошмарам. И когда из-за угла неожиданно вынырнула небольшая разношерстная процессия диковатого вида, Петр на всякий случай ущипнул себя за ляжку, удостовераясь в том, что они такие же настоящие, как и он сам.

Их было четверо, и они шагали напрямик в направлении бункера.

Наиболее яркой и колоритной выглядела лимонно-желтая куртка на сутулом бородатом биче, вышагивающем на два корпуса впереди остальных. Лицо мужчины цветом смахивало на сырое тесто, хорошенько вывалянное в грязи и сдобренное пригоршней сажи. Он что-то жевал на ходу, не давая своей буйной бороде ни секунды покоя.

Некто в шинели а-ля Дзержинский был таким изможденным, словно три дня и три ночи без еды и сна выходил из вражеского окружения. Скорее всего его пошатывало от спиртного. Наряд военизированного дистрофика довершала тинейджерская бейсбольная кепка, настолько неуместная на его голове, что ее хотелось немедленно сорвать и зашвырнуть подальше. Вместе с головой.

Сразу за ним возвышался дебильного облика парняга с редкой китайской бородкой, невесть откуда взявшейся на его круглом славянском лице. Глаза он держал полузакрытыми, как будто находился в сонной одуре. Но при этом бродячий зомби цепко придерживал за плечо наиболее экзотическую фигуру процессии, женскую.

При виде ее Петру сразу припомнилась самая эротическая сказка

детства, которую даже он перечитал целых три раза, хотя в общем-то относился к черным книжным буквам не лучше, чем к комарью и мошкаре. Сюжет сказки с годами подзабылся, но память услужливо преподнесла цветную картинку: прекрасная девушка в наброшенной на голое тело рыбацкой сети едет на ослике сквозь потрясенную толпу.

Реальная женская фигура, привлекавшая внимание Петра, была воплощением его горячечных мальчишеских грез, хотя закутана она была не в сеть, а в кусок полиэтилена, сквозь который смутно просвечивала ее обнаженная кожа. Из-под этой полупрозрачной накидки виднелись ее слегка заплетающиеся длинные ноги. Они сохранили остатки летнего загара и смотрелись бы куда привлекательнее, если бы не многочисленные пятна то ли грязи, то ли синяков, покрывавшие их от икр до бедер. Высокие тупорылые ботинки придавали девушке определенную воинственность, но, как ни странно, не умаляли ее женственности.

– Э...Элька! – выдохнул Петр, хотя ему хотелось выкрикнуть это имя на всю округу.

Она держала голову низко опущенной, но узнать ее можно было по прическе – светло-русым волосам, подрубленным по краям так ровно, словно кто-то поработал над ними с саблей в руках. Полиэтиленовая накидка скрадывала очертания ее фигуры и видный рост, но это, несомненно, была Элька, и сердечный ритм Петра сорвался с размеренного темпа в галоп, продолжая убыстряться с каждым мгновением.

– Элька, – опять прошептал он то единственное слово, которое сейчас вертелось у него на уме. – Это же ты, Элька!

Словно услышав его, она вскинула голову и моментально сделалась похожей то ли на схваченную врагами партизанку, то ли на манекенщицу, вынужденную демонстрировать на подиуме безумно авангардное, но несуразное облачение.

Переполненный радостью, Петр едва не окликнул девушку во весь голос, но вовремя прикусил язык, сообразив, что слово лучше предоставить заждавшемуся пистолету. Элька явно выступала в роли пленницы, а вести переговоры Петр после всего того, что приключилось с ними обоими, был совершенно не склонен.



К дипломатии не располагало и оружие, которое двое оборванцев извлекли из-за пазух при приближении к бункеру, помеченному цифрой 8. Петр понятия не имел, что игрушечного вида израильский автомат и вороненый пистолет были позаимствованы из арсенала исчезнувшего бандитского братства, да его и не шибко это интересовало.

Гораздо больше тревожила его сама неминуемая перестрелка. Хотя Петр прятался в укрытии, а противники находились на открытом пространстве, шансы его сводились на нет, поскольку среди противников была девушка, с головы которой не должен был упасть ни один волос. Не так-то просто было перестрелять троих мужчин, остаться при этом живым и освободить Эльку из плена целой и невредимой. Петру явно не хватало ни стрелкового опыта, ни тех шести патронов, которыми он располагал.

Пока он лихорадочно обдумывал и взвешивал свои действия, процессия разделилась на две части и расположилась по обе стороны от входа в бункер. Судя по тому, как старательно оборванцы прижимались к стене, не отваживаясь заглянуть внутрь, они были осведомлены о том, что узник вооружен. Наверняка гаденыш Рома их предупредил, когда натравливал на Петра, не желая сам подставляться под пули. Не знал только этот скользкий выродок, что темница уже опустела. А его посланцы не подозревали, что сами находятся под прицелом того, кого собирались прикончить, как медведя в берлоге.

— Эй, дитя подземелья! — крикнул обладатель ядовито-желтой ветровки. — Отзовись! Есть разговор! Важный!

При этом он смотрел куда-то в вечернее небо, а оружейным стволом небрежно ерошил свою неопрятную бороду. Укороченный автомат казался почти невесомым в его руке, а космы — столь дремучими, что Петр живо представил себе, как закопошились сейчас населяющие эти дебри паразиты. Тут бородач и в самом деле запустил свободную пятерню в свалявшиеся волосы, прочесал их растопыренными пальцами, а потом стал с любопытством разглядывать улов на своей открытой ладони.

— Отзовись, говорю! — покрикивал он между делом. — Мы знаем, что ты тут! Твой дружок сдал тебя с потрохами!.. Но я человек не кровожадный, я готов помочь тебе выпутаться!

При этих словах ствол автомата оставил бороду бродяги в покое и переметнулся в направлении черного проема в сером бетоне. Несмотря на расстояние и сгущающиеся сумерки, Петр увидел, что палец миротворца лежит на спусковом крючке.

– Про девку ему скажи, Толян, – посоветовал вояка в шинели и качнулся вперед так резко, словно удерживал перед собой пистолет из последних сил, изнемогая от его неимоверной тяжести.

– С нами твоя невеста! – торжественно провозгласил главный парламентар. – Чтобы заполучить ее, тебе придется раскошелиться. Женихи всегда выкупают краденых невест, сам знаешь.

– Мы много не попросим! – подал голос худой вояка.

– Да, тут вот товарищ подсказывает: возьмем с тебя по-божески. Заплатишь нам тысяч... м-м... – В задумчивости проконсультировавшись с низкими тучами, бородач нашел там искомую сумму и поспешил ее объявить: —... тысяч двадцать, и мы расстаемся как в море корабли. Бросай сюда свою пушку, а мы тебе – лестницу-чудесницу. Вылезай, парень, не дури! Соглашайся, пока мы добрые!

Опять не дождавшись ответа, пестрая компания приглушенно загомонила, нерешительно перетаптываясь на месте. Одна лишь Элька, прижатая спиной к стене, выглядела безучастной. Остальные жестикулировали так рьяно, что Петр понимал их и без слов. Да и без жестов понять бродяг было несложно. Никому из них не хотелось идти на штурм бункера, не кино ведь среди мрачных руин снималось, когда стрельба и смерть понарошку.

«Надо же, – невольно поразился Петр, – какие-то бродяги убогие, ни кола, ни двора, ни гроша за душой, а ведь тоже ценят жизнь, не спешат с ней расставаться... Только зря вы сюда с оружием заявились, мужики, напрасно хитростью меня под пули выманиваете. А самая большая ваша ошибка, что с девушкой моей вы грубо обошлись. Да, я ее своей невестой считаю, тут вы не ошиблись. Только не золотом я ее выкупать стану, а совсем другим металлом».

Тут Петр уместил колено прямо в застоявшуюся лужу, а обе руки с тяжелым пистолетом вытянул вперед. Мушка поплясала немного и послушно совместилась с приметной курткой, вызывающе желтеющей в

сгустившихся сумерках. Большой палец сдвинул предохранитель, указательный лег на холодный спусковой крючок, патрон, загнанный в ствол, замер в ожидании удара бойка по чувствительному капсюлю. Все было готово для того, чтобы в тишине прозвучал первый выстрел, не хватало лишь маленького пустячка.

Не получалось у Петра пальнуть в ничего не подозревающего человека, хоть ты тресни! Скрюченный указательный палец не желал сдвигаться больше ни на миллиметр, ни на полмиллиметра. Оборвать ни с того ни с сего жизнь никчемного вшивого бродяги оказалось значительно труднее, чем прицелиться в него в потемках.

Полагая, что главная опасность подстерегает его впереди, а не кроется за спиной, там, откуда ее никогда никто не ждет, бородач, сторонясь входа в бункер, дернул Эльку за волосы и распорядился:

– Ну-ка! Покажись своему женишку! Пусть знает, что ты здесь, хоть сейчас под венец.

– Покрасуйся перед ним в своем свадебном наряде, – заржал тощий войка, раскачиваясь из стороны в сторону, подобно хилому сорняку на ветру.

Шурша своей экстравагантной оберткой, Элька строптиво возразила:

– Что я, полная дура, под пули соваться? Пусть он свое оружие спрячет, и вы тоже свое уберите, тогда и поговорим. Правильно, Петя?

Она говорила очень громко, а последние слова так и вовсе выкрикнула. Петр понял, что про пули и оружие она специально обмолвилась, чтобы предупредить его об опасности.

– Карп! – окликнул бородач здоровяка с рылом сонной рыбины. – Сделай ей больно! Пусть заорет как следует!

Тому дважды повторять не пришлось. Ухватив Эльку за волосы, он заставил ее скорчиться перед проемом, сам предусмотрительно держась на безопасном расстоянии. При завидной длине его обезьяньих лапищ это было несложно.

В уже почти полной темноте невозможно было различить, что именно проделывает Карп с пленницей, но он явно не по головке ее

гладил, а Петр так и не услышал от Эльки даже сдавленного стога. Потом ее окружили все трое, завозились со всех сторон одновременно, постепенно забывая о всякой осторожности, а думая лишь о том, как бы переломить упрямую девушку.

– Кричи! – требовательно приговаривал хриплый голос бородача. – Кричи громче! Пусть твой женишок поймет, как тебе плохо!

Элька не проронила ни единого звука. Ну, почти ни звука.

Изнывающий в своем укрытии Петр никак не решался открыть огонь по этой куче-мале, в самом центре которой находилась девушка. Риск промазать и случайно попасть в нее увеличился. А один из вооруженных бродяг в случае чего как раз не промахнулся бы, стреляя в Эльку с расстояния вытянутой руки. Когда Петр все же собрался с духом и решил попытаться продырявить желтую куртку, выделяющуюся в сумятице приметным цветом, события приняли столь бурный оборот, что он на некоторое время забыл, кто он таков, зачем находится здесь и почему.

Сначала в темноте вспыхнул крошечный язычок пламени, озаривший лицо бородача оранжевым. Просияв, трепещущий язычок жадно лизнул полиэтилен, окутывающий Эльку, и в следующий миг превратился в большой, яркий огненный цветок, трескуче выросший впотьмах. Вот тут-то Элька и закричала по-настоящему, завертелась юлой, заметалась, торопясь сорвать с себя полыхающую накидку. Бродяги возбужденно гомонили вокруг живого факела.

Выскочив из укрытия, Петр бросился вперед, неся перед собой пистолет на вытянутых руках. Стрелять в хоровод бродяг, чуть ли не приплясывающих вокруг мечущегося пламени, он по-прежнему не мог, опасаясь попасть в Эльку. Да пули и не спасли бы ее в этой ситуации.

Избавил Эльку от ожогов всех степеней, как ни странно, сам поджигатель. Без всякой деликатности он повалил ее на землю, пинками заставил пару раз перекатиться с боку на бок, а потом сорвал со своего изможденного бойца шинель и проворно набросил ее на дымящийся полиэтилен.

– Холодно! – запротестовал соратник, оставшись в дырявой майке на голое тело.

– Согреть? – крикнул Петр, чтобы отвлечь внимание вооруженных противников на себя. Он находился в пятнадцати шагах от кучки бродяг и мучительно щурился, потому что, когда пламя погасло, ночная темень сделалась почти непроницаемой.

Элька, волоча за собой шинель, проворно отползала от дымящегося полиэтилена, но вставать даже не пыталась и этим значительно облегчала задачу Петра.

Намереваясь свалить в первую очередь бородатого заводилу, он потянул спусковой крючок на себя. Глушитель низвел выстрел до безобидного хлопка, напоминающего звук, с которым открывается хорошенько взболтанная банка пива, только погромче. Несмотря на то что Петр очень хотел попасть в Элькиного мучителя, посланная им пуля не задела его, а лишь клюнула бетонную стену бункера, вызвав в стане врага легкий переполох.

Бородач отреагировал раньше всех, резко повернувшись на звук выстрела с выискивающим цель автоматом. Петр стремительно попятился, а за доли секунды до прозвучавшей очереди упал на бок. Со стороны это выглядело так, будто его действительно скосили пули. Пока они что-то крушили, дырявили и разносили в щепки под пандусом за спиной Петра, он, почти не целясь, ответил на очередь скупым одиночным выстрелом и откатился в сторону, надеясь, что в темноте его маневр останется незамеченным.

Ориентируясь на яркую вспышку, бородач действительно взялся колошматить свинцом опустевший клочок асфальта. Там словно невидимый отбойный молоток прошелся.

– А-а-а! – протяжно тянул стрелок на одной сиплой ноте, зачем-то пытаясь перекричать дробный перестук своего оружия.

Осыпанный мелким каменным крошевом с ног до головы, Петр вскочил на ноги и совершил короткую перебежку подальше от автоматчика. Но теперь прямо на него из темноты надвигался вояка в майке, который без широкой шинели представлял собой цель столь же сложную, как поставленная торчком швабра или ходячий скелет. Развернувшись к Петру правым боком, он приближался с вытянутым вперед пистолетом и орал с пьяным надрывом:

– Не стреляй в него, Толян! Я вызываю графа на дуэль, мать его за ногу! У нас будет честный поединок!

Свой пистолет тощий вояка держал так умело, словно всю жизнь не расставался не только с шинелью и бутылкой, но и с оружием. Дать ему возможность выстрелить первым означало умереть на месте. Что-то крича страшным, надсаженным голосом, Петр бросился противнику навстречу и открыл беглый огонь по маячащей перед ним майке.

Трижды пистолетный ствол озарился оранжевым, трижды норовисто дернулся в сжимающей его руке, а когда глаза Петра снова обрели способность видеть в темноте, никакой майки перед ним не наблюдалось. Она валялась на асфальте, стремительно пропитываясь черным.

Еще не успев оторвать взгляд от трупа, Петр уже опять падал ничком на асфальт, и это спасло его от нового роя пуль.

Очередь захлебнулась на третьем или четвертом выстреле. Когда Петр поднял голову, бородач, припав на колено, возился со своим автоматом. То ли патрон у него заклинило, то ли неполный магазин требовал срочной замены, выяснять это Петр не собирался. А собирался он просто разнести черепок матерящегося противника к чертям собачьим и обязательно сделал бы это, если бы вдруг не заметил угрозу, нависшую над Элькой.

Она успела уползти довольно далеко, но там ее уже настигал здоровенный парняга с пресноводным именем Карп. Он явно готовился пустить в ход тесак, которым размахивал на ходу, а клинком такой длины человека можно было проткнуть насквозь. Пистолетный ствол в руке Петра стремительно настиг Карпа, на мгновение замер и выбросил в ночь ослепительный клубок пламени.

Петру показалось, что эту пулю он вогнал во врага не с помощью убойного механизма пистолета, а мысленно, настолько точно она попала в цель. Карп, очень не вовремя очнувшийся от своей спячки, рухнул как подкошенный, громко ударившись головой об асфальт. Уже не жилец на этом свете, он безуспешно пытался достать рукой рану между лопатками, словно это могло ему чем-то помочь.

– Все в порядке, Элька! – крикнул Петр. – Потерпи еще немного, я

сейчас! Мне уже только с одним справиться осталось!

Бородач в желтой ветровке все еще возился с отказавшим оружием, лязгая то ли затвором, то ли собственными зубами. В своей предыдущей жизни он был кем угодно, только не опытным стрелком и не снайпером.

– Что, страшно? – торжествующе спросил Петр, направляясь к горе-автоматчику. – А людей сжигать живьем не страшно было?

Тот еще раз клацнул своим заевшим оружием и вдруг начал распрямляться, наводя ствол на приближающегося Петра. Это означало, что он снова готов к бою, но Петр не замедлил шаг, а тоже вскинул пистолет, опережая противника на целый стремительный взмах руки. Он не сомневался, что уложит его одним точным выстрелом, потому что успел приноровиться к пистолету, почувствовать его продолжением самого себя. Он даже знал, куда всадит пулю – прямо в центр желтого пятна, которое стояло у него перед глазами.

Холостой щелчок пистолета прозвучал в тишине с пугающей отчетливостью. Вторично нажав на спусковой крючок, Петр добился точно такого же плачевного результата и, похолодев разом, вспомнил, что успел расстрелять все шесть патронов. Бородач, похоже, тоже сообразил, в чем дело. Картинно приложив автомат к правому бедру, он наслаждался растерянностью и беспомощностью противника.

Петр остановился. Смерил взглядом расстояние до желтой куртки, потом остановил глаза на бесполезной железяке в своей руке. Онемевшая, она годилась теперь разве что для того, чтобы запустить ее от отчаяния в вооруженного бородача.

Именно так Петр и поступил. Пистолет, кувыркнувшись в темноте маленьким бумерангом, оповестил об удачном завершении полета отчетливым стуком металла о лобную кость.

– О? – изумился бородач и рухнул на колени.

До него было не больше десяти метров, но Петр, ринувшийся вперед, тоскливо сознавал, что не успеет, а будет валяться через пару секунд прямо в грязной луже, весь продырявленный и уже ни на что не годный.

Когда короткий ствол вскинулся ему навстречу, он все еще бежал, но уже вслепую, зажмурившись, потому что хотел умереть легко, если только это вообще возможно. Он несся вперед огромными прыжками.

Зло застрекотала ожидаемая очередь, но боли не было, и он даже растерялся, понятия не имея, как действовать ему дальше, теперь, когда он убит? Падать лицом вниз? Навзничь? И нужно ли хотя бы вскрикнуть для порядка? Или лучше использовать последние секунды для молитвы?

А когда он открыл глаза, так и не решив, как ему следует умирать, со всех сторон к нему спешили вооруженные люди, зычно приказывая уткнуться мордой в землю и не двигаться... его мать-перемать так и эдак, его самого так-перетак, туда-сюда и обратно:

– Ложись, падла!.. Руки на голову!..

Ошеломленный Петр не успел выполнить команду, и его уложили на асфальт насильно, нанося удары чем попало и куда попало. Пытаясь высмотреть поблизости Эльку, он видел вокруг только несколько пар пинающих его ног, но потом мечущийся луч чьего-то фонарика осветил то, что совсем недавно было бородатой головой его противника. Окровавленные клочья волос перемешались с вышибленными зубами и мозгами, а это означало, что та очередь, которую Петр посчитал роковой для себя, была выпущена кем-то со стороны.

Поудивляться и порадоваться спасению ему как следует не давали. Слепили фонариками, топтались по спине, молотили ботинками по ребрам, а между делом задавали отрывистые вопросы про какого-то худощавого брюнета, телосложения стройного, внешности привлекательной, однако явно чем-то несимпатичного всей многочисленной мужской компании:

– Ты знаешь этого ублюдка? Знаешь? Где он?

– Роман, что ли? – с трудом предположил Петр, воспользовавшись моментом, когда чужие ботинки перестали обрабатывать его внутренние органы. Наверное, заподозрили, что непрекращающиеся пинки не подстегивают мыслительные процессы, а как раз затормаживают их.

– Роман он или Говнян, нам без разницы! – наперебой заорали



незнакомцы, слегка запыхавшиеся от своих упражнений. – Где этот пидор? Говори, пока на ливер тебя самого не пустили!

– Был где-то здесь, – буркнул Петр, а заработав в знак благодарности особенно болезненный удар по копчику, взревел: – Да не знаю я, куда этот гаденыш подевался! Хорош меня футболить, мужики! Я Петр, а не Роман!

Временно его оставили в покое. Обмениваясь короткими приглушенными репликами, неизвестные спасители приволокли откуда-то из темноты Эльку и стали задавать те же вопросы.

Вразумительные ответы у нее имелись, так что поколачивали ее больше для виду, но Петру и этого было достаточно, чтобы взбунтоваться. Он успел вскочить на ноги и даже уложил на свое место одного из нападавших, когда за него принялись по-настоящему, норовя попасть прикладами по голове.

Схватка закончилась его нокаутом, да таким затяжным, что даже через полчаса, валяясь на грязном полу микроавтобуса, придавленный сразу несколькими ногами, Петр понятия не имел, что его бесчувственное тело куда-то передвигается помимо его воли. И Элька, и оперативно отысканный Роман, соседствовавшие рядом с Петром, находились в полном сознании, однако легче им от этого не было.

## Глава 23

### Ночь откровений

– Послушай, – сказал Мамонтов начальнику службы охраны с некоторым удивлением в голосе. – Да ты, оказывается, бороду сбрил!

– Сбрил, – подтвердил Черныш, прошуршав пальцами по оголившимся щекам, принявшим болезненный синюшный оттенок.

– А я и не заметил. Когда же ты успел?

– Еще до выезда на операцию, Александр Викторович. – В тоне подчиненного прозвучала слабая недоумевающая нотка. – Неужели у меня внешность совершенно не изменилась?

Махнув залпом треть стакана шведской водки, Мамонтов некоторое время любовался обновленной физиономией Черныша и ответил:

– Почему же не изменилась! Ты стал совсем другим человеком... Знаешь, что мне теперь твой подбородок напоминает?

– Что? – насторожился начальник охраны.

– Гладко выбритый лобок, – хохотнул Мамонтов. – Как у дешевой тайландской шлюхи.

– Не знаю, не видел, – ответил Черныш натянуто, борясь с сильным желанием прикрыть нижнюю часть лица ладонью.

– Тогда поверь мне на слово, ха, ха! – продолжал насмешничать Мамонтов. – Полное сходство! Особенно когда ты вот так губы поджимаешь!

Наблюдая за оскорбленной реакцией собеседника, он издал еще пару коротких смешков, но в его покрасневших от выпивки и усталости глазах не промелькнуло ни единой веселой искорки.

Ванная комната в доме была оборудована таким образом, что Мамонтов слышал всю беседу начальника охраны с Дашей, видел последние минуты ее жизни и саму смерть, оказавшуюся такой нелепой и... напрасной. Ничего исправить было нельзя, но отныне он ненавидел своего верного холуя холодной, застойной ненавистью. То, что этот человек лишь выполнял хозяйский приказ, не меняло дела. Его грубыми лапищами была уничтожена самая любимая игрушка Мамонтова, и если он был готов простить дикий порыв себе самому, то никто другой, причастный к этой истории, не мог рассчитывать на снисхождение.

– Итак, молодого человека из «Тойоты» зовут Романом? – зловеще спросил он, процедив это имя, как последние капли горечи, которые предстояло ему испить из чаши, преподнесенной судьбой. – Цыган, что ли?

– Русский, – утешил его начальник охраны. Он проглотил обиду, и на поверхности не осталось ничего, кроме услужливого внимания. – Если вас интересуют его паспортные данные...

– Не интересуют! – отрезал Мамонтов, и его глаза налились кровью еще сильнее. – Его биография закончена. Я не хочу, чтобы даже надгробие после него осталось с датами рождения и смерти!

Черныш понимающе кивнул:

– Так и будет. Как говорится, собаке собачья...

– Ой, только не надо этой высокопарной хренотени! – Мамонтовская ладонь шлепнулась на стол, как внушительный кусок сырого теста. – Ты мне лучше вот что скажи... Вся эта троица, которую мы взяли, какого черта они делали на базе? Ни на бандитов не тянут, ни на бомжей... Надо разобраться.

– Разберемся, – пообещал Черныш с недоброй усмешкой.

Его корпус принял соответствующий наклон, выражающий готовность немедленно встать и заняться очередным заданием.

Он действительно жаждал отыграться на пленниках за грязные гинекологические шуточки, которые прозвучали в его адрес за последнее время. Сначала Мамонтиха охаяла его бороду, которой он так

гордился, затем сам тупорылый Мамонт прошелся по поводу отсутствия этой самой бороды! Еще никогда Черныш не чувствовал себя таким уязвленным. Из-за всех этих нелестных сравнений его подмывало отправиться к ближайшему зеркалу и поскорее убедиться в том, что с его лицом все в порядке.

– Посиди пока, – буркнул Мамонтов, заметив нетерпеливый порыв подчиненного. – Выпей со мной немного... За упокой рабы божьей Дарьи.

Начальник охраны отнекиваться не стал, сходил за точно таким же стаканом, которым то и дело орудовал шеф, и поставил его на стол, пристукнув при этом излишне громко. Но когда Черныш взялся наполнять их, его рука дрогнула, и на матовой буковой поверхности осталась прозрачная лужица.

– Нервничаешь? – Мамонтов изобразил бровями неодобрительное изумление. – Что-то раньше за тобой подобного не наблюдалось.

– Устал, – соврал Черныш, прежде чем выхлебать свою порцию. – Да и дельце было не из приятных.

– Разве? – Мамонтовские брови по-прежнему оставались в приподнятом положении. – А мне показалось, ты поручение с особым удовольствием выполнил. С душой.

– Александр Викторович! – оскорбленно воскликнул Черныш, выпрямляясь в лоснящемся кожаном кресле так порывисто, словно намеревался немедленно встать и удалиться с гордо поднятой головой. В отставку.

– Да ладно тебе кокетничать! – отмахнулся Мамонтов, без энтузиазма угостился водкой, закусил настоящим соленым груздем и, проглотив все это, скучно поинтересовался:

– Дашу уже увезли?

– Десять минут назад. Скорее всего ее найдут на берегу пруда завтра на рассвете.

– И кто же ее найдет? – в голосе Мамонтова неожиданно прозвучало некоторое любопытство, словно эта мелочь действительно имела какое-

то значение.

Черныш пожал плечами:

– Бегуны какие-нибудь... Собачники... Коллекционеры пустой стеклотары... Кто угодно из этой публики, которая встает ни свет ни заря. – Он пренебрежительно фыркнул. – Милиция в лучшем случае появится на месте происшествия минут через сорок. Пока вытащат джип с утопленницей, пока произведут обыск и установят личность – еще пара часов пройдет. Вас побеспокоят не раньше десяти утра. Неприятно, конечно, будет опознавать Дашу в морге, но тут уж ничего не попишешь.

– Ничего, – согласился Мамонтов, кивнув башкой. – Совсем ничего не попишешь. А все равно жаль...

– Мне тоже, Александр Викторович, – отозвался Черныш и лихо махнул стакан водки. – Эх-х, – крикнул он и продолжил с горечью в голосе: – Неплохая все-таки была женщина, милая, веселая, вежливая...

– Блядью она была! – заорал Мамонтов, не желая слушать никаких соболезнований от Дашиного убийцы. Пустой стакан внезапно вылетел из его руки и врезался в стеклянную дверцу напольных часов, наполнив кабинет возмущенным перезвоном. А когда осколки осыпались на ковровое покрытие, Мамонтов завопил опять, пытаясь перекричать голос собственной совести: – Мне не подстилку эту дешевую жаль, а «Мицубиси»! Мало того, что он в воде до утра простоит, так еще раскурочат его менты поганые! Нельзя было труп в какую-нибудь тачку подешевле запихнуть?

– Даша всюду разъезжала именно на этом автомобиле, доверенность выписана на нее, – рассудительно загудел Черныш, игнорируя гневную выходку хозяина. – Вот вам и типичный несчастный случай... А если бы ее нашли в посторонней машине, то обязательно возникли бы лишние вопросы.

– Вопросы, – машинально повторил Мамонтов, и его глаза начали постепенно принимать осмысленное выражение. – Какого черта мы сидим здесь и теряем время? – воскликнул он с таким негодованием, как будто идея засесть в кабинете с бутылкой «Абсолюта» принадлежала не ему лично. – Пора бы уже побеседовать с нашими гостями! В первую очередь с этим... – досадливо поморщившись, Мамонтов пошевелил

растопыренными пальцами, силясь поймать в воздухе ускользнувшее имя.

— С Романом, — подсказал Черныш, деловито поднимаясь с кресла.

— Без тебя помню! — буркнул Мамонтов в ответ. — Такое не забывается.

Начальник охраны деликатно промолчал и сделал шаг в сторону, пропуская громоздкую тушу шефа вперед. Поступь того была столь грузной, что кабинет отозвался на нее приглушенным дребезжанием всякой легковесной дребедени, которой был напичкан. Посуда, сувениры, статуэтки, фотографии в рамочках — все это пришло в дрожь, как бы предчувствуя надвигающуюся грозу.

Спускаясь по лестнице, Мамонтов сопел ничуть не тише ископаемого исполина, от которого произошла его фамилия. Казалось, его вот-вот хватит удар, но он лишь ускорял движение, преодолевая ступени на плохо гнущихся ногах, подобно целеустремленному роботу, готовому справиться с любыми препятствиями.

Чтобы шеф не почувствовал жирным затылком его ненавидящего взгляда, Черныш скользил глазами по картинам, которых на стенах лестничного проема было никак не меньше трех десятков. Несколько пейзажей, неуместный фруктово-овощной натюрморт, а главным образом — всевозможные голые молодухи, развернутые к зрителю так и эдак. Ни одна из них даже отдаленно не походила на Дашу, однако каждая напоминала Чернышу о ней, и ладонь, которой он придерживался за перила, вскоре взмокла от пота.

Плавно изогнувшись полукругом, лестница вывела обоих мужчин в грандиозный холл, отозвавшийся на их шаги резонирующим эхом. Добротная скульптурная копия Венеры Милосской проводила их равнодушными мраморными бельмами, а дебелый привратник с помповым ружьем вытянулся с ней рядом, расставил ноги циркулем и соорудил такое зверское лицо, словно только что уничтожил не меньше десятка лазутчиков, проникших в особняк. Горничная, скрашивавшая его опасное дежурство, сделала вид, что протирает зеркало, но, кажется, елозила по стеклу собственными трусами.

— Мотню застегни, — прошипел Черныш привратнику мимоходом.

Хозяин на это никак не отреагировал. Ничего не замечая вокруг, все так же сосредоточенно топал ножищами дальше. Пройдя длинным коридором, выполненным в виде мраморного тоннеля, он толкнул дверь в конце с такой силой, что чуть не сорвал ее с петель.

Отсюда вниз вела еще одна лестница, уже не такая помпезная, как входная. Ее ступени на всем протяжении были покрыты потемневшими каплями крови, оставленными чьим-то расквашенным носом. Это было здесь обычным явлением. В прежние лихие времена, случалось, крови здесь наблюдалось значительно больше. Этим путем попадали в особняк гости, которых Мамонтов не жаловал. Некоторым выпадало счастье выбраться из подвала на своих двоих, а иные покидали дом уже не по своей воле (впрочем, как и появлялись здесь).

Низкий потолок коридора, куда проникли Мамонтов с Чернышом, давил и нагнетал тяжелую атмосферу, что шло только на пользу всяким несговорчивым личностям, которых доставляли сюда насильно. Капли крови присутствовали и здесь, указывая путникам верный путь. Миновав оружейную с вытанувшимся за решеткой часовым, несколько кладовых и подсобных помещений разного назначения, натужно пыхтящий Мамонтов не вошел, а ворвался в комнату, которую в шутку называл исповедальней.

Достаточно просторная, ярко освещенная лампами дневного света, она на самом деле не имела окон, через которые могло бы проникать солнце, а единственная дверь была позаимствована не где-нибудь, а в самой настоящей тюрьме – не столько для предотвращения побегов, сколько из стремления лишить пленников всяческих иллюзий.

На этот раз их было много, как никогда, – сразу трое. Пристегнутые наручниками к вмурованной в стену чугунной трубе парового отопления, они одновременно взглянули на вошедших. Их взгляды излучали испуг, отчаяние, усталость и главным образом надежду, которую им никто здесь внушать не собирался.

Два охранника из команды Черныша, присматривавшие за троицей, без лишней суеты поднялись с садовой скамейки, установленной здесь для комфорта хозяев положения, и молча посмотрели на вошедших, ожидая распоряжений.

– Ждать там! – Мамонтов нетерпеливо махнул в направлении

коридора.

Дважды повторять не пришлось. Охранники испарились стремительно и бесшумно.

Плюхнувшись на скамейку и не приглашая Черныша последовать его примеру, Мамонтов принялся старательно отдуваться, посвистывая прокуренными легкими. Он хотел, чтобы его голос звучал властно и грозно, а при такой одышке добиться этого было затруднительно. Поэтому, не желая выглядеть обессиленным, безобидным толстяком, Мамонтов сделал вид, что хочет для начала получше рассмотреть маленькую компанию, оказавшуюся в его власти.

Главное внимание он уделил темноволосому парню. Надо полагать, это и был Роман, герой-любовник с членом на изготовку. Переполненный дурной спермой паскудник, осмелившийся изгадить семейную идиллию Мамонтова, разрушить ее, превратить в постыдную порнографию.

Это его кровавая юшка оросила лестницу и коридор, но она уже запеклась у него под носом, и вообще в жилах этого подонка бежало слишком мало крови, чтобы отквитаться за Дашину жизнь, даже если отмеривать ее каплю за каплей.

Глаза парня забегали. Лицо его сделалось мертвенно-бледным. Парень сидел на корточках с задранной вверх рукой, и Мамонтов с удовольствием отметил, что от запястья до кончиков пальцев она тоже приняла трупный оттенок, только гораздо более темный, чем смазливая физиономия. Коварные милицейские наручники смыкались все туже при каждом резком движении, и пленник, убедившись в этом на собственном опыте, теперь боялся даже пошевелить прихваченной браслетом конечностью.

– Больно? – поинтересовался Мамонтов, когда дыхание постепенно наладилось, а непрерывное сипение перешло в редкие присвисты.

– Да! – жалобно признался красавчик Роман и, наглядно иллюстрируя свои страдания, выдул из ноздри розовый пузырь.

– Ерунда. Скоро ты будешь вспоминать эти минуты с нежностью, – пообещал Мамонтов, завершив фразу зловещим: – Ха! Ха!



– Что вы сказали? Я плохо слышу. У меня барабанная перепонка повреждена. Правая.

– Это еще что. Цветочки! – Мамонтов широко осклабился. – Вот ягодки тебя ждут, это да! И на том свете будешь вспоминать мои ягодки.

– За что?! – трагически выкрикнул красавчик, к которому моментально вернулся слух. – Что я вам сделал такого? – Он чуть не плакал и ерзал на корточках, как будто мостился тут же справиться большую нужду. Совсем потерял голову от страха.

– Девушку из джипа помнишь? – скучно спросил Мамонтов.

– В белой шубе? Еще помада у нее такая... ярко-красная, да?

Мамонтов представил себе, какого цвета Дашины губы теперь, когда она сидит в полузатонувшем джипе, уже исследуемом всякой подводной нечистью, и не стал вдаваться в подробности. Вместо этого просто уточнил:

– Значит, помнишь такую?

– Я ее даже пальцем не тронул! – затараторил было Роман, но Мамонтов оборвал его на полуслове новым вопросом:

– А чем ты ее тронул? Отвечай! Смелее, – подбодрил он. – Здесь все свои.

– Ничем! – завопил смазливый ублюдок. – Ничем я ее не трогал! Матерью клянусь! Мамой своей! Мамочкой родненькой!

– Неужели?

– Да ей-богу! Вот и Петя может подтвердить, он рядом был. Скажи ему, Петя!

Высокий белобрысый парень с синими глазами, на котором скрестились взгляды всех присутствующих, отозвался на этот жалобный призыв презрительным плевком себе под ноги. Он единственный из всей троицы стоял во весь рост, облокотившись на чугунную трубу с таким независимым видом, словно не был прикован к ней наручниками. Даже изрядно избитый, помятый и растрепанный, он не производил

впечатления сломленного человека.

– Выкладывай, Петя, – нетерпеливо предложил Мамонтов, подавшись вперед на своей скамейке. – Голова у тебя большая, светлая. Поделись со мной мыслями, которые там бродят.

– Петр я, а не Петя, – строптиво уточнил белобрысый.

– Пусть Петр, мне без разницы, – милостиво кивнул Мамонтов. – Так что все-таки случилось на дороге, Петр? Что произошло между той девушкой в белой шубе и твоим другом?

– Не друг он мне! Пусть себе таких друзей эти... гомеопаты разные заводят!

Неожиданно Черныш, который до сих пор не вмешивался в допрос, сорвался с места и, подскочив к упрямцу, схватил его за уши, чтобы с силой ударить затылком о стену.

Мамонтов подумал, что начальник охраны, несмотря на высокий оклад, должно быть, все же очень скучает по своей прежней государственной службе, где мог колотить чужими головами о стены хоть целый рабочий день без перерыва на обед.

– Отвечать на вопросы! Смотреть в глаза! – шипел он, разбрызгивая слюну во все стороны.

Реакция Петра оказалась несколько замедленной. Для начала он еще разок обстоятельно сплюнул себе под ноги – теперь уже кровью. Затем, по-прежнему не спеша, положил свободную руку на плечи Черныша. Впечатление дружеского объятия продлилось очень недолго. С силой рванув обидчика на себя, Петр одновременно придал своей белобрысой голове бодливый наклон, после чего произошло звучное столкновение двух крепких мужских лбов. В результате пленник остался стоять на ногах, а Черныш, как только сближение завершилось, плюхнулся на задницу и оторопело оглянулся на Мамонтова, как бы прося у него защиты. Тот отвел взгляд, предоставляя подчиненному защищать свою честь и достоинство самостоятельно.

– Ох..! – слабо воскликнул Черныш на вдохе, после чего исторг с судорожно выпущенным воздухом: — ... рана!

Если он надеялся, что столь жалкий призыв будет услышан за толстенной дверью, то подобная наивность никак не вязалась с его славным гэбэшным прошлым. Припомнив, как громко приходится людям кричать в застенках, чтобы обратить на себя внимание, Черныш набрал в грудь побольше воздуха и снова разинул рот, теперь уже во всю ширину.

– Не надо пока охраны, – повелительно рыкнул Мамонтов, в глазах которого Черныш упал окончательно, да так низко, что его впору было землицей забрасывать. Мысленно решив, что с Полканом надо кончать, он почувствовал такое облегчение, что продолжал уже почти безмятежным тоном: – Здесь я отдаю приказы, не забывай. Велю порвать эту гоп-компанию на куски, тогда и рви! А пока что мы просто беседуем... Так, Петр? – Дождавшись от того неопределенного пожатия плечами, он вкрадчиво предложил: – Ну, не томи душу, рассказывай. Что ты видел? Как все было?

– А ничего особенного не было, – буркнул белобрысый парень. – Ехали мы по дороге... Быстровато, конечно, врать не буду... Тут джип этот нарисовался. Ну и приключился небольшой... этот... катаклизм... Колесо он пропорол, что ли...

– Дальше, – потребовал Мамонтов, неодобрительно косясь на поднявшегося Черныша, безуспешно пытавшегося принять прежнюю начальственную позу. – Что было дальше?

– А дальше мы опять ехали, только уже мимо, – туманно пояснил Петр. – Ну, гаденыш этот... – он кивнул в сторону Романа, – ... увидел деваху возле джипа и поскакал к ней вприпрыжку. Сам я видеть ничего не видел, они за машиной общались, но гаденыш Рома мне потом хвастал, что секс с эротикой между ними приключился. Жаловался еще: деваху, мол, заразная оказалась. У нее это... как его?.. матка взбесившаяся.

– Бешенство матки? Так он выразился?

– Во! – коротко подтвердил Петр.

– Поня-а-а-атно.

Взгляд Мамонтова переметнулся на смазливого брюнета, и был он

столь тяжел, что того отбросило к стенке, а голос его сделался таким сдавленным, словно он вдруг очутился под тем самым злополучным джипом, мимо которого не смог проехать.

– Она сама предложила! – выдавил из себя Роман. – Я ничего такого не хотел! – При этом он рванулся вперед, как бы для того, чтобы упасть перед Мамонтовым на колени, но наручники вынудили его остаться на месте, страдальчески подвываяющего, корчащегося, гримасничающего.

– Жаль, что у тебя самого матки нет, – процедил Мамонтов. Он откинулся на спинку скамейки и разглядывал Романа с брезгливым любопытством человека, наблюдающего за предсмертной агонией какого-нибудь отвратительного насекомого. – Но это не беда, – продолжал он, то ли кривясь, то ли ухмыляясь. – У тебя тоже найдется, что можно вывернуть наизнанку... Верно я говорю? – Мамонтов внезапно возвысил голос и взглянул на начальника своей охраны.

Черныш, застигнутый врасплох, вздрогнул, но тут же зловеще заулыбался и подтвердил:

– Верно! Скучать перед смертью мы этому секс-террористу не дадим, обещаю.

Роман моментально забыл про прихваченную зубастым браслетом руку и перестал скулить, боясь пропустить хоть слово. Его губы сравнялись цветом с бледным лицом, а глаза превратились в две большущие темные дырки, напоминающие мышиные норы. Заглядывать в них Мамонтову было совершенно неинтересно.

– Пусть утащат этот кусок дерьма подальше, – велел он.

Призывно бухнув кулаком в железную дверь, Черныш дождался появления двух своих бойцов и распорядился, указав на Романа:

– Взять!

Тот задержался в сильных руках охранников так неистово, словно предпочитал остаться прикованным к стене подвала навеки, изображая из себя Прометея.

– Отпустите! – звонко голосил он. – Ничего у меня с той девушкой не было! Я все наврал! Похвастаться захотелось!

– Пусть заткнется, – поморщился Мамонтов.

Он вспомнил, что не курил уже около часа. Приподняв одной рукой брюхо, покоящееся на коленях, он кое-как запустил два пальца в тесный карман брюк, и, кряхтя, извлек сигаретную пачку.

За это время один из бойцов успел приблизиться к вопящему Роману и коротко ткнуть его большим пальцем в сонную артерию. Он как раз отстегивал руку обмякшего пленника от трубы, когда Мамонтов щелкнул зажигалкой и поднес к ней сигарету. А с появлением первого облачка сизого дыма прозвучал вопрос подчеркнуто исполнительного Черныша:

– Куда его?

– К сараю, – сказал Мамонтов. – Туда, где Семеныч дрова для камина заготавливает.

– И что дальше?

– Потом скажу. Пока что подкормите нашего гостя досыта. Ишь, худенький какой...

– Как... подкормить? – опешил Черныш. – Чем?

– Да уж не печеньем с чаем, – хохотнул Мамонтов и вдруг подмигнул девушке, на которую до сих пор вообще не обращал внимания.

Попала дуреха в подвал за компанию, прицепом, и к истории с Дашей не могла иметь никакого отношения. Осунувшаяся, худая, растрепанная, она вызывала у Мамонтова странную смесь безразличия и любопытства. Один ее наряд чего стоил!

Жалкие лохмотья того, что когда-то являлось колготами, неряшливо торчали из голенищ ее ботинок и никак не могли сойти за гольфики, даже самые плохонькие. Но зато сами ноги! Оценив видимую их часть, Мамонтов мысленно продолжил их до известного места, откуда они растут, и подумал, что такая девушка и без «платформы» запросто перешагнет метровый заборчик, не зацепив его при этом.

Его заинтересованный взгляд скользнул выше. Наброшенная задом наперед шинель была затасканной и грязной. Однако представлять, что испытывает ее нежная голая кожа при соприкосновении с грубым

ворсом военного сукна, Мамонтову было отчего-то приятно. Он машинально провел пятерней по колючему подбородку, и ему вдруг представилось, что это ее пальцы. Или ее плечо... грудь... живот... Вся она, как следует отмытая, чистенькая, гладкая. И, уж конечно, без этой дурацкой шинели, которую Мамонтову все сильнее хотелось сорвать с незнакомки.

После этого еще одно сильное желание возникло у Мамонтова. Объяснить, что именно ожидает Романа в скором будущем, он решил почему-то именно этой девушке. Она лучше всех присутствующих могла оценить его замысел.

Черныш, например, до сих пор не вник в задумку хозяина. Целую минуту, пока тот задумчиво разглядывал пленницу, он что-то напряженно соображал, а когда заговорил, то выглядел дурак дураком:

– Значит, не печеньем с чаем угощать нашего гостя. Ясно. – Черныш понимающе кивнул, но тут же пожал плечами и воскликнул с недоуменным отчаянием: – Так чем же все-таки накормить эту сволочь?

– А вафельками, – весело пояснил Мамонтов, подмигнув боевой девчонке в шинели вторично.

– Вафельками? – Хотя лицо Черныша окаменело от умственного напряжения, он не смог придумать ничего лучше, чем тупо переспрашивать хозяина, ожидая, что тот наконец подбросит ему хоть какую-нибудь подсказку.

«Попугай хренов!» – подумал Мамонтов и заорал, выронив сигарету изо рта:

– Вот именно! Вафельками! Вафлями! Теми самыми, которыми он Дашу угощал! Пусть знает, каково ей было!

Надрывный крик моментально спровоцировал кашель, который согнул его пополам. И это было очень своевременно. Потому что присутствующие могли списать выступившие на его глазах слезы на удушье, но могли истолковать их и как-нибудь иначе.

А одним из девизов Мамонтова была фраза, произнесенная грузином в старинном военном фильме: «Мужчина не плачет, мужчина

огорчается». Мамонтов сам придумал логичное продолжение этому лозунгу, и звучало оно так: «... и тогда этот мужчина сильно огорчает своих обидчиков».

Только разве можно быть безжалостным со слезами на глазах?

\* \* \*

Нашлись бы у Эльки сейчас сочувствующие слушатели, ох и порассказала бы она им о своих мытарствах! Но таковых рядом не наблюдалось, поэтому приходилось утешать себя самой.

Гнала плохие мысли прочь, а хорошим не давала сгнить бесследно. Внушала себе: ты выкрутишься, Элька, ты обязательно выкрутишься, ты выйдешь из этого жуткого подвала целой и невредимой. Почему? А потому что сын тебя дома ждет, Антошка. А еще потому, что ангел-хранитель у тебя есть, тоже, наверное, на сынишку похожий, но умеющий отводить всяческие напасти и творить чудеса. Конечно, ангел, кто же еще? Иначе как бы удалось Эльке выскользнуть из всех коварных ловушек, которые подготовила ей судьба-злодейка?

Бандиты не сгноили ее в грязной яме, не поставили на хор, а в благодарность за доставленное удовольствие не забили ей между ног бутылку из-под шампанского, чтобы всласть поржать над ее предсмертными муками. Спаслась ведь и выжила, и даже уничтожила одного из своих врагов.

И людоед с садовыми ножницами не скормил Эльку своей грязной компании, и заживо ее не сожгли, и пули над ее головой отсвистели без всяких последствий.

Осталось выдержать только одно, самое последнее испытание.

Как только дошла Элька до этого самого главного, кульминационного момента своего психологического тренинга, так и застопорилась. Не сумела сделать себе хорошо, обломалась. И никакой впереди не хэппи-энд замаячил, а самая настоящая звезда. Не путеводная, совсем другая звезда. Та, которой накрываются в критические моменты судьбы. Такая вот невеселая получалась астрология, блин!

Нетрудно было сообразить, что виной всему оказался симпатяга Роман. Красавец трахнул не ту, не тогда и не так. А расхлебывать заваренную им кашу предоставил своим случайным знакомым – Эльке и Петру. Та порция, которую Роману предстояло заглотить самостоятельно, была для нее слабым утешением. И когда его, бесчувственного, обреченного и, кажется, обделавшегося, выволокли из камеры, облегчения для себя Элька все равно не ждала.

Пожалуй, единственным светлым лучиком оставался для нее белобрысый Петр со своими миллионами. Элька не смогла бы вразумительно ответить, откуда у нее такая уверенность, но она не сомневалась в том, что этот настырный парень все же отыскал заветный чемоданчик. Более того, получалось, что Петр вернулся на овощную базу специально за Элькой, перестрелку тоже затеял ради нее, а это означало, что он готов умереть за нее.

Надо же! Она недоуменно повертела головой, но тут же замерла опять, потому что грубое шинельное сукно обожгло нежную кожу шеи. Благоразумнее всего было сохранять неподвижность и украдкой наблюдать за происходящим, ловя свой шанс выжить в очередной раз.

Сидя на холодном полу, Элька приподняла голову и искоса взглянула на Петра, возвышающегося над ней. Ангел-хранитель витал неизвестно где, зато рядом был обычный земной человек, на которого можно было положиться.

Петр, а не Петя. Незадачливый, простоватый с виду парень, он был готов пожертвовать ради Эльки не только жизнью, но и огромными деньжищами, что, по ее мнению, превосходило всяческий героизм, на который способны влюбленные мужчины. Подобно безрассудному мотыльку, летящему на свет, он стремился к ней, нашел ее и снова находился рядом, хотя это грозило ему неминуемой гибелью.

«Что за странный парень! – подумала Элька, продолжая незаметно поглядывать на Петра. – Его на другой планете воспитывали, что ли? У нас таких чудаков давно нет, все повымерли».

То, как умело расправился он с ударившим его мужиком в дорогом костюме, удивило Эльку не так уж сильно. Драк на своем веку она повидала немало, даже глаза давно перестала зажмуривать, когда мужские разборки происходили в ее присутствии. Ее потрясла не боевая



сноровка Петра, а то равнодушие, с которым он ожидал расплаты за свою дерзкую выходку. В том, что мужчина сплевывает на пол, обычно не наблюдается ни малейшего героизма. Но когда это происходит в окружении враждебно настроенной публики, подобное говорит о многом.

Эльке вдруг захотелось встать рядом с Петром и прислониться к его сильному плечу, и если бы не дурацкая шинель, постоянно норовящая сползти на пол, она, пожалуй, так бы и поступила. Но и без того присутствие этого парня начало вселять в нее уверенность. Один уже только его голос, в котором ни разу не проскользнули трусливые или заискивающие нотки, настраивал ее на мажорный лад.

— Ты кто по жизни будешь? — поинтересовался у Петра толстяк, заправлявший в подвале.

— Сейчас почти что никто, — признался тот. — А раньше был телохранителем у одного бизнесмена.

— Уволил тебя? — проявил толстяк участие.

— Это его уволили, — хмуро уточнил Петр. — Совсем.

— Это как?

— А так... — Взгляд Петра многозначительно устремился к низкому потолку, заменявшему пленникам небо над головой.

— Ха! Ха! — почему-то обрадовался толстяк, словно услышал что-то смешное. — Шефа грохнули, а телохранитель, значит, живет себе припеваючи...

— У вас тут не очень-то распоешься, — буркнул Петр.

У толстяка опять смешливо дрогнули жирные щеки, после чего он весело признал:

— Это ты верно подметил. Тут тебе не консерватория. Знаешь, куда ты попал? Догадываешься, кто перед тобой находится? Мамонтов Александр Викторович... Приходилось слышать такое имя?

— Не-а! — в голосе Петра прозвучало не просто равнодушие, а

неприкрытая скука.

— А девушка обо мне наслышана? — Мамонтов перевел взгляд на Эльку, как бы предлагая ей загладить невежливую реплику товарища по несчастью.

Ей стало очень неуютно под шинелью, когда вопросительный взгляд продублировал подручный толстяка, дядька в дорогом костюме, состоящий при хозяине кем-то вроде палача. После столкновения лоб в лоб взгляд у него сделался совершенно невменяемый, и на пленников он поглядывал с видом свирепого цепного пса, ожидающего команды «фас».

— Что-то припоминаю... — Элька придала своему тону не только задумчивость, но и уважение, которое всегда приятно всем мужчинам, и толстым, и в меру упитанным, и тощим. Прихлопнув пару раз ресницами, она наугад предположила: — О вас, по-моему, даже в газетах писали...

— Память у тебя хорошая, золотце, — похвалил Мамонтов. — Но демонстрировать ее не всегда уместно. — Он вдруг помрачнел, перевел взгляд на своего подручного и язвительно осведомился: — Эту парочку обязательно было волочить сюда? Без нее никак нельзя было обойтись?

— Они были заодно с Романом, — ответил дядечка, проведя языком по зубам, которые, надо полагать, шатались после неожиданной встряски. — Вы же сами не хотели огласки, Александр Викторович...

— И что ты предлагаешь с ними делать? — желчно осведомился толстяк. — Выделить им еще один джип?

Элька не очень поняла смысл вопроса, но он ей крайне не понравился. Петру, видимо, тоже, поскольку он поспешил вмешаться в разговор:

— Ремонт вашей тачки я оплачу.

— Чем? Вшивой расческой, которую у тебя нашли в кармане? — Мамонтов опустил уголки губ, отчего сделался похожим на огромного перекормленного бульдога. — Насколько мне известно, денег при тебе обнаружено не было.

– Это мои проблемы, – заявил Петр. – Назовите вашу цену и все.

– В Бельгии нулевой «Мицубиси-Паджеро» стоит двадцать семь штук баксов, – вкрадчиво сообщил Мамонтов, закуривая очередную сигарету. – Это без всяких наворотов, без перегонки и растаможки. Ремонт обойдется минимум в двадцать процентов от начальной стоимости... Как, Петя, потянешь такую сумму?

– Петр я, а не Петя... Плачу полную стоимость вашего джипа. А вы отпускаете меня и девушку, – он кивнул на Эльку, сидящую у его ног, и ей сразу сделалось немного теплее.

– Ты сын нефтяного магната? Внучатый племянник Гусинского?

– До лампочки мне ваш Гусинский. Вместе с его этим... «Медиумом-Мостом».

У Эльки даже дух перехватило. Теперь у нее не оставалось ни малейших сомнений в том, что ее дюжий товарищ по несчастью действительно сказочно разбогател и готов выкупить ее, не торгуясь.

Подняв глаза, она в последний раз посмотрела на Петра тем новым взглядом, которому лишь самой малости не хватило для того, чтобы превратиться во влюбленный. Но то, что было готово проснуться в ее душе, так и не проснулось...

Она, Антошка и чемоданчик, битком набитый деньгами. С другой стороны, малознакомый парень по имени Петр. Элька сделала свой выбор, не колеблясь. И синеглазому Петру не нашлось в нем достойного места.

Когда, на мгновение сомкнувшись, Элькины глаза распахнулись снова, они глядели уже не на Петра, а на толстого вершителя ее судьбы. В ее заблестевших зрачках скопилось ровно столько неподдельной искренности, сколько способна выразить женщина, затеявшая коварную авантюру.

Эти глаза неотрывно смотрели на Мамонтова и временами многозначительно округлялись, давая ему понять, что к нему имеется неотложный разговор. Он недоуменно выпучился на Эльку, но она бросила быстрый предостерегающий взгляд на Петра. Это означало, что

его присутствие при разговоре нежелательно.

Мамонтов в задумчивости раскинулся на скамейке, даже попытался закинуть ногу за ногу, хотя комплекция не позволяла ему принимать столь вольготные позы. В его глазах, обращенных на Эльку, читался возрастающий интерес вперемешку с еще какими-то эмоциями, которые ей пока расшифровать не удалось.

«Если бы не синяки, ссадины и ожоги, – сокрушенно подумала Элька, – достаточно было бы пару раз неосторожно уронить шинельку, чтобы этот слонопотам сделал на меня стойку. Но еще не все потеряно. Женщина на то и женщина, чтобы выдавать свои недостатки за достоинства».

– Душно здесь, – пожаловался Мамонтов, изобразив зевок. – Пожалуй, пора закругляться.

– С этими что? – Дядька в дорогом костюме бросил на пленников алчный взгляд, особо долго задержавшийся на Петре.

– Не гони пургу раньше времени, Черныш. Я приму решение утром. На свежую голову.

– Резонно, – согласился дядька, фамилия которого показалась Эльке какой-то собачьей. Но злобные огоньки в его глазах не погасли совсем, а просто притаились за полуопущенными веками. Глядя себе под ноги, он уточнил: – Этот сексуальный террорист... Рома... он тоже пусть утра дожидается?

– Нет! – воскликнул Мамонтов, колыхнувшись на скамейке с такой живостью, что она чудом устояла под этим напором. – Сходи-ка во двор, поинтересуйся, как у него самочувствие. Надеюсь, он получил полное удовлетворение, к которому стремился.

Черныш потрясся немного, изображая беззвучный смех, и спросил:

– Что с ним делать дальше?

– Там дров всяких полно возле сарайчика, – произнес Мамонтов безмятежно. – Пусть ребята или Семеныча разбудят, или сами ручками поработают, мне это без разницы. Главное, чтобы они кол вытесали, а на него насадили Романа. Я позже поприсутствую. Это долгая будет

история. Успею налюбоваться.

– Кол? – Черныш не придумал ничего умнее, чем снова затеять свои глубокомысленные переспрашивания.

– Ты ко мне эхом нанимался? – заревел Мамонтов так, что тут же начал задыхаться. – Попугаем арой? Говорящим какаду?.. Нет?.. Тогда бросай свою идиотскую манеру отвечать вопросами на вопрос!..

– Понято, Александр Викторович, – заторопился проштрафившийся Черныш. – Все будет сделано.

– Слава богу, – запыхтел Мамонтов, тяжело отдуваясь.

Когда он вновь нашел взглядом Эльку, ей захотелось накрыться шинелью с головой. Тот, кто выдумал байку про добродушный нрав толстяков, явно не был знаком с господином Мамонтовым. «Интересно, а как он обойдется с той девушкой из джипа, на которую напоролся Рома? – подумала она. – Ее счастье, что этой ночью будет изготовлен только один кол. Хотя, возможно, для бедняжки уже все позади. А очередной кол ожидает теперь тебя, Элечка. Одно неверное слово, фальшивая интонация, и...»

– Тебя как зовут?

Она вздрогнула, сообразив, что вопрос и мрачный взгляд адресованы лично ей, но взяла себя в руки и даже изобразила слабую улыбку:

– Я Эля... Элька.

– Имя какое-то козье! – поморщился Мамонтов.

Сохраняя на лице полуулыбку, она пожала плечами, едва не потеряв при этом наброшенную шинель:

– Можно звать меня Элеонорой.

– Еще чего! – Мамонтов фыркнул так, что по помещению прогулялся слабый ветерок. – Элеонора какая выискалась! Клеопатра губернского масштаба!

Черныш смешливо захрюкал. Петр предостерегающе бряцнул своими наручниками. Элька погасила улыбку и повернулась к жирному собеседнику в профиль – так было удобнее продемонстрировать возмущенно задранный нос.

– Мордаху не вороти! – посоветовал Мамонтов, тяжело поднимаясь со скамейки. Подойдя к пленнице вплотную, он навис над ней всей своей тушей. Когда он продолжил свою тираду, Эльке показалось, что голос доносится до нее из гулкой бочки. – Сейчас ты пойдешь со мной, побеседуем немного. Твой заступник пока что останется здесь... Черныш! – окликнул Мамонтов подручного, повысив голос. – Отстегнешь парня, закроешь и забудешь о его существовании до особого распоряжения. Уразумел? Только не вздумай опять переспрашивать, а не то я вместо тебя волнистого попугайчика заведу. Представляешь, насколько сократятся мои расходы?

Вскоре Элька была освобождена от наручников, цепко прихвачена мамонтовской лапищей за волосы и буквально выволочена из камеры в коридор. Поскольку вдеть руки в рукава шинели она не успела, а лишь кое-как набросила на плечи, все десять ее пальцев были заняты придерживанием расходящихся суконных пол, а мысли – поисками тех аргументов, которые должны были подарить ей спасение и свободу.

– Больно, наверное? – спросил Мамонтов с любопытством, направляя спутницу к лестнице, ведущей наверх. Каждый новый поворот сопровождался очередным рывком за спутанные пряди волос.

– Да уж не щекотно!

– Терпи, коза, а то мамой будешь! Ха! Ха!..

«Сам козел!» – эта достойная отповедь так и просилась на Элькин язык, но был не самый удобный момент для того, чтобы давать ему волю.

– Отпустите, я не собираюсь удирать, – сказала она как можно более убедительным тоном. – Мне просто нужно переговорить с вами наедине.

– Переговоришь, – пообещал Мамонтов. – А насчет того, что я тебя отпущу, рано загадывать.

Он уже тащил Эльку через огромный холл, вынуждая ее передвигаться в полусогнутом положении. Уж слишком рослой она была для него, а тут еще ботинки на десятисантиметровой подошве. Неловко оскальзываясь на мраморных плитах, Элька с горем пополам пересекала зал под любопытным взглядом охранника у двери, но на первой же ступеньке широченной лестницы сразу же споткнулась, рухнув на колени.

– Вставай! – Мамонтов безразлично стряхнул с ладони оставшиеся на ней тонкие пряди волос и ухватил Эльку за воротник.

– Нога, – пожаловалась она.

– Если что-то серьезное, ампутируем, – пообещал Мамонтов.

Кажется, он в очередной раз попытался захохотать, но одышка помешала ему. Поэтому он просто двинулся наверх, волоча за собой шинель вместе с неуклюже барахтающейся Элькой.

– Что ты так цепляешься за свою половую тряпку? – пропыхтел он на ходу.

Элька, умудрившаяся не только подняться на ноги, но и сохранить на теле грубую накидку, сердито ответила:

– Не голой же мне вышагивать!

– Ты прежде всего не голая, а грязная! – нравоучительно заметил Мамонтов. – Чем ты занималась в этом вшивом бомжатнике?

– Тем же, чем и здесь. На привязи сидела.

– Доить тебя собирались, что ли? – шутку завершил надсадный кашель, отдаленно напоминающий смех.

– Резать! – уточнила Элька. – А потом пустить на шашлык!

– Ну?! – поразился Мамонтов. – Не перевелись, значит, людоеды на земле русской?

Преодолев лестницу, Мамонтов приостановился, отдуваясь.

– За муки земные тебе на том свете воздастся. А сейчас помоешься, и тебе дадут чистые шмотки, чтобы переоделась. Потом уже побеседуем. Вперед!

Сопя как допотопный паровоз, он опять повлек Эльку за собой, и, уловив в воздухе шлейф перегара, тянувшийся за мучителем, она немного успокоилась. Оказывается, Мамонтов был просто-напросто пьян, и в этом случае его глумливая жестокость относилась не к Эльке конкретно, а к человечеству в целом. Нужно было лишь не раздражать его понапрасну, а плести нить собственной интриги.

Ванная комната потрясла ее воображение. Она замерла на пороге, вбирая в себя весь блеск и сияние, разом бросившиеся ей в глаза, а прозрачный чан, напоминающий очертаниями створку исполинской раковины, и вовсе ошеломил ее до полного онемения.

– Нравится усыпальница? – внезапно посуровевший голос Мамонтова вывел ее из созерцательного транса.

– Усыпальница?

– Еще одна тупица взялась на мою голову! – обозлился Мамонтов. – Вы что, сговорились сегодня переспрашивать?

Элька предпочла промолчать, чтобы не вызвать еще большее раздражение слонопотама, для тучных телес которого, наверное, и была установлена эта чудо-ванна.

Только теперь, очутившись в этом храме сантехники, Элька по-настоящему осознала, до чего она грязна, жалка, голодна и неприглядна. Чувствуя себя распоследней уличной шавкой, она потупила взор и спросила:

– Как наполнять эту лохань?

– Обойдешься, – отрезал Мамонтов. – Хватит с тебя и душа.

– Хорошо, – покорно сказала Элька и направилась к овальной кабине.

Шансов остаться невидимой в этом пластиковом сооружении у нее было не больше, чем у рыбки в аквариуме, однако, когда она уронила шинель на пол и обернулась, Мамонтов уже направлялся к выходу.



– Жрать хочешь? – спросил он через плечо.

Именно так: жрать. «А как еще ко мне обращаться? – мрачно подумала Элька. – Не изволите ли кушать?.. Поменьше гонору и побольше уважительности, вот и все, что от меня сейчас требуется...»

– Хочу, – ответила она. – Очень.

– Но учти, вареников с картошкой в этом доме не бывает, – заявил Мамонтов, по-прежнему обращенный к собеседнице своим затылком.

Почувствовав что-то странное в его тоне, Элька осторожно сказала:

– Я не люблю вареники.

– Твое счастье, – хмыкнул Мамонтов. – Они здорово сокращают жизнь.

– Разве?

– Поверь мне на слово, – буркнул Мамонтов.

Когда Элька, омытая тремя водами и пятью разными шампунями, сушила волосы феном, в ванной комнате бесшумно возникла заспанная горничная с толстыми негритянскими губами и, не поднимая глаз, выложила перед ней стопку одежды.

Здесь оказалось все необходимое, чтобы можно было облачиться с ног до головы в свежее и чистое. Обувь, правда, отсутствовала – видимо, Мамонтов счел Элькины ботинки вполне годными для ношения. Колготы, белье и уютный пушистый свитер в виде просторного балахона пришлись ей как раз впору. А вот с бледно-голубыми джинсами пришлось повозиться: они кое-как сошлись на бедрах, но узкие штанины даже приблизительно не доставали до щиколоток, отчего Элька на своих длинных ногах напоминала переростка, донашивающего детские бриджи. Положение спасли высокие голенища ботинок, скравшие этот изъян. Хорошенько вымыв их, Элька обулась и неуверенно вышла из ванной комнаты, понятия не имея, куда двигаться дальше.

По-прежнему безмолвная горничная мотнула головой и пошла вперед, предлагая Эльке следовать за ней. Путешествие длилось недолго. Вскоре горничная остановилась перед массивной гладкой

дверью и выдавила из себя первое словечко:

– Сюда.

Элька взялась за ручку и приложила массу усилий, то дергая дверь на себя, то толкая в обратном направлении, но все попытки оказались безрезультатными. Вдосталь насладившись ее замешательством, горничная высокомерно ухмыльнулась, взялась за дверь сама, и та плавно отъехала в сторону.

Злясь на себя за бестолковость, Элька проникла в комнату, служившую хозяину скорее всего кабинетом. Тут царила невероятная мешанина из предметов антиквариата и ультрасовременной офисной начинки. Особенно нелепо на фоне пластиковой обшивки смотрелись громоздкие напольные часы, тем более что стекло дверцы было разбито, а осколки валялись на ковровом покрытии. Впрочем, сам хозяин кабинета, восседающий за столом, тоже казался здесь уместным не более, чем слон в посудной лавке. Слишком грузным и неуклюжим выглядел он в окружении множества вычурных статуэток, фотографий в рамках и разных канцелярских штучек, которыми явно почти не пользовался.

Один лишь только поднос со всевозможными бутербродами, стоявший перед Мамонтовым на столе среди сдвинутых в разные стороны папок и бьюваров, оправдывал свое нахождение в кабинете. Плюс внушительная бутылка водки, из которой как раз лилась прозрачная струйка в приземистый стакан.

Судя по красным глазам Мамонтова, эта нехитрая процедура проделывалась им на протяжении ночи далеко не в первый раз.

– Выпьешь? – буркнул он, опрокинув стакан в рот.

Элька взглянула на красиво разложенные бутерброды, сглотнула слюну и кивнула.

– Тогда возьми себе стакан... вон там, видишь?.. и присаживайся напротив... – Мамонтов указал толстым пальцем, куда именно. – Угощайся... Но учти, если вздумаешь ездить мне по ушам, то угощение тебе на пользу не пойдет!

Даже столь неласковое напутствие не помешало Эльке с готовностью воспользоваться приглашением. Еще не успев как следует уместиться на мягком крутящемся креслице, она впилась зубами в первый попавшийся четырехслойный бутерброд.

— Теперь водочки прими, — скомандовал Мамонтов, наполнивший стакан также и себе. — На закуску тебе дается две минуты. Потом или выкладывай, что хотела мне сообщить, или сразу вешайся. Других вариантов у тебя нет.

Расправившись с водкой и вторым бутербродом, Элька посмотрела на собеседника слегка затуманившимися глазами и заговорила:

— Вы человек состоятельный, я понимаю... Но лишние миллионы вам не помешают, верно?

— Верно, — хохотнул Мамонтов. — Покажи мне, у кого водятся лишние деньги, и я их заберу себе... Но все дело в том, о каких миллионах ты мне толкуешь. Если о недоминированных рублях или каких-нибудь керенках с тугриками, то можешь не утруждать себя понапрасну.

— Я имею в виду настоящие деньги. Доллары.

— Миллионы баксов? — Мамонтов недоверчиво хмыкнул, однако тут же благосклонно подбодрил Эльку: — Ну-ну... И о какой же именно сумме идет речь, сказочница?

Приободрившаяся Элька надкусила еще один бутерброд и невозмутимо ответила:

— Точную сумму я пока назвать не могу. Но я точно знаю, что долларами набит доверху большущий кейс.

— Ты не похожа на тех, кто деньги килограммами считает, сказочница. Давай конкретику. Полный расклад. — Тон Мамонтова сделался требовательным и нетерпеливым. Он даже бутылку водки подальше отодвинул и подался вперед, выдавая свою заинтересованность.

Элька не стала терзать его любопытство.

— Петр, который сейчас у вас в подвале сидит, — сказала она, — не шутил, когда говорил, что готов уплатить вам полную стоимость джипа.

Кейс с баксами у него...

— В заднем проходе? — Мамонтов сделал вид, что ему смешно, но его глаза разгорелись, как два красных уголька. — Его ведь обыскали, Шехерезада ты моя бестолковая.

— Вы сначала дослушайте, — сказала Элька, подпустив в голос пару обидчивых ноток.

Элька не раз слушала, когда речь шла о ее собственной роли во всей этой истории, но главные факты излагала с большой долей достоверности. Неожиданное появление Петра в Костиной квартире, налет бандитов, наконец отсидка в бетонной темнице, во время которой Элька и узнала о существовании чемоданчика... Но, когда она перешла к рассказу о своем спасении и новом попадании в плен — на этот раз к жуткому психу с садовыми ножницами, — Мамонтов нетерпеливо хлопнул ладонью по столу и сказал:

— Стоп! Достаточно! Остальное мне примерно известно... Лучше признавайся, сказочница, что ты хочешь получить за свою информацию? Свободу? Долю от общей суммы?

— Я не такая наивная дурочка, чтобы рассчитывать на честный дележ... — начала Элька, и Мамонтов одобрительно кивнул:

— Правильно мыслишь. Умница.

— Но какое-то вознаграждение ведь мне причитается? — закончила Элька свою мысль. — Сколько дадите, столько и дадите... Я и на это согласна.

— А куда ты денешься! — весело воскликнул Мамонтов, поднимаясь из-за стола с таким воодушевлением, словно и не вливал в себя водку стаканами. — Ладно, сделаю вид, что я тебе поверил. Сейчас порекомендую тебя охране и лично займусь твоим заступником. Думаю, он не станет запыряться, если услышит приказ вытесать еще один кол. Ха! Ха!

Элька внутренне напружинилась, похолодела, как перед единственным прыжком с парашютом, на который отважилась однажды. Настал решающий момент. Как бы Петр ни отмалчивался, рано или поздно ему развяжут язык, и тогда Эльку ждет не просто шиш с

маслом, а кое-что похуже. Зачем Мамонтову лишняя свидетельница? Уберут ее, и всех делов. А жить хотелось долго и счастливо. С миллионами – на меньшее Элька была уже не согласна. Даром, что ли, она страдала и мучалась?

– Под пытками люди, конечно, становятся разговорчивыми, – произнесла она задумчиво. – Но, бывает, болтают они при этом что ни попадя, лишь бы им перестали делать больно. А еще случается, что сердечко у них не выдерживает и тогда они вообще молчат. Ведь так?

– Ну? – насторожился Мамонтов. – Предлагаешь мне его по головке гладить? – Он снова плюхнулся в свое кресло, да так, что пол под Элькиными ногами дрогнул.

– А я сама могу его головкой заняться, – заявила она с циничной усмешкой. – Он ведь перестрелку из-за меня затеял. Не стал смываться с кейсом, как поступил бы на его месте любой нормальный человек. Чувства у него, понимаете? – Это было произнесено с таким презрением, будто речь шла о кожно-венерическом заболевании. – Чокнутый он, Петя-Петушок. Умственно отсталый. Самым последним из нашей компании допер, что находилось в кейсе, который ему доверили. Я же рассказывала: он его сначала вообще просто выбросил!

– Н-да, вид у него туповатый, – согласился Мамонтов. – Бекает, мекает... Думаешь, на твою ласку поведется? Растает?

– Как мороженое! – хмыкнула Элька. – Дайте мне только провести с ним время до утра.

– Ишь, Мата Хари какая выискалась! А за базар свой ответишь? Разрешить тебе потрахаться с твоим женишком мне не жалко, но ведь за удовольствие надо платить? – Мамонтов изобразил глазами прищур, который наверняка считал хитрым.

Элька, наоборот, наивно захлопала ресницами:

– Тоже мне, удовольствие! Я свободу свою хочу отработать и премию обещанную! Ради этого и под трактор ляжешь, не то что под Петю.

– Смотри, Мата Хари! Сама себе смерть выбрала!

Элька опешила:

– Как это?

– Трактор, – напомнил Мамонтов, прикуривая от настольной зажигалки. – У меня их несколько, есть даже бульдозеры... Думаешь, пугаю? Ладно, придется устроить тебе маленькую экскурсию, чтобы ты хорошенько прониклась ответственностью. – Он взглянул на часы. – Самое время нам с тобой прогуляться.

Догадавшись, о какой экскурсии идет речь, Элька попыталась было отнекиваться, но что стоили ее слова в этом негостеприимном доме! Были вызваны два охранника, которые, держа помповики наперевес, сопроводили ее и Мамонтова во двор. Освещение здесь было отключено, лишь луч фонарика указывал молчаливой процессии путь.

Сначала они прошли по аллейке, окаймленной каким-то густым кустарником с запахом хвои, а потом вышли к большой круглой клумбе, от которой во все стороны разбегались более узкие дорожки. Клумба была украшена живой вечнозеленой скульптурой, изображавшей неопознанное Элькой животное.

– Лев? – спросила она, пытаясь бодриться перед страшным зрелищем, которое ей предстояло вынести.

– Сфинкс, – буркнул Мамонтов. – Завтра полюбишься им при дневном свете. Если доживешь, конечно.

«Я еще всех вас переживу!» – поклялась Элька мысленно и сцепила поплотнее зубы, потому что они задумали выбивать частую дробь, когда в отдалении раздался долгий мучительный стон.

Пока процессия продвигалась по дорожке, усыпанной мелким гравием, Элька заставляла себя прислушиваться только к размеренному хрусту под ногами, и убеждала себя, что никаких других звуков нет и быть не может. Но вскоре фонарик высветил последнюю бетонную тропку, и здесь, на совершенно ровном месте, у Эльки сразу начали заплетаться ноги.

– Н-н-н!!!

Этот душераздирающий стон донесся до нее гораздо отчетливее первого, а тот, что последовал потом, уже совершенно неопиcуемый, так

и остался стоять в ушах, которые Элька поспешно прикрыла ладонями. Но главный ужас состоял в том, что в паузах между воплями где-то деловито переговаривались несколько мужских голосов, а временами даже раздавались смешки.

«Я ничего не слышу, – внушала себе Элька, – ничего не слышу, не знаю и знать не хочу. Это не со мной. Меня здесь нет. Меня не может быть в чужом кошмаре».

Широкая спина идущего впереди Мамонтова – вот и все, что видела перед собой Элька. Ее это полностью устраивало. Замерла спина, и она тоже механически остановилась, продолжая старательно зажимать уши. Перед глазами возникло небольшое приземистое строение, из открытой двери которого вырывался сноп света. Еще Элька видела позолоченные этим светом человеческие фигуры да совершенно черный небесный фон без всяких признаков звезд.

Все. Больше она ничего не видела. Совсем.

В следующую секунду, когда Мамонтов неожиданно шагнул в сторону, у Эльки опустились ослабшие руки, а кислород перестал поступать в легкие, словно ночь превратилась в безвоздушное космическое пространство.

Идя сюда, она в глубине души надеялась, что это просто розыгрыш, страшный розыгрыш, нужный Мамонтову для того, чтобы как следует напугать ее, шокировать, подчинить своей воле. Кто-то вопит в темноте, дурачится, а она верит, трясется от страха, уши затыкает, с тошнотой борется. Смешно? Ей – нет. А для пьяного Мамонтова, может быть, веселее забавы не бывает.

Элька заставляла себя думать так до самого последнего момента. И он наступил, этот момент. Она устояла на ногах лишь потому, что кто-то придержал ее за плечи.

То, что с первого взгляда показалось ей тряпичным пугалом на шесте, оказалось живым человеком. Пока еще живым человеком. Весь скрючившийся, почему-то неправдоподобно маленький, с заведенными за спину руками, он пытался что-то негодуя кричать, но нижняя половина его лица была обмотана лентой и несколькими слоями скотча.

Элька узнала Романа не по глазам – заглянуть в них было выше ее сил. Она увидела прическу со знакомым пробором в темных волосах, и этого оказалось вполне достаточно. С лихвой. С таким избытком, что теперь ее удерживали в вертикальном положении уже две пары рук.

Как только она догадалась зажмурить глаза, крепко-накрепко, как в детстве, когда в ночи оживали тени на стенах и одежда на стульях, в ее голове зазвучал внутренний голос, размеренный, тихий, монотонный.

«Тебе снова повезло, – нашептывал он. – Твое счастье, что Роман умирает и уже не может никому ничего рассказать. Теперь про миллионы знает одним человеком меньше. Да ты просто в рубашке родилась, милая. – Голос крепчал, приобретал тембр и надзидательные интонации. – В длинной белой рубашке до пят. Смысл жизни заключается в том, чтобы подольше отсрочивать тот миг, когда она обернется для тебя саваном!..»

Раньше Элька никогда не задумывалась о том, кому принадлежит внутренний голос. Теперь она поняла. Это был голос той старухи, в которую она превратится однажды.

Она отключила его, заставила умолкнуть, и тогда услышала голос Мамонтова, доносящийся до нее из невероятного далека:

– Накормили красавца? Не жаловался на отсутствие аппетита?

В ответ прозвучало многоголосое молодое ржание, перемежаемое веселыми репликами:

– Лопал за обе щеки, Александр Викторович!

– Еле за уши оттащили!

– Он бы сейчас от добавки не отказался, бля буду!

– Слыхала? – Мамонтов повернулся к Эльке, но, заметив, что ее веки плотно сомкнуты, впился пальцами в ее скулы и рявкнул: – Смотреть! Вот что тебя ожидает, козочка, если ты вздумала со мной шутить!

– Н-н-н!!! – отчаянно замычал Роман, как будто хотел предостеречь Эльку: не вздумай настраивать против себя этого страшного человека!



Она невольно сделала то, чего делать было никак нельзя: встретилась с его молящим взглядом. Это было как стоять на краешке бездны и всматриваться в нее до головокружения.

– Убейте его, – произнесли ее непослушные губы. – Скорее убейте.

– А? – поразился Мамонтов. – Убить? За кого ты нас принимаешь? Что за кровожадность такая?

– Г-гы-ы!!! – Реакция парней на его реплику оказалась абсолютно идентичной.

В это мгновение обе босые ноги умирающего соскользнули с неровно обтесанной древесины, и Элька явственно увидела, как его одинокая сгорбившаяся фигурка осела вниз. Живыми на белом лице Романа оставались только две струйки крови, бегущие из ноздрей.

Эльке показалось, что вместе с ним умерла и она тоже. Еще не вся, кое-что от нее осталось, и это что-то через минуту забило в такой бурной истерике, что удерживать ее пришлось сразу четверым парням.

\* \* \*

Элька во весь дух убегала вдоль полосы тумана, и догнать ее было очень трудно, но совершенно необходимо, потому что уж очень она была желанной и игривой. Увязая в каком-то липком месиве, Петр продирался следом. Довольно скоро пришло тоскливое понимание, что эта девушка недостижима, как мечта, но он продолжал изо всех сил ломиться дальше, то ли выкрикивая, то ли рыдая:

– Элька! Элечка!

– Что – Элька? Я тут.

Петр открыл глаза и не поверил тому, что они видели перед собой:

– Ты? Откуда?

Он лежал на жесткой скамье и смотрел на Эльку, как на ангела, невесту откуда взявшегося в подвале. Если бы не яркое освещение, он принял бы ее за видение, но улыбка его не стала бы от этого более

блаженной.

– Ну уж не с того света, – грубовато ответила Элька. – Нам туда рановато.

– Нам?

Элька была пасмурной, подавленной и до предела сосредоточенной на какой-то единственной мысли, не дающей ей покоя. В своем пушистом свитере и простеньких джинсах она должна была выглядеть уютной и близкой, но почему-то казалась невероятно холодной и далекой.

«Как звезда, – подумал Петр. – Сиять – сияет, а тепла от нее не дождешься... Звездочка моя ясная...»

– Что с тобой? – спросил он, распрямившись во весь свой гренадерский рост. – Тебя обидели?

– Меня? – Элька фыркнула. – Нет. Самый обиженный из нас всех теперь Рома.

При упоминании ненавистного имени Петр обозлился:

– Так ему и надо! Паскудный он человек. Одно слово: гаденыш! Надо понимать, он девку этого Мамонтова изнасиловал. В следующий раз сначала думать будет, а потом уж делать.

– Следующего раза не будет. – Элька медленно покачала головой. – Он уже, наверное, умер, а если нет, то ему можно только посочувствовать. – Впервые посмотрев Петру прямо в глаза, она горько усмехнулась: – Его на кол посадили.

– Какой еще такой кол?

– Сосновый. Или дубовый... Какое это имеет значение?.. С него сняли штаны и посадили задницей на острую дровеняку. Если бы ты видел, как он мучился...

– Так, значит, жиртрест этот не шутил?

– Он что, на комика похож? – желчно осведомилась Элька. – На

веселого юмориста? Такие люди шутить не любят, милый мой.

– Милый мой, – повторил Петр, пробуя на вкус эти слова. Остальное, похоже, прошло мимо его ушей.

– Ты бы лицо посерьезней сделал, если умеешь! – окончательно возмутилась Элька. – Не тот случай, чтобы без конца лыбиться! Меня на овощной базе чуть заживо не сожрали, знаешь об этом?

– Это как?

– Нарезают кусочками, насаживают на шампур и жарят. Все очень просто.

– Так я ж это... – Петр моментально согнал с лица счастливую улыбку и закончил оправдывающимся тоном: —... вроде как приехал за тобой. Спас, значит.

Опустившись на освободившуюся лавку, Элька завесила склоненное к полу лицо волосами и приглушенно сказала сквозь сведенные вместе ладони:

– Спасибо. Потому и назвала тебя милым. Только до спасения мне, как свинье до луны... Встречаются в жизни люди пострашнее людоедов...

– Толстяк этот? Да я ему кадык выгрызу, если он тебя хоть пальцем тронет! А если уже тронул, то я его!..

– Сядь рядом и успокойся. Ничего страшного со мной не произошло.

– Страшного? – насторожился Петр, забыв о покалеченной пятерне. – А это самое между вами было?

– Что «это самое»? – невинно осведомилась Элька, хотя сдержанность нервный смех становилось все труднее.

– Ну... – Петр помялся, подыскивая подходящее выражение, ничего путного не придумал, ужасно побагровел и перешел на язык жестов.

Когда его здоровенная ладонь изобразила нечто похожее на норку, а указательный палец другой руки пару раз нырнул в отверстие, Эльке сразу вспомнилось детство, причем дошкольное. Не сдержавшись, она

все-таки расхохоталась во весь голос, запрокинув голову назад так резко, что ударилась затылком о спинку скамейки.

– Очень смешно! – буркнул Петр, отвернувшись.

– Дурачок, – сказала Элька, когда короткая истерика прошла. – Да что он может с таким брюхом? У него же зеркальная болезнь!

– Это как? – Нижняя челюсть Петра чуть не отвалилась от удивления.

Насмешливо прищурившись, Элька предложила:

– Представь, что ты собираешься помочиться... Представил? А перед тобой торчит такое пузо, что ты ничего ниже него не видишь. Как станешь искать свой перец? С помощью зеркала, дурачок!

– Дурачок, дурачок, – передразнил Петр, ничуть не развеселившийся от Элькиной шутки. – Заладила... У меня, между прочим, по географии всегда пятерка была. И по военной подготовке тоже...

– За что тебя и люблю, – сказала Элька, раскинув руки на спинке скамьи на манер лебединых крыльев.

– Ага, любишь, как же! У Кости на квартире ты что делала? Думаешь, я ничего не видел?

– Я в монахини не записывалась, – осадила его Элька, сделав надменное лицо. – Ты кто такой, чтобы за моей нравственностью следить? Муж мой? Жених?

Петр думал-думал, а потом брякнул со всей отчаянностью, на которую был способен:

– Может, и жених.

– На-а-адо же! – Элька произнесла эту фразу чуть ли не нараспев. – А как же Костя? Не ревнуешь?

Вопрос поставил Петра в тупик, но ненадолго. Собрав волю в кулак, он изобразил на лице полнейшее равнодушие и заявил:

– Меня не колышет, кто тебя трахал раньше. Вот!

– Так никто меня и не трахал, милый. – На этот раз Элька прищурилась так сильно, что вряд ли видела перед собой собеседника. – Я сама трахаю кого хочу.

– А? – Петр не поверил своим ушам, потому что ему никогда в голову не приходило, что такое возможно.

– Бэ! – передразнила Элька, высунув язык. – Сомневаешься? Так иди сюда. Я тебе покажу, как это делается.

Петр так бы и стоял на месте истуканом, если бы рука Эльки не ухватила его за карман штанов, привлекая поближе. Затем в ход пошла вторая ее рука, отыскивавшая отверстие, тоже напоминающее карман, но только дырявый, сквозной.

Как только это произошло, Петру сразу захотелось сказать что-нибудь приличествующее моменту. Про любовь, конечно. Про то, как он скучал по Эльке. Про свое нежелание расставаться с ней хотя бы на минуту. Но она опередила его, усадила рядом и прошептала, касаясь его уха влажными губами:

– Ничего не хочу слышать... Ничего не хочу знать... Ты мой, и этого с меня достаточно...

Мурашки разбежались по всему телу Петра, холодные, щекочущие, стремительные. Он плохо помнил, что произошло дальше. Как получилось, что они оба оказались совсем голыми, прижимаясь друг к другу на жесткой скамейке? Почему Элька все же очутилась сверху, если он сам собирался опрокинуть ее на лопатки? Откуда у него взялись силы сдерживаться так долго, тогда как каждое прикосновение этой чудесной женщины пронзало его от макушки до пят, подобно электрическому разряду?

– Уф-ф! – вот и все, что сумел он произнести, когда наваждение закончилось.

– Мяу! – игриво откликнулась Элька, вовсе не выглядевшая такой обессиленной, как он сам. – Мур-мур! – Ее коготки прошлись по его тяжело вздымающейся груди.

Петр подумал, что теперь пора высвободиться из ее объятий и

передохнуть немного, но с удивлением обнаружил, что ему вовсе не хочется этого делать. Вот когда он по-настоящему понял, что такое любовь. Она длится ровно столько, сколько сохраняется желание прижиматься друг к другу. Пока это желание сильнее голода и сна. Пока существует вера в то, что подобное мгновение возможно растянуть на целую вечность.

– Элька, – прошептал он и, не в силах вспомнить что-либо еще, кроме ее имени, повторил на вздохе: – Элочка!

– Что? Что? – Она покрыла его лоб и щеки быстрыми поцелуями.

«Как что?» – изумился Петр и повторил:

– Элька...

Ощущение у него при этом возникло такое, как в далеком детстве, когда подвыпивший батя впервые угостил его мороженым. Дивное имя хотелось без конца смаковать, осторожно пробовать его кончиком языка и не давать ему растаять.

– Ты и в самом деле задумал на мне жениться? – спросила она, уткнувшись носом в его плечо.

– Ага, – подтвердил Петр, разомлев почище любого кота на солнышке.

– А приданое будет? – вкрадчиво спросила Элька.

– Приданое?

– Оно самое. Чемоданчик с деньгами, помнишь?

– Без проблем, – облегченно ответил Петр, который не на шутку напрягся, когда не понял суть предыдущего вопроса. – Я ведь его все-таки нашел. И спрятал. Теперь мы с тобой настоящие богачи, Элька.

– Сначала надо выбраться отсюда, – резонно заметила она, осторожно размыкая его руки и вставая.

– Выберемся, – пообещал Петр. – Небось не в Освенциме каком-нибудь.

– У тебя есть план? – Отыскав в ворохе одежды его футболку, Элька бесцеремонно провела ею между ногами и швырнула обратно.

– Плана пока нет, – неохотно признался Петр, проводив свою футболку пристальным взглядом. То, как обошлась с ней Элька, его слегка покорило. Но потом он подумал, что тряпка, она и есть тряпка, их теперь миллион можно закупить, а Элька – одна.

– А у меня он есть, – бодро заявила она, начав одеваться.

– Кто – он? – оторопело спросил Петр, жадно разглядывая все то, что постепенно исчезало с глаз долой. Он походил на ребенка, которому сказали, что сказка закончилась, а продолжения не будет.

– План, – сердито напомнила Элька.

– Какой?

Она хотела было натянуть свитер, но заметила разочарованный взгляд Петра и осталась стоять перед ним в одних джинсах, слегка втягивая живот, а грудь, наоборот, выпячивая для лучшего обзора.

– План, как выбраться отсюда, милый, – терпеливо пояснила Элька. – Вдвоем.

– Ага! – понимающе кивнул он. – И что же ты придумала?

– В том чемоданчике, который ты нашел, денег сколько было? – ответила Элька вопросом на вопрос.

– Иди сюда, – позвал он. – Скажу на ушко.

– На сегодня хватит! – Она решительно притопнула ботинком и в два счета натянула на себя свитер, чтобы отвлечь Петра от ненужных мыслей. – Мы здесь не на тещиных блинах, не забыл?

Неохотно приступив к процессу одевания, он буркнул, не скрывая недовольства:

– Не забыл. И сколько долларов в чемоданчике было, тоже помню... Три миллиона пятьдесят пять тысяч! – увидев оторопелое выражение Элькиного лица, Петр не удержался от самодовольной улыбки.

– Ни фиги себе! – Она изумленно присвистнула.

– Э! – Петр нахмурился. – Деньги просвистаешь!

– Такие за всю жизнь не просвистаешь... А не жалко тебе, милый, истратить пятьдесят штук на наше благополучное спасение?

– Я ж и предлагал этому черту пузатому... как ее?.. – Петр почесал затылок. – Консистенцию... то есть компенсацию. А он мне не поверил.

– Зато мне поверил, – важно заявила Элька и слегка вздернула нос. Когда она, заложив руки за спину, принялась медленно прохаживаться перед выпрямившимся во весь рост Петром, со стороны это походило на общение командира и рядового подчиненного, обсуждающих вместе план военной операции. – Я отыщу чемоданчик, – продолжала Элька, – возьму из него ровно пятьдесят штук и привезу Мамонтову, пусть подавится. За это он отпустит нас на все четыре стороны. Но мы с тобой выберем юг, да, милый? Лучшего маршрута для свадебного путешествия не бывает.

– Юг – это хорошо, – поднапрягся Петр. – Море, пальмы. Но лучше бы за деньгами смотался я. Опасно тебе одной ехать на эту проклятую базу... Еще опять к бомжам в плен попадешь...

Бросив на него быстрый взгляд, Элька порывисто шагнула вперед и прижалась к его широкой груди, оставив на виду макушку, но никак не глаза, в которые Петру вдруг захотелось заглянуть повнимательнее. Это длилось недолго. Стоило Эльке заговорить, как он тут же забыл о тени сомнения, неприятно омрачившей его душу. Ее голос был ласковым, рассудительным, убаюкивающим:

– Среди этих ублюдков находиться еще опаснее, пойми. И даже не это главное. Дело в том, что как раз тебя за деньгами никто не отпустит. Мамонтов боится, что ты сбежишь.

– От тебя? – искренне удивился Петр.

– Разве такие люди что-нибудь понимают в любви?! – воскликнула Элька в сердцах. – Бабки для них это все. Остальное просто не существует.

– Это точно, – вынужден был согласиться Петр. – А вот лично я...



– Тс-с! – прошептала Элька, приложив палец к его губам. – Потом расскажешь. Я хочу знать о тебе все, милый. Но в данный момент мне необходимо выяснить, куда ты спрятал чемоданчик. – Сердцем почувствовав, как режет слух это неудачное «необходимо выяснить», Элька поправилась: – Ты должен мне поверить. Другого выхода нет.

– А я тебе и так верю! – воскликнул Петр. – Одной только тебе. Больше никому.

– Тогда скажи, – прошептала Элька, с трудом удерживая взгляд от метаний из стороны в сторону.

– Деньги спрятаны в том погребе, где мы с тобой вдвоем сидели, помнишь? – Петр улыбнулся так мечтательно, словно речь шла о медовом месяце в королевских апартаментах амстердамского отеля «Хилтон». – Я их в кучу картошки зарыл. Ты не пугайся, когда откапывать станешь и на мужика наткнешься. Он это... труп трупом.

Вскинув подбородок, Элька холодно сказала:

– Я его живого не побоялась, а уж мертвого – тем более. Между прочим, моя работа. – Ее взгляд оставался абсолютно немигающим.

– Так я и думал. – Синие глаза Петра были такими чистыми, что в них хотелось утонуть, как в море. – Как увидел мертвяка этого, так и сказал себе: «Молодец, Элька!»

Вместо того, чтобы польщенно улыбнуться, она опять опустила голову и глухо попросила:

– Ты тоже будь молодцом. Не вздумай проболтаться про тайник еще кому-нибудь. Если Мамонтов узнает про миллионы, нам с тобой не жить. Не свадебное шествие получится, а похоронная процессия.

– Да я!..

– погоди! – Элька поморщилась, зная, что Петр сейчас не может видеть выражения ее лица. – Сначала дослушай. Меня обещали тоже на кол посадить, если что не так. Если выяснится, что я решила утаить от Мамонтова миллионы, мне крышка.

– Не выяснится, – твердо пообещал Петр. – Ничего я никому не скажу,

ни словечка. Могила!

«Вот именно, – горько подумала Элька, – причем безымянная!» Какая по счету? На душе сделалось пакостно, как если бы она вдруг действительно очутилась на кладбище... Дождливый, промозглый день. В раскисшую глинистую могилу опускают чужой гроб. И хочется бежать без оглядки, пока всем вокруг не стало известно, кто виноват в этой смерти...

Отогнав наваждение одним решительным взмахом головы, Элька убрала с лица волосы и искательно заглянула Петру в глаза. Чувствуя, как трудно будет высвободиться из его сильных объятий, перешла на скороговорку, торопясь дать ему прощальное напутствие:

– Твое дело молчать и ждать... Ждать и молчать... От этого зависит моя жизнь, как и твоя жизнь зависит от меня. Понимаешь? Мы теперь неразлучны. Я вернусь за тобой, чего бы мне это ни стоило, милый. Ведь ты моя половинка...

Последние слова Элька произнесла шепотом, коснувшись губами светлого пушка на Петиной щеке, резко отпрянула и забарабанила в дверь, требуя немедленной аудиенции у Мамонтова.

Долгие проводы – лишние слезы. А слез у Эльки осталось под расчет. Только на себя и на сына.

Оставшись один, Петр восхищенно покрутил головой и опять развалился на скамье, которая теперь вовсе не казалась ему жесткой или неудобной. Выражение его лица стало таким обалдело-счастливым, какое бывает лишь у без памяти влюбленных мужчин, впервые проснувшихся на брачном ложе.

Если бы не новый тревожный кошмар, в котором Петр так и не догнал убегающую Эльку, его безмятежному спокойствию позавидовал бы вековой дуб, понятия не имеющий о существовании острых пил и топоров.

## Глава 24

### На полке стоял чемоданчик

Чтобы не затягивать тягостное прощание с Петром, Элька выбралась из подвала в самом начале серенького осеннего рассвета, как убедилась, бросив беглый взгляд в первое же попавшееся окно.

Моросил дождик, такой монотонный и нудный, словно он шел уже целую вечность и не собирался переставать до очередного всемирного потопа. Мокрые голые ветви деревьев тоскливо покачивались на фоне неба, и оно из-за этих росчерков казалось потрескавшимся. Таким ненастным утром не хочется просыпаться. Каждый старается поспать подольше, чтобы не заразиться беспросветным унынием природы.

Решив, что дожидаться позднего пробуждения Мамонтова предстоит в обществе румяного конвоира, сопровождавшего ее вверх по лестнице, Элька осведомилась полусветским тоном:

– Тебя как зовут?

Парень азартно задвигал челюстями, перемалывая мятную жвачку, выдул изо рта средних размеров пузырь, втянул его обратно и лишь после этого соизволил откликнуться без малейшего намека на любезность:

– А тебе какое дело?

– Да так просто. – Она пожала плечами. – Я вот, например, Элька.

– Мне без разницы, кто ты, Элька или сарделька, – вызывающе заявил почитатель «Стиморола». – У нас тут таких, как ты, долбят во все дырки и имени не спрашивают.

Стало обидно до слез, но Элька терпеть не могла показывать слабинку.

– Звучит заманчиво, – нахально промурлыкала она и демонстративно потянулась на ходу, выгнув спину как кошка.

Грубый тычок между лопаток едва не заставил ее растянуться на ковровом покрытии коридора, куда направил ее конвоир.

– Меньше выделяйся, выдра болотная, – порекомендовал Эльке конвоир, подводя ее к уже знакомой раздвижной двери кабинета.

Здесь грозный страж моментально перевоплотился в лебезящего проводника спального вагона, опасливо заглядывающего в купе важной персоны, чтобы навязать ему чайную церемонию. Заранее ссутулившись, он бесшумно сдвинул дверь в сторону и спросил в образовавшуюся щель:

– Заводить, Александр Викторович?

– Давай.

Проем расширился, и очередной толчок заставил Эльку проникнуть в кабинет с гораздо большей поспешностью, чем она намеревалась сделать это секундой раньше. С трудом затормозив, она обернулась, чтобы смерить грубияна негодующим взглядом, но дверь за ее спиной уже равнодушно отъехала на исходную позицию.

– Доброе утро, – поздоровалась Элька, не скрывая неудовольствия от столь неласкового приема.

– Утро как утро, – буркнул Мамонтов в ответ на приветствие.

Он опять восседал на прежнем месте, как будто не покидал его минувшей ночью. словно не водил Эльку посмотреть на несчастного Романа, который умирал-умирал, а умереть никак не мог, вынужденный сначала претерпеть все отмеренные ему адские муки.

Неподвижный, массивный, грузный, Мамонтов смахивал на жестокого языческого божка, требующего все новых и новых жертвоприношений.

Только теперь Элька по-настоящему поняла, насколько опасна затеянная ею авантюра. Но обратного пути не было, поэтому пришлось сделать еще несколько шагов вперед и замереть на подходе к столу,

вытянув руки чуть ли не по швам.

– Натрахалась? – мрачно осведомился Мамонтов, изучая ее тяжелым взглядом.

Прежде чем мозг успел подсказать Эльке какой-нибудь нейтральный, ни к чему не обязывающий ответ, ее дерзкий язык выдал нечто невообразимое:

– Когда бы это я успела? Так, охотку чуток сбила и все...

– Ох и сука! – чуть ли не восторженно громыхнул Мамонтов. – Блядина редкостная! Точно как моя покойная женушка!

На этот раз Элька все же успела попридержать предательский язык, на котором завертелось сразу несколько лишних вопросов.

Не сводя с нее налитых кровью глаз, Мамонтов тяжело поднялся с кресла, обогнул стол и приблизился настолько, что можно было отчетливо расслышать не только его затрудненное дыхание, но и бурчание в огромном животе. Возможно, какой-нибудь продвинутый экстрасенс и обнаружил бы вокруг этой туши ауру, но Элька сумела распознать лишь запах табачного и алкогольного перегара, окутывающего Мамонтова невидимым облаком.

– Что, узнала, где этот мифический кейс спрятан? – спросил он.

– Узнала, – подтвердила она. – Кейс действительно существует. Петр называет его чемоданчиком, но суть дела от этого не меняется... В нем три миллиона пятьдесят пять тысяч долларов.

Мамонтов подступил к ней так близко и так порывисто, что она едва не отшатнулась.

– Где? – спросил он, мелодично присвистывая вздымающейся грудью. – Где эти бабки? С-с?.. – требовательно сипели легкие. – С-с? Хр-р?

– На железнодорожном вокзале, – сказала Элька. – В автоматической камере хранения багажа.

– Номер! Код!

– Не знаю. – Это было невыносимо трудно, но Элька не отвела свои глаза от мамонтовских и даже моргала не чаще, чем обычно.

– Ась? – Он шутовским жестом приложил ладонь к уху и приблизил его к Элькиным губам.

– Не знаю, – упрямо повторила Элька и немножечко подсластила пилюлю: – Пока.

Уточнение не произвело на Мамонтова никакого впечатления.

– Я же тебя предупреждал, помнишь? – прохрипел он и подался вперед так резко, словно намеревался откусить Эльке нос. – Сейчас я отправлю тебя под трактор, – продолжал он под усиливающийся бронхиальный аккомпанемент. – Под самый настоящий, с железными гусеницами! Сам сяду за рычаги, лично! А потом вернусь сюда и вытяну из твоего женишка то, что обещала разузнать ты!

Вся похолодев, Элька отважно возразила:

– Ничего вы из Петра не вытянете. Он и сам не помнит ни номера ячейки, ни кода. Цифры не его стихия... Но!.. – поспешно воскликнула она, сообразив, что в следующую секунду уже может быть поздно. – Но вы же не дослушали самого главного!

– Да? – Мамонтов остановил лапищи, которыми собирался вцепиться в Элькино горло, где-то на полпути и потребовал: – Так не тяни kota за яйца! Говори!

И Элька заговорила:

– Этот кретин записал нужные цифры в телефонной кабине. Меленько, чтобы не бросалось в глаза. – Сделав паузу, Элька успела изобрести одну маленькую, но весьма достоверную деталь: – Представляете, он нарисовал «П + Э =...», а дальше номер и код. Телефонов на вокзале от силы десятков. Ничего не стоит найти нужный.

– Кон-спи-ра-тор хре-нов! – с трудом выдавил из себя Мамонтов по слогам, но в следующую секунду засопел с явным облегчением и добродушно распорядился: – Ладно, снимай штаны, Мата Хари. Уж ублажу тебя за работу. А то будешь потом жаловаться, что ушла из моего дома недотраханная.

При этом его глаза принялись рыскать по сторонам так старательно, что стало совершенно ясно: никуда и никогда Элька из этого дома самостоятельно не денется. Ее подвела собственная изобретательность. Зачем посланцам Мамонтова нужна проводница, если и без нее известно, что в телефонных кабинках вокзала следует искать инициалы П и Э?

Но она не желала признавать такого глупого поражения, продолжала лихорадочно искать выход.

Обдумывая ситуацию, она, чтобы выиграть побольше времени, для начала медленно расстегнула на джинсах верхнюю пуговицу, затем принялась по одной размыкать кнопки: клац... клац... клац... Не успел Мамонтов опомниться, как вся эта процедура была проделана в обратном порядке, но уже в убыстренном темпе.

— С любовью успеется, — заявила Элька решительно. — Ею, как говорится, сыт не будешь...

— Это как сказать! — Мамонтовская туша колыхнулась от утробного смеха: — Ха! Ха!.. Кха!

По звучанию это напоминало точные, короткие удары, которыми загоняют последние гвозди в гроб. Кое-как справившись с приступами кашля и веселья, начавшимися практически одновременно, Мамонтов подступил к Эльке вплотную и занялся ею собственноручно.

— Вы вознаграждение обещали, — строго напомнила она, наблюдая искоса за толстыми пальцами собеседника, которые безуспешно пытались справиться с пуговицей плотно облегающих ее джинсов.

Казалось, эта возня будет продолжаться до тех пор, пока латунная пуговица не сотрется в мусолящей ее лапище.

— Эй! — крикнула Элька в отчаянии. — Вы слышите меня или нет?

— Угум! — нетерпеливо подтвердил Мамонтов и тут же потребовал: — Расстегни эти дурацкие штаны сама! Легче сейф взломать, честное слово! Ф-ф!

— Я хочу пятьдесят пять тысяч, — гнула свою линию Элька, не спеша уступать напору. — А вам вся остальная сумма, кругленькая.

– Да, да! – перебил ее, не дослушав, изнывающий от нетерпения кавалер. – Договорились... А теперь раздевайся, золотце. Скрепим наш союз... Ну? Живенько, живенько!

Рывок, последовавший за этой скороговоркой, едва не вытряхнул Эльку сразу из всех одежек, которые на ней имелись. Можно было посопротивляться еще немного, однако толку от этого было не больше, чем от единоборства с возбужденным самцом гориллы.

Незаметно воротя лицо от участившегося дыхания Мамонтова, заставившего ее вспомнить, как в раннем детстве она чуть не провалилась в выгребную яму, Элька снова взялась за нехитрые застежки джинсов. Обычно с таким выражением лица готовятся не к сексу, а к справлению нужды.

Извиваясь, как змея, сбрасывающая кожу, она высвободила бедра из джинсового плена и замерла перед Мамонтовым. Оставшиеся на ногах ботинки ни за что не пролезли бы сквозь узкие штанины, поэтому Элька считала свой жест доброй воли чисто символическим – просто очередной уловкой, позволяющей взять короткий тайм-аут.

У нее до сих пор не имелось веской причины, по которой она должна была принять личное участие в поисках чемоданчика. Дальнейшие шаги Элька продумала до мелочей. Не хватало лишь крошечного связующего звена, и его необходимо было найти до того, как Мамонтов начнет упражняться в вождении трактора.

Он не дал Эльке даже минуты на размышления. Он не пожелал возиться ни с ее ботинками, ни с капитулировавшими джинсами. Вместо этого подхватил ее на руки, пронес несколько шагов и шарахнул спиной об стол с такой силой, что у нее перехватило дыхание, а мысли смешались подобно рою встревоженных пчел.

Распластанная среди бумаг и рассыпавшейся канцелярской дребедени, она увидела над собой белый наборный потолок и тут же поняла, что до конца сеанса ей следует плясать туда, и только туда. Потому что Мамонтов не стал наваливаться на нее всей своей чудовищной тушей, как можно было того ожидать. Нет, он шумно завозился у ее свесившихся со стола ног, и его дыхание было таким горячим, словно Эльку вздумали подсушить феном, втиснутым между обнаженными бедрами.



– Назови меня Сашенькой, – потребовал он, бестолково тычась в Эльку то носом, то мокрыми губами, а охотнее всего – наждачным подбородком.

Жесткая щетина придавала ее ощущениям непередаваемую остроту: как если бы нежную мягкость доверчиво открывшейся устрицы вздумали пощекотать колючками кактуса.

– Ой! – не сдержалась Элька от жалобного возгласа и, чтобы не дать волю рукам, принялась сгребать ими все, что попадалось под скрючившиеся пальцы: листы бумаги, ручки, визитницы и даже скрепер. Ее так и подмывало испытать его на ухе своего мучителя.

– Скажи: Сашенька! – Если до этого мамонтовский голос был скорее капризным, то теперь он уже требовательно рявкнул.

Элька почувствовала себя отданной на растерзание огромному голодному псу. Причем бешеному, судя по обилию слюны, капающей на ее бедра. Так что зубы могли быть пущены в ход без всякого предупреждения.

Это был ее первый опыт подобного рода, и в чем-то он был сродни путешествию по американским горкам, когда низ живота пронизывает сосущее предчувствие то ли надвигающегося ужаса, то ли восторга.

– Сашенька! – Напоминание было таким свирепым, что Элька сразу вспомнила, кто она такая, где находится и что с ней происходит.

– Сашенька, – покорно простонала она.

Мамонтов причмокнул с особым удовлетворением. Вздвогнув, Элька оставила в покое все, что попало под руки прежде, и заграбастала новую добычу: что-то круглое на подставочке (наверное, декоративный глобус) и тархтящий коробок (то ли скрепки, то ли кнопки).

– Громче!

– Са-а-шенька! – По надрыву получилось похоже на истощное оплакивание покойника, но Мамонтов помирать не собирался, он жил полной жизнью и услышанного ему было мало:

– Громче! Еще громче!

Стиснув в левом кулаке почему-то липкий на ощупь калькулятор, а в правой – что-то напоминающее тубик клея, Элька завопила так, что у нее самой заложило уши. Воли в ней после этого осталось не больше, чем в смятой страничке, которую усердно протирает до дыр горячий шершавый ластик. Противиться этому нажиму Элька была уже не в состоянии, как не может не трепетать и не подскакивать беспомощная рыбешка на раскаленной сковороде.

Ее подбросило раз, другой, а потом позвоночник выгнуло дугой и заклинило в таком положении. Пятки затеяли безостановочную дробь, выбиваемую из стола. Руки по-прежнему слепо шарили вокруг, но уже ничего не хватали, а просто разбрасывали в стороны как попало. В кабинете не смолкало шуршание, перезвон, бряцанье, стук, но полтергейсту делать здесь было нечего, потому что Элька неистовствовала похлеще любого буйного духа.

Все новые и новые конвульсии, едва успевая перейти в крупную дрожь облегчения, возобновлялись с новой силой. Все те многократные потрясения, которые испытала Элька на банальном письменном столе, не укладывались в двенадцатибалльную шкалу. Если бы она не потеряла голос, а вместе с ним и способность ощущать что-либо, кроме полнейшего изнеможения, выносить ее из кабинета пришлось бы на носилках.

Когда Элькин завод закончился и Мамонтов вырос над ней, утирая рукой мокрые губы и подбородок, у нее не было сил даже натянуть пониже свитер. Так бы и валялась на столе, подобно опустошенной кукле из секс-шопа. Однако Мамонтов вовсе не собирался любоваться ею или приводить в чувство благодарными поцелуями.

– Вставай и одевайся, – скомандовал он, буравя взглядом стену позади Эльки.

– Сейчас. – Она приподнялась на локтях, с трудом села, и в этот момент головокружение едва не опрокинуло ее обратно.

– Одевайся, сука! – заорал Мамонтов, которому уже расхотелось быть Сашенькой. – Разложила тут свое сало с прорезью! Полировку испортишь!

«Вот теперь он меня точно убьет, – почти безразлично думала Элька,

с горем пополам приводя себя в порядок. – Не потерпит, жирная скотина, свидетельницы своего добровольного унижения. Синяя Борода, тот, наверное, тоже шалил подобным образом, вот и сплавлял своих жен на тот свет, одну за другой...»

Она посмотрела на обращенный к ней складчатый затылок и передернулась, представив себе, что это был последний мужчина в ее жизни, а побывать ей осталось только под трактором.

«Бр-р, страшная получается сказочка! Если этот мерзкий Сашенька и отсрочит мою казнь, то только из-за денег. Что же ему наплести такого, чтобы вырваться отсюда?.. Понятия не имею...»

Еще недавно узкие джинсы сошлись на Элькиных бедрах так легко, словно она потеряла пару килограммов веса. «А теперь я лишусь еще нескольких лишних кило, – сказала она себе. – Вместе с головой, тупой и бестолковой настолько, что она не в состоянии удержаться на плечах!»

Внезапно вместо собственного голоса в голове Эльки прозвучала любимая считалочка Антошки, которую он весело тараторил, когда еще мог бегать с детворой по двору.

На вокзале-в-темном-зале-труп-нашли-без-головы-пока-голову-искали-ноги-встали-и-ушли. Теперь огромный жестокий мир играл с ослепшим мальчуганом в прятки, и кто как не мать должен прийти ему на помощь?

«Ноги встали и ушли! Ушли! – сказала она себе. – И ты уйдешь, если не станешь раскисать! Соберись с мыслями! Действуй!»

И тут в ней вдруг что-то произошло, что-то резко изменилось. Появился у Эльки лихой, веселый кураж, без которого почти невозможно выиграть ни один поединок.

– Вы знаете, когда я родилась? – внезапно спросила она. Это прозвучало настолько дико и неожиданно даже для нее самой, что ее ноги едва не подкосились, но выстоять помогла уверенность, что она сделала единственно верный ход. Кто-то шепнул ей на ушко подсказку, и ее не интересовало, кто именно это сделал, ангел или бес.

– Что-о? – переспросил Мамонтов, медленно поворачиваясь к ней.

Недоумение, стыд, злоба и отвращение, прозвучавшие в его голосе, слились в мощнейший аккорд, который не сумели бы воспроизвести даже иерихонские трубы.

Но Элька не вздрогнула, не попятилась. Она уже знала, как вести себя дальше, и решила придерживаться этой линии поведения до конца.

– Родилась я в апреле, – продолжала она невозмутимо, – а вот число я вам не скажу.

– На кой оно мне сдалось? Лично я тебя поздравлять не собираюсь. – Мамонтов машинально поводит языком за щеками, сплюнул себе под ноги и проворчал: – Убирайся отсюда. Ты мне больше не нужна. Внизу тебя встретят и проводят.

«К сарайчику, – откликнулась мысленно Элька. – Или к какому-нибудь грязному бульдозеру. Или к дереву с развесистыми ветвями, на котором я якобы повешусь. Нет уж, спасибо».

– Дело в том, – сказала она вслух, – что две последние цифры кода ячейки составлены из даты моего рождения. Петр его знает наизусть, поэтому даже записывать не стал.

– Велика проблема! – поморщился Мамонтов. – Подобрать несложно.

Однако вместо того, чтобы немедленно выставить зарвавшуюся гостью из кабинета, он сделал вид, что вытирает листом бумаги пятна на столе, а сам повернулся к Эльке насторожившимся волосатым ухом.

– Я недавно сдавала вещи в багаж, – продолжала она ровным тоном, – и внимательно изучила инструкцию. Если камеру хранения не удастся открыть с третьего раза, срабатывает блокиратор и сигнализация. Прикиньте, сколько шансов у ваших людей угадать окончание кода?

Мамонтов прикинул. Потемнел лицом. Скомкал грязный листок и швырнул его прочь. А потом поднял на Эльку недобрый взгляд и пообещал:

– Ты сама назовешь дату. И часа не продержишься.

– Возможно, – согласилась Элька. Она отчаянно блефовала, выдумав всю эту чушь с блокиратором, но была уверена, что такие крутые типы, как Мамонтов, не шастают по железнодорожным вокзалам. Оставалось продолжать блеф или признать, что ее комбинация оказалась заведомо проигрышной. Элька сдаваться не собиралась, не имела права. А потому с деланным спокойствием продолжала: – Попыток я ужасно боюсь, спору нет. Вот только одна беда: у меня врожденный порок сердца. Я же чуть на столе не очутилась, разве вы не заметили? – Ее речь все ускорялась и ускорялась, не оставляя Мамонтову ни секунды на размышление. – Зато если вы просто отправите меня на вокзал под охраной, я открою камеру, передам вашим людям чемоданчик, а сама испарюсь со своей долей, как будто меня никогда и не было.

– У хахаля твоего, который внизу мается, тоже порок сердца? – желчно спросил Мамонтов.

– У него врожденная тупость. Это означает, что он способен на героические поступки. И он скорее сдохнет, чем нарушит клятву, которую мне дал.

– Он тупой, а ты, значит, сообразительная и находчивая?

– Выходит так, – скромно признала Элька.

– Ладно, сделаем по-твоему, – сказал Мамонтов после мучительно долгого раздумья, за время которого у Эльки все неоднократно перевернулось внутри. – Сбежать ты не сбежишь, об этом начальник моей охраны позаботится. Но чемоданчик откроем здесь! – Он ударил кулаком по тому самому месту на столе, где еще сохранялись бледные отпечатки Элькиных ягодиц.

– Нет! – Мысленно торжествуя победу, Элька соорудила недоверчивую мину и отрицательно мотнула волосами из стороны в сторону. – Гостить здесь я больше не собираюсь. В крайнем случае можем встретиться у ворот вашего дома. Но даже во двор я заходить не буду.

– Как хочешь, – сказал Мамонтов с насквозь фальшивым равнодушием. – У ворот так у ворот.

Выражение глаз у него было при этом, как у здорового кота,

делающего вид, что он не замечает резвящейся рядом птички.

Но и птички тоже якобы не обращают внимания на подкрадывающихся к ним котов. До поры до времени. Пока не вспорхнут, торжествуяще щебеча о своем счастливом спасении.

\* \* \*

– Смотри у меня, – предупредил Эльку начальник мамонтовской охраны Черныш. – Я фокусов не потеряю.

Взятый им для подстраховки парень, устроившийся на заднем сиденье не нового, но и не старого «Форда», шумно задышал Эльке в затылок. Это был тот самый румяный мордастый грубиян, который полагал, что даму следует провожать болезненными тычками в спину. Единственным его положительным качеством было то, что благодаря «Стиморолу» его дыхание всегда оставалось свежим.

– Какие могут быть фокусы? – удивилась Элька. – Я же не больная! Мне самой деньги не нужны, что ли?

– Ладно, выходим, – скомандовал Черныш. – Открой девушке дверцу, Стас, и подай ей ручку.

Звучало это весьма благопристойно, но на деле означало, что розовощекий Стас бесцеремонно выволок Эльку из машины и вцепился в ее запястье с такой силой, словно это была ядовитая змея, которую он намеревался задушить.

Пока Элька шипела и морщилась, подросел Черныш.

– Видишь эту штуковину? – Он сунул ей под нос какой-то черный предмет, напоминающий по форме баллончик дезодоранта, только с коническим наконечником.

– Не слепая, – буркнула она.

– А знаешь, что это такое?

– Ваш карманный дружок? Мужской вибратор?

Черныш адресовал шутнице тусклый взгляд и ответил не менее язвительно:

– Смотри, как бы самой завибрировать не пришлось! Это электрошокер-парализатор. Напряжение 60 тысяч вольт, хотя сам ток чрезвычайно низкий. Желаете испытать на себе?

– Ни в коем случае, – искренне призналась Элька.

Черныш одобрительно кивнул:

– И совершенно правильно делаешь. Но если мне не понравится твое поведение на вокзале, я моментально нажму вот эту красную кнопку, и ты отключишься минут на пятнадцать. Проверено на практике. Усвоила? Чудненько... А теперь, Стас, – обратился он к румяному помощнику, – отпусти ее конечность и передай мне... Вот так!

С этими словами Черныш одной рукой ухватил Эльку под правый локоток, а другую положил на ее ладонь сверху, имитируя трогательную поддержку дамы сердца. На самом деле это было сделано для того, чтобы засунуть электрошокер в рукав Элькиной шубы и прижать его жало к ее запястью.

Ощущение у нее возникло такое, как будто под одежду забрался скорпион. Черныш остался доволен опасливой реакцией спутницы.

– Если попытаешься бежать или звать на помощь, – продолжил он свою маленькую поучительную лекцию, – для окружающих все будет выглядеть так, словно девушке внезапно сделалось плохо, а сопровождающие ее мужчины помогают ей добраться до машины. – Черныш уставился Эльке в переносицу и закончил совершенно другим тоном, далеким от наставительного: – Только если тебе станет плохо во время нашей прогулки, курва, то хорошо уже никогда не будет! Это я тебе твердо обещаю!

Он мог бы этого и не говорить. Элька и без того не сомневалась, что в случае ее малейшей оплошности именно так все и произойдет.

– Вперед! – скомандовал Черныш, увлекая Эльку за локоть. – Стас, держись позади, но не отставай ни на шаг.

И рискованное путешествие началось. Послушно переставляя ноги,

Элька двинулась в направлении бело-зеленого здания вокзала с обязательным циферблатом на фасаде. Часы вели один отсчет времени, а ее колотящееся сердце – другой. Адреналина, скопившегося в ее крови, хватило бы на целую труппу начинающих канатоходцев.

Перед выездом она потребовала туалетную бумагу, косметичку и расческу, чтобы привести себя в порядок. В перечень затребованных ею предметов не входило ничего подозрительного или опасного, поэтому скромная Элькина просьба была удовлетворена в полном объеме. Запершись со всем этим добром в небольшой туалетной комнате для мамонтовской челяди, она действительно навела марафет, но потом клочок пупырчатой бумаги и косметический карандаш были использованы не совсем по назначению.

Теперь в левом переднем кармане Элькиных джинсов лежала лаконичная записка:

В грозном свете бесконечных террористических актов, совершаемых по всей России то чеченскими боевиками, то душевнобольными, а то вообще непонятно кем, этот призыв не мог оставить равнодушным того человека, которому он попадет в руки. Если попадет... Вся загвоздка заключалась в том, что электрошокер, стерегущий каждое неверное движение Эльки, оказался для нее полным сюрпризом. Настолько неприятным, что в какой-то момент ей просто захотелось сесть прямо на мокрый асфальт привокзальной площади и заявить своим конвоирам: «Все, хватит! Никуда я дальше не пойду, делайте со мной, что хотите!»

Эльку останавливало лишь то, что подобное предложение полностью совпало бы с пожеланиями обоих враждебно настроенных мужчин. Уж их-то не пришлось бы упрашивать дважды! Они бы с радостью отвели душу. А ей совсем не хотелось выяснять, имеются ли в обширном автопарке Мамонтова только тракторы с бульдозерами или там также прописаны катки дорожные и какие-нибудь кошмарные бетономешалки.

Она покосилась на Черныша и сразу наткнулась на его настороженный взгляд. Наконечник шокера ни на миг не отрывался от Элькиного запястья.

В ранней молодости ее било током дважды, и оба раза Элька пережила клиническую смерть. Это были два самых кошмарных опыта в



ее биографии. Никаких тоннелей, выводящих на свет, никаких сияющих провожатых, описываемых знатоками загробных странствий души. Лишь бесконечная боль, полный мрак и ужас предстоящего погребения заживо. Если это называлось загробной жизнью, то Элька предпочитала ограничиться одной-единственной, земной.

И за нее, брентную, все же стоило побороться!

О возвращении в особняк Мамонтова не могло быть и речи, ни с деньгами, ни без них. Это было все равно что опять сунуться в ту же самую мышеловку, из которой удалось чудом выбраться. Мамонтов с нетерпением ждал этого момента. Не случайно он снарядил Эльку в дорогу белой песцовой шубкой с барского плеча. Он не сомневался, что они вернутся к нему вновь: шубка вместе с Элькой. И последняя была нужна ему явно не для того, чтобы ласково уложить ее на пушистый мех и еще разок осчастливить оральным сексом.

Элька оглянулась по сторонам, пытаясь определить, неужто несчастней ее нет никого вокруг? Выходило, что так. Самыми горестными в людской круговерти выглядели физиономии непохмелившихся пьянчуг, однако в их глазах светилась твердая решимость принять свою ежедневную дозу, а там гори все синим пламенем. В этом они были близки по духу какому-то серийному французскому Людовику, которому принадлежала крылатая фраза: «После меня хоть потоп».

Никто никого никуда не конвоировал, не погонял электрическими погонялками. Свободные и гордые граждане, обладающие массой конституционных прав, перемещались в любых направлениях, сгибаясь под тяжестью своей клади или вышагивая налегке.

Любой мог самоутвердиться в этом скопище народа тем способом, который был ему понятен и близок.

Любители утренней неги запросто дрыхли на лавках, а кому приспичило подкрепиться, имел возможность слопать пирожок хоть с капустой, хоть с картошкой, хоть даже и с горохом.

К услугам всех этих счастливых имелось великое множество ларьков, в которых было собрано все, в чем нуждается просвещенное человечество: от шоколадок и чипсов до презервативов и пива всех

сорт. Жителей Курганска и его гостей радушно встречали платные туалеты, для них безостановочно вещали что-то громкоговорители, их любили таксисты и боялись тощие вокзальные псы. Одним словом, большая светлая жизнь простиралась перед ними, а Эльку впереди ожидала полная неизвестность.

Черныш направил ее к незакрывающимся двустворчатым дверям. В толчее можно было попытаться незаметно сунуть записку первому встречному, но вряд ли кто-нибудь из этих торопящихся людей обратил бы на нее внимание. Записка у Эльки была всего одна, значит, шансов на спасение ровно столько же, так что следовало действовать наверняка.

Высоченный вестибюль встретил вошедших гулом голосов, среди которых выделялись то нетрезвый мужской гогот, то визгливые бабские причитания, то звонкий детский плач. На этот шум накладывались громогласные объявления диспетчера.

В самом центре зала торчали три милицейских богатыря, выискивающие в толпе достойных кандидатов для своих молодецких забав, главными из которых являлись досмотр багажа и проверка документов. «А не установить ли вашу личность, любезные?» – вопрошали милицейские взгляды у всех проходящих мимо, и каждому хотелось поскорее отвести глаза и убраться от поста подальше. Поэтому вокруг милиционеров постоянно сохранялся пятачок абсолютно свободного пространства.

Поймав взгляд одного из стражей порядка, Элька красноречиво подмигнула ему, сообразив, что после такого неординарного знака он уже не выпустит ее из виду. При этом она шагала прямо на дозор, что очень не понравилось Чернышу.

– Куда прешь? – прошипел он, сжимая ее локоть и незаметно отесняя в сторону. – Даже не надейся, что мусора тебе помогут. У меня денег откупиться от любого дяди Степы хватит, учти.

– Так вон же телефон-автомат! – ткнула Элька пальцем в противоположный конец зала. Разговаривала она излишне оживленно и громко, а в кулаке свободной руки сжимала записку, заранее извлеченную из кармана.

Теперь уже все три милицейские головы были повернуты в ее

сторону. Стас за ее спиной занервничал.

– Заткнись, падла! – потребовал он, учащенно дыша мятой.

– Молчу-молчу, – согласилась Элька поспешно. – Ведите, куда хотите.

За время своей тирады она успела еще дважды подмигнуть наряду, и теперь маленький отряд неспешно направился в сторону странной компании.

– Присматривай за ней, Стас, – скомандовал Черныш вполголоса и, неожиданно оставив Элькину руку в покое, решительно зашагал навстречу милиционерам. На ходу он спрятал в один карман цилиндрок электрошокера, а из другого извлек какое-то удостоверение.

Элька увидела, как он поводил книжицей перед насторожившимися милицейскими носами, оглянулся, указал на нее и что-то загудел хорошо поставленным баритоном. Наверняка заливал байки про задержание опасной преступницы.

– Умылась? – злорадно хохотнул Стас. – У меня тоже корочка сотрудника ФСК имеется. Так что не дергайся, крыса!.. Эй, стой! – встревожился он, когда Элька, оставив в его пальцах клочья вырванного белого меха, неожиданно вырвалась и зашагала вперед, решительно стуча внушительными подошвами своих ботинок.

Если бы она ринулась наутек, Стас без труда настиг бы ее и задержал. Но поведение Эльки сбilo его с толку. Она направилась напрямик к Чернышу, сама ухватила его под руку и строго сказала милиционерам:

– В чем дело, мальчики? Это мой муж. У вас к нему какие-то вопросы?

Растерялись и постовые, и Черныш, ожидавший от Эльки какого-нибудь подвоха, но никак не поддержки. После только что рассказанной им легенды эти супружеские претензии прозвучали по меньшей мере странно. Три милицейские головы недоуменно переглянулись, посомневались немного, но все же пришли к единодушному мнению – не вмешиваться в чужие дела, будь они хоть семейной, хоть действительно государственной важности.

– Нет у нас вопросов, – признал полный лейтенант, которого Элька

огорошила своими подмигиваниями. Вид у него был такой, словно он только что сильно ударился головой.

— А у нас есть, — весело прощепетала Элька и заглянула в ставшие совершенно оловянными глаза Черныша: — Правда, милый?

— Вопросы? — Лейтенант наморщил лоб. — Какие еще вопросы?

— Только один, — успокоила его Элька. — Сколько на вокзале телефонов-автоматов?

— Она шутит, — вмешался Черныш, к которому наконец вернулся дар речи.

Он ловко развернул Эльку на сто восемьдесят градусов и повел ее прочь. Но она оказалась еще проворнее, успев незаметно сунуть в вялую милицмейскую руку свое послание. Теперь оставалось уповать лишь на то, что лейтенант не выйдет из строя от перенапряжения.

— Ты зачем вмешалась, курва? — шипел Черныш, увлекая Эльку подальше от наряда. — Кто тебя просил?

— Я хотела помочь, — оправдывалась она.

Присоединившийся к ним Стас сунул в рот целую пригоршню ментоловых лепешек и, азартно чавкая, предложил:

— Сматываться нужно, шеф. Слишком шустрая эта крыса. Удрать хочет, тут и к гадалке не ходи.

— А мы ей пыл сейчас немножечко охладим, — пообещал Черныш, лавируя с Элькой между снующими в разных направлениях людьми. — Она у нас шелковая станет. Тихая и смирная, как овечка.

Они свернули в закуток за газетным киоском, где не было никого, кроме прикорнувшего на полу мужчины без обуви и носков, но зато с пустой водочной бутылкой в руке. С обложек журналов и газет на пришедших дружно уставились четыре Владимира Путина, три киноактера с незапоминающимися фамилиями, две Аллы Пугачевой (с Филей и без), один цветной (но очень маленький) Борис Абрамович Березовский, черно-белый (хотя и крупный) Зюганов и целый гарем голых девочек.

«Я ХОЧУ ВИДЕТЬ РОССИЮ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ» – это высказывание было набрано таким крупным шрифтом, что сразу бросилось Эльке в глаза, но она так и не успела определить, кому именно из пестрой компании оно принадлежит.

Черныш завладел ее правой рукой, отделил мизинец от остальных пальцев и предупредил:

– Сейчас я сделаю тебе больно, но это пройдет. А вот если закричишь, останешься инвалидом на всю жизнь!

Щелк! Ее мизинец круто выгнулся вверх, да так и остался торчать деликатно оттопыренным. Совершенно потрясенная случившимся, Элька даже не успела испугаться как следует, а ощутила сразу боль, от которой вокруг нее произошло кратковременное затемнение.

– Вы сломали мне палец! – произнесла она сдавленно. Громче не получилось – расторопный Стас вовремя прихватил ей горло пятерней.

– Тоже мне открытие! – насмешливо сказал Черныш, откровенно любуясь болезненной гримасой на Элькином лице. – Конечно, сломал. И это только начало. – Он взялся за безымянный палец.

– За что?

– За резвость. За излишнюю общительность.

– И вообще! – значительно вставил Стас.

– Я больше не буду, – пообещала Элька, жмуря глаза все сильнее по мере того, как Черныш выгибал ее палец вверх.

– Конечно, не будешь, – согласился он. – Когда человеку становится больно, он в корне меняется. Проверено практикой.

– Вот сейчас возьму и брякнусь в обморок. – Элька пыталась бодриться. – Ищите тогда сами нужную ячей...

Щелк! Второй сустав уступил нажиму Черныша, и обещанный обморок действительно случился, но длился он недолго и прошел в вертикальном положении, потому что Эльке не позволили опуститься на пол. Она беззвучно заплакала.

– Кстати, насчет ячейки, – невозмутимо сказал Черныш, когда увидел по Элькиным глазам, что она в состоянии воспринимать его слова. – Ты ведь нам соврала, признайся! – Он на ощупь отыскал ее средний палец и сжал в кулаке.

– Соврала, – прошептала Элька. Ей ужасно хотелось поникнуть головой, но пятерня Стаса по-прежнему держала ее за горло, упираясь в подбородок.

Это был конец. Даже зная, что наградой за откровенность будет смерть, она не находила в себе сил противостоять пыткам и уже готова была везти своих мучителей к настоящему тайнику.

– Я раскусил тебя сразу, – похвастался Черныш. – Никакой шифровки в телефонной кабине нет, верно?

– Верно.

– А номер ячейки и код ты знаешь наизусть, так?

– Так, – сказала Элька, торопясь избежать третьего перелома.

– Вот и ведем нас туда, вместо того чтобы морочить нам головы...

– И яйца! – с удовольствием добавил Стас.

– Да, и яйца, – согласился Черныш.

Это были его последние вразумительные слова, потому что короткой передышки, которую получила Элька, хватило ей для того, чтобы собраться с духом и возобновить борьбу за свою жизнь. Чуток не дождал ее Черныш. Самой малости не хватило – еще одного сломанного пальца.

Как только Стас оставил в покое Элькино горло, намереваясь пристроиться за ее спиной, она пронзительно завопила и изо всех сил толкнула его на газетный киоск. Ее вопль был настолько интенсивным, что даже бывалый Черныш с его грозным удостоверением оторопел, как сопливый новобранец, впервые услышавший душераздирающий визг мины над головой.

Разбитое стекло еще не успело осыпаться всеми своими осколками на застрявшего в витрине Стаса и только-только затеяло перезвон на

полу, а Элька уже метнулась прочь, продолжая верещать, как перемкнутая автомобильная сирена.

Одни люди испуганно расступались, другие застывали столбами, а навстречу бегущей девушке в белой шубке и преследующему ее мужчине в распахнутом буром пальто катилось целое камуфлированное воинство, поднятое по тревоге на борьбу с терроризмом.

Основные силы спецназовцы бросили против бурого пальто, трусливо повернувшего вспять, и присоединившейся к нему серой кожанке пилотского покроя, над которой маячила порядком окровавленная голова. Этих двоих уложили на пол без единого выстрела, и они еще долго дергались под градом ударов, которыми спецназовцы снимали с себя стресс.

Лишь двое бойцов вели преследование приметной белой шубки, принадлежащей, по оперативным данным, заложнице, сумевшей предупредить милицию о готовящемся взрыве. Шубка оказалась не только героическая, но и на удивление проворная. Лавируя между встречными-поперечными, там и сям белея одиноким парусом среди взбудораженной толпы, она успела выскочить на перрон и даже едва не нырнула под стоящий вагон поезда Курганск—Адлер. Но на открытом пространстве спецназовцы сумели продемонстрировать отличную физическую и боевую подготовку, перехватив шубку и прижав ее к грязному асфальту сразу двумя бронежилетами и трехэтажными матами.

Выяснилось, правда, что под дорогим песцовым мехом скрывалась никакая не заложница, а чумазый цыганский подросток, притворявшийся, что он ни слова не понимает по-русски.

Пока происходила вся эта суматоха, на привокзальную площадь быстрым шагом вышла высокая девушка в узких голубых джинсах и пушистом свитере, надетом явно не по сезону. Обратившись к первому попавшемуся извозчику, она попросила отвезти ее на заброшенную овощную базу в другом конце города, честно предупредив, что рассчитаться сможет только натурой.

Это водителя вполне устроило, как не смутило его ни явно зареванное лицо девушки, ни ее травмированная рука. А на то, что, когда машина тронулась с места, она пробормотала себе под нос: «Гуд-бай, Петя-Петушок», ему вообще было наплевать.

# Глава 25

## У каждой эры свои химеры

Петр понятия не имел, что происходит в большом мире, каков курс доллара на дворе и с каким счетом сыграл «Спартак» с «Локомотивом». Даже сегодняшнюю дату он не сумел бы назвать с приблизительной точностью. Когда исчезла Элька? Вчера? Позавчера? Петр не знал. Время потеряло для него всякий смысл. Реальными были лишь голод, жажда и боль, которые он испытывал в подвале.

По-настоящему за него еще не брались, так успокоил его Черныш. У шефа и без вашей шайки-лейки проблем полон рот, говорил он, а как освободится, то проблемы сразу начнутся у тебя!.. У тебя!.. У тебя! Он бил прикованного к трубе Петра всегда по печени, и кулак у него был поставлен что надо, чуть до позвоночника не доставал сквозь живот. А может, Петр просто отощал за последнее время, кто знает. Когда тебя по печени молотят, соображать начинаешь туго.

Вопросов Черныш никаких не задавал, вот что самое странное. Как будто все тут забыли про чемоданчик. Как будто главная цель визитов Черныша заключалась в том, чтобы получше запомниться пленнику, засесть у него в печенках. И, надо признать, это у него получалось.

Его подручные мутузили Петра без всяких фокусов – как попало, куда попало и чем придется. Ссадины и кровоподтеки он уже не считал, зато знал точно, что надколотых ребра у него три, переносица перебита, зубов отсутствует полтора, а из всех пальцев сломан только средний – Петр повредил его, когда нерасчетливо смазал по физии одного из своих мучителей.

Всякое прикосновение к поврежденному пальцу вызывало ощущение, очень похожее на то, которое Петр испытывал в душе, когда думал об Эльке. Ее отсутствие было для Петра главной пыткой, самой непереносимой. Каждый раз, когда сердце подсказывало ему, что с Элькой приключилась очередная беда, он пытался убеждать себя в



обратном. «Да такая боевая девчонка обязательно выкарабкается, – твердил он себе, – она пройдет огонь, воду и медные трубы и прилетит на крыльях, чтобы сказать...»

– Милый, – нежно вымолвили иссеченные, потрескавшиеся губы Петра.

– Это ты мне? – откликнулся явно не женский голос.

Медленно открыв глаза, Петр увидел перед собой ненавистную харю Мамонтова, которая возникла как раз на месте призрачного видения по имени Элька. Это было обидно. Стоило лишь увидеть ее во сне, как появился этот жирный ублюдок со своей кодлой и все испортил.

Но Петр не жаловался. Именно этого момента ждал он с того самого момента, когда окончательно понял, что затея Эльки с выкупом не выгорела. Он подозревал, что Мамонтов не удовлетворился пятьюдесятью тысячами. Такую ряшку сколько ни корми, все мало будет. Вернувшуюся с деньгами Эльку запросто могли кинуть в соседнюю камеру и там помаленьку выбивать из нее остальное. Имелись у Петра и другие предположения, но настолько мрачные, что он предпочитал ограничиваться именно этой версией. Ее ему вполне хватало, чтобы сердце постоянно ныло, как у какого-нибудь старика сорокалетнего.

План побега пришел к нему, когда он с тяжелым сердцем прохаживался вдоль трубы, к которой был прикован. Сидеть на короточках долго не удавалось: сильно затекали ноги, а еще сильнее – задранная вверх рука. Задница на голом бетонном полу мерзла очень уж быстро, и опять же подвешенная рука не позволяла засиживаться. Вот и приходилось гулять по камере, как декабристу какому-нибудь: пять шагов в один конец и ровно столько же в другой. Тонкая труба то тебе справа, то слева, не соскучишься. Свободный браслет ездит по ней с неприятным скрежетом, не позволяя забыть о себе ни на минуту. От стены к батарее и обратно. И вот у этой самой батареи Петр в один прекрасный момент замер, уставившись на него, как баран на новые ворота...

– Э, э! Не спи, скотина тупая! – прикрикнул на закрывшего глаза Петра один из двух мамонтовских охранников. – Шеф с тобой разговаривает, вилорог, а не со стеной!

Стенка... На ней висела чугунная батарея, поддерживаемая двумя мощными крючьями, которые крепились к оштукатуренной стене длинными штырями, загнанными в щели между кирпичами. И не будучи ясновидцем, Петр точно знал, что длина штырей восемьдесят миллиметров, а толщина – всего четыре, и сидят они в застывшем растворе, который бывает прочным, а бывает и нет, это в зависимости от того, в какой пропорции строители цемент с песком замешивали.

Батарей таких Петр за время практики в ПТУ установил никак не меньше сотни, и от того, что мастер называл их по-научному – радиаторами парового отопления, – никаких особых отличий между ними не наблюдалось, если не считать всяких там звездочек да сердечек, которыми метили свою продукцию ээки на зоне. Батарей, они и в Африке батареи, хотя, наверное, там в них нужды никакой.

– Вставай, ты, гамадрил занзибарский!

Сидевший на корточках Петр посмотрел на охранника, пнувшего его ногой. Зря тот это сделал. Еще пару часов назад – на здоровье, а теперь нет. Потому что в камеру явился гость долгожданный, Мамонтов Александр Викторович. И сидел он на своей любимой лавочке в каких-нибудь трех метрах от Петра. А батарея висела уже не на крюках, а поддерживалась лишь двумя трубами, протянувшимися вдоль стены. Трубы сильно прогнулись под тяжестью радиатора, наполненного горячей водой до последнего чугунного колена. И трубы эти были очень прочными, но крепеж их мало годился для подобных прогибов. Так что если соединить массу батареи с весом и силой Петра, то срок службы у них сразу кончится. Как у охранника, распускающего свои ноги.

– Поднимайся, животное! – заорал тот и опять ударил Петра своим красивым новеньким ботинком, которому недолго осталось топтать землю. Парень, видимо, увлекался зоологией, но слишком уж выслуживался перед своим хозяином, и это был его большой минус. Не говоря уже о том, что он ни бельмеса не смыслил в паровом отоплении.

Петр медленно поднялся на ноги и устоялся в пол, изображая понурую покорность судьбе.

– Неужели тебе не хочется пообщаться со мной? – подал голос Мамонтов.

– Лично мне сказать вам нечего, – произнес Петр тем слабым голосом, который хотелось услышать от него мучителям. – Я ничего не знаю.

– Разве я тебя о чем-то спрашиваю? – притворился удивленным Мамонтов.

– Не спрашиваете, так спросите.

– И что тогда?

– А тогда я все равно ничего не скажу, – буркнул Петр. – Потому что ничего не знаю.

Мамонтов хмыкнул:

– Твоя бойкая подружка предупреждала меня, что ты станешь геройствовать, и оказалась права. – Он ковырнул пальцем кровавую блямбу, оставшуюся на скамейке после одного особо задушевного разговора Черныша с Петром, внимательно осмотрел свой ноготь и сказал: – Но теперь это не имеет никакого значения. Для тебя все позади.

Петр не поверил своим ушам:

– Элька вернулась? С деньгами?

– Ох как мы всполошились! – неприятно засмеялся Мамонтов. – А я думал, тебе выдержки не занимать, герой.

– Где Элька? – спросил Петр, не желая слышать ничего, кроме ответа на свой вопрос.

– Ты хорошо держался, – продолжал Мамонтов, который отвечать ему явно не торопился. – Я бы даже предложил тебе работать на меня, да ты ведь не захочешь?

– Не захочу, – подтвердил Петр и как бы в задумчивости побрел вдоль стены, волоча по трубе браслет наручников.

– Ты куда, животное? – скучно спросил зоологически подкованный охранник. – Чего тебе на месте не стоит, бычара

сельскохозяйственный?

Второй был молчуном, он еще ни словечка не проронил за все пребывание в камере, зато умел смотреть, как одновременно двумя буравчиками дырывать.

Петру нравилась дверь, которую вошедшие закрыли за собой. Толстая, звуконепроницаемая, надежная. До этого момента она Петра только раздражала, а вот теперь, на тебе, вполне устраивала.

Дойдя до батареи, он подтянул браслет по трубе как можно ближе и эту же руку положил на горячий чугун. Второй рукой проделал то же самое, взявшись за крайнее колено батареи с противоположной стороны. Как будто собрался погреть озябшие ладони. А вместо этого вдруг как заорал!

Присутствующие оторопели, услышав этот рык, полный ярости и натуги. Они увидели, как пленник всем корпусом раскачивается у радиатора, и каждому из троицы одновременно показалось, что парень просто сбрендил в одиночном заключении и теперь затеял какую-то безумную пляску, а это было страшновато. Но по-настоящему им стало не по себе, когда они услышали неприятный металлический скрежет, увидели струи парящей воды, хлынувшей на пол, и обнаружили, что пленник, держа радиатор на обеих растопыренных руках, уже развернут к ним лицом. Смотрелся он при этом как чокнутый деревенский гармонист, только уж очень могучий, чтобы над ним посмеиваться.

Ловя на себе скрестившиеся взгляды, Петр понес тяжеленный радиатор прямо на зоолога, который стоял с помповым ружьем у дальней стенки. Пустой браслет, соскочивший со сломанной трубы, свободно болтался на его руке, а второй мертвой хваткой вгрызся в запястье, но к этой боли Петр успел привыкнуть. Она донимала его не так сильно, как тревога за Эльку.

– Стой, козерог! – Ружье наконец начало догадываться, что пора занимать оборонительную позицию, да только слишком долго оно раскачивалось.

Даже не приостановившись, Петр впечатал охранника в стенку. Охранник выпустил изо рта сгусток крови и съехал на пол вдоль стены. Обрушившийся радиатор вмял помповое ружье в бетон, как будто оно

было игрушечным, сработанным из мягкой жести на потеху детворе.

Еще не успел отзвучать этот грохот, как Петр метнулся к парню, вооруженному пистолетом. Лицо у того было перекошено так, словно батарея упала ему на ногу, и теперь он только и мог, что беззвучно губами шевелить да тыкать в Петра стволом, показывая этим жестом: не подходи... не подходи...

От размашистого удара куда-то в левый висок голова у него чуть не оторвалась, шейный позвонок хрустнул. Пока охранник ронял пистолет и падал, ему, уже бесчувственному, досталось еще дважды, и последний удар вынудил болтающуюся как попало голову приложиться темечком об стену. Когда молчун занял позу, очень похожую на ту, в которой сидел его разговорчивый напарник, в его открытых глазах застывало последнее удивление. Он не ожидал, что умрет так просто и так неожиданно.

Петру рассиживаться было некогда. Вооружившись пистолетом, он показал Мамонтову жестом, чтобы тот с лавочки покамест не вставал, продолжал отдыхать, а сам ознакомился с нехитрой системой взвода трофейного оружия. Оттянул затворную планку, сдвинул флажок предохранителя и лишь потом посмотрел на Мамонтова уже с настоящим вниманием. Тот явно страдал из-за того, что не может сделаться маленьким и незаметным, только кто виноват, что он отъел такую заметную ряшку и огромной тушей обзавелся?

– Где Элька?

– Жи... живая она.

– Веди к ней, – сказал Петр. Ему вдруг стало так легко, словно он груз еще одной чугунной батареи сбросил.

– Она не здесь. – Голос у Мамонтова был почти таким же тоненьким, как сипение и писк, доносящиеся из его взволнованной груди.

– А где?

– Сбежала. Забрала все деньги и сбежала. Но в тот же день ее на границе повязали. – Мамонтов схватился за сердце, как будто распереживался за судьбу девушки. – Сегодня утром телерепортаж был.

Петр посмотрел на него задумчиво, поднял пистолет повыше и

мрачно признался:

– Не верю я тебе ни хрена. Врешь ты все, жирный.

– Да зачем же мне врать, господи?

– А по привычке, – буркнул Петр. – Ведь в вашей коммерции без вранья никак, так что бога можешь не поминать. Нет у меня к тебе веры, жирный.

– Я готов доказать! – взвизгнул Мамонтов, вынужденный заглядывать прямо в дуло направленного на него пистолета. Пулю в темной дырочке он не видел, но точно знал, что она загнана в ствол, и от этого тон его был неподдельно искренним.

– Какие же у тебя доказательства? Всякие честные слова небось? – Петр пренебрежительно наморщил нос.

– Нет! Не честные! В смысле, не слова! У меня видеокассета есть. Мне всегда утренние новости записывают, потому что сплю я. Долго сплю. – На щекастую физиономию выдавилась робкая извиняющаяся улыбка.

Петр ответной улыбкой Мамонтова не порадовал, но и не застрелил пока, а это было уже немало. Подойдя к массивной двери, он избавил ее от засова, открыл, выглянул в пустой коридор и сказал:

– Иди сюда. Сейчас кричать будешь. Громко.

– Кричать? – Мамонтов сполз со скамейки на пол и неуверенно покачивался на ногах, как будто за время беседы с Петром совершенно разучился ходить. – Почему кричать? Ты... вы... убивать меня будешь?.. будете?

– Еще нет, – успокоил его Петр. – Побудешь немного моим парламентаром... Выйди в коридор и стань напротив двери.

– Ты только не стреляй, – жалобно попросил Мамонтов, когда шагнул за порог камеры, неотступно провожаемый пистолетным стволом. – Я убежать не стану.

– С такой сракой не побегаешь, – согласился Петр. – Ты просто стой на

месте и кричи погромче. Чтобы слышно получалось и понятно. Сумеешь?

— Я постараюсь... А что кричать? Кому?

— Там, в конце коридора решетка, а за ней часовой сидит, оружие стережет, — напомнил Петр. — Я видел его, когда меня сюда заводили. Вот его и зови. Пусть идет хозяина выручать.

Мамонтов слегка растопырил руки, задрал голову и разинул рот, сделавшись похожим на исполинского петуха, приготовившегося закукарекать.

— Погоди, — поморщился Петр. — Слушай дальше и запоминай... Пусть принесут видак, телек и ту кассету, про которую ты говорил. И еще переноску... ну, провод такой длинный, потому что в камере ни одной розетки нет. Вот. В общем, пусть всю эту беду принесут и подключат, но без всяких фокусов, потому что убивать в случае чего я тебя первого стану. Понятно?

— Ага. — Мамонтов кивнул с таким бодрым видом, словно его обрадовала эта перспектива.

Как только он опять собрался звать охранника, Петр остановил его сердитым окликом:

— Не спеши, торопыга. Это еще не все. Еще вода мне нужна. И оружие. Что там в вашем арсенале имеется?

— Да все, что угодно, — похвастался Мамонтов. — Гранаты всякие, в том числе и противотанковые... Пистолеты, винтовки, автоматы... Даже ручной пулемет есть, «дегтярь»...

— Вот пулемет мне тоже потребуется, с патронами, полный боекомплект. И пара гранат, этих самых, противотанковых. Выбираться-то отсюда не с пустыми руками придется, а? Как думаешь, жирный?

Мамонтов пожал плечами. Затея с пулеметом ему определенно не понравилась. Находиться под прицелом маленького пистолета было все-таки как-то спокойнее.

— Пусть твои охраннички сносят все это сюда и складывают у двери,

причем по одному. Предупреди их, что если кто-то геройствовать станет, то хозяин этого уже не оценит.

— Хозяин? — Мамонтов озадаченно покосился на Петра.

— В смысле, ты, жирный... В общем, чтобы потом все наверх сразу убрались и попрятались в щели, как тараканы. Кого увижу, буду косить без разбора, так им и передашь.

— Все? — спросил с надеждой Мамонтов, который очень боялся что-нибудь забыть или перепутать.

Впервые за многие годы ему хотелось быть таким же исполнительным, как в молодости, когда он являлся вторым секретарем районного комитета комсомола и весил на сорок килограммов меньше. Теперь, тяжелый, постаревший и понурый, стоял Мамонтов посреди подвала, сооруженного по его приказу, и не мог избавиться от неприятной мысли, что те люди, которым придется волочить его в гробу на кладбище, станут мысленно проклинать его последними словами за то, что он такой громоздкий и неподъемный.

— Что? — испуганно встрепенулся Мамонтов, сообразив, что парень с пистолетом обратился к нему, а он ни черта не услышал, занятый своими скорбными мыслями.

— Спрашиваю, в подвале больше никого, кроме часового при оружии? — проворчал Петр.

— Никого. — Мамонтов посмотрел на раскинутые ноги одного из убитых охранников, которые виднелись в проеме открытой двери, и печально повторил: — Никого.

— Вот так пусть и будет, когда мы выходить станем. Но там, у дальней стеночки, — Петр показал пальцем в торец коридора, — желаю видеть Черныша, дружка твоего закадычного.

— Не друг он мне! — возмутился Мамонтов. — Подчиненный, не более того! Я от него давно избавиться собираюсь, надоел он мне.

— Ты мне тоже надоел, — холодно сказал Петр. — Так что кричи, жирный. Во всю глотку кричи!





«А теперь предлагаем вашему вниманию репортаж об очередной успешной операции, проведенной сотрудниками таможенной службы», – сказала девушка, выглядевшая на экране японского телевизора такой привлекательной и яркой, что, наверное, свое обычное зеркальное отражение воспринимала как некачественную фальшивку. Костюмчик у нее был деловой, вид и тон – деловитые.

Ее предложением заинтересовался только один зритель из четверых, находившихся в помещении. Его синие глаза так и впились в экран, словно он намеревался очутиться за ним, в гуще телевизионных событий. Невероятно толстый мужчина, усаженный на пол, смотрел больше не на телевизор, а на синеглазого парня, в основном на пистолет в его руке. На полу сидели еще двое, но этим было вообще без разницы, куда пялиться, в потолок ли, в стену. Никакие новости их не интересовали. Пуль они уже не боялись. Окружающая жизнь воспринималась ими с холодным безразличием.

В кадре возникли зеленые железнодорожные вагоны, а на их фоне мужчина в загадочной форме, при не менее загадочных погонах и шевронах. Ветер трепал его волосы, и длинные жидкие пряди, зачесанные через лысый череп от уха до уха, неопратно телепались над его головой. Вместо того, чтобы немедленно надеть фуражку, он поднес ко рту микрофон, напоминающий формой эскимо на палочке, и приподнял над ним усы, как будто собирался отхватить сразу половину.

«Не так давно, значить, в результате рейда, проводимого нами, значить, на приграничной железнодорожной станции была задержана жительница Украины, пытавшаяся вывезти из России, значить, более трех миллионов долларов США».

После этого вступления вооруженный пистолетом парень по имени Петр вообще перестал что-либо слышать. Сидел и смотрел.

Перед его застывшим взглядом возник крупным планом знакомый серый чемоданчик, доверху набитый серо-зелеными пачками денег. Его сменила сгорбившаяся на стуле девушка, старательно заслоняющая лицо волосами и руками. Петр сразу узнал ее. Ведь для него она была единственной девушкой на планете.

– Останови, – потребовал он.

Кадр застыл, подчинившись кнопочке на пульте, который держал Мамонтов. Фигурка девушки сделалась слегка расплывчатой. Из-за того, что по экрану изредка пробежала волнистая рябь, она казалась утопленницей.

– Вот такое кино, – осторожно подал голос Мамонтов. Не дождавшись сердитого окрика, он слегка осмелел и продолжил свою мысль: – Выходит, кинула тебя Элька. И меня тоже кинула. Обычное дело. Женщины, они... Эх! – Он только махнул рукой.

Петр продолжал упорно молчать, потому что боялся выдать себя дрогнувшим голосом. Ему, который, не пикнув, вынес все пытки и побои в мамонтовских застенках, теперь было нелегко сдержать две слезинки, просящиеся наружу из потемневших глаз. Одна слезинка – обида на Эльку, горше не бывает. Вторая – любовь, эта была жгучей, как соль на свежей ране.

– Да не переживай ты так из-за этих бабок! – посоветовал Мамонтов с веселой злостью. – Фуфло это, а не баксы!.. Химера!

– Что за химера? – угрюмо спросил Петр, продолжая смотреть на экран. – Объясни.

Мамонтов, толстую шкуру которого так и не продырявила ни одна пуля, делался все более развязным, говорливым.

– Это вообще-то чудище такое, – охотно поведал он, развалившись на полу. – А в переносном смысле: фантазия, неосуществимая мечта. Понял?

– Не очень, – признался Петр.

– А вот ты дальше смотри...

Мамонтов снял изображение с паузы, после чего пригорюнившуюся Эльку сменила деловитая девица в студии. Косясь на листок бумаги перед собой, она доложила хорошо поставленным, проникновенным голосом: «По предварительной оценке экспертов, конфискованные доллары являются поддельными. Это рекордно крупная сумма фальшивых денег, обнаруженных правоохранительными органами в

текущем году. Заказчиков и изготовителей еще только предстоит найти, а что касается жительницы Украины, выполнявшей роль курьера, то ее ждет срок заключения от пяти до семи лет... Вы смотрите последние новости. В студии Алена...»

– Убери Алену эту, – распорядился Петр.

Видеомагнитофон послушно выключился. На телеэкране возник черно-белый стадион, набитый истощенно вопящей публикой. На сцене посреди поля перемещались крошечные фигурки музыкантов, похожих издали на жучков.

– Вот тебе и чемоданчик с баксами! – резюмировал Мамонтов, приглушив звук. При этом он крякнул так раздосадованно, как будто тайне надеялся, что при повторном просмотре сюжета финал окажется иным.

– Разве в них дело? – тоскливо спросил Петр. – В баксах?

– А в чем? – удивился Мамонтов. – В девке этой брехливой? Так ты плюнь и забудь! Жизнь ее теперь сама накажет. Тебе же лучше: не придется руки об нее марать. Радуйся, герой. Все путем!

– Она не девка! – яростно крикнул Петр. – Еще раз назовешь ее так и навсегда здесь сидеть останешься, как твои охранники! Советчик выискался! Чему я должен радоваться?! – орал он, до предела напрягая надсаженное горло. – Чему? Я ведь любил ее!.. Люблю!..

Петр внезапно успокоился, взял себя в руки. Он и так порядком подрастерял силы в застенках, не время было тратить их понапрасну.

– Что они поют, знаешь? – Он кивнул на экран, где надрывались у микрофонов симпатичные пацаны с гитарами. – Что за «кинь бабе лом»?

– «Can't buy me love», – услужливо пояснил Мамонтов на некачественном английском языке, ненавидя себя за подобострастный тон. – Песня моего детства. В ней поется, что любовь, мол, не купишь, а потому деньги и на хрен не упали.

– А сам ты как полагаешь?

– Я? – удивился Мамонтов.

– Можешь не отвечать, – махнул на него рукой Петр. – С тобой и так все ясно. И гитаристов этих выруби. Сами небось деньги на сцене зашибали, а туда же...

Экран погас, и он подумал, что мрак, который скопился у него в душе, потемнее будет. Сплошной. Непроглядный. Одна-единственная искорка там слабо мерцала, как случайная звезда в черном небе, и звалась она просто: Элька. Нельзя было дать ей погаснуть, никак нельзя. Иначе только потемки и останутся.

Мамонтов поглядывал на него издали, сочувственно сипя легкими, которые иногда производили звуки, похожие на всхлипы прохудившейся гармошки. Что-то в нем неладное творилось, неясное что-то просыпалось, смутное, как детские воспоминания, в которых мальчик Саша однажды подарил папино пальто безногому инвалиду. Он ловил себя на мысли, что ему хочется перебраться на скамейку, поближе к Петру, сесть рядышком с этим большим сильным парнем и закручиниться точно так же. Поискав слова утешения, он так ничего путного и не придумал, а потому предложил:

– Слышь, я ведь денег могу тебе дать, если хочешь. Моральный ущерб и все такое. Штуки две... даже три... Но ты ведь гордый, а? Откажешься?

– Гордый, – подтвердил Петр, вскинув голову. – А деньги все-таки возьму, если не шутишь. Мне теперь много надо. Эльку искать стану. Может, помочь ей как-то удастся...

Мамонтов посмотрел на него с изумлением и произнес, сокрушенно качая головой:

– Глупо ведь! Ох и глупость же ты затеял!

Неясно было только, чего больше в его тоне: осуждения или уважения.

А Петр все же успел незаметно проронить свои две слезинки. И не собиравшись поворачиваться к заложнику раньше, чем они полностью высохнут на глазах.

\* \* \*

В опустевшей камере остались только мертвецы. Живые охранники затаились где-то впереди, их не было ни видно, ни слышно, но Петр ощущал их присутствие кожей, нутром, как крыс, которых всегда чуял за версту.

Четвероногих крыс он, честно говоря, побаивался. Двunoгих – нет.

За поясом у Петра торчал пистолет со звездочками, вытисненными на рифленой рукоятке. Куртка нараспашку, доставай пистолет и стреляй, если кто на пути встанет.

В каждом боковом кармане куртки по большущей гранате. На вид – пузатые импортные бутылки с длинными горлышками, но та смесь, которыми они были начинены, людей должна была валить с ног похлеще любого заморского пойла. Дергаешь колечко, внутри щелкает хитрая пружина, заставляя ударник пристукнуть по пистону. Тут и загорается огнепроводный шнур, шипя, вспыхивает окись свинца и пентолит. Главное, не забыть гранату с выдернутой чекой вовремя подальше швырнуть.

Обе руки Петра были заняты ручным пулеметом, ствол которого почти упирался в спину бредущего впереди Мамонтова. Петр разобрался с этим агрегатом довольно быстро. В металлической коробке свернулись змеями две соединенные ленты, на сотню патронов каждая. Достаточно было сунуть конец одной ленты в приемник, опустить крышку коробки и флажковый предохранитель. Все это Петр уже проделал. Теперь нес пулемет перед собой и смотрел на Черныша, мающегося в конце коридора.

– Ложись-ка на пол, – предложил он Мамонтову, когда до начальника охраны осталось метров семь, не больше. – Штука мне незнакомая, не знаю, как себя поведет. А опробовать надо... Надо? – спросил он, повысив голос, у Черныша, которого спустили в подвал по распоряжению шефа.

– Нет никакой необходимости, – быстро ответил тот. – Пулемет пристрелянный, безотказный. Полторы минуты непрерывного огня.

– Так много не понадобится, – пообещал Петр, перехватив тяжелое оружие поудобнее. – Секунд десять постреляю и хватит.

– В ме..? В ме..?

– Мэ-э! – передразнил его Петр.

Пулемет завибрировал, загрохотал, притворяясь, что хочет вырваться из стиснувших его рук, а на самом деле радостно подчиняясь малейшему их движению. Черныш что-то кричал, но голос его утонул в шуме, как слабый крик чайки, заглушенный штормовым шквалом. Не меньше двадцати пуль выпустил Петр перед собой. А когда перестал жать на гашетку, потряс оглохшей головой и прищурил глаза, разьедаемые пороховой гарью.

Он выстроил выпущенную очередь так, как и собирался: аккуратной аркой от левой стены до правой, над самой маковкой Черныша. Только тот уже не стоял, а валялся на полу, с головы до ног обсыпанный штукатуркой, как мельник мукой. Этой самой штукатурки выворотило из стены что-то около ведра. Когда это крошево летело в Черныша, он, видать, принимал каждый камешек за пулю, и теперь от него тянулся густой запах, теплый, как пороховой дым, но гораздо более вонючий.

– Вставай, – буркнул Петр. – Не ты! – сердито прикрикнул он на Черныша, приподнявшегося на четвереньки. – Ты и дальше валяйся в своем говне! Ты вставай! – это адресовалось Мамонтову, как и пинок в толстую ляжку.

Мамонтов поспешно вскочил. Черныш так же поспешно упал. Дегтярев В.А. знал толк в дрессуре человеческих особей.

Миновав провонявшего начальника охраны, Петр заставил Мамонтова остановиться у лестницы, ведущей наверх, и прислушался. Там было слишком тихо, чтобы этой тишине можно было доверять.

– Бойцы у тебя дисциплинированные? – спросил Петр у Мамонтова. – Выполнили приказ попрыгать по щелям и норам?

– Должны. – Это прозвучало не очень уверенно.

– А дом прочный?

– Наверное. – Голос у Мамонтова упал.

– Сейчас проверим, – пообещал Петр, извлекая из кармана гранату. –

И то, и другое.

Он вырвал чеку, чуток помедлил и зашвырнул свой взрывоопасный гостинец вверх.

Лестницу тряхнуло, гул пошел по пролету, а потом вниз осыпался всякий мусор, среди которого обнаружилась почти неповрежденная кроссовка с ошметками бывшей ноги. Она дымилась.

Когда Мамонтов вспомнил, что он еще жив, а потому ему полагается дышать, перепевы его бронхов стали напоминать пиликание органа на высоких нотах.

– Крикни им еще раз, чтобы уходили, – предложил Петр, открыв и вновь защелкнув патронную коробку пулемета. – Надоело смотреть на кровь, на мясо. Пусть лучше уходят.

– Все пошли на хер! – заголосил Мамонтов со скандальными интонациями торговли, попавшейся на жульничестве с весами. – На хер, я сказал! У-би-рай-тесь!!!

– Молодец, – одобрил Петр. – Убедительно. Лично я бы послушался. А теперь идем.

Выстрел, прозвучавший за его спиной, заставил Петра развернуться с такой стремительностью, что он даже вздрогнуть как следует не успел. Черныш стоял на коленях и целился в него вторично из маленького черного пистолетика, который после потрясения ходил у него в руках ходуном.

Р-р-р! – коротко огрызнулся пулемет. Черныш в ответ не выстрелил. Ему стало нечем целиться. То, что осталось у него на плечах, головой назвать язык не поворачивался.

– Идем, – невозмутимо повторил Петр, пока тело с пистолетиком в руке еще только раскачивалось, не зная, в какую сторону ему повалиться.

На лестничной площадке, куда он поднялся вслед за Мамонтовым, в разных позах лежали два с половиной трупа – все, что осталось от засады. Один безногий, один с развороченной грудью, а на третьего Петр не захотел смотреть, чтобы, не приведи господь, не привиделся в

страшном сне.

Потом был пустой коридор со светильниками, которые задумывались на мраморных стенах как средневековые факелы.

– Красиво, – одобрил Петр. – Мне нравится.

Мамонтов, семенящий впереди, чуть не споткнулся, заискивающе заглядывая ему в глаза:

– Правда, нравится?

– Вперед смотри, – скупой улыбнулся Петр. – Физиономию еще расшибешь. Слуги не признают, выгонят на улицу к чертовой матери.

– Ха! Ха! Ха! – Лицо у смеющегося Мамонтова было удивленным. Он не ожидал, что сумеет смеяться после всего, что ему довелось пережить.

С этим веселым хохотом маленькая процессия вошла в громадный холл, где было так много зеркал, что одновременно крутиться перед ними смог бы целый кордебалет в полном составе. Но вместо танцовщиц Петр заметил здесь отражения двух мужских фигур и, легко обнаружив их подлинное местонахождение, запустил в их сторону витиеватую рокошущую очередь. Одного охранника вынесло наружу вместе с половиной красочного витража, а второго пули продырявили так же легко, как и плюшевое кресло, за которым он прятался.

Выведя Мамонтова в центр холла, где уже прогуливался холодный сквозняк, Петр велел ему остановиться и вздохнул:

– Ну вот, добрались. Теперь тебе опять покричать придется, не возражаешь?

– Я? – Мамонтов прижал руки к груди. Он не только кричать согласился бы, он и оперную арию закатил бы не хуже Паваротти, будь на то воля синеглазого парня с пулеметом. – Что кричать?

– Ну, для начала деньги пусть несут, которые ты обещал, это раз, – сказал Петр. – Во-вторых, пожрать чего-нибудь, сухим пайком. Ну, и лопату.

– Э... Лопату?



– Угу. – Петр поплевал на левую руку и принялся стирать с нее пороховой налет. – Мы с тобой вдвоем за город сейчас поедem, ты и я. Ты за рулем, я сзади. Засиделся я в разных темницах вонючих. Воздухом свежим хочу подышать.

– А лопата зачем? – Этот вопрос беспокоил Мамонтова больше всего, да так беспокоил, что все лицо его вдруг начало расплываться по воротнику, как перебродившее дрожжевое тесто.

– Узнаешь, – твердо пообещал Петр. – Очень скоро узнаешь.

Когда он вновь взглянул на Мамонтова, глаза его были уже не небесно-синими, а едва-едва голубыми, почти серыми и очень пасмурными. Словно все, что до сих пор стояло перед ними, лишало их живости и красок.

# Хэппи...лог

*Я выдумал всю эту историю после того, как наткнулся за городом на странную пару. Молодой высокий парень со светлыми волосами и его невероятно толстый спутник средних лет, одетый так импозантно, что лопата в его руках смотрелась дико, как, например, посох странствующего дервиша.*

*Это произошло на тринадцатом километре почти пустынного шоссе, ведущего из города в аэропорт. Не так давно на этом месте произошла перестрелка, в ходе которой погибли два человека, а потом тут было обнаружено еще два трупа, и я, прочитав об этом в криминальной хронике, прикатил сюда на своем стареньком «Форде», чтобы побродить по округе, набираясь свежих впечатлений для очередной книги.*

*Забрел я достаточно далеко, так ничего и не выходя, а когда повернул обратно и дошел до глубокой балки, обнаружил на противоположном склоне эту самую парочку, привлекающую мое внимание. Если бы толстяк оказался боссом, а парень – его телохранителем, я скорее всего не стал бы прятаться за кустом, а просто пошел бы своей дорогой от греха подальше. Но в том-то и дело, что роли у этих двоих были как раз противоположными: молодой распоряжался, а толстый подчинялся. Я перестал удивляться, когда заметил в руке парня пистолет, абсолютно не похожий на водяной.*

*Толстяк, как уже было сказано, орудовал лопатой, копая чуть выше кромки камышей яму, жутковато черневшую посреди жухлой травы. При каждом движении у него тряслись щеки, и, несмотря на промозглую сырость вокруг, они блестели от пота.*

*Присмотревшись, я решил, что это не пот, а слезы, а еще через минуту во мне возникла уверенность в том, что толстяк одновременно потеет и плачет. И тогда я догадался, что парень заставляет его рыть собственную могилу.*

Что я мог сделать в этой ситуации? Запустить в вооруженного парня своей только что изданной книжицей «Конь в пальто»? Загорланить: «Караул, убивают!»? Попытиться испепелить убийцу взглядом?

Может быть, я и воспользовался бы одним из доступных мне вариантов, а может быть, и нет. Не знаю. Во всяком случае, из кустов я еще некоторое время не высовывался, а потом необходимость в моем вмешательстве и вовсе пропала.

— На какую глубину копать? — плаксиво спросил толстяк. Он задыхался так сильно, что разговаривал буквально по слогам.

Парень заглянул в яму, одобрительно сказал:

— Достаточно. Теперь неси дубок и сажай.

Мне показалось, что я ослышался. Стоял поздний октябрь, кажется, 17-е число, какие, к черту, дубки можно сажать в эту пору? Толстяк тоже опешил:

— Дубок? Сажать?

— А для чего мы, по-твоему, саженцы в «Зеленстрое» покупали? Венички из них вязать, чтобы в баньке париться?

— Но зачем? — продолжал недоумевать толстяк, с трудом перегнувшийся через брюхо к маленьким зеленым деревцам, разложенным на газете, которую я заметил только теперь.

Один саженец он взял в руку на манер опахала, а второй остался лежать у его ног.

— А затем, что каждый мужчина должен построить дом, посадить дерево и вырастить сына, вот зачем, — сказал парень с сердитыми нотками в голосе. — Так меня батя учил. Это тебе не химера какая-то.

Толстяк, одновременно со мной понявший, что убивать его пока никто не собирается, позволил себе покапризничать:

— У меня уже есть дом! Лучший в городе!

– Ты не сам его строил, – возразил светловолосый парень с пистолетом.

– А ты свой дом построил? – язвительно пропыхтел толстяк, забрасывая корни деревца рыхлой землей.

– Представь себе, да! С батей. И деревьев мы с ним насадили – целый сад...

– И сын есть? – не поверил пузатый землекоп, когда перевел дыхание.

– Будет. Как разыщу Эльку, так сразу и будет.

Он сказал это так убежденно, что я ему сразу поверил: и девушку он свою найдет, и ребеночка ей сделает, не откладывая дела в долгий ящик. Такой уж у него был тон, и выражение лица соответственное.

– А я тут при чем? – пропыхтел толстяк, принявшись за вторую яму. Копал он уже довольно sporo, хотя и свистел легкими на всю округу.

– Будешь приезжать сюда, смотреть на свои дубки и думать, – жестко сказал парень.

– О чем думать?

– О том, как жить дальше. Чтобы если и без пользы другим, то и без вреда.

Толстяк воткнул лопату в землю, распрямился и раздраженно заявил:

– Никаких дубков тут не вырастет. Осень.

– Не веришь? – усмехнулся парень.

– Не верю!

– Ну и зря. Ты вот мне про химеру рассказывал, а я еще тогда подумал, что не бывает мечт... тьфу ты, мечтаний несбыточных. Нет никаких химер. Надо только захотеть сильно, вот все и

*получится. Верить надо уметь. Тогда, как загадаешь, так и будет...*

*Потом я незаметно удалился, но, уверяю вас, что эта сцена – чистая правда.*